Перекрёстки

N 3-4 / 2013

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Европейский гуманитарный университет

Европейский гуманитарный университет
Центр передовых научных исследований и образования (CASE),
проект «Социальные трансформации в Пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 3–4/2013
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Журнал включен в международные базы данных
EBSCO-CEEAS (Central & Eastern European Academic Source)
и Indexed in the MLA International Bibliography

Журнал выходит с 2001 г.

Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: perekrestki@ehu.lt

Формат 70x108$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,78. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153 Vilnius

Редакция не несет ответственности за предоставленную авторами информацию.

На обложке использован фрагмент картины Л.Д. Щемелёва «Окраина деревни Ячнево». 2007 г.

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Украина: никто не ожидал

Ирина Богачевская

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНА ВОПРОСА

Abstract

The article examines some of the aspects of the "issue price" of association with the EU for Ukraine and Ukrainians in the context of geopolitics. The place of Ukraine in geopolitical conceptions of Russia, Poland, the European Union and the United States is shown. It is argued that the question of Ukraine's European integration has a geopolitical character and is decided not by the Government of Ukraine, but by the countries which are the subjects of European geopolitics. The paper also analyzes the reasons which do not allow Ukraine to be an active subject of geopolitics.

Keywords: foreign policy scenario, geopolitical concepts, European integration, European geopolitics

В конце 2013 г. политические события на первые места в новостных программах ведущих мировых СМИ, всколыхнули мировую общественность. Эти же события заставили философов, политологов, социологов и прочих специалистов в сфере социальных отношений в очередной раз пересмотреть свое видение постсоветского пространства, особенно его территорий, граничащих с ЕС, в контексте геополитики. Стали видны просчеты мирового сообщества в восприятии геополитических амбиций России, очевидной стала необходимость пересмотра основополагающих принципов европейской безопасности.

Перед Вильнюсским саммитом все понимали, что решается не просто вопрос об ассоциации Украины с ЕС в формате двустороннего соглашения. С подписанием договора об ассоциации кардинально меняется геополитическая конфигурация Европы со всеми вытекающими последствиями –

экономическими, политическими, гуманитарными. Отказ президента Украины В. Януковича «платить слишком высокую цену за евроинтеграцию» привел к широкомасштабным протестам.

Аналитические структуры как Украины, так и зарубежья оказались неспособными спрогнозировать столь масштабный всплеск гражданской активности населения, болезненно пережившего последствия «оранжевой революции» 2004 г. и, казалось, навсегда разуверившегося в каких-либо формах протеста против власти. Однако граждане Украины вышли на площади заявить о своем желании интегрироваться в Европейский Союз без политических лозунгов, самоорганизовываясь через социальные сети, и первые две недели протестов подчеркнуто дистанцировались от любых политических сил. Гражданское общество впервые наглядно засвидетельствовало свое существование в Украине.

Украинская общественность не понимала, почему правительство В. Януковича, два года декларировавшее намерение добиться ассоциации с Евросоюзом и проделавшее определенную работу в этом направлении, без видимых причин спешно и кардинально поменяло внешнеполитические приоритеты, заявив, что «берет паузу по экономическим причинам», главной из которых называлась угроза разрыва экономических связей с Россией. Следует подчеркнуть, что украинское политическое руководство во главе с президентом В. Януковичем никогда не отличалось принципиальностью политических позиций. Так, решение относительно статуса русского языка менялось им семь раз, а по отношению к Североатлантическому альянсу – два.

В данной статье в контексте геополитики мы рассмотрим некоторые аспекты «цены вопроса» об ассоциации с ЕС для Украины и украинцев. Сложность подобного анализа даже не в том, что противостояние народа и власти, начавшееся перед Вильнюсским саммитом, еще не закончено и на момент написания этих строк Майдан в Киеве продолжает бессрочную протестную акцию, собирая каждые выходные сотни тысяч людей. И не в том, что политическая риторика склонна манипулировать явлениями разных масштабов и качества, смешивая их в пестрые конгломераты сиюминутных деклараций, распутывать которые представляется занятием бессмысленным и неблагодарным. Проблема в том, что события в Украине обнажили всю толщу «истории украинского вопроса», со времен Богдана Хмельницкого всегда стоявшего как конфликт имперских амбиций России и стремления украинцев к суверенитету.

Парадоксально, но, сыграв ключевую роль в распаде СССР и СНГ, Украина, получив независимость, оказалась вынужденной сосуществовать с новым государством – РФ, строящимся на совершенно иных принципах, нежели Российская империя, но пытающимся узурпировать традиционную экспансивную миссию. После распада Советского Союза З. Бжезинский писал: «Наибольшее беспокойство России принесла потеря Украины. Появление на карте независимого украинского государства не только заставило всех русских провести ревизию своей

политической и этнической идентичности, но и поставило на пути российского государства очень существенную геополитическую преграду»[1].

Но перед Вильнюсским саммитом судьба Украины снова решалась не в Киеве, не в Вильнюсе, Брюсселе или Вашингтоне, а, как всегда, в Москве. И решилась в пользу Российской Федерации. Поэтому В. Путин спокойно наблюдал за Майданом, пока был уверен в своем контроле над происходящим. Но опять простые украинцы, выстоявшие под натиском БТРов и водометов, свето-шумовых гранат и пуль снайперов, принесли Майдану победу.

Пока инертные структуры ЕС в сотый раз подсчитывали, как ничего не потерять от присоединения (очень далекого во временной перспективе) Украины к Европе, президент России, поняв, что Украина уходит из-под его влияния, не побоялся потерять имидж цивилизованного политика, нарушить международные договоры, пошатнуть всю концепцию мировой безопасности, сформированную после холодной войны, чтобы уничтожить «европейские амбиции» украинцев.

Последующие события оказались столь стремительными, что их еще долго будет осмысливать мир. Свой европейский выбор украинцы подтвердили трагической гибелью более 100 человек в результате вооруженных столкновений граждан с милицией и внутренними войсками. Этих людей в духе славных казацких традиций назвали «небесной сотней». Их оплакивали во всех регионах Украины. Но далеко не все захотели признать их героями.

Президент Янукович покинул страну, подписав достигнутый при участии министров иностранных дел Польши и Франции и наблюдателя со стороны России договор с оппозицией. Власть в Киеве перешла в руки единственного оставшегося легитимным государственного органа – Верховной Рады. Пропрезидентская Партия регионов утратила большинство, и в Раде была сформирована новая коалиция, в которую вошли три оппозиционные партии и внефракционные депутаты. Новое правительство создавалось по квотному партийному принципу, однако большинство в нем составляют представители партии Юлии Тимошенко «Батькивщина». Их лидера освободили из тюрьмы вместе с десятками жертв политических преследований со стороны свергнутой власти. Партия В. Кличко «Удар» от министерских портфелей отказалась. На 25 мая в Украине назначили внеочередные президентские выборы.

По всей стране прокатилась волна, сметавшая приверженцев экс-президента, который из Ростова-на-Дону призывал президента России В. Путина ввести в Украину войска и вернуть ему власть. Дворцовая резиденция Януковича, особняк экс-генпрокурора В. Пшонки и некоторых других высших чиновников были открыты для всех, и люди с изумлением осознали степень коррумпированности свергнутой клики.

Казалось бы, в очередной раз украинцы удивили себя и весь мир. Европа увидела: совсем рядом, в недемократической стране Украине нашлись люди, готовые отдать свои жизни за европейские ценности… Казалось бы, «революция

достоинства» произошла, нужно уводить людей с Майдана, проводить люстрацию, возрождать парализованную экономику и строить новое демократическое общество, мечтающее войти в Европу…

Но оказалось, что у В. Путина для Украины был заготовлен совсем другой геополитический сценарий. Он не был откровением для специалистов, но в возможность реализации такого сценария не могли (и не хотели) поверить ни западные аналитики, ни украинские граждане. Однако поверить пришлось.

Чем же Россия заставила Украину оплатить сегодня свой геополитический выбор? Почувствовав слабость центральной украинской власти, В. Путин «исполнил мечту русскоязычного населения Крыма» – с помощью фарса с референдумом (96,77% – «за») под дулами российских автоматчиков украинская Автономная республика Крым была присоединена к России. И Европа позволила ему это сделать. В свое время создатель украинского интегрального национализма Д. Донцов писал: «Каждое ослабление Европы – упадок ли Польши, ослабление Турции или Швеции – фатально отражалось на Украине. Украина под опекой Москвы – это Суворов в Варшаве, это донские казаки на площади Бастилии в Париже, это Паскевич в Вилагоше, это Брусилов в Карпатах, это Буденный на границах Румынии»[2].

Пророчество «идеолога бандеровцев» исполнилось с ужасающей точностью. Кубанские казаки оказались на улицах крымских городов. Военные без опознавательных знаков, но с новейшим российским оружием внезапно появились в Верховном Совете Крыма, блокировали украинские военные части, перекрыли въезд на Крымский полуостров с материковой части Украины. Автономную республику Крым возглавил марионеточный премьер-министр С. Аксенов, человек, получивший в бизнес-кругах, близких к криминалу, характерное прозвище «Гоблин».

Населению предложили в течение месяца определиться с гражданством. Этнические русские (по данным Первой Всеукраинской переписи населения 2001 г. составлявшие 58,3 % населения Крыма) в своем большинстве плакали от радости. Крымские татары (12,0 % населения) с ужасом стали готовиться к новой депортации. 24,3 % украинского населения Крыма, так же как и вооруженные силы Украины, заблокированные в местах дислокации, оказались заложниками в геополитических играх России.

После свершившегося многие задаются вопросом о причинах неготовности к подобным «пируэтам» внешней политики России, ведь Путин уже один раз продемонстрировал свое умение манипулировать и Востоком и Западом. Вспомним историю вступления страны в НАТО. Еще в 2002 г. была создана политическая платформа для сближения Украины и НАТО. В 1995 г. подписано соглашение о безопасности, в 1997 г. – «Хартия об особом партнерстве между НАТО и Украиной». Украинское правительство активно работало в этом направлении в 2002–2003 гг., когда была принята новая стратегия отношений с

альянсом, конечной целью которой должно было стать вступление Украины в НАТО. Но этого не случилось в первую очередь потому, что вступление в НАТО воспринималось не как способ демократического развития государства, а как орудие получения от России экономических преференций. Россия активно препятствовала сближению Украины и альянса, используя при этом все доступные средства из арсенала soft power. Несмотря на прозападную ориентацию правительства В. Ющенко, продвижение в НАТО фактически закончилось во время его каденции. А окончательно убили эту возможность победоносное участие России в войне с Грузией 2008 г. и подписание В. Януковичем Харьковских соглашений с Россией, продливших пребывание Черноморского флота России в Севастополе еще на 25 лет. Это сделало расширение НАТО на постсоветском пространстве практически невозможным. Внешнеполитический сценарий «сидения на двух стульях», попыток торговли с Россией с использованием манипуляций «европейским вектором» прочно утвердился в отношениях Украины с соседними странами. Но, как оказалось, он существовал ровно столько, сколько это позволяло руководство России.

Рассмотрим экономические препятствия на пути Украины к евроинтеграции. Вопрос был поставлен так: в результате подписания договора ЕС получает 46 млн потребителей своих товаров, а украинцы - таможенную границу для своего экспорта в Россию, что равносильно экономическому самоубийству.

Масштаб экономических связей Украины и России действительно во многом определяет экономику страны. Но проблема достижения реального экономического суверенитета не является неразрешимой. Современная история постсоветских стран знает пример успешной переориентации не менее долгосрочных и масштабных связей со «старшим братом», которые были успешно диверсифицированы Грузией за последние 10 лет благодаря, в первую очередь, политической воле тогдашнего руководства страны. Причем экономический, как и ресурсный, потенциал Грузии и Украины сравнивать просто не корректно. Аналогичный позитивный опыт имеет и Молдова. Однако, будучи российской марионеткой, В. Янукович всегда четко давал понять, что без «визы» В. Путина никакие договоры с ЕС не могут быть подписаны.

Проблема в том, что украинская правящая элита на деле никогда не была заинтересована в таком реформировании экономики, которое бы строилось по европейской модели и предполагало преодоление тотальной коррупции, инновационное развитие и непопулярные социальные меры. Экономическая политика Украины за 20 лет независимости никак не поддерживала ее суверенитет, наследство СССР не было использовано в интересах развития нации, а стало основой образования олигархических группировок, которые находятся в состоянии перманентного передела собственности и сфер влияния.

В реалиях марта 2014 г. Путин не оставил Украине иного выбора, кроме быстрого и жесткого проведения всех откладываемых десятилетиями реформ.

Причем под угрозой раскола страны финансируемыми Россией сепаратистами на юге и востоке и наличия более чем реальной перспективы введения российских войск на территорию «материковой Украины». Евросоюз предлагает правительству Украины финансовую помощь, кредиты МВФ и возможности модернизации экономики, которые позволяют (при наличии политической воли власти и вложении значительных материальных ресурсов) в средне- и долгосрочной перспективе принципиально решить экономические проблемы страны. И у нового правительства нет иных вариантов стабилизации развалeнной экономики.

Нельзя не согласиться с утверждением известного американского общественно-политического журнала «Foreign Policy» о том, что «украинцы изо всех сил стремятся в Европу, чтобы избежать белорусского сценария, которого они боятся как огня»[3]. Сбои путинских планов развития украинских событий объясняются различием ментальности русских и украинцев, на которые обращал внимание второй президент страны Л. Кучма, написавший книгу под символическим названием: «Украина – не Россия»[4]…

Украинцы не перестают удивлять экспертное сообщество непредсказуемостью своих протестных настроений. Не протестующие против падения жизненного уровня, коррупции, выборочного правосудия, бесконтрольности силовых структур и прочих реалий украинской действительности последних лет, люди вышли на площади отстаивать «свой европейский выбор», обещающий довольно туманные и отдаленные перспективы, к которым придется идти «затянув пояса». Не зря все чаще в СМИ звучит мнение, что геополитический выбор Украины – это выбор партнера, «который поможет увидеть и сформулировать перспективу» решения всех указанных проблем.

В то же время опасно было надеяться, что действия России не были результатом тонкого политического расчета, подкрепленного десятилетиями скрытого вмешательства во внутренние дела суверенной Украины.

Большинство патриотически настроенных аналитиков на протяжении последних 10 лет считало, что несмотря на пресловутый «геополитический разлом», разделяющий политические и культурные настроения украинцев по Днепру на «прозападные» и «пророссийские», значение которого муссируется внешними политическими силами, когда речь идет о территориальной целостности страны, население Украины реально объединяет достаточно «трудноуловимый» аналитиками фактор, приблизительно определяемый как «ментальность». Это примерно то, что теоретики украинства любят называть термином «свідомість».

Люди, формирующие гуманитарную политику государства, искренне верили, что «свідомих» украинцев с каждым годом становится все больше, особенно среди молодежи. С одной стороны, считалось, что молодые люди понимают, что в геополитике не существует такого понятия, как «дружба народов», не

испытывают ностальгии по Советскому Союзу как сверхдержаве, поскольку никогда не были его гражданами, к сожалению, практически не знакомы с великой русской культурой. С другой стороны, они в большинстве своем побывали за границей, общаются «без кордонов» со всем миром и, поскольку западный образ жизни для них не является «запретным плодом», не испытывают пиетета перед «ценностями евроатлантической цивилизации», видя не только позитивные, но и негативные их стороны.

Имено эти люди вышли на Майдан в Киеве, именно они самостоятельно объединяются сегодня в независимые от политических партий общественные организации. Эта креативная молодежь превратила Евромайдан не только в «территорию свободы», но и в уникальный арт-объект.

С ноября 2013 г. в Украине формировалось мощное гражданское движение, которое, возможно впервые в украинской истории, не делилось на «восток» и «запад», а объединяло людей с определенными представлениями о правах человека, личных свободах, формах и функциях власти, способах ее взаимодействия с людьми, которые, по сути, имеют универсальный, общечеловеческий характер. Для того чтобы мобилизоваться, им нужна была собственная голова и Интернет. Государственная власть била этих людей по голове милицейскими дубинками и стремилась контролировать средства их коммуникации, что только способствовало социальной мобилизации все большего количества украинских граждан. Есть надежда, что именно это движение будет определять на президентских выборах 2014 г. судьбу власти в Украине.

Но те же аналитики недооценивали российское присутствие в идеологическом поле Украины. Как только нарождающееся в недрах продажной и коррумпированной страны гражданское общество заявило о себе, проявили себя тысячи «агентов влияния» России, которые, как оказалось, занимали ключевые посты в украинском истеблишменте. Последствия их пророссийских действий украинцы начинают видеть только сейчас – развал силовых структур и армии, полное доминирование российской пропагандистско-информационной машины на юго-востоке страны и в Крыму. Украинцы с ужасом обнаружили, что ключевые посты в службе безопасности и генштабе последние годы занимали граждане России(!).

Аннексия Крыма подтвердила тезисы, озвученные в выступлении на Майдане в Киеве 7 декабря 2013 г. и многочисленных интервью бывшего президента Грузии М. Саакашвили. Он подчеркивал: «То, что происходит сегодня в Украине, – это политический рейдерский захват путинской Россией суверенного государства в центре Европы. Мы не вмешиваемся во внутренние дела Украины, но все понимают, что у Украины нет другого пути, чем в Европу, потому что это выбор принципов и ценностей», – подчеркнул М. Саакашвили в выступлении в Киеве 7 декабря 2013 г.[5]

В выступлениях М. Саакашвили прозвучала мысль, что вопрос о судьбе Украины – геополитический. Именно этот, с нашей точки зрения, абсолютно не вызывающий сомнений факт и привел к тому, что «украинский вопрос» встал на повестку дня правительств европейских стран, США, Китая – субъектов мировой политики, определяющих геополитический формат современности.

Экс-президент Грузии высказал мысль о том, что для того, чтобы у соседей России нормализовались отношения с Россией, она должна прекратить быть империей. В этом контексте процесс евроинтеграции Украины будет решаться не месяцы, а годы и десятилетия, до тех пор, пока Россия не прекратит быть империей. Украинцы сегодня все более осознают, что только тогда они смогут вернуть себе крымские территории. М. Саакашвили, анализируя внешнюю политику России по отношению к соседним странам, небезосновательно утверждал, что «у России сегодня нет границ, у нее есть только окраины»[6], и поэтому суверенитет всех бывших союзных республик воспринимается ею как исторический казус, который требует немедленного исправления. В отношении украинской крымской автономии эти слова М. Саакашвили уже сбылись. А мировое сообщество молчаливо развело руками: кто отважится противостоять обладателю самого большого в мире арсенала ядерного оружия?

Если проанализировать, кто из политиков и правительств поддерживал и поддерживает евроинтеграцию Украины реально, а не декларативно, мы увидим, что это прямо заинтересованные в ней страны восточноевропейского Пограничья: от Литвы и Польши до Молдовы. Экс-премьер Молдовы Влад Филат и Саакашвили выступали на Майдане Незалежности в Киеве вместе с делегацией Европейской народной партии. Их лидеры лучше всего понимают всю сложность и неоднозначность ситуации, в которой оказались и украинская власть, и украинский народ.

Польша традиционно считается «лоббистом» интересов Украины в Евросоюзе. В контексте геополитики Польши для ее идеологов Ю. Пилсудского, В. Бончковского, Е. Гедройца, Ю. Мерошевского, В. Мейбаума, Е. Незбжицкого Украина всегда имела приоритетное значение в контексте национальной безопасности Польши. Пилсудский сформулировал идею антироссийского союза Украины, Беларуси, Литвы, Латвии, Эстонии, Румынии, Финляндии и Польши от Балтики до Черного моря. Его доктрина Междуморья воплощала идеи польского прометеизма, целью которого было нести «огонь свободы» угнетаемым Россией народам Восточной Европы. Отражением стремления к созданию буфера между Россией и Европой стала геополитическая доктрина Гедройца и Мерошевского, предусматривавшая создание независимых от Москвы и антирусских идеологически Беларуси, Литвы и Украины.

Как пишет пророссийский геополитик В. Гулевич, «смещение цивилизационной "линии фронта" с польской территории на территорию Украины освобождает Польшу от необходимости быть постоянной ареной столкновений двух

миров, поскольку основные коллизии будут разыгрываться непосредственно на украинских землях. Польша останется в тылу этой борьбы»[7].

О том, что суверенитет Украины значительно ослабляет систему безопасности Евразийского континента, каким его хочет видеть Россия, неоднократно писал З. Бжезинский. Оценивая сам факт обретения Украиной независимости как третье по исторической значимостью событие в XX ст. после развала Габсбургской монархии и раскола мира на противоположные системы в итоге Второй мировой войны, он также отводит Украине роль «буферной зоны», которая помогла бы «трансформации» России. З. Бжезинский указывает, что роль и место Украины в процессе европейской интеграции можно рассматривать с позиции наследования (имитации) и переориентации[8]. В своем выступлении на слушаниях по политической ситуации в Украине и ее последствиях в Комитете по международным делам сената США 15 января 2014 г. З. Бжезинский подчеркнул: «Поддержка Украины – это не война против России, а помощь ей стать нормальной постимперской страной. Евразийский проект не решит проблем России… Если Украина будет покорена, Россия таки станет империей»[9].

Надежды евроатлантических геополитиков (Бжезинский, Киссинджер) на возможность трансформации геополитических приоритетов России с использованием Украины в качестве наглядного примера имплементации демократической евроатлантической модели социума представляются после действий Российской Федерации по отношению к Украине довольно утопическими. Вердикт российской геополитики однозначен: «Самостоятельное существование Украины (особенно в современных границах) может иметь смысл только в качестве “санитарного кордона”, так как противоположные по геополитической ориентации элементы не позволят этой стране целиком присоединиться ни к восточному, ни к западному блоку, т.е. ни к России-Евразии, ни к Центральной Европе. Все это обрекает Украину на марионеточное существование и геополитическую службу талассократической стратегии в Европе»[10].

Литва и другие страны Балтии поддерживают стремление Польши отодвинуть границы ЕС от своей территории. Если страны Балтии и Польша после своего вступления в ЕС могут вспоминать опыт пребывания «под имперской пятой» как неприятное, но все же прошлое, которое, как оказалось, вполне может повториться, то для стран постсоветского пространства, которые идут в фарватере «интеграционных проектов России», высказать поддержку европейскому выбору Украины автоматически означает вызвать недовольство Москвы, которое приведет к весьма ощутимым экономическим последствиям. Поэтому только Грузия и Молдова, стремящиеся к евроинтеграции, активно выражают солидарность с украинцами. Армения предпочла с помощью внешнеполитической лояльности к геополитическим интересам России получить приемлемую цену на российские энергоносители. А после аннексии Крыма Россией Казахстан признал действия агрессора правильными.

Для России европейская интеграция ее ближайших соседей является прямой угрозой. Процитирую книгу «Основы геополитики» (издание 2000 г.) философа, геополитика и публициста, лидера движения «Евразия» А. Дугина, которая позиционируется как «незаменимый справочник для всех тех, кто принимает решения в важнейших сферах российской политической жизни»[11]: «Суверенитет Украины представляет собой настолько негативное для русской геополитики явление, что, в принципе, легко может спровоцировать вооруженный конфликт. …Украина как самостоятельное государство с какими-то территориальными амбициями представляет собой огромную опасность. ...Это не значит, что культурно-языковая или экономическая автономия Украины должна быть ограничена и что она должна стать чисто административным сектором русского централизованного государства (как, до некоторой степени, обстояли дела в царской империи или при СССР). Но стратегически Украина должна быть строго проекцией Москвы на юге и западе»[12].

Слушатели курса геополитики в военных академиях России получают информацию о том, что «факт существования "суверенной Украины" является на геополитическом уровне объявлением России геополитической войны (а это дело не столько самой Украины, сколько атлантизма и Sea Power). Речь идет не о том, что Украина сама сознательно выбирает роль атлантистского "санитарного кордона", хотя в некоторых случаях это не может не быть осознанным шагом, но о том, что она на практике начинает выполнять данную роль, коль скоро она не включается активно в интеграционные процессы с Москвой или (по меньшей мере) не распадается на отдельные геополитические составляющие»[13].

Если геополитики Запада отводили Украине роль буфера между Россией и ЕС, то российские геополитики рассматривали два варианта развития событий: 1) интеграцию Украины в СНГ – 2 (но меньшего масштаба), или в Таможенный союз, ЕП – 1, или подобные русскоцентричные союзы; 2) раскол страны на «несколько поясов, соответствующих гамме геополитических и этнокультурных реальностей»[14]. События последних месяцев показывают, что разворачивается последний геополитический сценарий.

Даже когда подписание вильнюсских документов казалось неизбежным, заведующий отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН доктор политических наук Д. Ефременко, размышляя о возможных последствиях этого шага для геополитики России и Украины, указывал: «Красивые слова о "бесповоротности европейского выбора" лучше оставить для украинского внутриполитического потребления. В конечном счете речь идет о масштабе материальных, политико-дипломатических, информационных и иных ресурсов, которые будет готова задействовать Россия для того, чтобы повлиять на украинские элиты и общественное мнение»[15]. Как видим, Россия не собиралась допустить «похищения Украины Европой». И оказалась готовой заплатить за развал Украины любую цену, потому

что четко осознавала, что цену эту будут формировать, по большому счету, даже не американцы, а европейские политики, в последнее десятилетие неоднократно прибегавшие к тайным и явным услугам со стороны российского капитала… Именно этим объясняется медлительность Европы и малая эффективность экономических санкций против агрессора. Совбез ООН не способен преодолеть «вето» России, Генсек НАТО, как и Генсек ООН, ведет риторику не как глава самого мощного военного альянса в мире, а как «голубь мира», имеющий в своем арсенале только благие призывы. Сегодня только ленивый не проводит аналогий с захватом Гитлером Судетской области...

На невозможность для России потери Украины прямо указывал З. Бжезинский: «Украина, как новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитической осью и точкой опоры, потому что ее простое существование на карте как независимого государства сказывается на статусе России и его постепенном изменении. Без Украины Россия больше не является евразийской державой. И хотя Россия может и далее стремиться к статусу империи, без Украины Россия будет в первую очередь азиатской империей (...) Но если Россия все-таки возьмет под свой контроль Украину, с ее 52-миллионным населением, значительными полезными ископаемыми и с выходом в Черное море, тогда в руках России автоматически окажутся средства для того, чтобы стать могучей империей, охватывающей Европу и Азию»[16].

Как же в этой связи видит Украина свое место на геополитической карте Европы? Ответить на этот вопрос сложно. И тому есть ряд причин.

Первая – теоретическая. Она состоит в том, что геополитической доктрины Украины по большому счету не существует. Геополитические шаги всех правительств со времени обретения независимости имели исключительно тактический, а не стратегический характер. Украина не имеет собственной геополитической школы. Русские геополитики неоднократно критиковали геополитические построения украинских националистически настроенных общественных деятелей (Ю. Липа, Д. Донцов, М. Колодзинский, С. Рудницкий и др.), называя их «интеллектуальным плагиатом»[17]. Отсутствие четкой и разделяемой большинством населения национальной идеи не способствует проведению успешной геополитики.

Вторая касается реализации геополитического курса страны. Национальная стратегия государства – не декларация, а последовательная инструкция для проведения внешней политики. Успех внешней политики в долгосрочной перспективе зависит от способности политиков, реализующих национальную геополитическую стратегию, своевременно и последовательно использовать оптимальные методы решения конкретных проблем. К сожалению, украинские политики этих способностей не демонстрируют. Пока правящая элита считает Украину в первую очередь бизнес-проектом, патриотическая риторика и геополитические теории о безальтернативности суверенитета страны не перейдут в

плоскость практической реализации. «Кризисный менеджмент» и «ручное регулирование» не допустимы во внешней политике так же, как и в экономике. Пока балансирование между Востоком и Западом представляется руководству страны едва ли не единственно возможным стратегическим ориентиром, «невыраженный нейтралитет Украины» видится не лучшим внешнеполитическим решением.

Третья причина состоит в том, что Украина никогда не была субъектом геополитики в геополитических стратегиях XX в., поскольку реально не владела основополагающими факторами государственного суверенитета. Первый президент Украины Л. Кравчук неоднократно пытался довести до нынешней власти, что государство должно самостоятельно решать свои проблемы, никому из субъектов современной геополитики украинские проблемы не нужны. Чтобы стать субъектом региональной геополитики, украинскому правительству придется добиться признания Украины ключевым фактором российско-европейского взаимодействия и показать Москве и Брюсселю необходимость инклюзивного подхода к Киеву. Для решения этих проблем необходимы значительные политические усилия и материальные ресурсы. Бессмысленно надеяться, что в мире найдутся политические силы, которые «по доброте душевной» будут работать над укреплением геополитических позиций Украины. Стратегия «баланса интересов» делает геополитический курс Украины зависимым от конъюнктуры, а это подтверждает тот факт, что Украина только стремится к статусу субъекта геополитики, во многом оставаясь объектом игры внешних сил. Тем более что, по прогнозам аналитиков, в ближайшие годы лидеры страны столкнутся с мощным внутренним и внешним давлением сил, заинтересованных в отказе Украины от внеблокового статуса.

Геополитической самоидентификации Украины в сегодняшней ситуации открытой конфронтации с Россией нет альтернативы, потому что, только когда Украина станет полноценным субъектом международных отношений, способным осуществлять собственную геополитическую стратегию, она будет иметь перспективу как суверенное государство, а не как раздробленная «серая зона» в центре Европы.

Геополитические перспективы реального вступления Украины в ЕС не оставляют места для оптимизма, если Украина будет и дальше отдавать свои территории России. Путь к России оказался для Крыма и части населения юго-востока страны значительно легче и экономически, и психологически, поскольку это государства с генетически близкими политическими режимами. А что касается Евросоюза, то политические институты, нормы и практики Украины в период правления Януковича развивались в противоположном от европейских ценностей направлении.

Украина в очередной раз приблизилась к моменту, когда во имя «прекрасного европейского будущего» требуются конкретные действия, меняющие ха-

рактер и механизмы функционирования государственной власти и социальных институтов в сторону открытости, прозрачности и подконтрольности обществу, нет уверенности, что находящаяся у власти (фактически не сменившаяся) украинская элита захочет и сумеет их совершить. Сделать вступление в ЕС реальностью – сверхзадача для новой украинской власти. Пока не ясно и какой она будет, и способна ли она окажется «сшить Украину» продуманной внутренней политикой и консолидировать общество на основе европейских ценностей перед прямой угрозой со стороны «старшего брата».

Несмотря на то что политическая часть договора бо ассоциации Украины и ЕС уже подписана, она, по сути дела, представляет собой «декларацию о намерениях».

Сегодня большинство серьезных украинских политических аналитиков в вопросе евроинтеграции настроено пессимистично. «Даже если бы у нас был перфектный демократический профайл, даже если бы у нас на душу населения была швейцарская формула, то все равно это не дало бы возможности Украине стать членом ЕС». Это «вопрос современной геополитики и баланса отношений между ЕС и Россией, Таможенным союзом. Такая же ситуация и в сфере безопасности между НАТО и ОДКБ»[18], – заявляет экс-заместитель главы Секретариата Президента Украины, бывший первый замминистра иностранных дел А. Чалый.

Возникает резонный вопрос: неужели все жертвы и надежды украинцев окажутся напрасными и нисколько не приблизят Украину к сообществу свободных демократических народов Европы?

На него сегодня не ответит ни один эксперт или аналитик. На него может ответить только сам украинский народ – единственный непредсказуемый и непросчитываемый элемент во всех политологических раскладах внешних наблюдателей. Майдан Незалежности показал, что ни власть, ни оппозиция в Украине не достойны своего народа, который продемонстрировал всему миру свое видение места страны на геополитической карте мира и готовность за него умирать.

Но украинский народ показал, что растет новое поколение, не имеющее проблем самоидентификации и комплекса неполноценности, лидеры которого будут утверждать новые ценности в своей стране независимо от того, куда ее пытаются ориентировать политики, которые после ноября 2013 г. этот народ больше не представляют. И если даже идеалы Евромайдана очередной раз будут дискредитированы политиками, это будет всего лишь временное поражение свободного европейского народа, который идентифицирует себя с сообществом свободных народов, не потерпит имперского диктата и никогда не смирится с попытками любой внешней силы выбирать за него его судьбу.

Литература

Brzezinski, Z. Die einzige Weltmacht – Amerikas Strategie der Vorherrschaft. Berlin, 1997. 311s.

Weiss, M. Back in the USSR. The Ukraine protests aren't about the dream of Europe, but the fear of a Belarusian nightmare // Foreign Policy. December 11, 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/12

Бжезинский посоветовал оппозиции заканчивать троевластие. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://vesti.ua/mir/33109-v-kongresse-ssha-proshli-slushanija-po-ukrainskoj-probleme

Вопрос членства Украины в Евросоюзе лежит в геополитической плоскости… [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://news2000.com.ua /news/sobytija/v-ukraine/227954

Выступление М. Саакашвили на Майдане Незалежности в Киеве 7.12.13. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://minprom.ua/page8/news140860.html

Гулевич, В. Геополитика украинства как «интеллектуальный плагиат» // Кафедра социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Геополитика: тематический выпуск «Украина». М.: МГУ, 2010. В. 2. С. 7–15.

Донцов, Д. Справа Унії. Церква і націоналізм. Дрогобич: Просвіт, 2012. 44 с.

Дугин, А. Основы геополитики. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.al-leng.ru/d/polit/pol043.htm

Дугин, А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Изд-во АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 928 с.

Ефременко, Д.В. Жизнь после Вильнюса: Украина в новой геополитической конфигурации. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http:// globalaffairs.ru/number/Zhizn-posle-Vilnyusa-16176

З. Бжезинский и американская геополитика экспансионизма. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://russway.narod.ru/articles/bjezin.htm

Интервью М. Саакашвили 5 каналу украинского телевидения // http://korrespondent.net/ukraine/politics/3275261-saakashvyly-tryumf-evromaidana-eto-konets-ymperyy-putyna

Кучма, Л.Д. Украина – не Россия. М.: Время, 2003. 560 с.

Примечания

1 Brzezinski, Z. Die einzige Weltmacht – Amerikas Strategie der Vorherrschaft. Berlin, 1997. S. 136.

2 Донцов, Д. Справа Унії. Церква і націоналізм. Дрогобич: Просвіт, 2012. С. 6.

3 Weiss, M. Back in the USSR. The Ukraine protests aren't about the dream of Europe, but the fear of a Belarusian nightmare // Foreign Policy. December 11, 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com /articles/2013/12

4 Кучма, Л.Д. Украина – не Россия. М.: Время, 2003.

5 Выступление М. Саакашвили на Майдане Незалежности в Киеве 7.12.13. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://minprom.ua/page8/news140860. html

6 Интервью М. Саакашвили 5 каналу украинского телевидения. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://korrespondent.net/ukraine/ politics/3275261-saakashvyly-tryumf-evromaidana-eto-konets-ymperyy-putyna

[7] Гулевич, В. Геополитика украинства как «интеллектуальный плагиат» // Кафедра социологии международных отношений социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова. Геополитика: тематический выпуск «Украина». М.: МГУ, 2010. В. 2. С.13.

[8] З. Бжезинский и американская геополитика экспансионизма. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://russway.narod.ru/articles/bjezin.htm

[9] Бжезинский посоветовал оппозиции заканчивать троевластие. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://vesti.ua/mir/33109-v-kongresse-ssha-proshli-slushanija-po-ukrainskoj-probleme

[10] Дугин, А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. С. 218.

[11] Дугин, А. Оновы геополитики. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.alleng.ru/d/polit/pol043.htm

[12] Дугин, А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. С. 200.

[13] Там же. С. 220.

[14] Там же. С. 218.

[15] Ефременко, Д.В. Жизнь после Вильнюса: Украина в новой геополитической конфигурации. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http:// globalaffairs.ru/number/Zhizn-posle-Vilnyusa-16176

[16] Brzezinski, Z. Die einzige Weltmacht – Amerikas Strategie der Vorherrschaft. Berlin, 1997. S. 74.

[17] Гулевич, В. Геополитика украинства как «интеллектуальный плагиат» // Кафедра социологии международных отношений социологического факультета МГУ им М. В. Ломоносова. Геополитика: тематический выпуск «Украина». М.: МГУ, 2010. В. 2. С. 7–15.

[18] Вопрос членства Украины в Евросоюзе лежит в геополитической плоскости… [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://news2000.com.ua /news/sobytija/v-ukraine/227954

Ольга Иващенко

О СОЦИАЛЬНОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТЭКОНОМИЯ ТРАНЗИТА ЧАСТЬ II. ТЕНЬ И СЕМЬЯ КАК ПРЕДЕЛЫ ВЫЖИВАНИЯ БЕЛОРУСОВ И УКРАИНЦЕВ

О репутации государства,
несомненно, очень мало заботятся, когда
во избежание позора действительного
банкротства прибегают
к мошеннической уловке… столь легко
разгадываемой и в то же время столь губительной.
Адам Смит. Исследование о природе
и причинах богатства народов.
Книга 5. Раздел 3. О государственных долгах

Из видимого познавай невидимое.
Григорий Сковорода

Abstract

The publication deals with a popular post-Soviet political and economic ongoing agenda concept of the social state in terms of welfare that is simplified and reduced to paternalism. Two bordering countries with almost identical historical roots are the target of the socio-economic analysis on the background of post-Soviet/Soviet times conducted in order to reveal the real socio-economic state by means of a path dependency approach, reliable statistics, different sociological data, and ethnographic research in Belarus undertaken by the author. Shaping the sociological portraits of the countries and pointing out their specific features, the main aim was to underline social consequences, more negative as compared with the official data, especially concerning Belarus. With the use of administrative, not economic, methods the social structure in this country was simplified and work motivation was reduced becoming a severe constraint on the way to modernization. Instead of glorious statistics everyday living of Belarusians

is provided by means of a shadow and family economy, accompanied by a Belarus dacha phenomenon and labor migration, which represent ways to avoid poverty as in Ukraine. However, artificial egalitarian administrative politics in Belarus has nothing to do with economics, unlike Ukraine. Corruption indexes are also quite close to average meanings for Ukraine and Russia. The expert's interviews and participant observation provided a proper empirical database for adequate research results, proving their productivity in the study of authoritarian states with a half closed weak type of society.

Keywords: social state, paternalism, Soviet human being, shadow economy, family economy.

Тема изучения стратегий выживания в постсоветских странах не потеряла своей актуальности спустя 20 лет после краха СССР и советской политико-экономической системы. Предполагалось, что с объявлением перехода к рынку и демократизацией качественно изменится повседневная жизнь советских людей, а развитие предпринимательства засвидетельствует освобождение от ограничительных тисков административно-командной экономики. Но и после двадцатилетнего периода политические лозунги оцениваются как декларации, ведь уровень и качество жизни в постсоветское время, несмотря на статистические показатели индивидуального потребления, согласно данным социологических опросов, остаются неудовлетворительными для подавляющего большинства граждан Украины. Поэтому больший интерес, уже не только для зарубежных социологов, вызывает опыт изучения адаптационных способностей, позволивших согражданам выжить и даже материально преуспеть в «народной борьбе» за демократизацию уровня жизни.

Поиск источников дохода граждан постсоветских стран можно также осуществлять с помощью исследовательского подхода множественных рынков труда: официального (первичного) и неформального, индивидуального, или самозанятости, зарубежного (вторичности). Вовлеченность в той или иной степени в каждый из этих рынков отражена в доступных статистических и социологических материалах в сравнительной перспективе. Важно при этом учитывать аспекты преемственности и изменчивости, которые могут быть как общими, так и особенными для многих постсоветских стран, когда, сравнивая определенные социально-экономические параметры, можно выделить отдельные страны в группу с наиболее общими фактами проявления тех или иных тенденций занятости или трудовой/деловой активности для получения дохода, заработка или средств к существованию, чтобы выйти на уровень более значимых исследовательских обобщений и выводов, не ограниченных одной страной.

Так, например, низкие показатели вовлечения украинцев в предпринимательство (10%) и после 20 лет сопоставимы лишь с дореформенными показа-

телями стран Центрально-Восточной Европы, хотя сокращение государственного сектора в 2.5 раза (при таком же росте государственного чиновничества) и пятикратный рост частного сектора свидетельствуют об определенных структурных изменениях, не повлекших, однако, существенных сдвигов в трудовой культуре при сохранении одной из самых низких оплат труда. Социологически фиксируемая схожесть Украины и Беларуси в качестве жизни приводит не только к определенным обобщениям социально-экономического характера, но и к поиску специфических черт постсоветской повседневности в каждой из этих стран, когда активизируются, создаются и оптимизируются характерные для этого регионального пограничья модели выживания.

Поиск ответа на естественный вопрос «Как этот народ живет и выживает?» проходит через рассмотрение источников существования украинцев и белорусов в постсоветский период прежде всего в терминах *неформальной экономики* (К. Харт, Э. де Сото и др.) или *эксполярной экономики* (Т. Шанин, М. Буравой). Важным подспорьем выступает зарубежный опыт изучения неформальной экономики в постсоветских странах как исторически обусловленной пролонгации сложившейся во времена СССР цветной экономики (А. Каценелинбойген). Вынужденная способность советских людей к неформальной экономической деятельности может быть успешно проанализирована в рамках советской доктрины выживания в соответствии с технологией выживания для обеспечения жизнедеятельности через использование испытанных социальных техник и образцов. Позже сменившая ее технология достижения благосостояния и комфорта в условиях жестких ограничений советской экономики не могла быть результативной, что привело к необходимости перехода к рынку, последствия которого отразили уровень компетентности и мотивированности советской номенклатуры уже постсоветских стран (Попова 2001).

Масштабы неформальной экономики и эксплуатации индивидуальных и коллективных резервов семейной экономики, трудовой эмиграции свидетельствуют о том, что именно за счет этих «экономических» каналов выстраивались стратегии выживания в большинстве постсоветских стран. Для этого используются преимущественно адаптационные качества советского человека посредством социальных практик и навыков, сформировавшихся в разные периоды советского прошлого, а также приобретенных в постсоветском настоящем.

Общепринято считать, что главными причинами распространения теневой экономики являются уровень и политика налогообложения: чем выше налоги и регуляторное давление, тем более выражена теневая экономика в стране. Важными факторами также выступают общие исторически обусловленные причины, такие как слабость правового поля и низкое доверие к государственным органам власти.

Нужно отметить, что феномен распространения неофициальной экономики в постсоветских странах с конца 1990-х гг. заинтересовал многих зару-

бежных исследователей, сосредоточившихся главным образом на способах измерения ее масштабов, но со временем все более убедительно звучали голоса о том, что совсем некорректно относиться к явлению неформальной экономики как к порождению сугубо постсоветского периода. Американские экономисты, тщательно проверив и проанализировав методы измерения, все известные на то время исследовательские данные о масштабах неформальной экономики в бывших советских республиках, после собственных расчетов пришли к выводу, что *там этот тип экономики является в большей мере историческим феноменом* и лишь частично детерминируется институциональными факторами (Alexeev, Pyne 2001). Они базировались на официальных экономических показателях СССР периода 1980–1989 гг., а именно на факте роста за этот период официального ВВП примерно на 21% и потребления электричества более чем на 36%. Согласно их предположениям, вклад неофициальной экономики в общий ВВП 1979 г. составлял 12%, а уже десять лет спустя увеличился до 22%. Именно этот показатель 1989 г. они использовали как базовый для дальнейших расчетов и сравнений постсоветского периода в отличие от 12%-ного за тот же год, который приводили другие исследовательские группы (С. Джонсон, Д. Кауфман, А. Калиберда и др.). Основными причинами неофициальной экономики в СССР в 1979–1989 гг. были, во-первых, все более ощутимый дисбаланс между доходами домохозяйств и ограниченными возможностями для расходов; во-вторых, новые обстоятельства увеличения автономии государственных предприятий; в-третьих, антиалкогольная кампания с последующим «взрывом» самогоноварения; наконец, обострение инфляционных процессов. Кроме этого, всегда был важен региональный фактор, существенно влиявший на масштабы неофициальной экономики в разных советских республиках, от 18% в РФ до 32.8% в южных республиках; именно специфические традиции в каждой из республик играли важную роль в распространении неофициальной экономической активности (табл. 8). В Украине сектор неофициальной экономики в 1989 г., составляя 25.3% всей экономики, был средним по сравнению с другими республиками Союза, но уже в 1995 г. стал одним из самых больших, достигнув 56.5%, причем такой уровень сохранился доныне. Замечу, что среди основных причин формирования сектора неформальной экономики особое внимание всегда уделяют фактору *управления*, то есть специфике управленческой системы в каждой из республик, на что указывали и другие исследователи этого экономического феномена. Исследование американских ученых имело целью доказать, что резкий рост сектора неофициальной экономики не возникает внезапно и ниоткуда, он имеет определенную историческую связность, и установленные размеры дотрансформационной неофициальной экономики можно признать важным «предвестником» масштабов его дальнейшего распространения в постсоветский период.

Таблица 8. **Оценка неофициальной экономики в советских республиках/постсоветских странах**

Страны	Доля неофициальной экономики, 1989, %	Индекс официального ВВП, 1995 (1989 = 100)	Индекс потребления электроэнергии (1989 = 100)	Доля неофициальной экономики, 1995, %
Азербайджан	32.8	31.4	70.1	69.9
Беларусь	***28.6***	***56.1***	***61.2***	***34.5***
Эстония	22.1	69.1	68.9	21.9
Грузия	32.8	16.0	37.6	71.4
Казахстан	32.8	46.5	62.3	49.8
Латвия	22.1	47.3	62.3	40.9
Литва	22.1	45.1	50.6	30.6
Молдова	28.6	43.0	58.8	47.8
Россия	18.0	49.1	74.0	45.6
Украина	***25.3***	***39.0***	***67.0***	***56.5***
Узбекистан	32.8	84.0	79.0	28.5

Источник: Alexeev, Pyne 2001.

Известный исследователь теневой экономики австрийский экономист Ф. Шнайдер объясняет распространение теневой экономики тем, что в целом за счет нее повышается благосостояние, ведь люди за работу или услугу сразу получают наличные деньги, которые далее тратятся на повседневные нужды. В своем сравнительном международном исследовании Ф. Шнайдер хоть и отводит Украине первое место среди центральноевропейских стран по размерам «экономической тени», оценивая ее в 55%, но и Беларусь не очень отстает от своей соседки, достигая 50%-ной отметки в его расчетах, что, по мнению экспертов, может служить угрозой национальной экономической безопасности (табл. 9). Для Европы наивысшие показатели масштабов теневой экономики (30–33%) демонстрируют страны Южной Европы (Болгария, Румыния, Турция, Греция) при условно нормальном или приемлемом уровне до 15%. В то же время в Швейцарии и Австрии наблюдаются самые низкие показатели – менее 10% (как в США).

Необходимо отметить, что приведенные экспертные оценки распространения теневой экономики расходятся с официальными данными по каждой из стран – в каждой принимается своя методика подсчета. В Украине официально, по данным Министерства экономики, доля неформальной экономики составляет 35–37%, в Беларуси, по данным Национального статистического комитета РБ, – 9–11% ВВП – самый низкий уровень для стран СНГ, хотя по альтернативным данным – серединный уровень, в четыре раза превышающий официальную оценку. На основании международного опыта исследований, по

предположению белорусского экономиста Н. Бокун, размеры теневого сектора в Беларуси в период 2002–2010 гг. колеблются от 25–28 до 30–35%.

Таблица 9. **Теневая экономика в странах регионального пограничья Восточной Европы 1999–2007 гг. (% к официальному ВВП)**

Страны	1999/00	2001/02	2002/03	2003/04	2004/05	2005/06	2006\07
Беларусь	**48.1**	49.3	50.4	51.2	52.1	**53.0**	52.2
Литва	30.3	31.4	32.6	31.3	30.4	29.1	28.2
Молдова	45.1	47.3	49.4	50.1	51.2	52.3	51.4
Польша	27.6	28.2	28.9	29.2	29.3	27.3	26.5
Россия	46.1	47.5	48.7	49.3	50.1	50.3	49.4
Украина	**52.2**	53.6	54.7	55.6	57.3	**58.1**	57.3

Источник: Schneider 2009.

В отраслевом разрезе теневая экономика наиболее распространена в сельском хозяйстве, торговле, строительстве, транспорте, здравоохранении, образовании, промышленности, а также в секторе домашних хозяйств (Бокун 2011: 18). Представленная Н. Бокун оценка масштабов «тени» в экономике Беларуси в ретроспективе свидетельствует о наивысшем ее показателе 23% в 1986 г. и историческом минимуме 9–15% в 1989–1990 гг., резком возрастании до 42.3% в условиях перехода к рыночным отношениям 1991–1995 гг. и последующем снижении при экономике смешанного типа в 2002–2009 гг. в границах 30–35%. Прогнозная оценка размеров теневой экономики колеблется в диапазоне 40–45 и 50–60% в зависимости от сценария дальнейшего политико-экономического развития Беларуси (Бокун 2011: 176–178).

Итак, анализируя значение вклада неформального сектора в современную экономику Украины и Беларуси, всегда нужно учитывать факт, что этот феномен не является достижением только постсоветского периода, а имеет определенные традиции распространения в общественной среде, не возникает на пустом месте, а значит, не может таким же образом исчезнуть. Способы уменьшения объемов неформальной экономики известны, хоть и сложны для реализации. Но при четкой и определенной государственной политике, направленной на дерегуляцию и на оптимизацию налогового давления, можно существенно ограничить распространение неформальной экономической деятельности. Если доля неофициальной экономики в Украине и Беларуси за годы постсоветского периода не уменьшается, а постоянно возрастает, доходя до уровня 57 и 52%, то представляется целесообразным выяснить причины отсутствия интереса или «политической воли» к уменьшению сектора неформальной экономики со стороны властных институтов. За тридцать лет специальных исследований и измерений

неофициальной (теневой) экономики в мире Ф. Шнайдер пришел к выводу о незаинтересованности власти в уменьшении неформального сектора, что может быть обусловлено следующим: во-первых, налоговые потери считаются не столь важными по сравнению с доходами от неофициальной экономической деятельности, которые быстро расходуются в официальной экономике; во-вторых, теневые доходы повышают уровень жизни как минимум трети трудоспособного населения; в-третьих, у людей, занятых в теневой экономике, остается меньше времени, в частности, для социальных протестов, участия в демонстрациях и т.п. (Schneider 2009). Вот почему каждой власти непросто определиться с приоритетами относительно неформальной экономики, хотя проще было бы сделать работу в официальной экономике более привлекательной, чем в неофициальной, снизив и упростив налогообложение, прежде всего.

Второй ключевой экономической базой существования украинцев, как и большинства граждан постсоветских стран, остается *семейная экономика* (Г. Беккер, Т. Шанин), значение которой всегда актуализируется в периоды исторических политико-экономических трансформаций, а *социальный доход* создается и оптимизируется семейной структурой патриархальных обществ, контролируется преимущественно главой семьи: это и аграрный совместный труд, распределение социальных трансфертов и денег трудовых мигрантов, помощь по уходу за пожилыми и детьми.

Возвращаясь к нашему главному вопросу, – каким образом граждане регионального Пограничья преодолевают социально-экономические проблемы постсоветского периода и находят средства для жизни, – следует обратить внимание на социологические разработки российских коллег. Ведь подобный вопрос применительно к России задавал еще в 2000 г. британско-российский социолог Теодор Шанин в статье с красноречивым названием «Почему все еще не умер российский народ?», когда попытался найти объяснение такому непривычному для иностранного социолога явлению выживания постсоветского общества в жестких трансформационных условиях после разрушения советской системы и ее экономики. Т. Шанин заметил, что причина жизнеспособности кроется в неформальной деятельности. Однако на самом деле здесь следует употреблять более адекватное определение «эксполярная экономика», что позволяет объяснить феномен выживания населения, которое не «сдается», находясь между полюсами политической элиты и богатых граждан и нищих бомжей и полубомжей. «Эксполярные структуры существуют в России столько же, сколько государство, и дольше, чем рыночный капитализм, а советская экономическая система в действительности не смогла бы функционировать без них. При упадке государственной экономики и неспособности капиталистической экономики занять ее место рост эксполярности для большинства населения является самой важной стратегией самозащиты» (Шанин 2000).

Важно подчеркнуть, что при изучении типа социальной экономики, сложившейся в постсоветской России, Т. Шанин настаивает на том, что в этом контексте нельзя приравнивать теневую экономику к эксполярной/неформальной, а нужно обратить внимание на то, что произошел массовый отход к семейной экономике выживания, где эксполярные отношения приобретают разные формы с региональными и личностными отличиями. Такие отношения экономически значимы, однако никогда не бывают сугубо экономическими, поскольку предполагают неэкономические факторы на личном и социальном уровнях: обмен, обязанности родственников, кредиты и займы по доверию, поколенческое разделение труда, рост значимости самообеспечения благодаря приусадебному участку – все то, что при маленькой официальной зарплате или при ее отсутствии, но при наличии в семье реципиентов социальных трансфертов, подработок по другим специальностям и взаимопомощи снижает социальные риски. Вполне понятно, что, изучая тип социальной экономики современной России, Т. Шанин как ведущий исследователь крестьянства намеренно делал акцент на крестьянском происхождении большей части россиян, что существенно сказывается на их жизнеспособности вследствие развития семейной экономики самообеспечения.

Без сомнения, семейная экономика в Украине, как и в региональном Пограничье вообще, актуализирована не меньше, чем в России, особенно из-за весомой доли граждан сельского происхождения при сохранении активных отношений с сельской родней. Это проявляется в поколенческой взаимопомощи, о чем свидетельствуют и статистические показатели распространения в сельской местности неформальной экономической деятельности, которая в Украине составляет до 80% всей занятости в сельском хозяйстве. Поэтому безработица среди трудоспособных крестьян не свидетельствует об их бездеятельности: все обычно заняты работой на своих приусадебных и паевых земельных участках, дающих продукты для собственного потребления и продажи с целью получения денежных доходов. Таким образом, подавляющее большинство сельских жителей существуют преимущественно, если не исключительно, за счет ресурсов семейной экономики, создаваемой своими усилиями – временными заработками, наемной неофициальной работой на арендных землях, натуральным хозяйством для себя и для продажи, а также усилиями родственников – трудовых эмигрантов. Учитывая, что до 44% (по данным Социологического мониторинга ИС НАНУ) родом из села, ресурсная семейная экономика охватывает не только жителей сельской местности, но и горожан, которые вместе с детьми и внуками вовлечены в воспроизводство традиционной культуры выживания украинцев.

В Беларуси эксплуатация ресурсов семейной экономики, так же как и в Украине, происходит активно с начала 1990-х. Есть, правда, одно отличие: поскольку горожан формально в Беларуси больше, поэтому здесь больший размах получило дачное хозяйствование, причем не стихийное, как в Украине, а госу-

дарственно организованное. По утверждению Ю. Шевцова, особое значение в Беларуси в условиях промышленного спада имела программа распределения земельных участков под дачи среди горожан, инициированная В. Кебичем для самообеспечения горожан картофелем и овощами. Так, в результате реализации Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 14 ноября 1991 г. «О дополнительных мерах по удовлетворению потребностей граждан республики в земельных участках» через трудовые коллективы было распределено до 2 млн дачных участков размером 6 соток, что позволяло обеспечить семью картофелем и овощами. Этому способствовала также сохраненная низкая стоимость проезда в пригородном транспорте. Таким образом произошла «мобилизационная программа контролируемой деиндустриализации основной части заводских рабочих – горожан в первом-втором поколении, которые не утратили навыков крестьянского труда и одобрили такую программу как возможность выжить в 1990-е годы» (Шевцов 2005). Важно заметить, что выращенная продукция на выделенных земельных участках, по своей величине непригодных для полноценного сельского хозяйства, тем не менее засчитывалась в объемы производства и реализации колхозов, совхозов и других сельхозпредприятий, предоставивших эти участки согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 15 апреля 1993 г. «О дополнительных мерах по удовлетворению потребностей граждан в земельных участках под огороды».

Когда кризис начала 1990-х миновал, в Беларуси после 1995-го начался процесс сдерживания тех секторов экономики, которые не способствовали сохранению крупного производства, началась реализация официальной политики социального государства, но дачный порыв белорусов не пошел со временем на спад, а, наоборот, стал почти базовым фактором формирования не только культуры выживания, но и культуры повседневности белорусов-горожан вообще. Пустеющий городской транспорт по выходным в сезон садово-огородных работ и радостный сбор урожая осенью не только для себя, но и для реализации – такова зачастую сезонная картина сегодняшних белорусских городов. Необходимо заметить, однако, что в период такой деиндустриализации предприятия, закрепив старые кадры, лишились молодежи, начался процесс разрыва поколений в белорусском обществе, завершившийся уже в последующем расколе (Николюк 2012).

Интересно, что тема дачного пристрастия белорусов нашла отражение в работах зарубежных социологов, в частности французских[I], тем самым подчеркивая специфичность социально-экономического и культурного феномена дач и огородов в Беларуси. Социолог из университета Бордо Ронан Ервэ свое исследование красноречиво предваряет выдержкой из одного разговора в Сми-

---

I Goujon A., Lallemand J., Symaniec V. Chroniques de la Bielorussie contemporaine, Paris: L'Harmattan, 2001; Hervout R. Datcha Blues. Existences ordinaires Et Dictature et dictature en Bielorussie» (Paris, Belin, 2009).

ловичах (Минская область): «Вы выращиваете картофель? – Конечно! Это все равно, что спрашивать, есть ли луна в Беларуси…» Страсть к огородничеству, конечно, отнюдь не постсоветское хобби. Это массовое проявление крестьянских корней у подавляющего населения Восточной Европы, насильно урбанизированного в 1950–1960 гг., которое после распада СССР в начале 1990-х вернулось к земледелию как источнику пропитания и далее лишь закрепило такую экономическую практику повседневности, крепко вписав ее в социокультурный контекст своих стран, таких как Украина и особенно Беларусь. В Украине не было специальной государственной программы, «дачный вопрос» решался стихийно, иногда по желанию, чаще по возможности. По данным Социального мониторинга ИС НАНУ, только треть украинцев указывает на наличие у себя дачи. По бытующему мнению, для украинцев-горожан дача – это больше рекреационная роскошь, ведь многие просто ездят на «полевые» работы к родственникам в села, по-семейному впоследствии пользуясь плодами урожая, тогда как для белорусов дача и по истечении стабилизационных лет, роста ВВП и зарплат осталась важным приложением сил для земледелия и овощеводства.

Важно заметить, что изучение дач как подсобных домохозяйств городских жителей проводилось также в конце 1990-х и в России, которое еще тогда выявило, что без определенных материальных затрат вести такое хозяйство практически невозможно и потому выгода от дачного урожая весьма условна. Более того, «поскольку люди не измеряют деньгами собственное время, труд и здоровье, вложенные в возделывание земельного участка», которые являются фактически самыми дорогостоящими ресурсами, то и представление о дачном хозяйстве как источнике питания без каких-либо затрат несостоятельно (Алашеев и др. 1999: 147). Таким образом, предположение, что в ситуации экономического кризиса работникам предприятий при скрытой безработице, невыплате или задержке зарплат можно выжить за счет натурального хозяйства, не получило должного исследовательского подтверждения, но было выявлено, что «значимость дачи зависит не от количества произведенной продукции, а от того, какую роль эта продукция играет в жизнеобеспечении конкретного домохозяйства» (Алашеев и др. 1999: 153).

Р. Эрну, проводя свое социологическое исследование на базе качественной методологии, делает относительно материальной выгоды от дач похожие выводы, но отмечает, что хоть материальная роль дач для некоторых домохозяйств реальна и заметна, однако экономический подход в изучении дачного феномена в Беларуси не должен исключать важность иных социально значимых измерений, обнаруженных в ходе исследования. Огородо-садоводчество производит много иных социокультурных смыслов, и важнейший среди них – «сгущение семейных уз, кристаллизация семейной солидарности» в период экономической депрессии, длительных производственных простоев и ожиданий отложенных зарплат, потери статуса и снижения престижа рабочих предприятий, разру-

шения режима привычной повседневности рабочих. Сам процесс продуктивной дачной деятельности вне промышленного предприятия может рассматриваться как выполняющий роль «шоко-абсорбирующего» в условиях психологической напряженности субъективной самодеструкции под влиянием тяжелых внешних экономических обстоятельств. Именно огородничество, требуя определенной спорости, регулярной активности, влияет на возобновление интимности между членами семьи, что включает также снижение фактора алкогольной зависимости, в целом наделяя психологическим ощущением самодостаточности. Таким образом, анализ семейных историй дачников дал возможность Р. Эрву заключить, что дачное огородничество не может изучаться только в терминах стратегии выживания, но имеет смысл рассматривать дачу как возможное убежище для индивидуального психологического восстановления, упорядочивания своего внутреннего мира, как защиту от разрушительных влияний внешнего мира. Отчасти такую же роль, впрочем, выполняли дачи и в советское время при перенаселенности малогабаритных городских квартир с проживающими вместе несколькими поколениями, так как появлялась возможность расширить личное жизненное пространство каждого счастливого обладателя дачи независимо от ее размера, этажности, стоимости и т.д. (Hervouet 2003).

Необходимо подчеркнуть, что именно благодаря качественным методам исследования и их активному применению зарубежными социологами в начале 1990-х гг. для изучения социальных реалий стран бывшего СССР стало возможным получение социологических данных «нового качества», важных с точки зрения постижения глубинных трансформационных социальных процессов, затрудненного при использовании только количественных научно-методологических регламентированных подходов к изучению повседневной жизни. Оригинальные выводы, полученные в результате качественного изучения феномена дачного приусадебного хозяйства пост/советских горожан, дали возможность обнаружить важные социально-культурные смыслы, которые ускользали при ограниченном изучении этого предмета в рамках лишь материального ресурса выживания. Именно этими исследованиями были актуализированы научные положения К. Поланьи о существовании неизмеримой, независимой или субстантивной экономики, связанной с жизнеобеспечением человека, действия которого обусловлены иными мотивами, нежели стремление к максимизации прибыли. В этом и проявляется принципиальная черта домашнего хозяйства как моральной экономики, где действуют иные принципы рациональности, обусловленные традиционными, ценностными элементами (Радаев 2000: 217–218).

Роль и значение семейной экономики в свое время доказал Нобелевский лауреат, экономист Гарри Беккер, базируясь на теории социальных взаимодействий, центральным положением которой является понятие социального дохода, или «дохода от социального окружения человека» (Беккер 2003: 268). Уделяя основное внимание отношениям между членами семьи, он выделяет роль главы

семьи. Независимо от пола и возраста глава семьи оптимизирует функцию полезности в пределах заданных бюджетных ограничений, руководствуясь заботой об общем благосостоянии семьи, интегрируя функции полезности всех ее членов в одну согласованную «семейную» функцию, благодаря чему каждый член семьи, по крайней мере частично, застрахован от бед, которые могут выпасть на его долю.

Резюмируя результаты исследования поисков экономических ресурсов для обеспечения повседневной жизни в постсоветский период, необходимо отметить, что в Украине все это происходило и происходит в условиях конституционно декларируемого социального государства, а на самом деле иллюзорной и попросту манипулятивной социальной политики, сводящейся к «раздаче» разного рода привилегий и льгот и социальных выплат, пособий, регулярность и сумма которых определяются, как правило, графиком избирательного процесса и социально-политической весомостью реципиентов. Белорусы же, живущие в той же парадигме постсоветского социального государства, но очень идеологизированной, по статистике располагают более значимыми материальными средствами, высказывают более удовлетворительные социологические оценки, но проявляют те же навыки использования тех же источников повседневного выживания, что и украинцы, обнажая, таким образом, исторически унаследованную схожесть этики выживания регионального Пограничья, невзирая на национальные и культурные отличия.

Белорусский нарратив: повседневность как она есть

«Белорусы живут лучше нас», «Нам бы такого президента», «А ведь Лукашенко все-таки смог обеспечить жизнь своим» и т.д. Такие и подобные разговоры-сентенции вкупе с многолетними самыми высокими президентскими рейтингами Лукашенко у украинцев согласно Социологическому мониторингу ИС НАНУ заставили меня обратить более пристальное внимание на страну-соседку, в которой «все сохранилось и работает», ВВП растет и давно наполовину превысил украинский и, главное, – вожделенная средняя зарплата в 500 долларов. Сопутствующее изучение статистики, как белорусской, так и международной, особенно ООН, уже не оставило сомнений – это нужно видеть. Я хотела увидеть это белорусское экономическое чудо воочию, а убедить меня в этом, конечно, должны были сами граждане «Белоруссии, которая удалась» (Г. Павловский).

Зная о том, что неофициальные или независимые опросы в Беларуси запрещены под угрозой уголовного преследования, выбор был ограничен только качественным методом исследования, а именно этнографическим. Цель этнографического исследования или включенного наблюдения состояла в том, чтобы в полевых условиях посредством личных наблюдений, интервьюирования, спонтанных разговоров (попутчики, прохожие, администраторы гостиниц,

продавцы) выделить основные специфические черты социально-экономической повседневной белорусской реальности, определить степень удовлетворенности материальным благосостоянием, качеством жизни. Сравнительный аспект с постсоветским украинским «случаем» имманентно присутствовал при открытом наблюдении, что во многом помогало «информантам» в описании условий своей жизненной ситуации в сравнении с украинской с обязательным указанием отличий. Скрытое наблюдение велось постоянно. Хотя меня нельзя было квалифицировать «полным участником», который исключает реакции изучаемых людей на исследователя, часто такие реакции специально провоцировались обыденными вопросами для понимания общего социального контекста. Помня о главной проблеме этнографического метода – необходимости постоянного балансирования между доверительными отношениями и отстраненными, «между следованием “туземным” правилам и собственным комфортом», мне, однако, удавалось превозмогать зависимость от методических требований «пограничной, в сущности маргинальной позиции» исследователя. Еще одним, на первый взгляд усложняющим, обстоятельством при конструировании роли исследователя было ощущение двойственности позиции, поскольку моя постсоветская идентичность, невзирая на национальное отличие, во многом совпадала с наблюдаемыми и респондентами, что для сохранения объективности активизировало значение здравого смысла, социологического знания и, главное, личного опыта советской повседневной жизни. Это обстоятельство, при всей схожести постсоветских реалий двух стран, не должно было повлиять на выполнение главной задачи исследователя, ведущего включенное наблюдение, состоящей, по М. Агару, в необходимости понимания социального действия в «одном мире» с точки зрения «другого мира». Таким образом, мне, следуя правилам этнографического метода, в условиях реального полевого контекста приходилось «использовать самые разные роли в поисках баланса между объективностью, профессиональной автономностью, эмпатической вовлеченностью и интеллектуальной честностью» (Девятко 2002: 44).

Центральным теоретическим априорным подходом в данном широком этнографическом социологическом исследовании обозначались концепция path dependency, в рамках которой возможно было делать исследовательские предположения о значении, специфике, характере унаследованных и актуализированных социально-экономических факторов выживаемости в условиях кризисного социума, и дальнейший анализ исследовательских данных, что в целом не исключало и обращения к интерпретативному подходу, но и в том и в другом случае актуализировалась проблема валидности – могут ли результаты интервью и наблюдений быть обобщены как выводы для использования в более широком социальном контексте. Поэтому в процессе исследования в рамках избранной теоретической концепции, руководствуясь принципом интерсубъективности, после разговорного анализа (conversation analysis), а также анализа транскриби-

рованных текстов экспертных интервью мной были определены ключевые респонденты-информаторы, наиболее отвечающие интерпретативному подходу, по К. Гирцу, нацеленному на поиск смысла. Именно сочетание «внешнего» описания ситуаций исследователем и «внутреннего» описания таковых респондентами дало оптимальное соотношение научных концептов и обыденных понятий в обобщенных выводах.

Важными во включенном наблюдении являются также фиксация и анализ невербального поведения наблюдаемых, а также пространственного их расположения в конкретных (анонимно) наблюдаемых ситуациях. Именно такие данные были отражены в путевых заметках как «знаковые» моменты для понимания современного белорусского социального контекста. Применяя этнографический метод, важно помнить, что в конкретных полевых условиях данные, полученные таким путем, не следует идеализировать и считать самыми естественными, а только такими, которые помогают «разглядеть» что-то важное, невидимое и ускользающее при массовых опросах, особенно в период нестабильности, кризисных экономических изменений и социальных испытаний.

Путевые заметки 1. Белый аист / поезд Киев – Минск.

Полупустой спальный вагон под песню приснопамятных Песняров «Белый аист» отличался безукоризненной чистотой, постельное белье поразило уголками с вышитыми гладью аистами, после чего показалось уже недостатком отсутствие горы пуховых подушек на полке-кровати как необходимом напоминании о крестьянской бытовой культуре. (Украинская железная дорога символы провинциального быта «зашила» в невообразимые для современного горожанина многослойные гардины-занавески- ламбрекены и т.д., просто объясняемые причиной непродуктивного освоения бюджетных денег.) Белокурая проводница средних лет объяснила отсутствие пассажиров тем, что после Гомеля все будет занято, потому что внутренние цены намного ниже, и, с иронией воскликнув «Все для белорусов!», приняла заказ на горячий ужин по меню с прейскурантом, стоимость которого включена была в билет (у украинцев только чай). Странный привкус и неаппетитный вид блюда зародили подозрение, что питание в Беларуси осталось по-советски общественным: «Кто голодный, тот и съест», что впоследствии было подтверждено несколькими попытками «питания вне дома» в столице.

На мой вопрос, хватает ли заработка на жизнь, проводница сразу не ответила, но подсчитала в голос стоимость аренды жилья, питание, расходы на ребенка: «Ну, в общем-то хватает, жилье снимаю недорого, живу одна с дочкой». Суммы зарплаты и стоимости аренды не назвала, на мои наводящие вопросы уклончиво что-то отвечала.

Пограничный контроль отличался только размером и маркой компьютера для проверки и ввода документов: у украинцев – тяжелый большой ноутбук

старой модели китайского или российского производства, у белорусов – меньшее по размеру подобие полевой рации на свисающем с шеи ремешке с вертикальным вводом данных вызвало ассоциации с военным положением. В целом знакомый по московским поездам пограничный осмотр показался здесь тихим и почти комфортным, если верить пожеланию пограничников «Спокойной ночи».

Пассажир, подсевший в Гомеле, был украинским мелким/средним предпринимателем, уставшим и очень нервным, но все же успевшим охарактеризовать «этих» белорусов как каких-то вообще ненормальных: «Недавно ездил, внезапно похолодало, попросил брата передать из дому мне этим поездом шубу, так никто из проводников не взял – "Нельзя. Не положено". – Дураки! Вот у меня знакомый работает на московском поезде, так уже квартиру заканчивает достраивать…»

Общий вывод: белорусы – аккуратны, очень бережливы и скрупулезны в подсчетах, калькуляция всего и всегда, осторожны и опасливы, неразговорчивы; граница с Украиной – не формальная преграда; у пограничников рабочее снаряжение своего производства.

<u>Путевые заметки 2</u>. Минск.

А. В ведомственной гостинице, куда меня устроила сердобольная коллега из Минска, цены были в десять раз ниже гостиничных по Минску, где 3 стоят очень дорого даже по мировым ценам – до 80 долларов, ну совсем как в Киеве. Номер, в который поселили, остался почти нетронутым с советских времен, особенно санузел. Горничная представилась по имени-отчеству, лет 60, тень улыбки с лица в очках сошла, вероятно, еще в конце 80-х, менторским тоном указала на правила пользования при проживании. В номере было душно, об энергосбережении здесь еще не думали, газ дармовой. Телевидение оставило неприятное ощущение направленности на какой-то «ограниченный контингент» зрителей и по контенту тоже. Я в такой сегмент и в Киеве не попадаю, а медиасфера – особенная область для отдельного специального анализа вне моего предмета. Белорусский язык остался только в топонимике, на транспорте. В метро искала станцию Восток, оказалось Усход. Белорусской речи не слышала нигде.*

Отметила по прошествии нескольких дней свойственную, вероятно, для Беларуси некую фасадность: снаружи здание вроде бы новое или отремонтированное, а внутри все такое же фанерное и без каких-либо изысков комфорта. Привет из СССР.

Б. Посещение Национальной библиотеки – гордости Лукашенко и, думается, белорусов – монументального циклопического здания с почти изящной статуей Франциска Скорины у входа вызвало ассоциации с зарубежными библиотеками, где приходилось бывать, но здесь чувствовался прежде всего акцент имиджевого проекта: много пространства, с размахом, все компьютеризировано, но интернет часто зависает, все услуги оплачиваются через кассы

на каждом этаже, работники чем старше, тем неприветливей. Посетителей в субботний день было очень немного, даже показалось, что число экскурсантов (за мое присутствие экскурсий было несколько) превышало число читателей. Запомнилось какое-то извиняющееся выражение лица местного жителя, очевидно не книгочея, приведшего посмотреть (!) на библиотеку своих гостей из какого-то постсовка при активном фотографировании на фоне памятника и самого здания, потом они даже зашли туда. Значит, это все-таки достопримечательность в первую очередь, а «алмаз знаний» во вторую. Очень затратное здание, вероятно, отдельная строка в бюджете. Короче, 2013-й – год экономии – это сюда. Спецтема – диктатура и экономика – это тоже сюда.

В. Поиски отделения Белбанка (ну, как-то так) для оплаты жилья по квитанции привели в ТРЦ Сити (ну, здесь тоже «все как у людей»), где я попыталась найти подходящее место для ужина. Опрос окружающих ответа не дал: все спрашивали «Смотря сколько у вас денег». То есть аспект вкусной и здоровой пищи не главный, поэтому мой выбор пал на наиболее посещаемое место, где, однако, еда напомнила привкус еды из «белого аиста», поэтому, оставив блюдо почти нетронутым, чем вызвала недоуменный взгляд визави, аппетитно поедающего свое, пришлось идти в супермаркет и купить кефир – действительно очень вкусный. Выбор продуктов наполовину скромнее киевского, цены уже не бросовые, как ожидалось, яйца только в одну цену 10 тыс. ($1.20), у нас по-разному в зависимости от категорий – длинная яичная витрина, но самые дешевые дешевле. В дальнейшем в Минске ела только в номере то, что покупала. Поняла отчасти происхождение привкуса – вода питьевая невообразимой химической обработки, практически непригодная для чая.

Выводы: Социальное государство не заботится о качестве еды и воды, экологии. Не до этого. Хватило бы средств на необходимое. Едят вне дома туристы и молодежь. Культура питания белорусов другая, простая и без заморочек. Нельзя сказать, что национальная, просто еда как пропитание.

Г. Метро в Минске чистое и светлое, дешевое, за цену жетона ничего другого уже не купить, общая панорама в вагоне даже слегка поразила: как бы Швеция-лайт, все люди в вагоне в одинаково серо-бурой, даже не черной, одежде явно китайского производства, лица отстраненные, унылые, никто не читает. Шубу на женщинах видела всего два раза, и то одна из них «шла» на встречу со мной. Эстетика социального государства удалась.

Д. Чистота улиц была мне не видима из-за снега, который у метро убирали рано утром молодые женщины в ватниках. Поразили еще этим же ранним утром фиолетовые лица бодрых алкоголиков в импортном секонд-хенде (помню таких со времен московской аспирантуры), хотя цифры по алкоголизму и у нас самые передовые, но здесь, видимо, предпочитают плодово-ягодное, а у нас водку-самогонку, подростки – пиво.

<u>Путевые заметки 3.</u> Отъезд. Поезд Минск – Вильнюс.

Из гостиницы при отъезде вышла утром вместе с физиком из Еревана, по дороге на вокзал успел отметить, широко указав рукой на транспорт: «Все у них, заметьте, работает, этот весь транспорт не турецкий, а местного производства. Много белорусы не хотят, живут в своем мире. Но в науке – не в контексте, ничего не знают, делают только свое, хотя вроде бы хорошие физики».

Очень была удивлена, увидев на вокзале в конце перрона поезд на Вильнюс, подчеркнуто старый серо-зеленый немытый советский укороченный состав с купейными вагонами, которые значились первым классом, выпуска, наверное, еще 70-х, хотя ожидала современнее. Искала объяснения: может, что-то кроется в этом. Но, вероятно, ответ проще, чем казалось, или просто скажем: это – не приоритетное направление.

Пассажир-попутчик, рослый 30–32 лет белорус, житель Минска, программист, коммуникабельный, умный, ироничный, женатый, ехал проведать сестру в Вильнюс. Разговор с пассажиром и сам он позже были квалифицированы как ключевые (КИ-2).

Пограничный контроль на литовской границе поразил по сравнению с предыдущими границами компактной трубкой-рацией с клавиатурой для ввода данных в руках строгой литовки-пограничницы. Итак, от старого громоздкого ноутбука в Украине азиатско-российского производства до полевой рации с вмонтированным компьютером своего производства в Беларуси и до компактной трубки-рации в Литве. Поезда в Литве внутри лаконичны: все по здравому смыслу, энергию очень берегут, бегущая строка уведомляет о температуре вне и внутри вагона, которая постоянно меняется. Чем западнее, тем оптимальнее.

На вокзале в Вильнюсе оказалось, что много людей из Минска ехали в Вильнюс не только в гости, окна обменников сразу же были взяты в осаду, пришлось подождать.

Вывод: серо и уныло, в поезде не очень чисто; но исключительно удачно мне попался интересный и очень важный для исследования собеседник. Имени своего не сказал, да и диктофон мой остался в сумке, ведь мы – просто попутчики.

Отношения в Беларуси сохранили советский стиль с белорусским психологическим компонентом – закрытость и отстраненность с самоуглублением, почти отсутствие улыбчивых лиц.

Белорусы ездят массово на шопинг в Литву, свой отечественный товар, вероятно, уже неинтересен, хочется разнообразия, хотя, может, разница цен привлекает.

Этнографическое исследование включало экспертное интервью белорусских граждан, причисляемых к таковым по уровню образования, сфере занятости – преподавателей, медиков, научных работников, а также украинских граждан, связанных с Беларусью родственно или по роду деятельности. Интервьюировано

методом неформализованного интервью 19 человек, период – декабрь 2012 г. – февраль 2013 г. В файл результатов исследования вошли также данные анализа отдельных разговоров, по смысловой нагрузке отнесенных к ключевым информаторам, таковым стал КИ-2, а среди экспертных интервью были отобраны КИ-1 и КИ-3, их тексты представлены развернуто.

Блок А. Ключевые информаторы

КИ-1. Политолог, мужчина, 34 года, Витебск – Минск (запись интервью в Киеве, декабрь 2012 г.)

Моя зарплата в государственном вузе 1 млн – 1 млн 200 тыс., т.е. 100–110 евро, теперь еще получаю в литах и евро, я – в привилегированном положении. Но раньше, когда только зарплата была, помогали родители, родственники – они выехали в Россию лет 15 назад, постоянно помогают нам и теперь. У мамы пенсия 500–600 тыс., после индексации – 900 тыс. – 1 млн, т.е. 90–100 евро.

400–500 $ средняя зарплата – это неправда, это был план Лукашенко до выборов, еще в конце 90-х он сказал, что до конца его правления будет зарплата 500 $, как в Польше, тогда он еще на Польшу ориентировался… Это сейчас уже, как сериал с продолжением. Газета «Наша Ніва» с первой страницы все время об этом спрашивает «500? Калі?» Ее то запрещали, то разрешали, теперь только в киосках можно купить. 500 – цифра просто, которую он полюбил. В Минске зарплата выше, чем в провинции: услуги, транспорт – такие объяснения. В городах с градообразующими предприятиями сложно, ну вот телевизорный завод «Горизонт» уже полтора года не работает, люди на работу не ходят, но получают что-то около 50 евро в месяц, только администрация 100%.

Он своему электорату уже полностью изменил, отменил все льготы, чернобыльцам тоже, в транспорте теперь все платят полностью. В провинции транспорта нет, там это не важно. У них забирают эти подпорки… Пропаганда лукашенковская говорит, что белорусское государство самое социальное в СНГ. У них свои учебники по политологии есть, утвержденные, кстати, Академией наук, где пишут о таком и о том, что даже в Испании конституционные положения Беларуси некоторые, как это, используются, заимствованы (подсказка).

Живут люди за счет экономии, подсобного хозяйства, дачи. И для себя, и для продажи, в зависимости от потребностей семьи. Недовольство выражают только дома на кухне, а так молчат, боятся говорить. Хотя вот есть единичные протесты – Гомельдрев, но это против контрактов. Про феномен дач даже Ронан Эрве написал книгу, сидел в Минске два года, ездил по провинции. Его потрясло слово «шикуем» осенью, что такое шик по-белорусски, для француза было шоком.

Фермерства нет, у нас же колхозная форма, агрогородки – улучшенный колхоз; «гибридная экономика, гибрид» – любимое слово президента и экономистов. Идет все равно отток из села в город молодых.

Земля не ограничена для личного пользования, не продается, можно взять в длительную аренду… Продукты белорусские конкурентны только в Молдове и России. А в Украине и Литве – нет. По сравнению с российскими верю. Супермаркеты у вас их не закупают. Это – показатель. Через телевизор идет пропаганда, репортажи с Украины, где все жалуются. Ответ аппарата: надо помочь Украине. Идет нарезка сюжетов для идеологического…

Пришел капитализм, контролируется государством, обязаны обеспечить населению минимум, частично делают, частично – насилие, подавление. Профсоюзы в общем ликвидированы, реально не помогают, не избираются, а назначаются президентом. Капиталистическая система работает в одностороннем режиме: могут расторгнуть без объяснений. Имеют право по закону расторгнуть трудовой контракт даже не за явную нелояльность, а если где-то что-то… Частный сектор мизерный, точнее, полугибридные формы его, полугосударственный-получастный. Белорусская особенность модернизации. Все под контролем совета по предпринимательству – нет никаких тендеров. Какой бизнес? Все должно быть под контролем. Не давать свободы. Развитие? Это же угроза режиму Лукашенки.

Газета «Свобода» вышла на реальные цифры, что бацька продает своему народу газ дороже, чем в России. Главный редактор отсидел и убежал.

Интеллект выехал: Адамович в Норвегии, Быков был в Чехии, Финляндии, потом рак –вернулся, умер. Алексиевич за границей. Этот пласт вымывается…

Социальное государство… Не повышение зарплаты, а перераспределение доходов, люди стали получать незаработанные деньги…

«Белоруссии ученые не нужны». Я записываю все его перлинги. «Зачем 11 лет учиться? 9 классов – и в ПТУ. Зачем столько учиться? Нам ученые не нужны, у нас все уже есть, технологии, нам нужны только слесари и комбайнеры». Но диплом – это марка, без него никуда. Вот такой парадокс. В каждом вузе есть платное образование. В БГУ плата выше, чем в Вильнюсе.

Настоящие белорусы – это БРСМ – современный комсомол, плакаты с белокурыми молодыми по всей стране, во всех структурах патриотические вечера, но никто по-белорусски не говорит. Им – льготы при поступлении. Был уже показательный суд над лидером БРСМ, посадили лет на 10 за коррупционность.

Последние два года Минск становится Лас-Вегасом для России. Он же не моралист. Весь бизнес по табаку, алкоголю, казино подконтролен ему. Вот его эволюция. Эти рестораны рассчитаны не для белорусов, а для русских отдохнуть. Все легально, по поводу проституции есть закон, не разрешающий торговать женским телом. Как-то выступила такая очень пролукашенковская журналистка по радио с темой о том, что эти казино, проститутки, здесь же наши дети… Уже не работает. Минск таким и сделали. В России все правильные, православные стали. А тут это не работает. Торговля алкоголем подлукашенков-

ская, акцизы на хорошие вина в два раза выше, чем в Украине. Вот до конца года запретили торговлю плодово-ягодным в Минске, а везде осталось.

В далекой перспективе у них плана нет. Движение – в бок России, союз с Россией. Все элиты у нас не европейские, советские, смотрят на восток. Модернизация идет на белорусский манер, что-то развивается, троллейбусы белорусские ездят. Они ведь не могут позволить купить другое, лучше, а только то, что производят.

Но вы не скажете, что в Африку приехали. Все действует, чистота визуальная. В Минске стерильно, только утром и вечером люди есть, когда на работу и с работы. Все говорят: чистота на улицах. Это же не заслуга Лукашенко. Меня это раздражает. По теории балтского субстрата, Седова, уже даже Академия наук не может игнорировать большую близость белорусов к литовцам, чем к русским.

Первые, кому доверяют, – милиция, органы правосудия. Церковь уже на втором месте по доверию, как пишет газета «Звязда» – единственная официальная газета на белорусском языке. Там же было написано, что по чтению нас даже русские обогнали. Все книжные магазины сохранены, те же названия, в тех же хороших домах. Читают очень мало. Все льготы для белорусскоязычных изданий ликвидированы. Молодые просто не понимают, когда обращаюсь по-белорусски или читаю лекцию. Но библиотека, да, национальная, очень хорошая, внутри все функционально, внутри, как космический корабль, а с улицы – ужасно.

Лукашенко сказал, что радиация ушла, на чернобыльских землях можно жить, чернобыльцам льготы отменили. Физик-радиолог Бандажевский отсидел 8 лет за то, что говорил об опасности проживания на этих землях. Алексиевич в школе запретили, что неправильно пишет о Чернобыле, Быкова запретили – неправильно о войне писал.

Я это называю «авторитарный режим», хотя немцы и французы – диктатурой, у них традиция использования понятий иная. Не тоталитаризм – границы открыты, интернет работает, а именно новый авторитаризм. Свободы прессы нет, оппозиции нет. Мы страна маленькая, а две палаты не избираются, а назначаются. Украина – совсем не советизирована. Беларусь – вот это лаборатория по советизации. Когда-то еще Хрущев приезжал в Минск, к нему обратился, как его, первый секретарь, по-белорусски, так Хрущев сказал – не надо (нам?) белорусского. Феномен Лукашенки – продукт советизации. Тутейшесть и без советскости… У Янки Купалы есть такая поэма «Тутэйшыя». Белорусы консервативны, нация млявая, очень быстро ассимилируются. За границей 80% ходят в Русскую православную церковь, а свою не поддерживают. Деньги ведь там есть у них. Они не вернутся сюда, если что-то изменится. К революции не готовы – белорусы не тот народ. Диссидентов были единицы. Интеллигенция вымывалась войнами в катастрофических масштабах. Позняк – романтик из

Америки – «Ну как это так?» Так должно было быть. Только естественный эволюционный путь. Новое поколение. Нам надо пережить своего Салазара…

Поездку в Вильнюс неожиданно удачно скрасил и «наполнил» попутчик – крепкий молодой человек, стиль casual, интеллигентный и «без понтов», речь русская грамотная без белорусского акцента, ехал к сестре в Вильнюс на уик-енд, «я, знаете, люблю колбасу литовскую, а она в Беларуси намного дороже». Ездит в Литву часто, «вот уже паспорт опять нужно менять», виза на полгода.

КИ-2. Программист, мужчина, 30–35 лет, Минск (запись в рабочем дневнике)

Живу нормально, жена не работает, ребенок маленький, получаю белую зарплату 3 тыс. дол., в конце года еще хорошие бонусы. На еду на троих тратим 500 дол. с учетом еды вне дома, а если только дома, то и 300 дол. хватит, но я люблю с друзьями сходить в «Гвоздь». Пенсия у родителей 200–250 дол. Жилье можно приобрести в кредит до 50 лет под 30% годовых (сейчас), 1 м кв.= 1400 дол.

В среднем, может, и выходит 500 дол. по стране, на машиносборке до тысячи получают. Госпредприятия МАЗ, тягачи платят слесарям 1000–1500 дол. Зарплата средняя 450–500, в Минске зарплата выше, и 1000 дол. немало получают. Молодежь все равно не хочет идти на предприятия, активные выезжают в Россию и Украину просто за заработком, в европейские страны для продвижения.

Налоговые льготы для программистов обеспечены, но общие налоги очень высокие: фонд соцзащиты населения 40%, НДС 20%, а земельный сельхозналог вообще до 70%.

Да, было государственное регулирование цен. А транспорт дешевый? А ЖКХ почти бесплатно. До Таможенного союза внутренние цены на продукты выдерживали низкими, но потом цены поползли вверх, в России же все в три раза дороже. И теперь зарплат даже средних и неплохих для белорусов с трудом хватает на обычную жизнь, цены же выше стали, и ЖКХ поползло вверх – уже на 18% и дальше за два года уйдут все госдотации.

Социальное государство? До 2009 г. было ощущение социального государства: проезд, ЖКХ. В 11-м году оно закончилось, осталась одна идеология. Хм, после 11-го вспомнили, что на дачах не только мангал… Но до этого действительно где-то 80% граждан верили в особую экономическую модель, а теперь что дальше? Вот знакомый, тоже программист, живет за рубежом, думал сюда перебраться. Выгодно, зарплата та же, а цены значительно ниже, коммуналка.

А наука у нас одна, сельскохозяйственная. Дают деньги только на нее, на фундаментальную науку ничего, не приносит дохода и не поддерживается государством. Раньше мы в компании стипендии назначали для студентов как

своих будущих кадров. Теперь другая проблема. Учить есть кого, но некому. Старые преподаватели, советские, готовые работать за низкую плату, ушли, а молодые на такую работу не идут. Поэтому уже почти некого брать на работу. В 90-е выпускали только юристов-экономистов, а технические специальности, сейчас наиболее оплачиваемые и наиболее нужные, – нет. В вузе, инженерно-радиофизическом, который я заканчивал, уже нет преподавателей, некому учить программистов. Мы в компании выделяем средства на фонд поддержки вуза, где готовим ИТ-специалистов.

Да, библиотека хорошая, но я туда уже никогда не пойду, зачем? Интернет! Все в электронном виде давно читаю.

Нет, имени своего не скажу.

<u>*КИ-3. Экономист, мужчина, 30 лет, Чернигов*</u>

Уровень жизни у белорусов выше нашего, социально они лучше защищены, вся ж система базируется на социалистических основах. Сохранилась административно-плановая экономика, только доходы распределяются с учетом интересов небольшой группы лиц во главе с президентом. Элементы рыночной экономики очень слабые: нет конкуренции, свободного ценообразования, малый и средний бизнес очень условный. Такая экономика не может противостоять глобальным экономическим тенденциям, поэтому периодически обваливается их денежная единица, от чего страдают люди. Часто наблюдаю: как только у них обвал – покупатели оттуда исчезают. Вижу, началась опять контрабанда бензином, он у них дешевле и качественнее, чем у нас.

Динамика зарплат у белорусов в долларовом эквиваленте 2–3 года была выше, чем в Украине. Если в Черниговской 300 дол., то в Гомельской – 450–500 дол., но после выборов они превратились в 250. По исследованию знаю, например, в Гомельской области вообще машин больше, чем семей, в основном это иномарки 5–10-летней давности, «Опели», «Форды». В Минске появляются и дорогие иномарки «Порше кайены», «Лендкрузеры». Гомельские выглядят даже по одежде, как европейцы. Программа госстроительства по кредитам работает, строятся, в Минске новые проекты, а в Гомеле 9-этажки блочные серии 80-х, советские проекты. Но у белорусов нет особенных запросов, их это устраивает. Как это у них говорят: бульба рядом, нам больше и не надо.

Вот еще пример, говоря о рынке. Недавняя нашумевшая национализация кондитерских фабрик: «Коммунарка» (Минск), «Спартак» (Гомель). В «Спартаке» член наблюдательного совета бывший белорус – гражданин США не может приехать и разобраться с этим, потому что теперь в набсоветы ввели госчиновников и таким образом предприятия были национализированы. По моим данным, просто на них есть российские покупатели.

В Беларуси эффективнее внешняя политика, чем в Украине. Для «Белкалия» они всегда выбивали льготные тарифы перевозок через «Укрзализницю». Помню,

как он активно подписывал всякие договора с российскими губернаторами, удается им баланстровать между Россией и Европой, даже в период этой изоляции со стороны Запада.

С предпринимательством проблемы. Знаю украинских предпринимателей, которые хотели там заниматься бизнесом. Ничего не получилось и ничего не вернули. Все оставили, просто побросали. Но сегодня если посчитать, сколько белорусов ездят к нам за покупками и сколько украинцев туда, то это где-то 10 на одного украинца. Если белорусы ездят к нам за импортом, у них ограничение импорта, то наши – за мясо-молочными продуктами, хлебом. Но уже мало.

Работает агитпроп. БТ-1 и ОНТ – каналы положительных новостей. В начале 2000-х на вопрос, куда двигаться, отвечали: Европа здесь. Периодически приходится сталкиваться на бытовом уровне с тем, что 2-й тост пьют за президента, причем не обязательно эти люди – госслужащие. Отделы идеологии есть везде, занимаются также активно молодежной политикой. Но угроза режиму исходит из России, это понятно. В самой Беларуси нет критической массы, которая хотела бы перемен.

Анализ мнений украинских социологов как респондентов-экспертов, которые наведываются в Беларусь благодаря родственным связям, выявил разницу в восприятии белорусской действительности в зависимости, главным образом, от возраста. Чем старше, тем больше восторг и похвала Лукашенко за то, что порядок в стране обеспечил и все работает. С досадой отмечают: вот бы Украине такого президента. Такая позиция, стандартная для большинства украинцев, не мыслящих в категориях демократии, не понимающих ее сути, уважения прав человека и т.д., в силу своей тривиальности не рассматривалась мной как важная; социологи моложе находили возможность отметить иные аспекты социальной жизни, характерные для белорусов сегодня.

Э1. *Социолог, мужчина, 60 лет, Киев* *(ездит в Бобруйск к родственникам)*

Главное, что меня поразило по сравнению с нами, – отсутствие поляризации в материальном достатке. Там не принято выпячивать себя. Белорусы живут экономно, много еды со своего огорода, но не дачи, а именно огорода, много консервируют, картофель свой.

Э2. Социолог, женщина, 60 лет, Киев (ездит в Беларусь посетить могилы родителей). Говорит с доброй иронией в голосе.

Поражает покой, неспешность, какая-то светлая умиротворенность. Там, в военном городке, кажется, все остановилось. У белорусов очень низкий уровень притязаний, это отличает их от нас. А по поводу чистоты у меня объяснение есть. Во-первых, там всегда было чисто и так осталось, а во-вторых, это от низкой самооценки, надо за собой быстро все прибрать в мешочек, так и вижу выражение виноватости на лице при этом.

Интервьюирование белорусских экспертов дало возможность получения важной и оригинальной информации не только для обобщенных выводов, но и для поиска разъяснительной аргументации некоторых исследовательских положений. Были отобраны интервью, имеющие смысловую нагрузку для понимания белорусской реальности (иногда два часа интервью стоили одной-двух фраз), дополняющие и корректирующие исследовательский поиск. Тексты отобранных экспертных интервью приводятся сокращенно.

Э-3. Преподаватель гуманитарных дисциплин, мужчина, 28 лет, Гродно

Государство у нас асоциальное и аморальное. Если оно считает, что заключило контракт, то ошибается. Все здравомыслящие люди моего возраста так думают… По стране точно 50% таких, в городах больше, в сельской местности меньше. Государство похоже на турецкого торговца, хвалит не товар, а покупателя, а потом он же окажется в накладе. Все образцы культуры вторичны после России, которая в свою очередь является третичной по отношению к Западу. С наукой то же самое. Хотя приятно знать, что МАЗ хорошую продукцию производит, а рекламу «Милавицы» видеть в «Космополитене». Наши программы World of tanks – мировая популярность, разработка минских ребят. Но все равно Минск не является резиденцией успешных людей. Режим свет загораживает.

В Гродно зарплаты 250–300 дол., ориентация на работу в государственном секторе. Здесь меньше денег, попроще и поскромнее в материальном плане, но ощущения бедности нет. Гродно ведь пограничный город, развита контрабанда: сигареты, бензин в Польшу и Литву. Один контрабандист может обеспечивать семью. Но преподаватели получают очень мало… Мама моя преподаватель высшей категории, уволилась, ни труда, ни зарплаты. Сильны родственные связи для устройства на работу. Есть в Бобруйске «Белшина», так если там работают родственники, то и их родным приоритет. Только среди женщин очередь 7 тыс. Вижу проблему, многие идут работать в теневую сферу без записи в трудовой, а что делать с пенсией? Из моего круга много уезжает по научным обменам за границу, но в Россию – не знаю никого. Вот это еще унижает: за границей, как только узнают, что из Беларуси, сразу, как несчастного, жалеют. Теперь говорим, что из России, паспорт никто ж не проверяет…

Э-4. Священнослужитель, 44 года, Минск

Безусловно, люди живут сейчас лучше, чем в советское время. Со средним доходом 55–60%, ниже среднего 35–40% – служащие и деревня, городской плебс, не занятый на престижных предприятиях. В начале 2000-х выросли доходы, существенно увеличилось количество автомобилей импортных. Зажиточные люди – банкиры, но обычные люди относятся спокойно к коттеджной застройке. Есть такой закрытый элитный район «Дрозды», где живут представители верхнего эшелона власти, там коттеджи по миллиону и больше, но, думаю, из средств

бюджета… Как и при советской власти, период заготовки грибов и ягод в сезон используют многие, те же учителя. Горожане в отпуск – на дачу или в деревню. Более состоятельные люди стараются выехать за границу. Крым пользуется популярностью у белорусов со средним достатком – это свободно, доступно, соответствует деньгам, общий язык. В Испанию ездят зорки наши, эксклюзивные случаи. С Минском не вижу существенной разницы, хуже всего живется в отдаленных деревнях, вне агрогородков: алкоголизация, социальные неудачники, нуждающиеся. В агрогородки берут специалистов, обеспечивают жильем, потом его можно приватизировать. Качество жилья – другой вопрос.

Мой доход зависит от прихода. Дотирование ЖКХ, особенно в зимний период, помогает. На всю семью максимально трачу на питание 300 дол., веду тетрадь, планирую расходы. 100 дол. идет на ЖКХ и связь, 400 дол. – на необходимое в месяц. Лекарства недешевые. Автомобиль есть, дача, но там я только отдыхаю, нет времени для работы на земле.

О бедности людей я бы не сказал, никогда в церковь не обращались за материальной помощью. Бывает, бомжи и освобожденные проездом в городе, просят продукты или деньги на билеты. Социальные работники есть на приходе. Оказывается адресная помощь детям-сиротам, матерям-одиночкам. Были раньше после воскресной службы обеды для детей-сирот, отменил настоятель.

Э-5. Издатель, 40–45 лет, Минск

А бацька уже не тренд… Вышли тогда в декабре (2010) для глотка свободы, но увидели и поняли, что будет… Быстро ушли… Слежу за украинскими событиями постоянно и с интересом.

Э-6. Врач, 49 лет, Минск

Работаю в четырех местах: дежурство в ночное время и по выходным 0.5 ст., на другой – в больнице – 1.5–2 ст., частный центр, где консультирую, государственный центр – на платном приеме. Двое детей, машина, дача по наследству. Квартиру построили по льготному кредиту в 1997–1998 гг. для молодых семей на 20 лет, с первоначальным взносом помогли родители, символический процент был, инфляция съела всю сумму, но банки не поднимали ставку кредита, выплатили за два года. Сейчас строим дочке. Вообще для минчан льгот не было, льготная политика для сельских жителей, молодежи, многодетных семей, ветеранов КГБ, МВД, властных структур. Дали жилье, и все Лукашенко поддерживают. Чарка, шкварка, иномарка – жизнь состоялась.

Насчет улучшений в моем понимании – построил жилье и это факт. Элементы социального государства есть. Изображение работы должно вестись. Вот, кстати, ходят пациенты по больнице и говорят: «Если б очутился на Украине, капельницы за так мне бы не поставили». Считаю, что вкладываются даже избыточные деньги в медицину, например кардиологию, под флагом про-

граммы демографической безопасности. Кардиохирургическая служба в каждой области бесплатна для граждан РБ и в экстренных случаях для Украины. В онкологию большие деньги тоже вкладывают, но онкозаболеваемость растет. Институт радиомедицины в Гомеле построили. Частных клиник нет. Может, есть, но только по пластической хирургии. Сейчас создаются частные диагностическо-консультационные центры. Есть центр, где обслуживается городская элита, ветераны и лица, к ним приравненные, в плановом порядке – государство платит. В стационарах лекарства есть основные, фармкомпании процветают, есть льготы на лекарства белорусского производства, хотя качество спорное.

С коррупцией все в порядке. Чиновники, как везде. У врачей, учителей не те взятки, но в школах поборы обязательны. В вузах взяток нет, масштабных явлений нет. У преподавателей зарплата еще ниже, чем у врачей. Идут постоянные сокращения, многие работают на 0.75 ст.

СССР и современная Беларусь несравнимые вещи. Народ живет веселый. Нет, оптимизма нет, депрессивность есть. В деревнях – не до оптимизма.

Как отмечалось в методическом вступлении, исследователь должен учитывать анализ невербального поведения наблюдаемых, а также конкретных (анонимно) наблюдаемых ситуаций. Такая ситуация была мной зафиксирована в автобусной поездке из Вильнюса в Минск, которая дала явное представление о структурировании белорусского общества, скрытое для академического позитивистского взгляда.

Путевые заметки 4. Автобус Вильнюс – Минск

Следуя исследовательской личной программе, для поездки в Минск был выбран автобус с потерей комфорта, но возможным расширением исследовательской базы. Билет был куплен заранее, с местом 1, которое оказалось занятым «представительным» мужчиной откровенно мафиозного вида: лысый, 50–55-летний, в кожаной короткой куртке с меховым воротником и джинсах в обтяжку, в остроносых туфлях, не замечающий вокруг себя никого, поскольку именно он здесь центральная персона. Обратилась к нему с просьбой освободить мое место, но он даже бровью не повел. Водитель тут же засуетился, виновато улыбаясь, блеснув золотой фиксой сказал, что можно занимать другие места. В следующем ряду одно место было свободным, но на нем лежала груда женского глянца, хозяйка которого, крашеная блондинка лет 30–35, не глядя в мою сторону, с кривой ухмылкой недовольства как-то брезгливо отодвинулась, как бы через силу уступая мне пустое место. На мой вопрос, чем я ее обидела, она лишь сильнее углубилась в свое чтиво, демонстративно перебирая страницы силиконовым ярким маникюром.

Уставшая женщина советских лет включилась в «тему», посоветовав мне сесть с другой стороны: «В понедельник много пассажиров не будет». Она един-

ственная, которая посмотрела в лицо при этом, другие глаз не поднимали. Попутно подумалось: белорусов, которые живут на зависть всем постсовкам, что ли и презирают? На переднем кресле восседала довольная, как оказалось, предстоящим походом в дьюти фри, кассир-контролер с каким-то хитромудрым аппаратом кассового вида. Но билетов она не продавала, да и не очень озабочена была происходящим вообще. Да, нужно обеспечивать официальную почти полную занятость в стране, есть такое рабочее место, хотя везде с этой функцией справляется сам водитель. Оживление на границе для похода в дьюти фри было явлено мужчиной мафиозного вида и этой кассиршей. Громко звеня множеством бутылок, вернулись на место, отоварились импортным алкоголем (ну не чарлик же потреблять!) по полной, показалось, это важно для них.

Краткий таможенный осмотр на литовской границе и долгое стояние на белорусской с высаживанием всех безропотных пассажиров для освидетельствования у спецокна. Ничего неожиданного. Паспорта собирались, отмечались и потом раздавались, как группе. Личностный аспект отсутствует. В салоне воцарилась тишина, особенно после увиденной сразу после отъезда с кордона ужасной аварии трейлера и маршрутки. Водитель дальше строго молчал, находясь под впечатлением. За мной сидели двое средних лет мужчин, интеллигентного вида, судя по языку, армян, с видом на жительство в РБ – об этом они заявили при сдаче паспортов. Во время поездки к водителю подошел молодой коренастый мужчина среднеазиатского типа с просьбой остановить в определенном месте для выхода, где будет трейлер. Сменщик-водитель. Да, по дороге первый ряд был занят вереницей трейлеров. Страна транспортного транзита, дороги-деньги. На задних местах сидели улыбчивые молодые китайцы – парни и девушки. Сердобольная женщина советских лет, что посоветовала мне сесть, где есть место, долго говорила по телефону, пришлось узнать, что она ездила к дочке в Литву помочь с внуком, сейчас будет решать какие-то вопросы с пенсией, визой, все очень уставшим от жизни голосом. По дороге подсаживались молодые люди, явно коммютеры, ехали на работу в Минск. Одеты обычно, все с мобильниками, постоянно разговаривали, но серьезно, тихо и без смеха.

По дороге видела бескрайние земли под снегом, вдали виднелись разноцветные домики агрогородков в ряд. На первой остановке огляделась с местом, ничего примечательного, новых построек не заметила, но и развала нет. Отъехав, сфотографировала деревенский пейзаж из деревянных ярко окрашенных изб, все здесь осталось без изменений, напомнили нашу северную Украину. Социальное государство сюда дотягивается, вероятно, только в виде пенсий.

На въезде в Минск много огней, выглядит все вечером неплохо, нередкие иномарки престижного класса, но машин, конечно, меньше, чем в Киеве, заторов нет. Спросив какую-то девушку, правильно ли иду к вокзалу, увидела ее смущенное китайское лицо. Как же вы здесь собираетесь жить без языка? На что прохожий быстро среагировал: «Так они ж меж своих будут жить».

Вокзал новый, напомнил наш «для двоих», здесь, наверно, «для одного» – большой, света много, но архитектура общественных зданий по информативности та же, что и в совке. Попасть на перрон, мне, объездившей полмира, оказалось непросто, несколько раз по лестнице туда-назад, в справку и обратно: выход «тудой» – и все. Спустилась вниз и громко спросила, кто может показать, как выйти к поездам? Минутное молчание и обвод странницы взглядом недоумения всех находящихся на этом уровне был прерван спокойным голосом молодого рабочего в ватнике: «Идите за мной, я покажу». Надо же, оказалось, мне надо было идти на станцию Радужную (?), а по дороге по желанию можно свернуть в один из выходов на перрон с указанным поездом. Городская инфраструктура как приоритетная заведена в вокзальную, нужно это здесь просто знать. Да, еще, чуть не забыла. Ожидая поезд, посидела в зале ожидания, пассажиров не много: женщины средних лет с вязанием, синие полураздетые алкоголики, молодежь провинциального вида, группки милиционеров в зимних бушлатах на страже порядка. Кафетерий вызвал ироничную улыбку, на прилавке отдельно красовался ценник-прейскурант на кофе (даже сфотографировала как документ): кофе – 5050, чашка – 650, ложка – 100, сахар 5г 2.150. Цена – 6100. Невероятно, но факт. За прилавком несколько буфетчиц молодых, но после картофельной диеты уже без возраста, с заколками на головах, ходили туда-сюда. Ассортимент преимущественно был кондитерский: печенье, шоколад, какая-то нехитрая снедь. Я попыталась что-то попросить у них, на что тут же получила ответ: «Вы что, не видите, у нас пересменка!» О, как давно я этого не слышала! Уважаемые граждане Беларуси, а точнее БССР – я все вижу! Как я теперь «застремилась» к своему поезду, потому что еще в Евангелии сказано: каждому – свое.

Выводы. В обществе представлены группы: легитимизированные неприкасаемые, т.е. есть теневая экономика; оверимплойд или раздутая занятость; средний бизнес в основном в торговле, маркеры избранности занятых там надменных женщин; очень соскучившиеся по патернализму из других постсоветских республик ищут свой удел под крылом Лукашенко; китайцы как рабсила набирают вес, общественное питание не приватизировано, сфера услуг не развита. Индустриальное общество с советской идеологией патернализма.

В обществах полузакрытого типа с авторитарной властной системой единственно правильным методом изучения является качественный, в чем я и убедилась после краткой командировки для осуществления своего этнографического исследования, высветившего наиболее важные проблемные зоны для понимания и интерпретации наблюдаемых социальных реалий.

Политэкономия и социальные последствия постсоветских социальных контрактов: в поиске у и ї

Выбор вектора социального государства для постсоветских стран был исторически обусловлен и логичен, но что вкладывалось в это понятие каждой из стран, проявилось уже в ходе двадцати постсоветских лет. Советская партноменклатура, как и советский народ, после стольких многих политических программ по повышению народного благосостояния именно в лучшем благосостоянии и видели цель построения нового независимого государства. В новые мехи старое вино? Если в Беларуси в 1994 г. советские люди массово поддержали простого парня А. Лукашенко, отвергнув советскую номенклатуру в лице премьера В. Кебича, то за этим отнюдь не следует усматривать лишь неприятие белорусами номенклатурного директората, во время правления которого в 1990-х все хорошее советское было почти разрушено, а жесткий вынужденный период рыночных преобразований принес отчаяние и разочарование. Именно так и объясняется чаще всего электоральный выбор белорусов, первый и пока единственный. В Украине тоже очень хотели благополучия, ведь перспективы сытости для украинцев лежали под ногами – земля и вся советская индустрия. Только надо перестать делиться с центром – и наступит вожделенное благоденствие. Но электоральный выбор у них при этом остался традиционным – заведующий идеологического сектора КПУ Л. Кравчук набрал в 1991 г. в три раза больше голосов, чем национально ориентированный В. Чорновил, при этом одновременно за государственную независимость были отданы рекордные 91%. Такая «постсоветская шизофрения или шизофреническая постсоветскость» рассматривается как проявление социальной амбивалентности, что присуще переходным обществам, находящимся в ситуации экономических радикальных изменений и социальных вызовов (Рябчук 2009: 186–205).

На первый взгляд, мотивация волеизъявления белорусских и украинских граждан может показаться различной, но при детальном анализе обнаруживаются общие основания выбора советского народа с разницей только в персоналиях, основные характеристики которых были явлены народу в предшествующий период: «сатрап» В. Кебич, обличитель коррупционеров А. Лукашенко или «помиркованный идеолог» Л. Кравчук. Ясно, что перспектива национального государства советскими гражданами при выборе либо не рассматривалась вообще, либо не рассматривалась как целевая, а вот патернализм в виде социального государства в терминах международной политики наиболее отвечал запросам советских людей с ответными популистскими заверениями. Это означало сущностное пролонгирование патерналистского советского государства, которое раньше обеспечивало и теперь должно было обеспечить счастливую жизнь простых граждан, равных среди равных, без номенклатурных диспропорций. Эгалитаристские настроения украинцев и белорусов

известны давно, в конце 1980-х коэффициент Джини в этих советских республиках был самый низкий в СССР, но уже с середины 1990-х стал меняться, заметно повысив свои значения, особенно в Украине, хотя потом снизился и стабилизировался на почти доперестроечных невысоких позициях, но это уже не столько следствие достижений государственной политики, сколько государственной статистики.

Итак, тропа зависимости привела к разным типам политико-экономической государственности Украины и Беларуси, хотя и отталкивалась от одинаковых советских позиций экономических и социальных условий. В экономическом отношении обе республики обладали хорошим индустриальным потенциалом, реализацию которого обеспечивал советский народ. Именно его формирование сегодня рассматривается как главное достижение СССР. Успех такого процесса больше всего проявился у белорусов как наиболее советизированных граждан СССР. Так, на первом и последнем референдуме СССР в марте 1991 г. белорусы выразили наибольшую поддержку сохранению СССР – 82.7% на фоне 70.2% украинцев и 71.3% россиян (не принимали участия Армения, Грузия, Молдавия и Прибалтика). Почти одновременно с референдумом проведенный опрос ВЦИОМ еще раз подтвердил наивысшую в СССР советизированность белорусов: 69% белорусов идентифицировали себя как граждане СССР и 24% – гражданами своей республики, что превышало в этом отношении даже русских (66 и 22%), казахов (52 и 48%), когда мнение украинцев разделилось наполовину (46 и 42%), а эстонцы и армяне проявили практически полную несоветскость (3 и 8%).

Феномен советского человека – не просто гражданина страны СССР, а представителя «новой общности – советского народа» был актуализирован в рамках проекта «Человек советский» еще в 1989 г., когда его инициатор и руководитель, российский независимый социолог Ю. Левада, реконструируя архетип советского человека, определил черты его базового образца в поколенческом анализе. Таковым определялось поколение людей, родившихся до Второй мировой войны и социализированных в советских условиях, – первое и практически единственное собственно «советское поколение», посредством победно-патриотической идеологии успешно использовавшееся в закреплении системы, ее господствующей элиты. «Все поколенческие когорты, вступившие в активную жизнь после этого, не проходили уже ни “закалки” массового террора, ни милитаристской муштры, ни школы подчинения и противостояния, ни школы массового голода» (Левада 2006: 265). В результате советской пропаганды для этого социального типа стала характерной изоляция внешняя и «внутренняя», пространственная и временная, обусловившая конструирование «идеального человека – скромного, незаметного и непритязательного исполнителя указаний и предначертаний властей. Репрессивная декларативность «освобождения» от «порочного» наследия буржуазной цивилизации сформировала иерархичного, свободного от «пережитков прошлого» (длинный список которых менялся в за-

висимости от политических задач) человека не «нового» или «простого», а упрощенного: послушного, скромного, умеющего жить «как все», довольствоваться малым, ожидая заботы от всемогущего государства (Левада 2006: 269). Исследовательская группа Ю. Левады все-таки вывела «формулу» советского человека: «массовидный человек (“как все”), деиндивидуализованный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, “прозрачный” (т.е. доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), неизменяемый, легко управляемый (на деле подчиняющийся примитивному механизму управления)» (Гудков 2008).

Основные черты этого социального типа – принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия – проявились в «приспособленности массового постсоветского человека к репрессивному государству, психологических и моральных следствиях такой адаптации и симбиоза с тотальным режимом», степень значимости которых была недооценена в начале 1990-х с принятием курса на социально-экономическое реформирование. «Правильный» советский человек, никогда не живший в другие времена, других странах, не мог представить себе ничего вне государства патерналистского, попечительского – он государственно зависимый человек. Но в 1990-х начался процесс эрозии этого идеального социального типа, когда «линии разложения проходили по символическим значениям советской власти – объективациям государственного патернализма», что вызвало общественные реакции разочарования, актуализировав «эклектические тенденции имитации прежних символических структур», когда то настоящее с неизбежным требованием к себе, мотивацией личностного достижения воспринималось населением в категориях развала, дезориентированности и безвременья (Гудков 2008).

В таких исторических условиях каждая из стран СНГ «сосредотачивалась», выбирая свой путь развития. В Украине и Беларуси точкой бифуркации стал 1994 год. Но если Кучма, выражая интересы выдвинувшего его красного директората, повел страну к рыночным преобразованиям, незавершенным и поныне, то Беларусь, ведомая А. Лукашенко, вернулась назад, отвергнув все новации премьера, повергшие население, как оказалось, в непосильные для них испытания. Поиск модели развития Украины, начавшийся с восклицания Кучмы «Скажите, какую Украину вам строить?», продолжился избирательной приватизацией крупной индустриальной базы, что завершилось построением олигархической республики. При выборе Кебича или Шушкевича, даже Позняка, Беларусь тоже пошла бы путем олигархизации своей экономики (E. Wilson), но с приходом Лукашенко все стало восстанавливаться в советской парадигмальной модели развития, возвращаясь к исходным позициям. Лукашенко пытался публично артикулировать свое видение Беларуси, находясь в поиске ее особенного пути, поначалу даже обращаясь к опыту довоенной Германии: «История Германии – это слепок истории в какой-то степени Беларуси на определенных этапах. В свое

время Германия была поднята из руин благодаря очень жесткой власти. И не все только было плохое связано в Германии с известным Адольфом Гитлером… Ведь немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло наивысшей точки... Гитлер сформировал мощную Германию благодаря сильной президентской власти. Это были 30-е годы, время сильного кризиса в Европе, а Германия поднялась благодаря сильной власти, благодаря тому, что вся нация сумела консолидироваться и объединиться вокруг лидера» (Федута 2005: 379–380). Вероятно, именно эти мысли лидера Беларуси воодушевили белорусского политолога Ю. Шевцова объявить миру об объединенной нации Беларуси (Шевцов 2005). В терминах политэкономии же название экономической модели, сформированной Лукашенко, определяется по Л. Мизесу как модель социализма «германского типа», где реализуются представления простых людей о функционировании экономики, иными словами, охлократическая экономическая модель. Но, по мнению экспертов, «если бы экономические решения принимались только “простыми” людьми, то белорусская экономика развивалась бы по кубинскому образцу. Лукашенко не может восстановить командную систему. Ему приходится опираться на бюрократию, сформированную до него и заинтересованную в сохранении частного сектора как источника ее нелегальных доходов… Формально частная собственность есть, но по существу ее функционирование подчиняется командам из центра» (Возможности развития 2002).

После почти двадцати лет следования своему же завету «Ни с левыми, ни с правыми, а с народом» Лукашенко опять захотел изменений, но теперь уже на французский манер: «Я хотел бы, чтобы мы, если исходить из традиционных понятий, строили у себя социализм. Не тот социализм, который мы строили в Советском Союзе и изучали по учебникам. Это что-то от Франции. Мне, допустим, импонирует название Социалистическая партия Франции: вот этот корень – “социализм” – это социально ориентированная экономика» (Белорусы и рынок 2012). Ах, это завораживающее словосочетание «социально ориентированная экономика»! Эта направляющая смысловая ось фрайбургской экономической школы, позже воплотившаяся в программе Эрхарда «Благосостояние для всех», которая долго не давала и не дает покоя постсоветским руководителям, не способна напомнить им при этом, что такой тип экономики был осуществлен в условиях развитого капитализма, от которого как «пережитков прошлого» уже советские люди давно освободились.

Украинские «вожди» в выборе зарубежных аналогов были, напротив, долго единодушными – шведский социализм, который они строили вплоть до 2004 г., далее короткий период «оранжевой» дестабилизации, в 2010 г. наконец все застабилизировалось. «Пришли все свои. Все обнулилось», – так Кучма объявил о завершении создания олигархической республики, забыв, что поначалу-то речь шла о социальном государстве, но в ходе построения оно редуцировалось лишь к социальным сортам хлеба.

В Беларуси государственная идеология социального государства наработала более весомые результаты: рост ВВП и зарплат, сохраненная система здравоохранения, и, главное, по мнению самих белорусов, дотирование ЖКХ, кредитное жилье и отсутствие бедности. Совсем неплохо, особенно по сравнению с украинскими достижениями. Но, невзирая на щедрую государственную поддержку, источники жизнеобеспечения те же, что и в Украине: теневая и семейная экономика, трудовая миграция. Например, в 2011 г. прогнозировалось, что в поисках работы 250 000 белорусов уедут в Россию и более 90 000 в Украину (Sociological study).

Удивительно, что никто из респондентов не вспомнил о демократии, сущность которой в общем так и осталась непонятной для советских людей: народовластие или власть «Советов без коммунистов», электоральная демократия? Здесь важно напомнить: если для постсоветской Украины традиционным было массовое голосование за коммунистов, то для Беларуси это было не характерно, что также образует феномен парадоксального белорусского советского человека. Тема электоральной демократии, или демократии вообще в постсоветских странах, заслуживает отдельного изучения, но уже сейчас можно говорить об ее особенностях. Политика авторитаризма, унаследованная и после краха тоталитарного СССР, благодаря электоральной поддержке постсоветских людей, не способных видеть и хотеть другого стиля правления, кроме «сильной руки», функционирует, приобретая в каждой стране свои характерные черты. При этом, что интересно, оценка состоянию демократии в стране дается исходя из личного представления о демократии, которое, очевидно, отражает лишь оценку социально-экономического положения, собственного благосостояния без учета таких незначимых факторов, как свобода слова, печати, собраний и, главное, индивидуальная ответственность за свой электоральный выбор и происходящее в стране. Однако, по результатам сравнительного исследования ВЦИОМ в 2004 г., эффективность демократии оценивается гражданами в зависимости от реализации права на достойную жизнь: «И в России, и на Украине, и в Белоруссии удовлетворенность демократией тем выше, чем выше уровень материальной обеспеченности, и наоборот. Если в России удовлетворены развитием демократии прежде всего молодые и образованные, то в Белоруссии – старшие с низким уровнем образования возрастные группы, а в Украине все возрастные и образовательные группы» (Петухов 2004: 3–17). Факт политзаключенных и отношение к ним граждан по понятным причинам оказались вне интересов этого исследования ВЦИОМ, что, однако, не снижает актуальности темы в контексте изучения общего состояния демократии. В ходе демократического развития Украины после 2010 г. новое явление политзаключенных в Украине вызвало волну негодований со стороны не только ЕС, но и России, а также самих украинцев. В Беларуси начиная с 2001 г. все президентские выборы сопровождались или заканчивались очередными новыми арестами кандидатов на пост Лукашенко и

им сочувствующих. Сейчас таковых политзаключенных насчитывается до 50 человек, и трудно предугадать, сколько их будет в 2015 г., если, следуя совету Лукашенко, для своего освобождения им нужно читать «Советскую Белоруссию». Поэтому оценка удовлетворенности большинства демократией в авторитарных странах на основе материального благополучия без учета мнения меньшинства имеет очень сильный привкус лобио, потребление которого увлекает население куда больше, чем критика репрессий политического инакомыслия или чувство ответственности за свое участие/неучастие в выборах. Таким образом демократия сводится к праву на работу, заработку на проживание, обеспечению своей семьи, что укрепляет позиции Лукашенко.

Важным для достижения адекватности оценки отношения к демократии в этих странах является обращение к результатам анализа ценностных структур граждан Украины и Беларуси в исследовании проблем Восточного партнерства (рук. Е. Коростелева, 2008–2011). В целом для обеих стран была выявлена некая базовая однородность ценностной структуры: для белорусов приоритетными являются ценности мира, терпимости, уважение к различным культурам и религиям, культурному наследию, а для украинцев – терпимость, мир, уважение к различным религиям, демократия и сохранение культурного наследия. Выделены основные отличия: ценность демократии для украинцев значимее, чем для белорусов (ранг 4 и ранг 8), как и рыночная экономика (ранг 7 и ранг 12) и свобода выбора, либерализм (ранг 9 и ранг 15), хотя ранг прав человека у белорусов выше, чем у украинцев (6 и 10) (Восточное партнерство 2011: 152, 193).

Безусловно, ценностный анализ является важнейшим инструментом изучения не только удовлетворенности состоянием демократии в постсоветских странах, но и фиксации глубинных изменений, происходящих в постсоветский период. Собственно говоря, благодаря такому анализу определяются основные составляющие (аспекты) социальных последствий транзитного периода. В громком «хоре» недовольных всем украинцев важно отметить приоритетность сохранения ценности интересного труда и (главное отличие от других постсоветских стран) увеличение когорты желающих открыть собственное дело с 10% (2005) до 30% (2010) с вполне объяснимым спадом до 28% (2012). В России идет снижение и без того мизерных значений такой исключительно важной оценки «качества» рыночного сознания в обществе – с 4–6% (2010) до 2.6% (2013). Сложный для украинского общества период своеобразных рыночных преобразований можно рассматривать как школу не столько повседневного, сколько рыночного выживания, что кардинально отличает украинцев от белорусов. Очевидно, что белорусская экономика, зависимая и несамостоятельная, без рыночных преобразований, развития конкуренции и становления частной собственности не сможет больше обеспечивать социальную программу в рамках политики социального государства. Перераспределение доходов в стране без реальных экономических факторов развития, административное повышение зар-

платы привели к уплощению социальной структуры, катастрофически снизив трудовую мотивацию, сведя всю ее структуру к поиску лучшего заработка, а главное – комфортных условий. Практически условный частный сектор белорусской экономики, маргинализированной сферой торговли и очень неразвитой сферой услуг, не может стать отправной точкой рыночных преобразований, без которых экономике уже не выжить при условии сохраненной советской индустриальной инфраструктуры, продукция которой уже не реализуется по причине своей неконкурентоспособности. Но можно ли будет даже при гипотетической смене политического курса совершить преобразования в условиях практически господствующих антирыночных настроений граждан, базовых для формирования политико-экономической белорусской модели постсоветского периода? Не потому ли теряет Беларусь через эмиграцию ежегодно 3% своих граждан, невзирая на улучшение статпоказателей и общего социального самочувствия? Это страна, где заработок не должен превышать заработок рядового рабочего больше чем в 3.5 раза, а привилегированный класс верноподданнических нуворишей, «сбив» свой капитал в период «экономического чуда», как и около 50 протоолигархов, обеспечивающих стабильность властного клана, в противовес Украине и России не имеют права на демонстративное потребление, обеспечивая жизненность мифа об эгалитарном обществе. Во многом Беларусь выглядит именно так, как хотелось Лукашенко: старое, эгалитарное, атомизированное общество, ведомое железным правилом вечного патерналистского государства, всецело преданное прославлению советского прошлого… (Sociological study). Замкнутость, советскость и денационализация, архаизация и вторичность культурных образцов, ограниченность жизненных притязаний, даже с достижением большей частью белорусов советского высшего стандарта квартира-машина-дача, – сегодня почти непреодолимые препятствия на пути демократизации и либерализации. Важен также аспект, подмеченный М. Рябчуком: если украинцы преимущественно оценивают себя по европейским стандартам, то белорусы оценивают свою жизнь в целом по советским стандартам и поэтому выражают свое удовлетворение (Рябчук 2009: 186–205). Это положение было полностью подтверждено в ходе этнографического исследования.

Таким образом, исторический опыт двух стран, учитывая различный характер политико-экономических преобразований постсоветского периода, указывает в значительной степени на наличие общих тенденций установления авторитарного характера политического управления, преобладание ценностной модели, общей для советской традиционной ментальности, на активизацию и актуализацию определенных социальных повседневных практик и навыков выживания, приобретенных в советское время, нежели на ценностные особенности национального характера. Обращаясь к термину социального контракта, активно используемому зарубежными исследователями постсоветских стран, важно подчеркнуть, что реализация такой политики проходит авторитарным

способом с разной степенью репрессивности в соответствии с ценой и стоимостью государственной защиты взамен свободы. Беларусь здесь отличает то, что «механизм диктатуры Лукашенко включает вознесение государственной идеологии до статуса социальной науки. Советские ценности преподносятся как краеугольный камень белорусской идентичности, другим таким выступает восточный славизм, в котором белорусы станут русскими, но со знаком качества» (Wilson 2011). Но тут же вспоминается мнение незабвенного Ч. Милоша, который, характеризуя белорусов как пассивных, беспомощных и покорных судьбе, отметил очень важное обстоятельство, что «такая масса легко, вместо того чтоб стать субъектом, может стать объектом в чужих руках… В этом аморфном обществе не хватало узлов кристаллизации, так ярко выраженных у прибалтов. Отсюда, возможно, готовность принять такие узлы извне» (Милош 2007: 73). Пожалуй, только у Милоша единственный раз я встретила обозначение белорусов, проживающих на своих землях как общество, пусть аморфное, но общество, а не население, термин, которым маркируют себя и сами белорусы, и социологи. Да, после семидесятилетней истории советского народа общество как интегрированная система связей только начинает создаваться на постсоветском пространстве, опаздывая или даже отстраняясь от непонятного внешнего мира, как в случае Украины и Беларуси – регионального лимитрофа. Если Украина, раздираемая региональными противоречиями, стоит посредине, одинаково колеблясь в сторону Запада и Востока, т.е. между ЕС и ТС, то Беларусь, расколотая поколениями, даже будучи в ТС, в подавляющем своем большинстве (72.5%) выбирает третий, свой особенный, белорусский путь (Вардаматский 2013). З. Бжезинский уже отнес эти неопределившиеся страны к числу геополитически вымирающих видов.

«Пережить своего Салазара» – такое сентенциозное высказывание одного из респондентов (что говорит о принятии феномена как данности) стало рефреном моего сравнительного исследования современной Беларуси и Украины как социальных государств, степень советизированности которых и определила меру готовности к принятию авторитарного социального контракта исключительно патерналистского содержания советского образца. Ближайшее время покажет, придется ли «украинцам лишь позавидовать белорусам, которые, не тратя времени на амбициозные европейские эксперименты, сразу взялись за построение скромной провинциальной “суверенной демократии китайского образца”» (Рябчук 2009: 186–205). Ну а белорусам в более длительной перспективе осталось определиться с выбором своего великого белоруса. И если португальцам для этого понадобилось тридцать лет, то у белорусов еще могут быть варианты.

Литература

Алашеев, С., Варшавская, Е., Карелина, М. Подсобное хозяйство городской семьи // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / под ред. В. Кабалиной и С. Кларка. РОССПЭН, 1999. С. 127–156.

Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Блеск и нищета индекса человеческого развития в Беларуси. 11 марта 2004 г. // Наше мнение. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.nmnby.eu/news/analytics

Бокун, Н.Ч. Измерение и регулирование теневой экономики: теория и методология. Минск: БГЭУ, 2011.

Буравой, М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 3–12.

Возможности развития частного сектора в Беларуси. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.ekonomika.by/downloads/2:B

Восточное партнерство: проблемы и перспективы / под ред. Е. Коростелевой. Минск: ГИУСТ БГУ, 2011.

Гудков, Л., Дубин, Б., Зоркая, Н. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

Гудков, Л., Зоркая, Н. Стерилизация социальной дифференциации: российский «средний класс» и эмиграция // Мир России. 2013. № 2. С. 3–52.

Девятко, И. Методы социологического исследования. М.: Книжный дом «Университет», 2002.

Деметрадзе, Т. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ // Социологические исследования. 2012. № 3. С.120–127.

Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Гофмана. М.: Канон, 1995.

Кочеткова, Л. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. Вып. 3. С. 69–77.

Левада, Ю. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.

Мілош, Ч. Родинна Європа / пер. з польської Л. Стефановска, Ю. Іздрик. Львів: Літопис, 2007.

Николюк, С. В поисках идеологии, способной сплотить расколотое общество. Междисциплинарная научно-практическая конференция. 3 ноября 2012 г. Институт белорусской истории, культуры и ментальности.

Петухов, В. Россия, Белоруссия, Украина: что нас сближает и что разъединяет // Мониторинг общественного мнения. № 2. Апрель – июнь 2004. С. 3–17.

Попова, И. Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. Киев: ИС НАНУ, 2000.

Радаев, В. Экономическая социология. Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2000.

Рівень життя населення України / за ред. Л.Черенько. Київ: Консультант, 2006.

Роуз, Р. Як розуміти посткомуністичні перетворення. Підхід «із глибини» / пер. з англ. В. Вишневого. К.: Укр. письменник, 2012.

Рябчук, М. «Постсовєтська шизофренія» чи шизофренічна постсовєтскість? Явище суспільної амбівалентності в Україні та Білорусі // Україна модерна. 2009. № 4. С.186–205.
Соколова, Г. Рыночные отношения в Беларуси: от эволюции к инновациям // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 51–57.
Соколова, Г. Социально-экономическое неравенство в Республике Беларусь: индикаторы и механизмы минимизации // Белорусский экономический журнал. 2011. № 1. С. 108–120.
Соколова, Г. Социально-экономическая ситуация в Беларуси с позиций культурной травмы // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 33–41.
Титаренко, Л. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/299/829/1231/015/TITARENKO/pdf/
Федута, А. Лукашенко: политическая биография / под ред. Е. Будинаса. М.: Референдум, 2005.
Храмцов, А. Социальное государство: факторы изменчивости // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 74–81.
Шабанова, М. Проблема встраивания рынка в «нерыночное общество» // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 33–45.
Шевцов, Ю. Объединенная нация. Феномен Беларуси. М.: Издательство «Европа», 2005.
Яковлев, А. Сумерки. М.: Материк, 2005.
Alexeev, M., Pyne, W. A note on measuring the unofficial economy in the former Soviet Republics // Economics in Transition. 2003. Vol. 11(1). P. 153–175.
Hervouet, R. Dachas and vegetable gardens in Belarus: economic and subjective stakes of an «ordinary passion» // The Anthropology of East Europe Review. 2003.Vol. 21. № 1. [Электронный ресурс.] Режим доступа: htpp:// www.scholarworks iu.edu/journals/index php/aeer/article/view/374/449
Pikulik, A. And now , the end is near? Perspectives of Lukashenka's political survival and beyond // BISS studies. 30 November 2010. [Электронный ресурс.] Режим доступа: www.belinstitute.eu/images/doc-pdf.sa201001en.pdf
Schneider, F. The size of the Shadow Economy for 25 transition countries over 1999/00 to 2006/07: What do we know? [Электронный ресурс.] Режим доступа: htpp://econ.jku.at/members/Schneider/files/publications/latestresearch2010/shadecon_25trasitioncountry.pdf
Scott, E. Page. Path dependence // Quaterly Journal of Political Sciences. 2006. № 1. P. 87–115.
Sociological study on the composition of the Belarusian society. May 2012. Policy department. EU Parliament. [Электронный ресурс.] Режим доступа: www.europarl.europa.eu/committees/fr/studiesdownload.html=7399
Zlotnikov, L. The Belarusian «economic miracle» – illusions and reality In Sabine Fischer (ed.). Back from the Cold? The EU and Belarus in 2009. Paris: EUISS Chaillot Paper. № 119. 2009. P. 65–78.
Wilson, A. Belarus : the last European dictatorship. New Haven and London: Yale University Press, 2011.

Вадим Осин

НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ НАУКА УКРАИНЫ: ЧИНОВНИКИ, НАУЧНЫЕ СТЕПЕНИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Abstract

This article examines one of the most specific patterns of power-knowledge in the post-Soviet area, namely, the practice of earning academic degrees by officials. The strategies of doing it in silence and the marginalization of this problem in scientific discourse as well as the explanations offered by journalists and bloggers are reviewed.

The starting point of this research is the thesis according to which it is necessary to explain such a pattern of power-knowledge through the reference to the political regime in Ukraine. It is grounded on the special importance of political relations in the post-Soviet area as a whole and in Ukraine in particular. The thesis about the neo-patrimonial character of the political regime in Ukraine is adopted.

Relevant hypotheses are set up and their verification is carried out by providing the example of earning academic degrees by the heads of regional legislatures and the heads of the regional state administrations in Ukraine during 1991–2013. The results obtained allow to treat the so-called "neo-patrimonial science" as a special segment.

It can be defined as a system of meaningful interactions of academic researchers, business representatives and government agents caused or even determined in its basic features by the intrinsic characteristics of the neo-patrimonial political regime; and it has the final but unique result – the disappearance of texts and the strengthening of the primacy of an academic degree.

In respect to its components peculiar features of "neo-patrimonial science" include 1) the specific contingent of (leading) actors having 2) a special type of (practical) motivation 3) the

grounds of which fit the patrimonial character of the appointed positions, elective offices and – to a lesser extent – executive and managerial positions in Ukraine.

Keywords: patterns of power-knowledge, Ukrainian political regime, neo-patrimonial science, special type of (practical) motivation, aggrandizer, heads of regional legislatures, heads of regional state administrations.

1. Чиновники и (политическая) наука в Украине: слепое пятно западных и отечественных теорий

Исследование постсоветской академии в перспективе *политики знания* в качестве одного из первейших своих условий предполагает необходимость определиться с тем, какие именно паттерны власти-знания являются (наиболее) симптоматичными и характерными на/в соответствующем пространстве. Риск ошибиться в данном случае необычайно высок, так как смысл, сообщаемый каждым ученым деятельности, в которую он вовлечен, уникален, а потому может быть обобщен лишь с огромными потерями в плане информативности и даже адекватности. Подобный во многом априорный выбор является также и глубоко экзистенциальным, так как в максимальной мере обусловлен особенностями личной включенности в политическую науку, но никак не объемом и качеством прочитанной литературы.

Показательной в этом случае выглядит ситуация с наиболее загадочным паттерном власти-знания в Украине – получением научных степеней премьер-министрами и министрами Украины, губернаторами, главами областных советов народных депутатов и т.п.

Типичный образец определяющей роли должности в актуализации скрытых научных интересов и превращении до того ничем не примечательных чиновников в энциклопедически образованных титанов эпохи Возрождения дает Куйбида Василий Степанович, научная карьера которого в схематическом виде представлена ниже.

Базовое образование: факультет прикладной математики и механики Львовского государственного университета им. И. Франка (1980).

Работа: инженер и старший инженер СПКБ Львовского политехнического института, младший научный сотрудник Львовского политехнического института, ведущий инженер Института «Укрзахідцивільпроект» (1980–1990).

Актуализация научных интересов–I: голова Львовского городского комитета народного контроля (1990–1991), голова комитета контроля Львовского городского комитета народных депутатов (1991–1993).

Акме–I: кандидат физико-математических наук («Нелінійний аналіз слабо збурених нелінійних динамічних систем на функціональних многовидах і деякі суміжні задачі математичної фізики», 1992).

Актуализация научных интересов–II: мэр Львова (1998–2002).

Акме–II: кандидат юридических наук («Конституційно-правові основи самоврядування в містах обласного значення», 2001) и доктор наук по государственному управлению («Організаційно-функціональні принципи і методи діяльності органів місцевого самоврядування», 2003).

Автор более 150 статей в области математики, экономики, теории управления и правоведения. Автор и соавтор 10 монографий (1999–2005): «Місцеве самоврядування і управління територіальним розвитком: історичні аспекти, сучасні реалії і проблеми удосконалення» (1999), «Конституційно-правові проблеми міського самоврядування в Україні» (2001), «Сучасні проблеми і регіональні особливості місцевого самоврядування в Україні» (2001), «Інформатизація муніципального управління» (2002), «Основні засади освітньої політики міста Львова: Стратегічний документ» (2000, співав.), «Регіональна політика: Методологія, методика, практика» (2001, співав.), «Організаційно-функціональні принципи і методи діяльності органів місцевого самоврядування» (2003), «Муніципальне управління: аспект інформатизації» (2004), «Принципи і методи діяльності органів місцевого самоврядування» (2004), «Місцеве самоврядування. Кн. 2. Організація роботи міського голови» (2004, співав.), «Народний Рух України і розбудова модерної української держави» (2005).

Иное: автор четырех поэтических сборников: «Контур» (1991), «Послання стежок» (1993), «Вертикаль стебла» (2003), «Долина відображень» (2003).

Сейчас: глава УНП «Рух».

Рассмотренный пример, в высокой степени репрезентативный и одновременно уникальный в сюрреализме своих исходных положений, выступает, тем не менее, своеобразным «слепым пятном» для всех устоявшихся западных теоретических направлений, касающихся взаимосвязей между властью и знанием.

Здесь не подходит традиционный алгоритм, согласно которому прослеживаются процессы задействования ученых в секретных (и не всегда законных) акциях правительства и транснациональных корпораций, а также выявляется то, каким именно образом укорененность в истеблишменте превращает политическую науку в (излишне) консервативную дисциплину, способствующую, прежде всего, сохранению статус-кво. Хотя бы потому, что используемые категории[1] просто в силу своей всеохватности не могут не иметь отношения к чему бы то ни было.

И даже более тонкий подход, предложенный П. Бурдье (Бурдье 2005: 518–538; Бурдье 2005: 473–517), также далек от идеала, и по причинам, прежде всего, эмпирического характера. В частности, можно предположить, что распространенные факты получения научных степеней украинскими чиновниками объясняются принципом структурной гомологии: тот, кто занимает высокий статус в

одном поле, стремится к занятию высоких позиций в другом. То есть успешные политики и хозяйственники *как бы* естественно расширяют область своего присутствия в науке, привнося в нее свой опыт и знания, тем самым обогащая ту или иную область.

В качестве аргумента можно указать на то, что гипотеза о структурной гомологии имплицирует равнонаправленное движение, то есть сопоставимое присутствие в разных и/или смежных полях представителей «науки» и «власти»[2], в то время как в Украине наблюдается явный дисбаланс, когда можно видеть аномально высокое присутствие представителей власти в науке, но не науки – во власти[3].

Жестокое, однако, разочарование ждет и того, кто надеется на получение исчерпывающей информации о мотивах и основных фактах связи между чиновниками и наукой, предоставленной украинскими и/или постсоветскими исследователями.

Ведь если об этом и говорят, то весьма симптоматичным образом. Используют, как правило, стратегию маргинализации, по условиям которой исследователи не стремятся акцентировать внимание на соответствующих фактах и гипотезах, изгоняя их в сноски[4]. Или же низводя их статус с «заслуживающих самого пристального внимания» к «достойным упоминания (лишь) в ряду других проблем»[5]. Подобное восприятие указанного паттерна власти-знания присуще и специальным, узкопрофильным исследованиям политики знания на постсоветском пространстве[6].

Можно указать на множество причин, в силу которых явление, нуждающееся в обязательном описании-концептуализации, остается вне сферы внимания академических исследователей. С точки зрения *внешней* проще всего усмотреть объяснение в некоем абстрактном страхе перед отнюдь не абстрактными санкциями, вроде как должными воспоследовать за публикацией результатов соответствующих изысканий. С *этической* точки зрения причина заключается в том, что наиболее активно эту проблему обсуждали журналисты[7], тем самым застолбив за собой этот топик. Кроме того, поскольку для (подавляющего) большинства академических исследователей журналистика воспринимается как вид деятельности, излишне сфокусированный на преходящем и сенсационном, то логично допустить, что подсказывает *стереотипическое* видение: говорить (в дальнейшем) о *таких* материях приличествует, скорее, журналистам, но никак не серьезным, профессиональным исследователям. С *эпистемологической* точки зрения основные мотивы чиновников хорошо известны, и они представляются совершенно тривиальными. А потому подходить к ним теоретически столь же легко, как рассуждать концептуально, скажем, о чувстве голода. Наконец, с *демаркационной* перспективы можно также предположить, что за игнорирование этой темы ответственна – частично – некая дисциплинарная неловкость, когда проводится четкий водораздел между «настоящей» политической наукой, о про-

блемах которой только и пристало говорить академическим ученым, и «ненастоящей», знание о которой нерелеватно и даже в какой-то мере постыдно. Очевидно, что получение научных степеней украинскими чиновниками высшего ранга относится именно к «ложной» или «симулякративной» политологии, особенности которой признаются нерелевантными.

Каковы бы ни были действительные причины игнорирования этой проблемы, необходимо констатировать, что более чем узнаваемый паттерн власти-знания в Украине и на всем постсоветском пространстве в научном дискурсе не воспринимается в качестве того, что Х.-Й. Райнбергер назвал «эпистемической вещью» (Райнбергер 2007: 286).

2. Сервильность, золотой парашют, компетентность и еще три мотива чиновников в блогах, интернет-публикациях и неформальном обсуждении

Молчание академических ученых вынуждает обратиться к сфере, где практика получения научных степеней (украинскими) чиновниками получает внимание, в целом характерное для времени, где размер сообщения в 140 символов кажется более чем приемлемым. Я не считаю предлагаемые журналистами и блогерами объяснения удовлетворительными, но лишь такими, которые следует признать *рационализациями* действительных побудительных мотивов. Однако желание разобраться с подлинными рамками, в которые вписаны действия чиновников, также требует хотя бы краткой характеристики наиболее интригующих из предложенных объяснений.

1. **Денежный мотив** – один из наиболее популярных в умах тех, кто задумывается о причинах, толкающих чиновников высшего ранга получать научные степени. Однако он маловероятен, в частности, в силу избранного масштаба: для глав областных государственных администраций, областных советов (а также премьер-министров, министров Украины и подобных групп чиновников) доплата за научную степень вряд ли выступает в качестве сколь-нибудь действенного побуждения. Как известно, «надбавки к зарплате у защищенных кадров составляют от 20 до 200 грн. Такие деньги вряд ли могут оправдать затраты на получение степени» (Котова). К тому же, большинство чиновников даже не знают о размере надбавки (Зоткин 2010).

2. **Административный мотив**, или золотой парашют, т.е. получение научных степеней «на всякий случай» (Гельман 2010) или «в качестве запасного аэродрома», например, в виде приземления на ректорскую или деканскую должность (Зоткин 2010). Может *показаться* хорошим аргументом, но только в свете данных, иллюстрирующих, что (значительное) количество чиновников из указанных групп после выпадения из «административной обоймы» шли работать в систему высшей школы. Однако если взглянуть на губернаторов, то окажется,

что из 108 человек, имеющих научную степень, от 19 до 26% губернаторов *воспользовались* возможностями, даруемыми их научными степенями, чего недостаточно для признания обоснованности предположения, согласно которому чиновниками движет желание иметь «запасной аэродром».

3. **Символический мотив**, или желание повысить собственный престиж/статус путем приобщения к освященному временем источнику настоящего знания. Другими словами, речь идет об усмотрении в практике получения степеней признаков престижного потребления (Гельман 2010) – по аналогии с демонстрационным потреблением Т. Веблена (Веблен 2010). Рассуждения а-ля Веблен воспринимаются в качестве правдоподобных, тем более что в его описании праздного класса интуитивно угадываются характеристики *в том числе* и чиновничьего сословия: «Образ мысли, характеризующий жизнь праздного класса, постоянно вращается вокруг личного господства и завистнического представления о чести, достоинстве, заслугах, статусе и обо всем, что с ним связано» (Веблен 2010: 349–350).

Проблема, однако, заключается в невозможности понять, что именно *демонстрируется в случае получения научных степеней чиновниками*. Ведь лежащее в основании демонстрационного потребления «излишнее материальное потребление» просто есть способ «демонстрации факта обладания богатством» (Веблен 2010: 120). В основании демонстрационного потребления лежат исключительность и/или редкость: богатство есть не у всех, а потому выпячивание дорогих и бесполезных вещей есть некий код, позволяющий узнать своих. Как можно осуществить подобную демаркацию в условиях, когда научную степень в Украине может получить любой аспирант, обладающий толикой настойчивости? Обе степени эквивалентны, чего нельзя сказать о получающих их индивидах, а потому референт демонстрации остается загадкой.

Не говоря уже о том, что в украинских реалиях научные степени обладают подлинной престижностью, к умножению которой стоит стремиться. В крайнем случае, речь стоило бы вести о степенях, присуждаемых, скажем, Чикагским или Гарвардским университетом, но мне не известны случаи позиционирования украинских чиновников в качестве остепененных указанными выше институциями.

4. **Терапевтический мотив**, то есть стремление избавиться от комплекса неполноценности (Я ще вшивати вмію) и достичь духовного превосходства над средой (см.: Котова). Этот мотив трудно операционализируем, прежде всего, по причинам источникового характера: практически невозможно найти валидные данные, которые бы позволили осуществить *текстуальный психоанализ* дискурса чиновников.

Следующие мотивы сформулированы на основании *преимущественно* неформального обсуждения основных положений данной работы с коллегами по академии.

5. **Визуализация компетентности**, то есть стремление чиновников легитимизировать свое положение в глазах более широкой аудитории и продемонстрировать эффективность собственной деятельности путем получения сертификатов, распространенных в credential society.

В этой связи можно указать на обстоятельство, согласно которому «во всем мире формальные свидетельства о профессиональной пригодности подвержены очень быстрой инфляции по мере их распространения среди растущего числа претендентов на элитные позиции» (Дерлугьян 2010: 91). Соответственно, потрясающие воображение масштабы распространенности практики получения степеней украинскими чиновниками автоматически нивелируют подобную гипотетическую цель последних.

6. **Сервильность постсоветской академии**, истоки которой можно видеть в несколько демонизируемом наследии советского прошлого, где наличествовала весьма тесная связь между идеологией и наукой. Насколько можно судить, именно в этом контексте некоторые исследователи упоминают сервильность и сервильный характер украинской политической науки. В частности, С. Рябов понимает под последним такую взаимосвязь: «Серед науковців виникає спокуса підпорядковувати знання владі, перетворити їх на засіб її обслуговування і у такий спосіб здобути причетність до влади. Політики вбачають у можливості наукового обґрунтувати свої дії (навіть якщо таке обґрунтування виявляється “побудованим на піску”) додаткову можливість здобути авторитет і легітимність» (Рябов 2005: 70).

Неудовлетворительность интуитивно привлекательного понятия *сервильности* коренится в отсутствии соответствующей эмпирической базы. Прежде всего, не совсем понятно (а точнее, вообще непонятно), каковы на самом деле *взаимоотношения* между чиновниками и теми, кто так или иначе способствует их защитам. На самом деле любое объяснение, указывающее на отношения подчиненности, должно в обязательном порядке учитывать наличие именно взаимосвязи между теми или иными основными игроками, ибо единственно по характеру связи основных элементов мы можем отличать одно явление от другого.

3. Неопатримониализм и неопатримониальная наука в Украине: основные положения

Несмотря на имеющееся разнообразие теоретических подходов, достаточно обычным и распространенным положением в рамках политики знания выступает тезис, согласно которому структура (науки, научного поля, академии и т.п.) в своих сущностных чертах воспроизводит структуру (общества, социального пространства, политической расстановки сил) (Бурдье 2005: 520–521). Руководствуясь этим постулатом, я полагаю, что тот паттерн власти-знания, который

сейчас находится в фокусе внимания, **следует объяснять посредством ссылки на политический режим в Украине**. Обоснование подобной гипотезы заключается в особой значимости политических отношений в большинстве постсоветских государств в целом и Украине в частности.

Также немаловажную роль играет и сам масштаб рассмотрения данного паттерна, а именно индивиды, занимающие должности **не ниже** глав областных государственных администраций и советов народных депутатов. Представляется, что условия и предпосылки для защит подобного уровня скорее имеют отношение к особенностям политической сферы, нежели, скажем, к несколько расплывчатому «социальному универсуму».

Масштаб, выбранный в данном исследовании для выявления и объяснения соответствующего паттерна власти-знания, не только определяет выбор основания, на котором проводятся параллели между наукой и ее контекстом, но также диктует ряд требований к теории, в рамках и рамками которой осуществляется концептуализация всех релевантных фактов.

Во-первых, она должна указывать, хотя бы теоретически и/или умозрительно, на мотивацию всех участников взаимодействия. Во-вторых, искомая теория должна не только описывать общий, надындивидуальный характер взаимосвязи между а́кторами, но и вписывать его в (более широкий) контекст. В-третьих, последний должен быть производным, хотя в общих чертах, от политического режима. Наконец, last but not least, искомая перспектива должна допускать операционализацию имеющимися средствами.

Таким образом, если отсутствуют валидные свидетельства, касающиеся того, как именно в Украине происходит процесс инициации, написания и защиты кандидатских и докторских диссертаций, непременным участником которых выступают чиновники, необходимо отбросить все теоретические перспективы, которые полностью базируются на этих данных. Вместо этого следует сосредоточиться на информации, показывающей, какие именно группы чиновников и в каких конкретно условиях имеют наилучшие шансы получить научную степень. И сделать это скорее вопреки, нежели благодаря множеству обстоятельств и факторов, обычно причисляемых к важным и/или основополагающим (социальное положение, культурный капитал семьи, первоначальное образование, длительность и непрерывность инвестиций в научную деятельность и т.п.). Взяв надежный и доступный показатель, следует посмотреть, какая перспектива от него зависит или на нем фундируется.

В качестве рабочей гипотезы я принимаю положение, согласно которому *политический режим в Украине на протяжении практически всего периода ее независимости следует понимать как* ***неопатримониальный***.

Сама же неопатримониальная перспектива применительно к задачам выявления паттернов власти-знания на постсоветском пространстве может быть изложена в виде следующих пяти постулатов.

Во-первых, наиболее очевидной характеристикой неопатримониального режима выступает приватный характер (управления) государством, когда последнее выступает «как частное владение (*патрониум*) правящих групп – носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов» (Фисун 2006: 158).

Вотчинный характер управления государством своим основанием имеет, говоря словами М. Вебера, недостаток «бюрократического разделения сферы публичного и приватного» (цит. по: Фисун 2006: 153), что непосредственно проявляется в доминировании патронажно-клиентарных отношений, которые «играют *ключевую и структурообразующую роль как в определении правил “политической игры”, так и в функционировании политической системы в целом*» (Фисун 2006: 159).

В свою очередь, «отношения личной зависимости» выступают производной от «асимметричного взаимообмена услугами и расположением между сторонами, каждая из которых обладает неравными ресурсами. Патрон защищает своих клиентов, взамен последние оказывают ему всевозможные услуги. Экономические и властные ресурсы первого обмениваются на (политическую и электоральную) лояльность вторых» (Фисун 2006: 158).

Во-вторых, неопатримониальный режим предполагает специфическую, *апроприирующую* (присваивающую) мотивацию «официальных носителей власти».

Как отмечал М. Вебер, «получивший должность человек, как правило, обретал вместе с ней и право на нее. Он владеет средствами управления подобно тому, как ремесленник владеет средствами производства. Из своих доходов он оплачивает издержки управления или отдает господину только часть доходов, оставляя остальное себе. В ряде пограничных случаев должность может быть наследственной и отчуждаемой, подобно любой другой собственности» (цит. по: Фисун 2006: 154).

Другими словами, *неопатримониальная бюрократия*, «которая в значительной степени совмещает функциональные роли административных, политических и экономических элит <…>, основным источником своего существования в той или иной степени имеет не твердо установленное жалованье, а различные пребендальные доходы от капитализации своих функций» (Фисун 2006: 168).

В-третьих, особенностью неопатримониального режима является явное доминирование (частной) власти в важнейших сферах жизни общества, реализуемой административными средствами управления. Вследствие этого, например, «формирование экономического капитала происходит не через присвоение средств производства, а, прежде всего, через присвоение административных средств управления» (Фисун 2006: 167).

В-четвертых, неопатримониальный режим предполагает исключительную роль исполнительной вертикали власти в целом и ее отдельных структур в частности.

Ш. Эйзенштадт, один из творцов неопатримониальной перспективы, прослеживая эволюцию соответствующих режимов, указывал на то, что «развивались тенденции перехода от политических режимов более выраженного представительного или конституционного типа и от бюрократических, судебных и парламентских структур универсалистского характера, представлявших наследие колониального периода, к преобладанию исполнительной отрасли власти вообще, а в ее структурах – к бюрократическим, армейским или политическим кликам, к группам давления и к эфемерным популистским партиям или движениям» (Эйзенштадт 1999: 329).

В-пятых, доминирование в системе властных отношений «центр – периферия» именно центра: «Наиболее существенные особенности неопатримониальных обществ имели основанием структуру центров и отношения между центром и периферией. В большинстве случаев центр в возрастающей степени монополизировал власть и политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и к позициям контроля над последними» (Эйзенштадт 1999: 327).

Изложенные выше положения позволяют одновременно сформулировать ряд релевантных фактов, а также описать и объяснить то, что мы называем *неопатримониальной наукой*, то есть, как сказал бы П. Бурдье, воспроизводство в структуре, рамках и средствами академической логики социальной иерархии и структуры поля власти, присущие политическим режимам Украины.

4. Aggrandizers при неопатримониализме режиме: мотивация украинских чиновников

Операционализация неопатримониальной перспективы возможна не для всех ее положений, и относительно мотивации а́кторов я могу лишь высказать ряд предположений, которые в дальнейшем никак не проверяются. В целом *мотивацию украинских чиновников я полагаю (неопатримониальной) разновидностью мотивации специфического типа личности, в антропологии (первобытных племен) получившего наименование aggrandizer*.

Как указывает ряд авторов (Clark, Blake 1994; Hayden 1998; Plourde 2009), *aggrandizers* – это особая группа индивидов, часто описываемая как три-А личности: агрессивные, амбициозные и алчные. Они присутствуют в каждом обществе и обычно выступают инициаторами изменений в социальной структуре (Plourde 2009: 273; Clark, Blake 1994: 21). Последние являются производной от их неуемных эгоистических устремлений, коренящихся в том, что все *aggrandizers*

обладают «внутренним двигателем, внутренним побуждением улучшать собственные условия жизни и собственный репродуктивный успех» (Hayden 1998: 18–19).

Для *aggrandizers* конкуренция за престиж первична, а ресурсы сами по себе не являются целью (Clark, Blake 1994: 18). Другими словами, обладание престижными вещами важно, прежде всего, как знак, индикатор силы некоей группы и лидера, борющихся за власть и статус с другими кланами и их представителями (Plourde 2009: 272).

Отсюда я рассматриваю научные степени per se в качестве разновидности престижных вещей, которые выступают символом не богатства, но силы в ходе фракционной или клановой борьбы. Их распространение среди украинских чиновников – это вознаграждение, ибо наиболее успешным *aggrandizer* является тот, который «на наиболее надежном основании» может награждать максимальное количество последователей (Clark, Blake 1994: 21).

Кроме того, я полагаю, что характер политического режима накладывает свой отпечаток на мотивацию указанного типа личности. В том смысле, что он благоприятствует рекрутированию в группу обладателей научных степеней тех *высокопоставленных* украинских чиновников, основу мотивации которых составляет *безусловный приоритет* ***действия****, не всегда отрефлексированного и рационально просчитанного*.

Для убеждения в этом достаточно увидеть нечто нерациональное и с точки зрения здравого смысла (абсолютно) абсурдное в действиях чиновников. Я полагаю, что при рассмотрении случая В.С. Куйбиды в тени осталось одно важнейшее обстоятельство: не столько получение степени после занятия высокой должности, сколько *едва ли не прямая зависимость количества и характера получаемых научных степеней от количества и характера занимаемых постов*. И карьера Шмарова Валерия Николаевича служит тому прекрасной иллюстрацией.

Базовое образование: экономист, Киевский государственный университет (1972).

Работа: начальник лаборатории, заместитель начальника отдела, начальник цеха, начальник производства ПО «Київський радіозавод» (1973–1987). Директор Жулянского машиностроительного завода (1987–1992).

Актуализация научных интересов–I (1992–1996): 1-й заместитель гендиректора Национального космического агентства Украины; вице-премьер-министр Украины по вопросам деятельности ВПК; и. о. министра обороны Украины; вице-премьер-министр – министр обороны Украины; министр обороны Украины.

Акме–I: кандидат технических наук («Принципи побудови лазерних систем визначення місцевої вертикалі космічного апарату», 1996).

Актуализация научных интересов–II: гендиректор Государственной компании по экспорту и импорту продукции и услуг военного и специального назначения (2002–2005).

Акме–II: доктор технических наук («Методи дистанційного контролю геометричних параметрів великогабаритних виробів», 2006).

Сейчас: неизвестно.

На этом примере видно, что должность определяет и степень, и ее характер, и их количество. Если вы курируете космическую промышленность страны, ваша диссертация так или иначе будет связана с космической отраслью. В случае занятия руководящего поста в области экспорта и импорта крупногабаритных грузов ваша диссертация будет отражать этот род деятельности. То, что каждый пост несовместим с напряженной научной работой, а также имеет мало общего с другим, – выносится за скобки.

Случаи В.Н. Шмарова и В.С. Куйбиды не совсем типичны – в том плане, что далеко не все чиновники получают и кандидатскую и докторскую степени, не говоря уже о научных степенях по различным специальностям. Однако они типичны в плане соответствия изучаемой практики принципам рекрутирования *aggrandizers* на должности при неопатримониальном режиме.

Борьба за статус и/или власть первична, престижные вещи лишь показывают силу и успех в этой борьбе и они ничего не значат сами по себе. И это создает ситуацию гротеска и сюрреализма, ибо иначе мотивы, заставляющие чиновников получать несколько научных степеней, причем получать их в зависимости от занимаемой должности, вообще непонятны: зачем две, три, четыре ложки, если рот один? Зачем два, три, четыре стула, если место-на-них-взгромождения тоже одно? Зачем копить (научные) степени, если их количественный рост автоматически нивелирует престижность владения по причине снижения вероятности их подлинности? Зачем в конечном итоге тратиться на то, что экономически и репутационно невыгодно?

Приняв абсурд подобной практики в качестве именно абсурда, я полагаю, что в данном случае речь идет о весьма специфической, апроприирующей (присваивающей) мотивации *aggrandizers*, которая должна быть рассмотрена с двух точек – структурной и личностной. Во-первых, важен контекст, укорененный в изжитом, казалось бы, прошлом, когда «получивший должность человек, как правило, обретал вместе с ней и право на нее», включая также и возможность капитализации всех (открывающихся) при этом возможностей. То есть мы имеем дело с неким извращенным отражением известного стремления к самоактуализации с той оговоркой, что потенциал в данном случае находится не внутри самости, а напрямую подчинен должности, то есть аскриптивен по своей сути.

Во-вторых, такое восприятие базируется и одновременно становится возможным благодаря определенному складу личности. Его формальной ха-

рактеристикой можно полагать *немедленное использование всех имеющихся возможностей*: чиновники получают степени просто потому, что у них есть возможность их получать. Для личности с такого рода складом не воспользоваться (какой-либо) возможностью – вот подлинное преступление и основание для презрения со стороны (окружающих / подобного круга лиц). И любые другие попытки расчленить этот континуум обречены на провал, ибо будут представлять собой (психическую) рационализацию ситуации, в которой действие важнее и приоритетнее слов.

В этом смысле парадигмальный пример связи власти-знания в Украине являет Николай Петрович Сорока, бывший губернатор Ровенской области.

Базовое образование: Украинская сельскохозяйственная академия, «инженер-механик сельского хозяйства» (1974).

Работа: главный инженер колхоза им. Б. Хмельницкого Новоград-Волынского района, заместитель управляющего, главный инженер Рокитневского районного объединения «Сельхозтехника» Ровенской области, начальник управления, заместитель председателя по экономическим вопросам Ровенского областного объединения «Сельхозтехника», начальник отдела новой техники Ровенского областного агропромышленного комитета, глава Ровенского областного производственного объединения «Агропромремтранс», генеральный директор Ровенского областного производственного объединения «Облагротехсервис», генеральный директор Ровенского областного государственного предприятия по материально-техническому и сервисному обеспечению «Облагротехсервис», глава правления ОАО «Ровенское областное государственное предприятие по материально-техническому и сервисному обеспечению “Облагротехсервис”».

Актуализация научных интересов–I: глава Ровенской областной государственной администрации (1997–2005).

Акме–I: кандидат экономических наук («Організаційно-економічний механізм екологізації підприємницької діяльності», 2000).

Автор трех монографий: «Інвестиційна привабливість агропідприємництва» (2000), «Економічна стратегія екологічного розвитку підприємницьких структур» (2000), «Організаційно-економічний механізм екологізації підприємницької діяльності» (2001).

Акме–II: научное открытие № 225 «Закономірність стабілізації температури гірничих порід на межах геологічних формацій, що вміщують точкові термічні джерела» (реєстр. № 268 от 28.05.2003, г. Москва).

Сейчас: народный депутат Украины.

Подобно другим ранее рассмотренным примерам данный случай убеждает в том, что научная степень получается только после занятия высокой администра-

тивной должности – и происходит это спустя более четверти века после получения базового образования. Также стоит отметить чрезвычайно высокую продуктивность в релевантный период, то есть все те черты, которые характеризуют и других высокопоставленных чиновников.

Новизна же заключается в более отчетливом понимании того, что речь идет не столько о связи между должностью и степенью, сколько о связи между определенным социальным институтом и личностными конструктами рекрутируемых *aggrandizers*. Губернатор, «без отрыва от производства» получающий научную степень, публикующий научные монографии и при этом на серьезном, профессиональном уровне занимающийся геологическими изысканиями, – можно ли представить себе лучшую иллюстрацию человека, все релевантные качества которого редуцируемы исключительно к способности немедленной капитализации всех имеющихся в его распоряжении возможностей?!

Именно в этом «пункте» и сходятся психические характеристики личности *aggrandizer* и политический контекст ее деятельности. Неопатримониальный режим, основывающийся на клиентарно-патронажных отношениях, повышает риски занятия «политической» деятельностью, так как во многом все зависит от личного и часто неустойчивого расположения патрона. Это также благоприятствует рекрутированию на административные должности индивидов с особым психическим складом: способных мгновенно ориентироваться в перманентно меняющейся конъюнктуре всегда политически-личного. Это амбициозные, склонные к риску ради достижения самых незначительных преимуществ в статусной борьбе личности, алчные ко всяким престижным вещам и агрессивно их добивающиеся.

Их действия, как следует, подчинены логике мгновенного использования всех имеющихся возможностей в личных целях – потому, что неустойчивая-в-своей-устойчивости политика при неопатримониализме может больше не предоставить никаких возможностей. А также потому, что внутреннее побуждение к утверждению себя через обладание вещами, как правило, достающимися в жесткой конкуренции, есть отличительная характеристика *aggrandizer*.

И чем выше уровень развития этих качеств, тем выше шансы на успех в рамках этого типа режима. И тем выше полнота их (про/вы)явления в научной сфере, когда каждая (новая) должность открывает возможности, реализация которых представляется едва ли не инстинктивной и плохо коррелирующей с сиюминутными рациональными соображениями в системе «расходы/доходы».

Таким образом, суть мотивации чиновников, получающих научные степени в связи с занимаемыми должностями, заключена в неопатримониальном характере украинского политического режима. Именно он задает своеобразную систему координат, при которой не воспользоваться имеющимися возможностями – это само себе есть основание для негативной стигматизации и исклю-

чения из рядов группы *aggrandizers*. Действия по немедленной и/или тотальной капитализации должностных полномочий представляют собой безусловный рефлекс и/или категорический императив, даже если они – как в случае с получением научных степеней – очевидно и вопиюще нерациональны.

5. Неопатримониализм и неопатримониальная наука в Украине: гипотезы и операционализация

Оставшиеся положения вполне позволяют сформулировать на их основании и верифицируемые гипотезы, и операционализацию имеющимися средствами.

Гипотеза 1. *Если в Украине существует неопатримониальная наука, следует ожидать доминирования в ней процессов формирования научного капитала посредством административных средств управления последним.*

Гипотеза 2. *Если в Украине существует неопатримониальная наука, следует ожидать отражения в ней исключительной роли исполнительной власти в целом и ее отдельных структур в частности.*

Операционализация. Понятие «формирование научного капитала посредством административных средств управления» вводится нами по аналогии с известной тенденцией неопатримониальных режимов, согласно которой накопление (экономического) богатства «происходит не через присвоение средств производства, а, прежде всего, через присвоение административных средств управления».

Другими словами, успех в экономической деятельности предполагает не создание благоприятных условий для инвестиций, внедрение инноваций и перманентную модернизацию производства, а, прежде всего, доступ к позициям, дающим возможность перераспределять ресурсы. Соответственно, преломление в академии этого принципа означает, что успех в научной деятельности связывается с контролем над позициями, позволяющими получать научные степени и делать это, игнорируя обязательные, казалось бы, атрибуты наподобие успешного решения головоломок или разработки идей, могущих стать основанием для формирования (новой) (интеллектуальной) идентичности.

В свою очередь, если научные степени получаются индивидами извне (академии), как бы имеющими очевидный приоритет перед любыми другими группами, мы вправе ожидать дисбаланса, принципиально отражающего наличие более высокого социального статуса у представителей одних профессий в сравнении с другими вне академической среды.

Поскольку неопатримониальная перспектива имплицирует очевидный приоритет политической сферы, можно прогнозировать менее высокий процент защит диссертаций представителями бизнеса и более высокий – политиками.

Кроме того, в рамках последних мы ожидаем обнаружить явный перекос в пользу «представителей исполнительной власти», то есть индивидов, защищающих диссертации и как итог получающих научные степени во время пребывания на должностях, связанных с *управлением* государственными делами.

Соответственно, необходимо выделить три разновидности должностей, релевантных данным гипотезам:

– хозяйственно-управленческие должности, получаемые в ходе (само)назначения или избрания совета акционеров и предполагающие непосредственное решение экономических задач, направленных на получение прибыли возглавляемым предприятием;

– выборные должности, то есть «должности в государственном аппарате или системе местного самоуправления, занимаемые в результате избрания либо населением, либо представительным органом государственной власти или местного самоуправления»;

– должности, замещаемые исключительно путем назначения, введения в штат с присвоением чина и подчинения нормам устава и направленные на решение организационно-управленческих задач, предусмотренных в той или иной области соответствующим государственным органом (далее – назначаемые должности).

Таким образом, верификация двух вышеизложенных гипотез предполагает фиксирование того, на какой именно должности (назначаемой, выборной или хозяйственно-управленческой) пребывал тот или иной чиновник в момент защиты своей диссертации.

Гипотеза 3. *Если в Украине существует неопатримониальная наука, то следует ожидать преобладания в ней чиновников, которые свои научные степени получали во время пребывания на релевантной должности, а не тех, которые демонстрируют карьеры, присущие «нормальным» ученым.*

Операционализация. Данная гипотеза постулирует, что количество чиновников в (неопатримониальной) науке должно быть выше аналогичного показателя ученых в чиновничьем аппарате. Кроме того, одна из импликаций данной гипотезы заключается в убеждении формирования и/или существования неопатримониальной науки в период независимой Украины, но не в предшествующие периоды.

Соответственно, верификация этой гипотезы предусматривает фиксацию фактов получения научных степеней чиновниками, распределяемых в зависимости от того, на какой должности и в какое время все это происходило:

– чиновники, получившие научные степени после обретения Украиной статуса независимого государства и до занятия назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей;

– чиновники, защитившие диссертации в советское время, но после занятия хозяйственно-управленческих и иных должностей;

– чиновники, ставшие кандидатами и/или докторами наук в советское время и до занятия хозяйственно-управленческих и иных должностей;

– чиновники, получившие научные степени после 1991 г. и после занятия назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей.

Гипотеза 4. *Если в Украине существует неопатримониальная наука, следует ожидать отсутствия в ней «ясно определенных сфер компетенции, которые являются объектом имперсональных правил», вследствие чего не имеет особого значения «специальная подготовка в качестве необходимого условия».*

Операционализация. Научная деятельность подобно любому другому виду деятельности в целях достижения успеха (под которым мы в данном случае понимаем исключительно один формальный показатель – получение научных степеней) предусматривает процесс длительных и непрерывных инвестиций. Последние, в частности, включают *мотивированный* выбор образования, а также определенный период времени, требуемый как для формирования релевантных навыков, так и для разработки собственных идей. Конечным итогом становится приобретение особого сознания и компетенции, отличающих представителей различных профессиональных групп, и достижение определенного места в профессиональной иерархии на основании критериев, апробированных в ходе (всего) развития той или иной научной области.

Наличие неопатримониальной науки должно означать отрицание всего вышесказанного, особенно в части, касающейся выбора образования и непрерывности накопления научного авторитета.

Соответственно, неопатримониальная наука предполагает, с одной стороны, несовпадение базового образования со специальностью, по которой проходит защита кандидатской и/или докторской диссертаций чиновниками. С другой стороны, ею имплицируется значительно больший разрыв между получением образования и защитой диссертаций со стороны чиновников, нежели то можно наблюдать среди других профессиональных групп.

Таким образом, верификация данной гипотезы включает фиксирование двух показателей – базового образования и количества лет, прошедшего между получением (первого) образования и защитой чиновником своей диссертации.

Гипотеза 5. *Если в Украине существует неопатримониальная наука, следует ожидать в ней процессов приватизации научных институтов, выступающих в роли источников «собственных частных доходов».*

Гипотеза 6. *Если в Украине существует неопатримониальная наука, следует ожидать доминирования в ней «центра», а не «периферии».*

Операционализация. Частный характер власти при неопатримониальных режимах предполагает, в частности, рассмотрение практически всех социальных институтов в качестве собственной вотчины, характер операций с которой не ограничен никакими соглашениями или договоренностями. Определенный ранг во властной иерархии открывает доступ к целому ряду подчиненных институтов, в том числе и высшей школе, контроль над которыми фактически равняется их владению. Быть чиновником при неопатримониальном режиме – это, по сути, приватизировать множество «общественных функций и институтов», точное количество и полнота контроля которых определяются рангом и длительностью пребывания в должности.

Соответственно, неопатримониальная наука может означать ситуацию, при которой чиновники, дольше всех находящиеся на соответствующей должности, имеют лучшие шансы на получение научной степени в (региональном) специализированном научном совете, располагающемся непосредственно в сфере влияния той или иной должности. С другой стороны, чиновники, меньше всего пребывающие при власти, должны с большей вероятностью получать степени в центре, выступающем таким образом в качестве монопольного распорядителя ресурсов и ценностей.

Таким образом, верификация данной гипотезы предполагает классификацию чиновников, получающих научные степени в зависимости от времени пребывания на должности, а также фиксацию места расположения специализированных советов по принципу «центр/периферия».

Гипотеза 7. *Если в Украине существует неопатримониальная наука, следует ожидать темпоральной динамики ее сущностных характеристик, отражающих этапы становления неопатримониального политического режима Украины.*

Операционализация. Данная гипотеза предполагает, что генезис любого политического режима является долгим процессом, а потому наиболее значимые его характеристики будут по-разному или с неодинаковой интенсивностью проявляться в те или иные периоды времени. Относительно украинского режима мнения исследователей расходятся, но большинство все же полагает, что наибольшей силы он достиг во время второго срока президентства Л. Кучмы. Соответственно, ранее выделенные индикаторы неопатримониальной науки в Украине должны демонстрировать количественный пик в период 1999–2004 гг.

Таким образом, эмпирическая верификация данной гипотезы означает прослеживание динамики ранее выделенных индикаторов существования неопа-

тримониальной науки в Украине в зависимости от пяти президентских сроков: Л.М. Кравчук (1991–1994), Л.Д. Кучма (1994–1999), Л.Д. Кучма (1999–2005), В.А. Ющенко (2005–2010) и В.Ф. Янукович (2010 – по н. в.).

И последнее: данный проект предусматривает фиксирование фактов и релевантных обстоятельств получения научных степеней руководителями высшей представительной и исполнительной власти в регионе.

Под «регионами» понимаются, прежде всего, административно-территориальные единицы, включающие в себя 24 области, Автономную Республику Крым и два города республиканского значения (Севастополь и Киев). Все они были сгруппированы в 5 (макро)регионов, в основание чего была положена практика деления Украины на 4 региона (Запад, Центр, Восток, Юг), введенная Институтом социологии НАН Украины. Поскольку данные, касающиеся неопатримониальной науки, планировалось сравнивать с данными, касающимися общих (внутриэлитных) политических процессов в Украине, я счел целесообразным воспользоваться классификацией административно-территориальных единиц, предложенной А.А. Зоткиным (Зоткин 2010: 138–139).

Что касается непосредственно глав региональных властей, то во внимание принимались только руководители соответствующих ветвей власти. Так, в качестве глав исполнительной власти, в дальнейшем именуемых «губернаторами», я считал представителей Президента Украины (до 1995 г.), председателей областных государственных администраций (с 1995 г.) и председателей городской государственной администрации г. Киева. Для Крыма таковыми главами выступали председатели городской государственной администрации Севастополя, премьер-министры Автономной Республики Крым, председатели Совета Министров Республики Крым (до 1994 года) и Президент Республики Крым (до 1995 г.).

Под главами представительной ветви власти в регионах, в дальнейшем именуемыми «руководителями легислатур», я понимал председателей областных советов (с 1991 г.), а также председателей Верховной Рады Автономной Республики Крым (с 1998 г.), председателей Верховного Совета (1995–1998 гг.) и председателей Верховного Совета Республики Крым (до 1995 г.).

Релевантную информацию о научных степенях и обстоятельствах ее получения я брал из открытых источников, что, безусловно, накладывает известные ограничения на точность и надежность данных. Список обязательных для изучения каналов включает в себя официальные сайты областных государственных администраций и областных советов, а также Киевской государственной администрации и Севастопольской городской государственной администрации.

6. Неопатримониальная наука в Украине: накопление (научного капитала) через (административное) управление

Ниже представлены две таблицы, демонстрирующие процентное распределение губернаторов и глав областных легислатур, получивших свои научные степени до, во время или после своего губернаторства и/или пребывания в должности глав областных советов. Территориальное деление привязано к месту работы (должности) бывшего, настоящего и/или будущего губернатора или главы областного совета. Кроме того, при построении двух нижеследующих таблиц я отвлекался от того, какой именно период времени пребывал в должности тот или иной чиновник, а также соображений, касающихся шансов написать и защитить диссертацию за имеющийся промежуток. Единственным релевантным обстоятельством выступало сугубо формальное совпадение должности и времени защиты.

В случае, если индивид на момент защиты занимал две (и более) должности, одна из которых выборная, а другая – назначаемая, я учитывал последнюю, поскольку в этой комбинации постов именно она представляется наиболее благоприятной для получения научных степеней. В ситуации, когда рассматриваемый индивид (потенциально) занимал одну выборную и одну хозяйственно-управленческую должность, а я не имел возможности установить, какая именно указывалась в качестве основного места работы, мой выбор падал на первую по причине явного приоритета политической сферы перед экономической в неопатримониальных режимах.

Всего губернаторов (в указанном выше значении) 220 человек, из них 108 имеют научные степени, общее количество которых равняется 141. В таблицах, однако, преимущественно учитывалось 130 научных степеней, полученных 101 индивидом. Это произошло по причине того, что в отношении 6 случаев получения научных степеней не было обнаружено точных данных, касающихся места работы и/или защиты диссертации, а еще 3 были исключены в силу особенностей измерения.

Таким образом, если брать максимальное возможное количество губернаторов, научную степень имеют 49.09% (108 человек), а при чуть более строгом подходе – 45.90% (106 человек). При этом в первом случае можно утверждать, что у нас 34.09% кандидатов (75 человек) и 15.0% докторов наук (33 человека), а во втором случае – 30.0% (66 человек) и 13.64% (30 человек) соответственно.

Что касается глав легислатур, то всего их насчитывается 184 человека, из которых 70 имеют научные степени, общее количество которых достигает 86. В соответствующих таблицах, тем не менее, по сходным с губернаторами причинам учитываются преимущественно 77 научных степеней, полученных 66 индивидами[8].

Опять же, если брать максимальное возможное количество глав легислатур, научную степень имеют 38.04% (70 человек), а при чуть более строгом подходе – 35.87% (66 человек). При этом в первом случае можно утверждать, что у нас 28.26% кандидатов (52 человека) и 9.78% докторов наук (18 человек), а во втором случае – 27.17% (50 человек) и 8.69% (16 человек) соответственно[9].

Первые две гипотезы предполагали наличие в украинской (политической) науке, с одной стороны, «процессов формирования научного капитала посредством административных средств управления», а с другой – исключительную роль в этом процессе «исполнительной власти в целом и ее отдельных структур в частности». Верификация этих гипотез предусматривала тройственную классификацию должностей, пребывая на которых получают свои степени губернаторы, по диспропорциям в которых можно судить о различающейся степени влиятельности тех или иных постов в административной иерархии.

Косвенное представление о «роли административных средств управления» наукой в Украине можно получить уже из общего описания (табл. 1, 2), из которого видно, что процент защитившихся губернаторов более чем на 10% превышает аналогичный показатель глав легислатур (49.09% vs. 38.04% – при «мягком подходе» и 45.9% vs. 35.87.% – при более строгом).

При этом мы отталкиваемся от предположения, согласно которому одинаковая значимость представительной и исполнительной власти в Украине должна была «на выходе» дать одинаковый процент «остепененных» чиновников. Соответственно, бóльшая доля губернаторов по сравнению с главами легислатур неявно свидетельствует о бóльшем весе первых в политическом режиме Украины и чуть более явно – в научной сфере.

Вместе с тем релевантный перечень должностей позволяет более обоснованно говорить о существующих тенденциях украинской науки. Так, постулирование *неопатримониальной науки* предусматривало меньший процент защит со стороны представителей бизнеса, нежели со стороны «политиков», и это находит свое подтверждение в собранных данных.

Приняв в качестве индикатора бизнес-защит «хозяйственно-управленческие должности», можно увидеть, что доля последних составляет 12.31% для губернаторов, получивших свои степени в «новое» время (после 1992 г.). Для глав легислатур этот процент еще ниже (11.69%), что может рассматриваться как дополнительное свидетельство в пользу большей влиятельности исполнительной власти в Украине.

Невысокий процент защит индивидами, представляющими коммерческий сектор, подтверждает гипотезу о приоритете политики в практике получения степеней украинскими чиновниками. Для бóльшей уверенности в том, что именно административные средства управления составляют суть неопатримониальной науки, следует обратиться к другому индикатору – соотношению выборных и назначаемых должностей.

Таблица 1. **Получение научных степеней губернаторами Украины во время, до и/или после своего губернаторства (1995–2013 гг.)[10]**

Итого		16.92 (6.15)	23.08 (3.08)	30.77 (5.38)	1.54	9.23 (3.85)	81.54 (18.46)	
Научная степень до занятия хозяйственно-управленческих назначаемых (или выбор.) должностей в «новое» время	**Янукович**							3.08
	Ющенко		0.77			0.77	1.54	
	Кучма-2		0.77	0.77			1.54	
	Кучма-1							
	Кравчук							
Научная степень после занятия назначаемых (или выборных) должностей в «новое» время	**Янукович**	0.77(0.77)	(0.77)	0.77			1.54(1.54)	49.92 (17.69)
	Ющенко	4.62(0.77)	(0.77)	2.31 (1.54)		0.77 (0.77)	7.69(3.85)	
	Кучма-2	4.62 (0.77)	6.92 (0.77)	12.31(2.31)		2.31	26.15 (3.85)	
	Кучма-1	0.77 3.08)	4.62 (0.77)	3.85 (1.54)	0.77	(2.31)	10.00 (7.69)	
	Кравчук	0.77				0.77 (0.77)	1.54 (0.77)	
Научная степень после занятия хозяйственно-управленческих должностей в «новое» время	**Янукович**							12.31
	Ющенко			2.31			2.31	
	Кучма-2	0.77		3.08		1.54	5.38	
	Кучма-1	2.31		0.77		1.54	4.62	
	Кравчук							
Научная степень до занятия хозяйственно-управленческих, назначаемых и выборных должностей в советское время	**Янукович**							8.46
	Ющенко	0.77	2.31	0.77			3.85	
	Кучма-2		0.77	0.77			1.54	
	Кучма-1		2.31				2.31	
	Кравчук		0.77				0.77	
Научная степень после занятия назначаемых и выборных должностей в советское время	**Янукович**							5.38 (0.77)
	Ющенко							
	Кучма-2			0.77			0.77	
	Кучма-1	0.77 (0.77)	0.77	0.77	0.77	0.77	3.85(0.77)	
	Кравчук		0.77				0.77	
Научная степень после занятия хозяйственно-управленческих должностей в советское время	**Янукович**							5.38
	Ющенко	0.77					0.77	
	Кучма-2		0.77	0.77			1.54	
	Кучма-1		0.77	0.77		0.77	2.31	
	Кравчук		0.77				0.77	
		Восточная Украина	**Западная Украина**	**Центральная Украина**	**Крым**	**Южная Украина**	**Итого**	

Таблица 2. **Получение научных степеней главами областных советов Украины во время, до и/или после своего пребывания в должности (1995–2013 гг.)**[11]

		Восточная Украина	Западная Украина	Центральная Украина	Крым	Южная Украина	Итого	
Итого		12.99 (7.79)	22.08 (7.79)	23.38 (6.49)	3.90 (5.19)	7.79 (2.60)	70.13 (29.87)	
Научная степень до занятия хозяйственно-управленческих назначаемых (или выборных) должностей в «новое» время	**Янукович**							5.19
	Ющенко	1.30		2.60			3.90	
	Кучма-2			1.30			1.30	
	Кучма-1							
	Кравчук							
Научная степень после занятия назначаемых (или выборных) должностей в «новое» время	**Янукович**	(1.30)		(1.30)		(1.30)	(3.90)	22.08 (29.87)
	Ющенко	1.30 (1.30)	(1.30)	(2.60)	(1.30)		1.30 (6.49)	
	Кучма-2	2.60 (1.30)	1.30 (3.90)	(1.30)	1.30 (1.30)	2.60	7.79 (7.79)	
	Кучма-1	3.90 (3.90)	3.90 (2.60)	3.90 (1.30)	(1.30)	(1.30)	11.69 (10.39)	
	Кравчук		1.30		(1.30)		1.30 (1.30)	
Научная степень после занятия хозяйственно-управленческих должностей в «новое» время	**Янукович**							11.69
	Ющенко			1.30			1.30	
	Кучма-2		1.30	1.30		1.30	3.90	
	Кучма-1	1.30	2.60	1.30			5.19	
	Кравчук		1.30				1.30	
Научная степень до занятия хозяйственно-управленческих, назначаемых и выборных должностей в советское время	**Янукович**		1.30				1.30	12.99
	Ющенко			2.60		1.30	3.90	
	Кучма-2							
	Кучма-1		3.90				3.90	
	Кравчук			2.60	1.30		3.90	
Научная степень после занятия назначаемых и выборных должностей в советское время	**Янукович**							14.29
	Ющенко							
	Кучма-2			1.30			1.30	
	Кучма-1			2.60	1.30	1.30	5.19	
	Кравчук	1.30	3.90	1.30		1.30	7.80	
Научная степень после занятия хозяйственно-управленческих должностей в советское время	**Янукович**							3.90
	Ющенко							
	Кучма-2			1.30			1.30	
	Кучма-1	1.30	1.30				2.60	
	Кравчук							

Так, лишь 17.69% губернаторов получили свои научные степени, находясь на выборных должностях (0.77% из них в советское время). В то же время после 1992 г. 49.92% губернаторов осуществили защиты своих диссертаций, пребывая на назначаемых должностях, и за счет советского периода этот процент может вырасти еще на 5.38%.

Что касается данных табл. 2, то 29.87% глав легислатур получали свои научные степени, имея в качестве основного места работы какую-либо выборную должность. Вместе с тем в «новое» время процент глав областных советов, защитившихся на назначаемых должностях, уступает соответствующей доле тех, кто пребывал на выборных: 22.08% vs. 29.87%. Если же учитывать и советский период, тогда процент защит лиц, занимающих назначаемые должности, вырастает на 14.29%.

Приведенные цифры недвусмысленно свидетельствуют в пользу изначальной гипотезы об исключительной роли исполнительной власти в неопатримониальной науке, в рамках которой научный капитал формируется посредством административных средств управления последним. Симптоматично в этом смысле как доминирование исполнительной власти в целом, так и ее лидерство даже среди глав легислатур, что говорит об отнюдь не специфическом, а едва ли не прямом преломлении в академии процессов, присущих украинскому социуму и политике.

7. Неопатримониальная наука в Украине: атипичные карьеры чиновников

Верификация следующих двух гипотез предусматривает классификацию чиновников по трем основаниям: во-первых, должность, пребывая на которой последние защищали свои диссертации; во-вторых, время получения научных степеней (СССР или независимая Украина); в-третьих, количество лет, прошедшее между получением первого (базового) образования и защитой губернатором и/или главой легислатуры своих диссертаций. Я объединил три этих показателя в табл. 3.

Можно выделить шесть четко выраженных групп, характеризуемых как различным количественным составом, так и разными периодами, которые требовались губернаторам и/или главам легислатур, будущим, бывшим или пребывающим при власти, для написания и защиты своих диссертаций[12].

Наименьшую группу составляют губернаторы и главы легислатур, получившие кандидатские степени *после* обретения Украиной статуса независимого государства и *до* занятия назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей. Таких губернаторов всего 4, а также 3 главы легислатуры[13]. Примечательно, что два губернатора из четырех были назначены Президентом Украины В.А. Ющенко, а время пребывания на посту двух глав областных советов также приходится на президентство В.А. Ющенко.

Таблица 3. **Разница между получением образования и научной степени (год)**

	Кандидатская степень до занятия хозяйственно-управленческих, назначаемых и выборных должностей в советское время	Кандидатская степень до занятия хозяйственно-управленческих, назначаемых и выборных должностей в «новое» время	Кандидатская степень после занятия хозяйственно-управленческих, назначаемых и выборных должностей в советское время	Кандидатская степень после занятия хозяйственно-управленческих, назначаемых и выборных должностей в «новое» время	Докторская степень до занятия хозяйственно-управленческих, назначаемых и выборных должностей в советское и/или «новое» время	Докторская степень после занятия хозяйственно-управленческих, назначаемых и выборных должностей в советское и/или «новое» время
Губернаторы	6.09	3.00	14.42	21.32	13.67	6.11 (4.39)[14]
Главы легислатур	7.00	29	13.30	21.43	12.66	8.90 (3.8)

Разница между получением высшего образования и кандидатской степенью у губернаторов равняется 3.00 годам, а среди глав легислатур – 29 годам. Насколько можно судить по другим данным, последний результат во многом случаен и обусловлен, скорее всего, единичностью случая (еще один случай относится к докторам наук).

Более многочисленную группу образуют губернаторы (11 случаев) и главы легислатур (9 случаев), ставшие кандидатами и/или докторами наук в советское время и *до* занятия назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей. Релевантная разница для губернаторов составляет 6.09 года, а для глав легислатур – 7.00.

В целом можно констатировать, что время, которое прошло с момента получения высшего образования и до выхода на защиту губернаторов, вдвое превышает промежуток, понадобившийся другой сопоставимой группе – губернаторам, получившим научные степени после 1992 г. и до занятия назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей: 6.09 vs. 3.00.

Еще чуть более многочисленная группа – это губернаторы (12 случаев) и главы областных советов (13 случаев), защитившие диссертации в советское время, но после занятия назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей. Средний период времени, потребовавшийся этой группе для подытоживания своего опыта и/или уже имевшихся (научных) наработок, 14.42 года для губернаторов и 13.30 года для глав легислатур.

Наконец, наиболее многочисленная группа губернаторов (72 случая) и глав легислатур (37 случаев) состоит из индивидов, получивших научные степени после 1992 г. и после занятия назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей. Данная группа также характеризуется максимальным из рассматриваемых периодом времени, потребовавшимся для разработки своих идей и облечения их в диссертабельную форму, – 21.32 года для губернаторов и 21.43 года для глав представительных органов власти.

Таким образом, имеющиеся данные показывают действительное наличие неопатримониальной науки, по крайней мере, в чиновничьем аппарате: меньше 15% тех, кто получал степени не по должности, или меньше 3%, если считать тех, кто защитил кандидатские диссертации в годы независимой Украины. Кроме того, различия в продолжительности времени, требуемого для защиты диссертаций и/или получения степеней между отдельными группами чиновников, показывают, что есть все основания говорить о неопатримониальной науке не только с формальной, но и с содержательной точки зрения.

В частности, следует указать на то, что разрыв между образованием и защитой для чиновников-губернаторов в 7 раз превышает аналогичный показатель для нечиновничьих диссертаций (3.00 vs. 21.32). Объяснение тому заключается в том, что для первой группы характерна так называемая нормальная карьера ученых, когда индивид уже на старших курсах связывает свое будущее с исследовательской работой, вследствие чего взятый во внимание разрыв представляет собой, по сути, время обучения в аспирантуре. Для второй группы чиновников наука не представлялась – изначально – основной сферой приложения усилий, а потому обращение к ней является сугубо утилитарным, если сосредоточиться на том, *что* именно берется (степень), а также исключительно прагматическим, если фокусироваться на обстоятельствах актуализации их научных интересов (занятие определенной должности).

В этом смысле более чем показательно сравнение времени, затрачиваемого теми, кто получал докторскую степень до занятия рассматриваемых должностей и после: 13.67 vs. 6.11 для губернаторов и 12.66 vs. 8.9 для глав легислатур[15]. Меньшее время, которое требуется губернаторам, с моей точки зрения, симптоматично, поскольку отражает больший вес последних в общественно-политической жизни и, следовательно, бóльшую легкость капитализации разнообразных функций своих должностей. Именно в этом парадоксальном и извращенном пункте карьеры чиновников-от-науки напоминают карьеры ученых-среди-чиновников: и тех, и других объединяет быстрота реализации имеющихся возможностей, пусть даже в одном случае они как бы «встроены» в само научное поле, а в другом к нему «лишь» прилагаются.

Несколько загадочным в этом контексте выглядят данные, согласно которым чиновникам, получавшим свои научные степени в СССР и после занятия релевантных должностей, потребовалось 13–14 лет (14.42 для губернаторов и

13.30 для глав легислатур). Это на 7 лет больше, чем затрачивают на то же самое украинские чиновники в «новое» время. С моей точки зрения, здесь возможны несколько объяснений.

Во-первых, советский политический режим оказался (в итоге) более открытым к рекрутированию кадров из научной среды, и произошло это как в силу исторических обстоятельств, так и по причине утверждения с 1960-х гг. общей установки на сциентизацию общественно-политической жизни, в том числе и управления последней. Во-вторых, в ходе длительного развития произошла трансформация советского политического режима в сторону все большей значимости тех, кого обычно и весьма неточно именуют «интеллектуалами». Одно из возможных следствий подобного положения дел заключалось в создании системы специальных институтов для «остепенения» партийных работников (например, Академия общественных наук при ЦК КПСС), сокращавших время защиты. В-третьих, речь может идти о разрушении налаженной системы рекрутирования элиты (в частности, из среды интеллигенции), в силу чего новым украинским элитам приходилось начинать если и не с нуля, то, по меньшей мере, в условиях необходимости отладить заново связи между вузом и властью.

Три эти гипотезы могут как дополнять, так и противоречить друг другу, и установление степени правдоподобности каждой из гипотез выходит за пределы моих возможностей. Однако ясно, что все они, так или иначе, предусматривают бóльшее время для защиты украинских чиновников в «новое» время. В первом случае это происходит из-за краха самой идеи научного управления, особо неактуальной при неопатримониальном режиме. Во втором случае мы имеем дело с разрушением сети специальных институтов, а в последнем – с необходимостью установления новых взаимоотношений с научной средой.

Другой релевантный индикатор, позволяющий одновременно выявить и описать неопатримониальную науку в Украине, заключается в установлении степени несовпадения базового/первичного образования чиновников со специальностью, по которой получается научная степень. При этом я отталкиваюсь от тезиса, согласно которому процессы административного накопления научного капитала, характеризующие неопатримониальную науку, делают нерелевантными такой важный параметр (более) легитимных способов достижения успеха в научном поле, как образование. Соответственно, я прогнозирую обнаружить в «новое» время рост доли губернаторов и руководителей легислатур, специальности научных степеней которых не совпадают с их первичным образованием (табл. 4, 5).

В принципе, имеющиеся данные подтверждают мои предположения. Так, если сосредоточиться только на губернаторах, получивших научные степени после 1992 г. на назначаемых должностях, то можно заметить, что процент индивидов с несовпадающими образованием и степенью составляет 23.2%, в то

время как обратный показатель равняется 20.8% от общего количества всех рассматриваемых степеней.

В случае защит на назначаемых, выборных и хозяйственно-управленческих должностях в «новое» время «приоритет» также будет за индивидами, пренебрегающими традиционными путями получения научных степеней: 40.0% с учетом сомнительных случаев vs. 36% однозначных совпадений. Руководители областных советов в этом отношении чуть менее показательны, поскольку совокупный процент защит на трех видах релевантных должностей и несовпадающими образованием и специальностью составляет 32.42%, а доля совпадающих случаев – 32.44%.

В подавляющем большинстве случаев, однако, несовпадения столь очевидны и нелепы, что подчас им трудно подобрать приемлемые объяснения. В неопатримониальной науке Украины любые, самые экзотические и сюрреалистические карьеры не только возможны, а стремятся к тому, чтобы стать правилом. Именно в среде высокопоставленных чиновников должность превращает «инженера-электрика» С.А. Давимуку в доктора экономических наук, а специалиста в области физического воспитания М.М. Цимбалюка – в кандидата и доктора юридических наук. Должность в Украине подобна философскому камню, поскольку способствует трансформации инженеров в специалистов по государственному управлению (А.М. Близнюк) и перерождению легендарных физиков в лириков-экономистов (М.Н. Папиев).

Может показаться, что в данном случае я подхожу к вопросу несколько предвзято, пренебрегая свободой выбора чиновников-в-науке, не признавая за ними права на ошибку при выборе образования и не обращая внимания на значимость социальных трансформаций в определении мотивации и актуализации скрытых научных интересов и склонностей. Однако оправданность подобного подхода диктуется редкостью атипичных карьер (в плане совпадения/несовпадения базового образования и специальности, по которой получается научная степень) для тех чиновников, которые пришли в политику, уже имея легитимное признание в научном поле.

В частности, среди такого рода губернаторов, защитившихся в «новое» время, не зафиксировано ни одного случая несовпадения образования и дальнейшей научной специализации, в то время как среди глав легислатур на 1.35% несовпадающих приходится 4.05% индивидов с традиционной карьерой. Еще более симптоматичны многочисленные примеры чиновников, свои научные степени получивших в советское время, но до занятия назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих должностей: ни одного случая несовпадения релевантных показателей!

Таким образом, я имею все основания говорить о содержательной стороне украинской неопатримониальной науки, проявляющейся в преобладании нетипичных карьер ученых. Для чиновников от науки, в частности, характерен продолжительный латентный период, в течение которого актуализируются их

Таблица 4. **Совпадение (базового/первичного) образования и специальности, по которой получается научная степень (губернаторы, %)**

		(Базовое/первичное) образование и специальность, по которой получают научную степень, не совпадают						(Базовое/первичное) образование и специальность, по которой получают научную степень, совпадают						Сомнительные случаи						
		Кравчук	**Кучма-1**	**Кучма-2**	**Ющенко**	**Янукович**	**Итого**	**Кравчук**	**Кучма-1**	**Кучма-2**	**Ющенко**	**Янукович**	**Итого**	**Кравчук**	**Кучма-1**	**Кучма-2**	**Ющенко**	**Янукович**	**Итого**	**Итого**
«Новое» время	Научные степени после занятия назначаемых должностей	**0.8**	**5.6**	**12**	**4**	**0.8**	**23.2**	**0.8**	**3.2**	**12.8**	**4**		**20.8**			**2.4**		**0.8**	**3.2**	**47.2**
	Научные степени после занятия выборных должностей		**4.8**	**2.4**	**0.8**		**8**	**0.8**	**3.2**	**1.6**	**2.4**	**1.6**	**9.6**				**0.8**		**0.8**	**18.4**
	Научные степени после занятия хозяйственно-управленческих должностей		**1.6**	**0.8**	**1.6**		**4**		**2.4**	**3.2**			**5.6**			**0.8**			**0.8**	**10.4**
	Научные степени до занятия релевантных должностей									**1.6**	**1.6**		**3.2**							**3.2**

Окончание табл. 4

		(Базовое / первичное) образование и специальность, по которой получают научную степень, не совпадают						(Базовое / первичное) образование и специальность, по которой получают научную степень, совпадают						Сомнительные случаи						
Советское время	Научные степени после занятия назначаемых должностей		3.2				3.2		0.8	0.8			1.6							4.8
	Научные степени после занятия выборных должностей								0.8				0.8							0.8
	Научные степени после занятия хозяйственно-управленческих должностей		1.6	0.8			2.4	0.8	0.8	0.8			2.4							4,8
	Научные степени до занятия релевантных должностей							0.8	2.4	1.6	4.8		9.6	0.8					0.8	10.4
	Итого	0.8	16.8	16	6.4	0.8	40.8	3.2	13.6	22.4	12.8	1.6	53.6	0.8		3.2	0.8	0.8	5.6	100

Таблица 5. **Совпадение (базового/первичного) образования и специальности, по которой получается научная степень (руководители легислатур, %)**

		(Базовое/первичное) образование и специальность, по которой получают научную степень, не совпадают						(Базовое/первичное) образование и специальность, по которой получают научную степень, совпадают						Сомнительные случаи						
		Кравчук	**Кучма-1**	**Кучма-2**	**Ющенко**	**Янукович**	**Итого**	**Кравчук**	**Кучма-1**	**Кучма-2**	**Ющенко**	**Янукович**	**Итого**	**Кравчук**	**Кучма-1**	**Кучма-2**	**Ющенко**	**Янукович**	**Итого**	**Итого**
«Новое» время	Научные степени после занятия назначаемых должностей		**4.05**	**4.05**	**2.70**		**10.81**	**2.70**	**2.70**	**4.05**			**9.46**			**1.35**			**1.35**	**21.62**
	Научные степени после занятия выборных должностей		**2.70**	**5.41**	**2.70**	**4.05**	**14.86**	**1.35**	**8.11**	**2.70**	**4.05**		**16.22**							**31.08**
	Научные степени после занятия хозяйственно-управленческих должностей		**2.70**				**2.70**		**1.35**	**4.05**	**1.35**		**6.76**	**1.35**	**1.35**				**2.70**	**12.16**
	Научные степени до занятия релевантных должностей				**1.35**		**1.35**			**1.35**	**2.70**		**4.05**							**5.41**

Окончание табл. 5

		(Базовое/первичное) образование и специальность, по которой получают научную степень, не совпадают						(Базовое/первичное) образование и специальность, по которой получают научную степень, совпадают						Сомнительные случаи						
Советское время	Научные степени после занятия назначаемых должностей		**4.05**				**4.05**	**5.41**	**4.05**				**9.46**	**1.35**					**1.35**	**14.86**
	Научные степени после занятия выборных должностей																			
	Научные степени после занятия хозяйственно-управленческих должностей		**1.35**	**1.35**			**2.70**		**1.35**				**1.35**							**4.05**
	Научные степени до занятия релевантных должностей							**2.70**	**4.05**	**1.35**	**2.70**		**10.81**							**10.81**
	Итого		**14.86**	**10.81**	**6.76**	**4.05**	**36.49**	**12.16**	**21.62**	**13.51**	**10.81**		**58.11**	**2.70**	**1.35**	**1.35**			**5.41**	**100**

научные интересы, а также чрезвычайно непродолжительный период времени, требующийся для защиты одной или нескольких диссертаций. Кроме того, губернаторы и главы легислатур, как правило, пересматривают свои первоначальные склонности и «без отрыва от производства» в сжатые сроки эффективно овладевают новыми навыками и умениями.

8. Неопатримониальная наука в Украине: приватизация и капитализация

Следующая гипотеза верифицирует частный характер власти, конституирующий неопатримониальную науку в том, что касается приватизации чиновниками различных научных институтов, отвечающих за получение научных степеней. Ее верификация предусматривает выделение нескольких групп чиновников в зависимости от значимости их поста во властной иерархии и длительности срока пребывания на нем.

В данной работе я счел целесообразным акцентировать внимание на двух показателях, которые могут быть установлены с приемлемой надежностью: длительность пребывания чиновников на своих должностях, а также дисбаланс между получением степеней на выборных и назначаемых постах.

В табл. 6 выделяются по три группы чиновников из губернаторов и руководителей легислатур в «новое» время: во-первых, получивших научные степени во время своего пребывания на релевантной должности (губернатора и главы легислатуры соответственно); во-вторых, получивших научные степени до или после должностей губернатора или главы легислатуры, а также, в-третьих, не получивших научных степеней, несмотря на пребывание на рассматриваемых должностях.

В рамках каждой из трех групп чиновники разбиваются на четыре разряда – «до 1 года», «1–2 года», «2–3 года», «3 года и более», – которые показывают период времени, потребовавшийся чиновникам для написания и защиты своих диссертационных работ на той или иной должности. Выбор периода времени во многом обусловлен тем, что средняя продолжительность пребывания губернаторов и глав легислатур на своих постах не превышает двух лет. Также важным соображением было то, что именно указанными разрядами и исчерпывалось подавляющее большинство случаев получения научных степеней.

В процессе заполнения табл. 6 я счел необходимым отказаться от принципа, согласно которому должность, занимаемая чиновником в момент защиты, обязательно является и должностью, которая обусловила получение научной степени. Мотивирующее соображение в данном случае заключается в необходимости принять во внимание период времени, требуемый для публикации определенного количества научных статей, подачи и оформления документов и т.п. Таким образом, в расчет принималась должность, занимаемая чиновником за 1 год до защиты кандидатской диссертации и за 2 года – до защиты докторской.

В целом с учетом временного критерия можно выделить две релевантные группы украинских чиновников: во-первых, (потенциально) написавшие диссертацию и защитившие ее непосредственно на той или иной должности, во-вторых, (потенциально) написавшие ее на одной должности (до или после той, с которой осуществляется получение научной степени), а защитившие на другой. В свою очередь, предшествующая или последующая должность может быть: а) в той же организации и той же ветви власти; б) в другой организации той же ветви власти; в) выборной или назначаемой; г) хозяйственно-управленческой и д) научной[16].

Таким образом, сравнивая различные группы чиновников, ранжируемых в зависимости от того, как долго они занимают назначаемые и/или выборные посты, я получил возможность верифицировать гипотезу, согласно которой в неопатримониальной науке приватизация «функций и институтов» определяется длительностью пребывания на должности, позволяющей установить контроль над «административными средствами управления» процессом получения степеней. И данные табл. 6 ее подтверждают.

Так, если обратиться к главам областных государственных администраций и областных советов, получившим свои степени во время пребывания на указанных должностях, можно убедиться, что 55.88% губернаторов и 58.83% руководителей легислатур смогли подготовить и успешно защитить диссертации после того, как не менее 3 лет занимали свои посты. Если чуть снизить временной порог, то для 85.29% губернаторов и 82.35% глав легислатур требуются как минимум 2–3 года напряженной работы на соответствующей должности, чтобы смочь в полной мере реализовать *предписанный* позицией научный потенциал.

В целом тенденция вполне очевидна и заключается в повышении шансов для любого губернатора и/или руководителя легислатуры получить научную степень параллельно длительности пребывания на ответственном посту. И наоборот, чем меньше в должности находится чиновник, тем меньше вероятность получения последним научной степени. При этом практика получения научных степеней чиновниками находится в соответствии с общими тенденциями функционирования украинского неопатримониального политического режима.

Другими словами, распределение научных степеней в зависимости от длительности пребывания на той или иной должности позволяет констатировать наличие параллели между двумя промежутками времени: средней продолжительностью нахождения губернаторов и руководителей легислатур при власти и временем, требуемым указанным группам чиновников для написания и успешной защиты своей диссертации. Как видно, один из подобных периодов относится к характеристикам функционирования неопатримониального политического режима, а второй – его весьма условному преломлению в рамках украинской академии.

Таблица 6. **Длительность пребывания в должности губернаторов и/или руководителей легислатур и получение научных степеней**

Длительность пребывания на посту чиновников, не получивших степени в «новое» время (главы легислатур, место работы)	Итого	18.80	27.35	30.77
	3 года и более	7.69	14.53	17.10
	2–3 года	5.98	6.84	4.27
	1–2 года	5.13	3.42	4.27
	До 1 года		2.56	5.13
Длительность пребывания на посту чиновников, не получивших степени в «новое» время (губернаторы, место работы)	Итого	14.78	20.87	31.30
	3 года и более	1.74	5.22	5.22
	2–3 года	2.61	9.57	7.83
	1–2 года	4.35	5.22	9.57
	До 1 года	6.09	0.87	8.70
Все руководители легислатур, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях[17]	Итого	14.00 (12.00)	24.00 (8.00)	12.00 (10.00)
	3 года и более	8.00 (6.00)	14.00 (2.00)	10.00 (6.00)
	2–3 года	2.00 (2.00)	8.00 (4.00)	2.00 (2.00)
	1–2 года	4.00 (4.00)	2.00 (2.00)	(2.00)
	До 1 года			
Все губернаторы, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях	Итого	19.00 (7.00)	15.00 (4.00)	31.00 (8.00)
	3 года и более	13.00 (5.00)	10.00 (3.00)	14.00 (3.00)
	2–3 года	3.00 (2.00)	2.00 (1.00)	10.00 (3.00)
	1–2 года	3.00	3.00	6.00 (2.00)
	До 1 года			1.00
Руководители легислатур, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации непосредственно во время пребывания на посту главы областного совета	Итого	5.88 (11.76)	35.29 (5.88)	11.76 (11.76)
	3 года и более	(5.88)	23.53 (5.88)	11.76 (11.76)
	2–3 года		11.76	
	1–2 года	5.88 (5.88)		
	До 1 года			
Губернаторы, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации непосредственно во время губернаторства	Итого	26.47 (2.94)	23.53 (5.88)	23.53
	3 года и более	14.71	14.71 (2.94)	14.71
	2–3 года	5.88 (2.94)	2.94 (2.94)	5.88
	1–2 года	5.88	5.88	2.94
	До 1 года			
		Восточная Украина	Западная Украина	Центральная Украина

Окончание табл. 6

Длительность пребывания на посту чиновников, не получивших степени в «новое» время (главы легислатур, место работы)	6.84	16.24	**100**
	5.13	11.11	**55.56**
		0.85	**17.95**
	1.71	1.71	**16.24**
		2.56	**10.26**
Длительность пребывания на посту чиновников, не получивших степени в «новое» время (губернаторы, место работы)	13.04	20.00	**100**
	0.87	3.48	**16.53**
	1.74	8.70	**30.43**
	3.48	4.35	**26.96**
	6.96	3.48	**26.09**
Все руководители легислатур, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях[17]	2.00 (8.00)	6.00 (4.00)	**58.00 (42.00)**
	(2.00)	2.00	**34.00 (16.00)**
	(4.00)	4.00 (2.00)	**16.00 (14.00)**
	2.00 (2.00)	(2.00)	**8.00 (12.00)**
Все губернаторы, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях	4.00 (2.00)	8.00 (2.00)	**77.00 (23.00)**
	4.00	5.00	**46.00 (11.00)**
	(1.00)	3.00 (1.00)	**18.00 (8.00)**
	(1.00)	(1.00)	**12.00 (4.00)**
			1.00
Руководители легислатур, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации непосредственно во время пребывания на посту главы областного совета	(11.76)	(5.88)	**52.94 (47.06)**
			35.29 (23.53)
	(5.88)	(5.88)	**11.76 (11.76)**
	(5.88)		**5.88 (11.76)**
Губернаторы, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации непосредственно во время губернаторства	2.94	14.71	**91.18 (8.82)**
	2.94	5.88	**52.94 (2.94)**
		8.82	**23.53 (5.88)**
			14.71
	Крым	Южная Украина	**Итого**

В основании данной параллели лежит эмпирическое наблюдение, согласно которому «если председателю региональной легислатуры в среднем предоставлялась возможность проработать на своем посту чуть более двух лет, то средний срок работы председателя облгосадминистрации составляет менее полутора лет» (Зоткин 2010: 151–152). Поскольку сложно себе представить, чтобы эксклюзивными владельцами подобной информации выступали исследователи, можно ожидать, что губернаторы и главы областных советов будут демонстрировать различающиеся временные стратегии получения научных степеней, общая логика которых, тем не менее, подчинена максимально быстрой капитализации функций подконтрольных институтов.

Соответственно, я предполагаю, что губернаторы, средний срок полномочий которых составляет 1.5 года, будут стремиться прирасти научными степенями быстрее, нежели руководители легислатур, чья продолжительность пребывания на посту на полгода больше.

В терминах принятой категориальной схемы это означает: 1) более высокую концентрацию научных степеней, получаемых губернаторами, находящимися на соответствующей должности, в более ранние периоды времени (пребывания при власти); 2) более высокий процент научных степеней, получаемых главами областных советов в более поздние периоды времени (пребывания при власти).

Имеющиеся данные в целом показывают обоснованность данного предположения: 29.41% губернаторов получили научные степени, находясь на соответствующем посту 2–3 года, в то время как аналогичный показатель для глав легислатур составляет 23.52%. Вместе с тем процент руководителей облсоветов, ставших кандидатами или докторами наук после не менее трехлетнего пребывания в должности, составляет 58.82% против 55.88% у губернаторов. Не совсем прогнозируемо, правда, то, что в промежутке 1–2 года, в который укладывается средняя продолжительность пребывания на своих должностях губернаторов и руководителей легислатур, процент первых ниже процента вторых, 14.71% vs. 17.64%.

Таким образом, учитывая приведенные выше данные, а также то, что резкий скачок шансов получить научные степени для украинских чиновников приходится на период времени «3 года и более», можно констатировать подтверждение первоначальной гипотезы, связывающей вероятность приватизации и последующей капитализации основных функций системы высшего образования с длительностью пребывания при власти.

Впрочем, данная тенденция верна только для рассмотренной группы чиновников, поскольку в случае обращения к практикам получения степеней, демонстрируемым чиновниками, ставшими кандидатами и/или докторами наук до, после или во время пребывания в должности губернаторов и/или руководителей легислатур, получается несколько иная картина. В частности, в целом

51.51% губернаторов и 45.45% руководителей легислатур получают научные степени после пребывания на тех или иных должностях не менее 3 лет. В дальнейшем также именно главы легислатур демонстрируют бóльшую вероятность получения научных степеней после 2–3 лет (33.33% vs. 21.21%) и 1–2 года (21.21% vs. 16.67%) пребывания на своей должности.

Объяснение заключается в неоднородности должностей, попадающих в фокус внимания в данном случае. Другими словами, посты губернатора или руководителя легислатуры более-менее одинаковы в своей политической значимости на протяжении достаточно долгого периода времени, по этой причине тенденции зависимости получения научных степеней именно от этих должностей проявляются более отчетливо. В то же время среди других релевантных должностей, находясь на которых «бывшие или будущие губернаторы» становятся кандидатами и докторами наук, нет такой самотождественности. Соответственно, возможности защититься, по сути предписанные каждой должности, могут разниться, и весьма серьезно, что и дает на выходе указанные выше результаты.

Наличие связи между длительностью занятия определенной должности и вероятностью получить научную степень можно также проследить и по губернаторам, так и не защитившим своих диссертаций. Так, больше половины всех «неостепененных» губернаторов приходится на первые два временных отрезка – «до 1 года» (26.09%) и «1–2 года» (26.96%), а с учетом периода «2–3 года» (30.43%) релевантная доля губернаторов составляет 83.48%. Таким образом, среди губернаторов, пребывавших в должности не менее 3 лет, не имеют научной степени только 16.53%.

Не совсем ясна, однако, ситуация с главами легислатур, так и не получившими в итоге своего служения украинскому народу никаких научных степеней. Наибольшая доля незащитившихся индивидов наблюдается как раз в последнем временном отрезке – «3 года и более» (55.56%). Возможно, объяснение следует искать в меньшей значимости органов представительной власти в Украине по сравнению с исполнительной ветвью власти; впрочем, данное предположение требует более тщательной проверки.

Наконец, следует указать на очевидный дисбаланс между чиновниками, получающими научные степени в момент (длительного) пребывания на выборных и назначаемых должностях. Так, в «новое» время среди всех «остепененных» губернаторов с выборной позиции защитились почти четверть (24%), а среди аналогичной группы руководителей легислатур и того меньше (22%)[18].

В целом все эти данные еще раз подтверждают наличие неопатримониальной науки в Украине, поскольку отсылают к ситуации, когда именно представители исполнительной власти обладают более благоприятными возможностями для установления контроля над административными средствами накопления научного капитала. Однако и в том и в другом случае капитализация функций

подконтрольных должностям институтов напрямую зависит от длительности пребывания на соответствующем посту, что позволяет добиться более полной приватизации украинской науки.

9. Неопатримониальная наука в Украине: место защит и работы в контексте властных гамбитов

Еще одна гипотеза постулирует возможность картографирования украинской неопатримониальной науки по принципу «центр/периферия». Верификация данного предположения в любом случае предусматривает региональную классификацию специализированных ученых советов, в которых чиновники получают свои научные степени, а также ее сравнение с аналогичной классификацией, но выполненной для мест регионального расположения должностей, с которых осуществляется защита диссертаций. И здесь два сценария одинаково вероятны.

Согласно первому сценарию получение научных степеней для рассматриваемых групп чиновников является не закономерным итогом их целенаправленных и релевантных научному полю действий, а представляет собой аскриптивный процесс, обусловленный занимаемой должностью. Последняя в условиях неопатримониального режима выступает в качестве ресурса, посредством которого распределяются награды и наказания. По этой причине можно предположить, что предписанные должности *возможности* также являются своеобразной наградой, даруемой Центром своим вассалам за лояльность. Соответственно, процесс *выдачи* научных степеней столь же подконтролен Центру, как и распределение должностей, а потому стоит ожидать большей концентрации защит диссертационных работ в Центре в сравнении с местом (расположения) должностей. Под доминированием Центра мы понимаем, прежде всего, Киев с его огромным количеством спецсоветов по самым различным специальностям.

Согласно второму сценарию научные степени не представляют собой такой уж (дефицитной) ценности, которую Центр стремится контролировать монопольно и любой ценой. Это по-прежнему награда, но такого рода, в отношении которой в определенных случаях *владение* можно заменить на право контроля и/или управления. «Определенные случаи» – это ситуации реверансов Центра в сторону региональных элит, влиятельность которых оправдывает передачу частичного контроля над процессами административного накопления капитала. Влиятельные местные элиты в условиях неопатримониального режима более успешны в установлении (насаждении) частного характера власти и, соответственно, способны эффективнее приватизировать соответствующие институты и капитализировать ассоциированные с ними функции. В таком случае можно ожидать, что в регионах с мощными элитами количество защит губернаторов и

руководителей легислатур будет превышать количество случаев получения научных степеней в рамках должностей, расположенных в этих регионах.

Выбрать один вариант, более точно описывающий украинскую неопатримониальную науку, до получения релевантных данных не представляется возможным. Поэтому в табл. 7 я показал процент получивших научные степени губернаторов и глав легислатур, классифицированных в зависимости от места их защиты и места нахождения должности. Даже столь приблизительное и во многом грубое кросс-региональное сравнение украинских чиновников дает возможность не только верифицировать гипотезы, но и вписать полученные результаты в общий контекст функционирования неопатримониальных режимов.

Прежде всего, следует отметить, что первоначальные ожидания, касающиеся дисбаланса между местом защиты и работы в пользу Центра, не оправдались. Так, место работы 40% губернаторов, получивших научные степени во время пребывания на выборных, назначаемых и/или хозяйственно-управленческих должностях, приходится на Центральный регион, и этот показатель практически равняется доле указанной группы чиновников, защищающихся в этом регионе (39%). Вместе с тем первое допущение оказывается верным относительно практики получения научных степеней бывших, нынешних и/или будущих глав легислатур: 22% чиновников, места работы которых находятся в Центральном регионе, и 40% защищающих свои диссертации в тех же краях.

Также обращают на себя внимание другие данные. В частности, на 26% случаев получения научных степеней губернаторами, работавшими на выборных, назначаемых и/или хозяйственно-управленческих должностях в Восточной Украине, приходится 43% случая защиты в этом регионе. Схожая тенденция наблюдается и в отношении глав легислатур: 26% vs. 34%. А вот касательно Западной Украины и в меньшей степени Крыма и Южной Украины наблюдается прямо противоположная тенденция, когда случаев получения научных степеней по месту работы больше, чем по месту защиты. Наиболее явно разрыв выражен в отношении Западной Украины, где 32% случая защит глав легислатур с должности и 14% случаев защит диссертаций в специализированных ученых советах, расположенных в этом же регионе.

Таким образом, первый вариант верифицируемой в данном параграфе гипотезы подтверждается наполовину, в то время как относительно второго варианта сомнений несколько меньше. Объяснение наблюдаемого дисбаланса случаев получения научных степеней губернаторами по месту работы и по месту защиты заключается в том, что Восточная Украина, по сути, является регионом, репрезентирующим три крупнейшие региональные политические элиты – харьковскую, днепропетровскую и донецкую.

По мнению А.А. Зоткина, именно днепропетровская группа первой применила такое ноу-хау, как «переплетение крупного бизнеса с политикой» (Зоткин

Таблица 7. **Получение научных степеней украинскими чиновниками в зависимости от места работы или места защиты**

		Восточная Украина	Западная Украина	Центральная Украина
Все губернаторы, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях (по месту работы)	Кравчук	1.00		
	Кучма-1	4.00 (4.00)	6.00 (1.00)	6.00 (2.00)
	Кучма-2	7.00 (1.00)	9.00 (1.00)	20.00 (3.00)
	Ющенко	6.00 (1.00)	(1.00)	6.00 (2.00)
	Янукович	1.00 (1.00)	(1.00)	1.00
	Итого	19.00 (7.00)	15.00 (4.00)	33.00 (7.00)
Все губернаторы, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях (по месту защиты)	Кравчук	1.00		1.00
	Кучма-1	8.00 (2.00)	5 (2)	3.00 (4.00)
	Кучма-2	20.00 (1.00)	3	17.00 (3.00)
	Ющенко	9.00 (1.00)		4.00 (4.00)
	Янукович	(1.00)		2.00 (1.00)
	Итого	38.00 (5.00)	8.00 (2.00)	27.00 (12.00)
Все руководители легислатур, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях (по месту работы)	Кравчук	2.00	4.00	
	Кучма-1	4.00 (6.00)	12.00 (2.00)	8.00 (2.00)
	Кучма-2	6.00 (2.00)	8.00 (4.00)	2.00 (2.00)
	Ющенко	2.00 (2.00)	(2.00)	2.00 (4.00)
	Янукович	(2.00)		(2.00)
	Итого	14.00 (12.00)	24.00 (8.00)	12.00 (10.00)
Все руководители легислатур, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях (по месту защиты)	Кравчук	2.00	4.00	
	Кучма-1	8.00 (6.00)	6.00 (2.00)	8.00 (6.00)
	Кучма-2	8.00 (6.00)	(2.00)	12.00 (2.00)
	Ющенко	2.00		2.00 (8.00)
	Янукович	(2.00)		(2.00)
	Итого	20.00 (14.00)	10.00 (4.00)	22.00 (18.00)

Окончание табл. 7

		Крым	Южная Украина	Итого
Все губернаторы, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях (по месту работы)	Кравчук	(1.00)	1.00	2.00 (1.00)
	Кучма-1	1.00	2.00 (3.00)	19.00 (10.00)
	Кучма-2	2.00	3.00	41.00 (5.00)
	Ющенко	(1.00)	1.00	13.00 (5.00)
	Янукович			2.00 (2.00)
	Итого	3.00 (2.00)	7.00 (3.00)	77.00 (23.00)
Все губернаторы, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях (по месту защиты)	Кравчук	(1.00)		2.00 (1.00)
	Кучма-1	1.00	2.00 (2.00)	19.00 (10.00)
	Кучма-2		1.00 (1.00)	41.00 (5.00)
	Ющенко			13.00 (5.00)
	Янукович			2.00 (2.00)
	Итого	1.00 (1.00)	3.00 (3.00)	77.00 (23.00)
Все руководители легислатур, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях (по месту работы)	Кравчук	(2.00)		6.00 (2.00)
	Кучма-1	(2.00)	(2.00)	24.00 (14.00)
	Кучма-2	2.00 (2.00)	6.00	24.00 (10.00)
	Ющенко	(2.00)		4.00 (10.00)
	Янукович		(2.00)	(6.00)
	Итого	2.00 (8.00)	6.00 (4.00)	58.00 (42.00)
Все руководители легислатур, (потенциально) написавшие и защитившие свои диссертации на назначаемых, хозяйственно-управленческих и выборных должностях (по месту защиты)	Кравчук	(2.00)		6.00 (2.00)
	Кучма-1		(2.00)	22.00 (16.00)
	Кучма-2	(2.00)	2.00	22.00 (12.00)
	Ющенко		(2.00)	4.00 (10.00)
	Янукович		(2.00)	(6.00)
	Итого	(4.00)	2.00 (6.00)	54.00 (46.00)

2010: 157). Политизация (крупного) бизнеса выступила в качестве нормативного образца подражания для остальных региональных элит, также вынужденных догонять Днепропетровск и в социальном капитале, особенно в умении «воспитывать управленческие кадры и размещать их на ключевых позициях властной вертикали» (Зоткин 2010: 157).

Отталкиваясь от этой схемы, можно предположить, что дисбаланс, наблюдаемый в Восточной Украине между местом работы и местом защиты, объясняется именно успехами в политизации бизнеса. Последние, в свою очередь, обеспечили успешность «вотчинизации» с присущими ей процессами приватизации социальных институтов и капитализации должностных функций. В общем тренде украинской политики, заключающемся «не столько в артикуляции своих интересов в периферийные регионы, сколько в транслировании своих интересов в центр через свою периферию» (Зоткин 2010: 153), восточно-украинские элиты оказались наиболее успешными и в достижении подконтрольности релевантных научных институтов. Насколько можно судить, подобный успех первоначально был обусловлен экономической мощью элит Восточной Украины, однако впоследствии релевантность научных институтов для чиновников, и восточно-украинских в особенности, *в рамках неопатримониальной перспективы* определяется, как мне видится, прежде всего, задачами самопрезентации на политической арене.

Что касается данных табл. 7, описывающих соотношение между избранными мною индикаторами для Западной Украины, то при их объяснении необходимо принимать во внимание меньшее экономическое влияние данного региона. Крах «украинской национальной идеи» привел к закономерному уменьшению «влияния Львова как "украинского Пьемонта" на процессы формирования властной элиты Украины» (Зоткин 2010: 157). Таким образом, сравнительно недолгое доминирование «львовской группы», ее относительная экономическая незначительность и неспособность обеспечить некую степень автономности от Центра, а также претензии на культурную гегемонию и обладание прежде всего символической властью привели к итоговой большей подконтрольности Центру, в том числе и в плане получения научных степеней.

В случае с Южной Украиной и Крымом во многом можно предпослать то же самое объяснение, что и в случае с Западной Украиной, тем более что Юг и Запад можно отнести «к трансрегиональным олигархиям второго эшелона» (Зоткин 2010: 157). Как следствие, «Киев чаще назначал и переназначал губернаторов именно в этих регионах (Юг и Центр. – *Прим. авт.*), которые были более слабы, не имели мощных региональных элит, способных оказать сопротивление экспансии центральной власти» (Зоткин 2010: 147). Отражение этой ситуации в рамках академии предусматривает и дисбаланс между местом работы и местом защиты, и меньшее количество защит рассматриваемых групп чиновников в этих одновременно слабых и специфических регионах.

Сравнительно малое количество региональных специализированных научных советов (и, как следствие, небольшое количество защит чиновников) можно рассматривать как свидетельство существования неопатримониальной науки. В этом смысле наиболее слабые в политико-экономическом плане регионы оказываются в наиболее подконтрольном положении, и даже наличие формальных возможностей защищаться в «своем» регионе оборачивается – на соответствующих должностях – навязанной склонностью защищаться в более сильных и автономных регионах, прежде всего Восточной Украины и Киева. Не говоря уже о том, что частая смена губернаторов и высокий уровень сменяемости руководителей легислатур препятствуют эффективной приватизации социальных институтов и капитализации соответствующих функций.

Чтобы проверить эти предположения, я собрал данные, представленные в табл. 8, показывающей дисбаланс между местом работы и местом защиты для губернаторов и глав легислатур, получивших свои научные степени во время пребывания на соответствующей должности. Акцент на этих группах чиновников обусловлен уверенностью в том, что именно на примере защит губернаторов и руководителей легислатур, напрямую обусловленных политически значимыми должностями, указанные ранее тенденции должны проявиться наиболее отчетливо.

В соответствующем столбце табл. 8 указаны два региона: первый – место работы того или иного чиновника, второй – место получения научной степени. При этом регион Центральной Украины рассматривается без Киева, вынесенного отдельной единицей. В таком случае становится очевидной зависимость неопатримониальной науки от неопатримониального политического режима, и для описания имеющихся параллелей даже нет необходимости вводить оговорки о «своеобразном преломлении в рамках академии социальной организации».

Как и прогнозировалось, регион Восточной Украины, являющийся своеобразной «базой» как минимум трех крупнейших региональных элит, характеризуется наивысшим процентом получения научных степеней по, так сказать, месту работы – 23.47%. Для сравнения: Западная Украина в этом отношении уступает почти в 3 раза (8.82%), в то время как процент подобных защит для Южной Украины, Крыма и Центральной Украины составляет 5.88%, 0% и 2.94% соответственно. Таким образом, доля Восточной Украины в защите диссертаций по месту работы примерно на треть выше *совокупной* доли остальных регионов.

На первый взгляд, немного неожиданные результаты наблюдаются в отношении глав легислатур: с одной стороны, выявляется вполне прогнозируемая малая доля соответствующих защит в Южной Украине, Крыму и Центральной Украине; с другой стороны, процент защит по месту работы для Восточной Украины уступает Западной Украине (17.65% vs. 23.53%). Объяснение лежит в плоскости политических процессов в Украине. В частности, в том, что «элиты Запада и Востока пытались сохранить контроль над своими региональными

“вотчинами” посредством усиления своих позиций в легислатурах» (Зоткин 2010: 148). Насколько можно судить, «львовской группе» удалось добиться в этом плане больших успехов, приходящихся в основном на первый срок президентства Л.Д. Кучмы, что более-менее согласуется с циркуляцией элит в Украине.

Таблица 8. **Место работы и место защиты губернаторов и глав легислатур (степени получены во время пребывания на должности)**

	ГУБЕРНАТОРЫ						ГЛАВЫ ЛЕГИСЛАТУР					
	Кравчук	Кучма-1	Кучма-2	Ющенко	Янукович	Итого	Кравчук	Кучма-1	Кучма-2	Ющенко	Янукович	Итого
Восток–Восток	2.94	5.88	8.82	8.82		26.47		5.88	5.88		5.88	17.65
Запад–Запад		5.88	2.94			8.82	5.88	11.76	5.88			23.53
Юг–Юг	2.94		2.94			5.88					5.88	5.88
Крым–Крым							5.88					5.88
Центр–Центр (не Киев)		2.94				2.94		5.88				5.88
Киев–Киев											5.88	5.88
Крым–Киев			2.94			2.94				5.88		5.88
Юг–Киев			2.94			2.94						
Запад–Киев		2.94	8.82			11.76			11.76			11.76
Восток–Киев					2.94	2.94						
Центр–Киев			5.88	2.94		8.82				5.88		5.88
Запад–Восток		2.94	2.94			5.88		5.88				5.88
Центр–Восток		2.94	11.76			14.71		5.88				5.88
Юг–Восток				2.94		2.94						
Запад–Центр (не Киев)					2.94	2.94						
Итого	5.88	23.53	50.00	14.71	5.88	100	11.76	35.29	23.53	11.76	17.65	100

Второй важный момент данных табл. 8 заключается в подтверждении идеи, согласно которой в неопатримониальной науке наименее «сильные» регионы Украины характеризуются наибольшим количеством защит не по месту работы – даже при условии существования собственных специализированных ученых советов. Наиболее это заметно в случае с губернаторами и главами легислатур Западной Украины – по 11.76%. Также обращают на себя внимание данные, показывающие, что 14.71% губернаторов, работающих в Центральной Украине, научные степени получают в Восточной Украине. Вполне вероятно, что в данном случае мы имеем дело с особенностями индивидуальных карьер губернаторов, скорее всего, связанных с предыдущими должностями.

Таким образом, данные, касающиеся дисбаланса между местом работы и местом защиты, убеждают в возможности картографирования неопатримониальной науки по принципу «центр/периферия». Это не только свидетельствует о взаимосвязи политического режима Украины и достаточно автономного сегмента (его) науки, но также хорошо согласуется с другими индикаторами, измеряющими и/или описывающими неопатримониальную науку. Тем не менее следует отметить необходимость дополнения процесса верификации гипотез методами, учитывающими нюансы индивидуальных карьер губернаторов и глав легислатур.

10. Неопатримониальная наука в Украине: темпоральная динамика

Последняя верифицируемая гипотеза предполагала прослеживание временной динамики сущностных характеристик неопатримониальной науки. Постулирование параллелей между политическим режимом Украины и частью ее академического дискурса означает внимание к самым разнообразным индикаторам, посредством которых измеряется суть неопатримониальной науки (вроде соотношения назначаемых должностей с одной стороны и выборных и хозяйственно-управленческих – с другой). Кроме того, все эти показатели не распределяются равномерно по всему обследуемому периоду (1992–2013), и выявляемый дисбаланс должен отражать этапы становления украинского неопатримониального режима, достигшего своего пика, или одного из пиков, в период второго срока президентства Л.Д. Кучмы. И подавляющее большинство имеющихся данных подтверждают мои первоначальные ожидания.

Так, соотношение выборных и назначаемых должностей в «новое» время среди губернаторов и руководителей легислатур показывает, что наибольший процент защит с выборных должностей наблюдается во время первого президентства Л.Д. Кучмы: 7.69% для губернаторов и 10.39% для глав областных советов. В дальнейшем роль выборных должностей в процессе чиновничьего «остепенения» неуклонно падает, более плавно для руководителей легислатур и менее плавно для губернаторов (см. табл. 1, 2).

В этом контексте также следует отметить рост защит по должности – особенно среди губернаторов – именно в период 1999–2005 гг. Так, в отмеченный период защитились 46% чиновников, бывших на должности губернатора или других назначаемых, выборных или хозяйственно-управленческих постах. В то же время соответствующая доля этой группы чиновников в предшествующий период пребывания на должности Л.Д. Кучмы существенно ниже – 29% (см. табл. 7).

На первый взгляд, из этого ряда немного выбиваются данные, касающиеся глав легислатур: 38% для периода 1994–1999 гг. и 34% для периода 1999–2005 гг. Однако при более внимательном изучении можно сделать вывод, что в данном

случае речь идет об отражении в научном поле тенденций развития неопатримониального политического режима. Например, до 1996 г. роль представительных органов власти в политической жизни государства была весьма весомой, положение стало меняться после принятия Конституции 1996 г. и выстраивания на этой основе жесткой вертикали власти. Поскольку часть первого срока второго Президента Украины приходится на этот период, легко объяснить рассматриваемое доминирование среди глав легислатур практики получения степеней с выборной должности. Тем более что во время второго срока Л.Д. Кучмы наблюдается падение именно доли защит с выборных должностей с 16 до 12% для глав областных советов и с 10 до 5% для глав государственных областных администраций.

Те же самые тенденции, с теми или иными оговорками выявляемы и при обращении к другим свидетельствам существования неопатримониальной науки. В частности, было продемонстрировано, как с течением времени в неопатримониальной науке падает значимость первичного / базового образования при получении научных степеней. И наиболее динамично эти процессы проходили во время второго президентского срока Л.Д. Кучмы, когда, скажем, среди губернаторов наблюдается более чем двукратный (5.6% vs. 12%) рост тех, чье образование не совпадает с характером получаемой научной степени (см. табл. 4, 5).

Согласно исходным допущениям, все эти данные показывают падение значимости представительных органов власти в процессах экстерналистского накопления научного капитала и одновременно рост административных средств управления последним. Эти и ряд связанных процессов наподобие картографирования научного поля по принципу вотчины, встраиваемого, в свою очередь, в более фундаментальное деление «центр/периферия», могут быть поставлены в жесткое, однозначное соответствие с эволюцией политического режима в Украине, создавая в конечном итоге феномен, который несколько расплывчато именуется *неопатримониальной наукой.*

Предварительные выводы

Изменения в социальной структуре часто являются непредвиденным следствием эгоистических стремлений *aggrandizers* по повышению собственного статуса (Clark и Blake 1994: 28). Верный применительно к слабоиерархизированным обществам, этот тезис показал свою применимость и к практике получения научных степеней украинскими чиновниками. Другими словами, я полагаю, что: 1) описанная в работе неопатримониальная наука является неожиданным следствием деятельности украинских чиновников-*aggrandizers*; 2) вопреки сомнениям многих, неопатримониальная наука действительно является наукой. Основание в том усматривается в перспективе теории научных практик Дж. Роуза (Rouse 1996).

Согласно Дж. Роузу, наука, или совокупность научных практик, есть частный случай практик как таковых. Последние, в свою очередь, представляют собой «паттерны деятельности [возникающие] в ответ на некую ситуацию» (Rouse 1996: 26) или, как было им сказано в другом месте, это «паттерны опосредованной ситуацией деятельности (patterns of situated activity)». Таким образом, как отмечает Ф. Ремедиос, Дж. Роуз научные практики понимает не как действия людей (doings of human agents), а как значимые взаимодействия, в которых действия могут быть наделены смыслом. Его понятие «практик» не помещает в центр субъекта: «Агенты не одаряют мир значимыми паттернами», те, скорее, «появляются из паттернов взаимодействия с миром» (Remedios 2003: 450).

Учитывая то, что неопатримониальная наука представляет совокупность детерминированных политическим режимом значимых взаимодействий между несколькими акторами, так или иначе вовлеченными в деятельность, традиционно относимую к «научной», мы должны признать ее статус научной практики, пусть и весьма специфического толка. Ее специфичность во многом описывается при помощи импрессионистских терминов «больше/меньше» или «в большей или меньшей степени». Вместе с тем совокупность таким образом определенных характеристик дает в конечном итоге качественно иную (научную) практику.

В общем смысле «неопатримониальную науку» можно определить как систему значимых взаимодействий академических ученых, представителей бизнеса и власти, обусловленную или даже детерминированную в своих основных чертах сущностными характеристиками неопатримониального политического режима, конечным, но единственным итогом чего становится исчезновение текстов и утверждение примата научной степени.

С точки зрения составляющих, своеобразие «неопатримониальной науки» заключается, во-первых, в специфическом контингенте (ведущих) акторов, обладающих, во-вторых, особым типом (практической) мотивации, основания которой, в-третьих, «вписаны» в вотчинный характер (назначаемых, выборных и в меньшей степени хозяйственно-управленческих) должностей в Украине.

Литература

Amsler, S. 2007. The Politics of Knowledge in Central Asia. Science between Marx and the market. Routledge.

Clark, J.E., Blake M., 1994. The power of prestige: competitive generosity and the emergence of rank societies in lowland Mesoamerica // Brumfiel E.M., Fox J.W. (eds.) Factional competition and political development in the New World. Cambridge: Cambridge University Press. P. 17–30.

Hayden, B. 1998. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory 5(1): 1–55.

Plourde, A.M. 2009. Prestige Goods and the Formation of Political Hierarchy. A costly signaling model // Shennan S. (ed.) Pattern and Process in Cultural Evolution. University of California Press. P. 265–276.

Remedios, F. 2003. Fuller and Rouse on the Legitimation of Scientific Knowledge // Philosophy of the Social Sciences. Vol. 33. № 4.

Rouse, J. 1996. Engaging Science: How to Understand Its Practices Philosophically. Cornell, University Press.

Бурдье, П. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу // Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 518–538.

Бурдье, П. Поле науки // Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–517.

Веблен, Т. Теория праздного класса / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

В Раде стремительно растет число кандидатов и докторов наук. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://vesti.ua/politika/20394-v-rade-stremitelno-rastet-chislo-kandidatov-i-doktorov-nauk.

Гельман, В. Диссертации престижного потребления. 2010. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://slon.ru/russia/dissertacii_prestizhnogo_potrebleniya-400936.xhtml.

Дерлугьян, Г. Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе / авторизованный пер. с англ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.

Журнал Science раскрыл теневую империю «мусорных» научных изданий. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://ria.ru/studies/20131004/967734341.html.

Зоткин, А.А. «Львы» и «лисы» украинской политики. К.: Институт социологии НАН Украины, 2010.

Ильин, В. Ученые степени чиновников и депутатов как «золотой парашют». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://7x7-journal.ru/post/27315?r=komi.

Кармазіна, М. Політична наука в Україні: дисертаційний аспект // Політичний менеджмент. 2008. № 3. С. 17–28.

Котова, А. Время остепеняться: по числу кандидатов и докторов наук Украина является одной из самых ученых стран Европы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://focus.ua/society/50473/.

Литвинов, В. Доктори липових наук. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://archive.kontrakty.ua/gc/2012/51/8-modnaya-organika.html?lang=ua.

Райнбергер, Х-Й. Частицы в цитоплазме: пути и судьбы одного научного объекта // Наука и научность в исторической перспективе. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2007. С. 284–316.

Рябов, С.Г. Політична наука в Україні XXI століття: стан та перспективи розвитку. К.: Навчально-методичний центр «Консорціум із удосконалення менеджмент-освіти в Україні», 2005.

Фисун, А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006.

Чилкот, Р.Х. Теории сравнительный политологии. В поисках парадигмы / Р.Х. Чилкот: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, Весь Мир, 2001 (Высшее образование).

Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999.

Я ще вшивати вмію. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://vgolos.com.ua/articles/ya_shche_vyshyvaty_vmiyu_106245.html.

Примечания

1 Например, «политологи подвержены влиянию идеологии в том смысле, что их ценности и убеждения связаны с собственностью, деньгами и статусом – отражением окружающего их капиталистического мира. Маскируя свои предпочтения, склонности и пристрастия профессионализмом и научной объективностью, они становятся аполитичными и консервативными» (Чилкот 2001: 75). Можно было бы даже подумать, что сам факт формулирования данного замечания его же должен и опровергать.

2 Пространная цитата из классической статьи П. Бурдье служит тому прекрасным подтверждением, равно как и прозрачным намеком на эмпирику, откуда французский ученый черпал материал для своих теорий: «Когда молодой ученый очень быстро получает доступ к руководящим функциям, его энергия менее всего расположена к сублимации в научный радикализм. Что касается революционного творчества, то открытость французской администрации для научных талантов, возможно, является более важным фактором, объясняющим научный консерватизм, чем все другие факторы, обычно считающиеся ведущими» (Бурдье 2005: 494).

3 Тем не менее *принципиально* подход П. Бурдье кажется мне весьма эвристичным, особенно его акцент на изоморфизме между политикой и наукой (Бурдье 2005: 520–521). В дальнейшем я отталкивался именно от этого положения П. Бурдье.

4 Так поступает М. Кармазина, когда комментарий по поводу резкого всплеска количества защищаемых диссертаций по политическим наукам в 2004–2006 гг. (Кармазина 2008: 19), даваемый к тому же не от своего лица, помещает в сноску: «Колеги-науковці щодо цього висловили абсолютно суб'єктивне (але яке, безумовно, має право на існування) припущення: зміна владних "команд" спонукала їх членів та наближених до них "запасатися" вченими ступенями "про всяк випадок"» (Кармазина 2008: 26).

5 В качестве показательного примера в данном случае можно привести С. Рябова, который релевантные факты нигде не выделяет структурно, в качестве отдельной проблемы, но лишь упоминает о них при рассмотрении институционального развития украинской политологии, следующим образом указывает на недостатки: «Проблеми існування ВАК пов'язані з формалізацією оцінки дисертацій (відповідність лише зовнішнім вимогам оформлення, а не переконливість аргументації чи логічність суджень і умовиводів), піддатність довколаакадемічному впливу, коли науковий ступінь людина отримує не за відкриття, а тому, що вона обіймає високу посаду» (Рябов 2005: 44).

6 Так, С. Амслер, изучая процесс институционализации социологии в Кыргызстане, перечисляет ряд проблем, с которыми сталкивается «постсоветское высшее образование», основываясь, главным образом, на проведенных интервью: институциональная бедность, отсутствие квалифицированных кадров и учебных материалов, утечка мозгов и продажа степеней (sale of grades) (Amsler 2007: 81). В дальнейшем сюжет, связанный с процессом покупки/продажи научных степеней, не получает ни малейшего развития.

7 Они же продолжают ею активно заниматься, как в Украине, так и в РФ. Из числа последних публикаций украинских журналистов можно отметить А. Котову, В. Литвинова и ряд анонимных авторов.

[8] Верхняя временная граница фиксации количества губернаторов и глав легислатур – 01.12.2013.

[9] Некоторое несовпадение в соотношении степеней и индивидов как у губернаторов, так и у руководителей легислатур вызвано тем, что в некоторых случаях имелись данные, касающиеся наличия у исследуемых индивидов только докторской степени. Поскольку в советское время и в первые годы независимости Украины существовала возможность получить докторскую степень, минуя кандидатскую, я фиксировал наличие только докторской степени.

[10] Процент губернаторов, получивших свои научные степени во время пребывания на выборных должностях, дается в данной таблице в скобках. Кроме того, время получения научной степени губернаторами, защитившими диссертации в советское время (до 1992 г.) и до занятия релевантных должностей в «новое» время (после 1992 г.), определяется по дате назначения на губернаторскую должность. Понятия «Кравчук», «Кучма-1», «Кучма-2», «Ющенко» и «Янукович» означают соответствующие сроки пребывания на посту Президента Украины.

[11] Процент губернаторов, получивших свои научные степени во время пребывания на выборных должностях, дается в данной таблице в скобках. Кроме того, время получения научной степени губернаторами, защитившими диссертации в советское время (до 1992 г.) и до занятия релевантных должностей в «новое» время (после 1992 г.), определяется по дате назначения на должность руководителя легислатуры. Понятия «Кравчук», «Кучма-1», «Кучма-2», «Ющенко» и «Янукович» означают соответствующие сроки пребывания на посту Президента Украины.

[12] Во внимание принималась разница только между получением высшего образования и получением кандидатской степени.

[13] Из них один не учитывался при подсчете по причине невозможности установить время получения кандидатской степени, а еще один учитывался в колонке, посвященной докторским диссертациям. В дальнейшем следует иметь в виду, что некоторые случаи нами не учитывались при подсчетах в виду отсутствия точных данных относительно времени защиты диссертаций.

[14] Цифра в скобках означает разницу между защитой кандидатской и докторской диссертаций индивидов, обе свои степени получивших в «новое» время. Для докторских степеней, полученных до занятия назначаемых, выборных и/или хозяйственно-управленческих должностей, подобные расчеты не проводились по причине чрезвычайно малого количества релевантных случаев.

[15] Или 13.67 vs. 4.39 для губернаторов и 12.66 vs. 3.8 для глав легислатур, если учитывать только тех, кто получил обе степени или в СССР, или в «новое» время.

[16] Из общего количества губернаторов, причисленных нами к группе, научные степени которых обусловлены соответствующей должностью, 61.8% (потенциально) написали и защитили свои диссертации непосредственно на посту губернатора. В то же время 20.6% губернаторов (потенциально) написали свои диссертации на должности, предшествующей губернаторской, но защитили ее во время своего непосредственного губернаторства, а 17.6% (потенциально) написали диссертации во время своего губернаторства, а защитили на последующей должности. Для руководителей легислатур данные таковы: 35.3, 47.05 и 17.65% соответственно.

[17] Особенностями расчетов в данном случае обусловлено то, что количество бывших и/или нынешних руководителей легислатур, получивших научные степени во время сво-

его пребывания на выборных должностях (21 случай), отличается от показателя, вошедшего в табл. 2 (23). В частности, в данной таблице мы были вынуждены исключить двух глав Ивано-Франковского областного совета, В.Х. Бруса и З.Н. Мытника, формально защитивших диссертации на указанной должности. Однако применение временного критерия показывает, что определяющим для них были должности первого заместителя губернатора Ивано-Франковской области и начальника управления охраны здоровья Ивано-Франковской областной государственной администрации соответственно.

18 И в том, и в другом случае распределение защит по избранным временным отрезкам характеризуется значительной степенью однородности: 4, 9 и 11% для губернаторов и 6, 8 и 8% для глав легислатур.

Екатерина Степико

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Abstract

The article discusses the phenomenon of a culture model, its structure and formation of main vectors. It also outlines the differences in cultural patterns, their main characteristics and features of the Incarnation in different social systems. There are three main culture models the features of which are described in this article. The experience of incarnation of cultural models in the West and Ukraine is also examined.

Keywords: cultural model, structure, monocultural, multicultural, culture, postmodernism.

В статье рассматриваются феномен культурной модели, его структура и основные векторы формирования, очерчиваются различия культурных моделей, выделяются их основные характеристики и особенности реализации в разных социальных системах. Выделяются три основные культурные модели: монокультурная, мультикультурная и поликультурная – и описываются особенности каждой из них. Также сравнивается опыт воплощения культурных моделей на Западе и в Украине. Целью написания статьи является определение общего и особенного в функционировании различных моделей культуры в Украине и развитых странах Запада. Также мы предлагаем дефиницию понятия «культурная модель» на основе обобщения опыта культурного строительства в Украине и развитых странах Запада. Для нас очень продуктивным является сравнение опыта культурной политики стран Западной Европы и восточноевропейского Пограничья. Особенности исторического развития, менталитета и экономические условия внесли свои коррективы в развитие

культур в этих регионах. Неудачные векторы, выбранные странами Западной Европы, теперь не будут выбраны нами, что поможет значительно ускорить процесс формирования собственной культурной политики с учетом особенностей стран Восточной Европы.

Этот вопрос рассматривали в своих исследованиях как украинские, так и зарубежные ученые, в частности Л. Ляпина, В. Щербина, И. Курас, Е. Хлыщева, В. Мамонтова, В. Кумлика, Д. Коатс и др.

Сначала дадим определение понятия «культурная модель», которым мы будем оперировать в процессе сравнения культурных процессов в Украине и в странах Западной Европы. Как справедливо отмечает Е. Хлыщева, «культурная модель – это своеобразная реконструкция оптимальной для своего времени модели культурного развития, которая высвечивает доминирующие аспекты внутри определенной культурной формы и имеет уникальную конфигурацию внутренних элементов культуры, что определяет ее специфику» (Хлыщева 2011: 4–42). В нее входят определенные совокупности идеалов, установок, культурных норм, с помощью которых люди образуют общество, которое развивается определенным образом. «Культурная модель представляет собой логический ментальный конструкт, позволяющий рассмотреть культурные процессы с учетом большинства культурных тенденций современного мира. В основе формирования культурной модели лежат естественные процессы, происходящие в социокультурной сфере современного общества, однако она сама остается искусственным конструктом, сформировавшимся под влиянием субъективных факторов, как-то: философских установок, культурных паттернов, научной парадигмы, господствующей на данный момент в гуманитарной науке, влияние политических элит, социокультурных процессов и т.д.» (Хлыщева 2011: 4–42).

Моделирование культурных процессов и культур в целом можно осуществлять для любых культур независимо от исторических форм культур и уровня технических достижений, ведь появление культуры обусловлено природным и социальным началами в человеке.

Моделирование является методом познания исследования культурного развития, так как благодаря выделению базисных конструктов возможно сформулировать представление о закономерностях изменений и развития различных культур. Одним из наиболее серьезных исследований в этой области является исследование Альфреда Кребера (1876–1960), который занимался построением и классификацией культурных моделей. Он рассматривал культуру как необходимое условие появления и развития общества и указывал, что «общество по отношению к культуре является средством, инструментом, который культура использует, чтобы себя объективировать. Культура устанавливает новый и отличный уровень реальности, более высокий, чем человеческое общество» (Bidney 1996: 103).

А. Кребер отождествлял модели культуры с понятием культурных ценностей. Модели культуры являются фундаментом, основой выделения культурных черт в направлении определенных векторов. При этом одна и та же модель может наполняться разным содержанием в зависимости от специфики конкретного народа. Но наиболее существенной чертой моделей культуры Кребер считал присущую им способность к саморазвитию, она является фундаментом, основой выделения культурных черт. При этом одна и та же модель может наполняться разным содержанием. «Культурные модели обладают концептуальным значением, определенным образом отражающим феноменальную реальность» (Кребер 2004: 704).

При дальнейшем рассмотрении культурных моделей мы будем исходить из того, что их основным свойством является способность отражать социальную действительность. В зависимости от того, какими средствами, при каких условиях, по отношению к каким объектам познания это общее свойство реализуется, возникает большое разнообразие культурных моделей, которые должны быть типологизированы.

Поэтому справедливо, на наш взгляд, будет придерживаться логики Е. Хлыщевой, которая предполагает обращение к следующей типологии, различающей монокультурную и многокультурную (поликультурную и мультикультурную) модели, основанные на концепциях монолинейного и полилинейного развития культур. Монокультурность является «особой формой общественной активности, при которой доминирующий тип культуры утверждает себя как единственно законный» (Хосрохавар 2004: 21–28). Такая модель поддерживается государством или определенными структурами общества. Первоочередное значение имеет культура, господствующая в данном регионе. Мультикультурность отстаивает идею существования множества самобытных культур, признавая уникальность и самостоятельность каждой из них.

На формирование модели культуры влияет эпоха и ее настроения, основой культурной модели являются философские направления, доминирующие в определенное время. И действительно, если мы сравним модернистскую и постмодернистскую парадигмы, то увидим, что культурные модели различаются между собой. Если для модернизма была характерна монокультурная модель, а для переходного периода между двумя парадигмами – поликультурная, то для постмодернизма характерен мультикультурализм.

Классическая модель культуры, сформировавшаяся в эпоху Просвещения, рассматривает культуру как результат исторического развития человечества и является показателем определенного уровня разумных и гуманных общественных отношений. Поэтому и появляется пренебрежительное отношение к культурам, не соответствовавшим европейскому образцу. Культура рассматривалась как закономерный этап естественной эволюции, с помощью которой раскрывается потенциал человека. «В XIX веке завершается формирование так

называемой "классической модели" культуры. Для нее характерно жесткое разделение объекта и субъекта познания, предметом которого выступает надындивидуальная культурная реальность, из которой выводится культура отдельного человека, хотя в основе этой модели культуры лежат принципы гуманизма, рационализма и историзма» (Колодин). В то время превалировала европейская культура, а другие культуры считались развитыми не так хорошо. Эта модель переносилась и на государственную культурную политику – господствующей была одна культура, а представители других должны были к ней стремиться. «Кризис "классической модели" был вызван не только ее недостаточной методологической эффективностью, но и тем обстоятельством, что данная модель воплощала идеологию европоцентризма: неевропейские формы культуры воспринимались как недоразвитые, неполноценные, уступающие европейской вследствие отсутствия в них многих традиционных ценностей» (Колодин).

На периферии постмодерна и модерна возникает поликультурная модель, согласно которой господствующей считается одна культура в государстве, а другие должны быть подчинены ей, но это не мешает их развитию как культур меньшинств. Сейчас она имеет место в некоторых государствах (Англия, Италия, Польша), Украина в данном случае не является исключением. Но в ряде стран (Германия, Франция, Австралия, Швеция, Канада) она не прижилась и была изменена на более толерантную мультикультурную модель, речь о которой пойдет ниже.

Для постмодерна характерен переход от классического антропоцентрического гуманизма к современному универсальному гуманизму в сочетании с отказом от европоцентризма и этноцентризма. Стержнем постмодерна является эстетика – сложное объединение чувственности и рационального, такое восприятие мира характерно только для человека. Апелляция к чувственному не случайна, ведь оно объясняет мир наиболее полно, чего не могло достичь рациональное мышление, так как в сфере абсурдного оно бессильно. Отвергаются четко определенные каноны/понятия/категории, и символом эпохи становится ризома – корневище, которое не имеет четкого центра, а только отростки. Многозначность характеризует постмодернистское общество и методологию этого периода в целом.

Поэтому и модель культуры строится ризоматично – мультикультурализм, как господствующая культурная политика этого периода, настаивает на том, что каждая культура является самодостаточной и самобытной, поэтому заслуживает уважения и толерантного отношения. Появившись в 70-х гг. XX в., он приобрел очень много сторонников, некоторые даже сейчас высказывают мнение, что это единственно возможная культурная модель развития современных обществ. «Аксиологический сдвиг в сторону большей толерантности во многом связан с новым отношением к массовой культуре, а также с тем эстетическим феноменом, которые ранее считались периферийными» (Колодин). В теории эта идея выглядит весьма логично и привлекательно, но, как мы знаем, на практике

воплощение мультикультурализма в ряде стран, таких как Франция, Германия, Австралия, Канада, потерпело поражение и их правительства официально признали неудачным это направление культурной политики.

К середине XX в. господствующей культурной моделью была монокультурная, даже на территориях, где царила поликультурная модель, предпочтение отдавали монокультурности. Эту тенденцию можно проследить в культурной политике таких государств, как СССР, США, Германия, Англия. Монокультурную модель можно охарактеризовать как интеграцию всех имеющихся в государстве культур в единое целое на основе господствующей культуры и национальных ценностей, присущих именно ей. В современную эпоху эта модель уже не может быть применена, ведь это противоречит культурному многообразию, существующему в мире и в каждой стране. Таким образом, культурное единство абсолютизируется, и насаждаются определенные типы ценностей – традиционные или европейские – в зависимости от политической направленности государства. Также возможен наиболее распространенный в наше время вариант: отталкиваясь от принципов глобализации, насаждаются космополитические убеждения, обесценивающие ценности национальных культур.

Рубеж XX и XXI вв. характеризуется кризисом монокультурной модели в России, США, Австралии по причине ее отождествления с политикой ассимиляции, ярким примером которой являются концепции «плавильного котла», «Австралии для белых» и практика присоединения к России близлежащих территорий. Политика «плавильного котла» доминировала в Америке с конца XVIII в. до конца XX в., и основной ее целью была ассимиляция этнических групп, которые иммигрировали со своих родных стран. В конце XX в. стало ясно, что из-за глобализационных процессов поток мигрантов в США усилился и это количество других разнообразных этносов не может быть «переплавлено» в этнос американский, частично из-за нежелания самих мигрантов. Более жесткой была культурная политика в Австралии, которая проводилась с 1901 по 1975 г., сейчас известная под названием «Австралия для белых». Так как в середине XIX в. там наблюдалась нехватка рабочей силы, то были привлечены трудовые ресурсы из других стран, в основном из Азии. Это вызвало недовольство профсоюзов, и в 1890 г. все штаты приняли закон, который гарантировал сохранение «белой Австралии». Но после Второй мировой войны внедрение этой политики постепенно было прекращено, и в 1975 г. австралийское правительство приняло закон о запрете расовой дискриминации по отношению к иммигрантам. Россия, как самое большое государство в мире, сейчас имеет достаточно серьезные проблемы с культурной идентификацией граждан, проживающих на ее территории. Этнические меньшинства не только не идентифицируют себя с этим государством, но и не обладают для этого достаточным желанием, поскольку часто территории, которые они населяли до присоединения к этому государству, были присоединены насильственно.

Сейчас монологичная модель культуры не может быть применена из-за значительных различий с принципами либеральной демократии – в современном мире тоталитарная парадигма сменилась демократической, поэтому монокультурная модель не соответствует ценностям современного мира. Монокультурная модель развивается по обычному сценарию доминирования одной культуры над другими независимо от территории конкретного государства – доминация является ее основной чертой. В этом случае с помощью культурной политики производится нейтрализация государств-конкурентов, так как доминантная культура является силой, дестабилизирующей культурное пространство стран-соперников.

Мультикультурность базируется на демократическом принципе равенства, согласно которому все культуры, существующие в мире, даже малочисленные и подавляемые на протяжении всего исторического развития человечества, имеют неоспоримый вес и ценность и должны быть адекватно восприняты международным сообществом. В рамках этого концепта выделяются две модели: поликультурная и мультикультурная. Подобная разница в терминах характерна для постсоветской науки, тогда как на Западе всюду употребляют термин «мультикультурный». Мультикультурное общество появляется в результате иммиграции новых этнических меньшинств в относительно гомогенное ранее государство. Поэтому для регулирования общественных отношений и защиты ценностей мигрантов была предложена мультикультурная модель. Тем временем поликультурность – это характеристика культурного состояния государства, которая формировалась длительное время и обусловлена существованием на одной территории многих этнических общин в течение длительного времени. Таким образом, «мультикультурное общество – результат регулируемого обмена различиями» (Мальковская 2008: 194–195). Поликультурное общество включает в себя многоэтничность и многообразие стилей жизни и способов мышления, поэтому оно является «смесью различных, прежде всего цивилизационных, основ жизни индивидов в определенном пространстве на определенной территории государства» (Мальковская 2008: 194–195).

Остановимся на конкретных примерах мультикультурализма и поликультурализма. Например, во Франции основной проблемой была иммиграция из стран Северной Африки и Турции, которые со второй половины XX в. начали завоевывать рынок труда этой страны. Так как большинство французов – католики, а иммигранты в большинстве – мусульмане, начали возникать конфликты на почве религиозной нетерпимости. Толерантная культурная политика правительства Франции привела к тому, что этнические меньшинства не хотели учитывать культурную и религиозную специфику принимающего государства. Поэтому правительство признало мультикультурализм провальным вектором культурной политики.

Поликультурализм можно рассмотреть на примере Украины как независимого государства постсоветского пространства. Очень длительное время

государство не было территориально сформированным, но культура Украины развивалась, несмотря на то что частично земли находились под влиянием различных государств (современная территория Украины сформировалась только в составе СССР). Длительное влияние, с одной стороны, стран Европы (Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Австрии, Румынии), а с другой стороны – России во многом определило культурный облик современной Украины. Но это не помешало украинской культуре сформироваться в полноценный региональный культурный феномен.

Поликультурная модель формируется в результате длительного исторического развития культур, их сосуществования, влияния и различия, в процессе которых различные культуры вынуждены сосуществовать друг с другом и должны воспринимать Другого. Модель характеризуется взаимодополняемостью культур этносов, существующих на территории государства, она может формироваться в течение достаточно длительного времени и отображать пестрый этнический состав территории. Она выдвигается как антитезис монокультурным традициям с целью «сохранения и роста культурного разнообразия и культурного плюрализма» (Шафрикова 1998: 7).

Поликультурная модель способствует формированию человека, который имеет развитое чувство толерантности и уважения к другим людям, который может жить в консенсусе с представителями различных этнических групп. Основной характеристикой поликультурного пространства становится культурный плюрализм.

В рамках единой украинской культуры выделяются ярко выраженные культурные ареалы: Закарпатье, Западная Украина, Восточная Украина и юг Украины, Крым. Во всех этих регионах существуют и развиваются культурные общества, ведется образовательная деятельность на языках всех национальных меньшинств, которые проживают в этих регионах. На основании недавно принятого Верховным Советом Украины Закона Украины об основах государственной языковой политики их представителям предоставлено право обращаться в государственные, в том числе судовые и правоохранительные, органы на родном языке.

Переход от монокультурной к мультикультурной модели, осуществленный в конце XX ст. в ряде стран Западной Европы, Канаде, Австралии, был обусловлен изменениями в культурных и политических процессах, которые утверждали принцип толерантности и равенства. Все культуры считались равными – и это стало кульминацией уважения к Другому: культуры, на протяжении всего своего существования считавшиеся европейцами второстепенными и неполноценными, изменили свой статус на равнозначные в международном сообществе.

Одна крайность, когда предпочтение отдавалось тому типу культуры, который доминировал на определенной территории, в частности европейскому, рациональному типу культуры, сменилась другой крайностью, когда с появлением мультикультурализма в ряде таких государств, как Франция, Германия, Швеция,

Канада и др., культуры, подавлявшиеся раньше, получили статус равных и признавались на законодательном уровне. Но политика, возникшая как реакция на предыдущую, имеет определенные недостатки и не является панацеей, избавляющей от проблем интеграции других культур в общество. Поэтому и результаты воплощения мультикультурализма в ряде стран Западной Европы, Канаде, Австралии были неоднозначными. С одной стороны, утверждалась толерантность и происходила демократизация общества, а с другой – происходило расслоение общества по этнокультурному признаку. Причем если первые волны мигрантов пытались влиться в новую среду, то уже следующие были склонны к консервации внутри нового государства, создавали государство в государстве. И это неудивительно: их поддерживали и соотечественники, и государства. Поэтому закономерно то, что потребность в интеграции отпадала сама собой: исследования последствий политики мультикультурализма показывают, что некоторые иммигранты в ряде стран Западной Европы, Канаде, Австралии сознательно не изучали язык государства, в которое они переезжали на постоянное место жительства.

На самом деле, политика мультикультурализма имеет много позитивных моментов, но любую идею можно довести до абсурда неумелым воплощением или просто не до конца предусмотрев возможные последствия ошибок. А иногда при воплощении в жизнь теоретического концепта невозможно рассчитать, какие преграды возникнут на практике и, следовательно, какие коррективы надо будет внести, чтобы их исправить. Недаром во Франции, Германии, Австралии и в ряде других западноевропейских стран, которые воплощали мультикультурную модель, власти официально признали ее провальной и неспособной решить ряд вопросов интеграции мигрантов в общество. Сейчас общества этих стран находятся в поиске новых культурных моделей, способных удовлетворить все потребности как коренного населения, так и иммигрантов. Одним из вариантов решения проблемы можно представить поликультурную модель, которая будет объединять все население государства на основе общих для всех ценностей и идеалов. При этом они не должны быть навязанными сверху, как это могло бы произойти при монокультурной модели, но этот процесс нельзя делать неконтролируемым, релятивистским, как это случилось при проведении политики мультикультурализма. Следует также принимать во внимание специфику региона, в котором воплощается данная модель, – она должна учитываться и дополняться определенными установками со стороны государства. В некоторых государствах (например, в Англии, Франции, Германии) уже не существует монокультурного пространства, потому что рядом с коренным населением проживает значительное количество иммигрантов уже не в первом, а в третьем поколении, поэтому политику следует выстраивать согласно реально существующим условиям организации общества. Конечно, политика мультикультурализма для Украины и Восточной Европы не так актуальна, как для Западной Европы. Именно поскольку эмиграция из постсоветского пространства вновь усилива-

ется из-за экономического кризиса, можно говорить о довольно больших диаспорных группах украинцев в Италии, Португалии, Испании, Чехии, Канаде, основу которых составляют не поликультурные в нашей терминологии (то есть возникшие исторически), а мультикультурные (трудовые мигранты постсоветского периода) выходцы из стран восточноевропейского Пограничья.

Политика мультикультурализма должна решать проблему взаимодействия культур, которая обостряется из-за миграции населения всего мира: мигранты, прибывая в страну, которая принимает, вместо того чтобы ассимилироваться, насаждают свои обычаи и мировоззрение. Мы имеем пример Европы, США, Канады и Австралии, которые, приняв политику мультикультурализма, не могут противостоять мигрантам из Азии и Африки. Эти страны начинают испытывать определенные трудности в сохранении собственной индивидуальности в культуре и считают, что мигранты разрушают их «белую» культуру.

Мультикультурная модель предполагает сосуществование многих культур в одном пространстве с «интеграцией без ассимиляции», которая предусматривает право на сохранение своих аутентичных черт, традиций, образа жизни и достойную их публичную репрезентацию. Как правило, эту модель применяют государства, принимающие иммигрантов, которые планируют жить в дальнейшем на территории государства, в которое они прибыли.

Исследуя современную культурную ситуацию в Украине, отметим следующее. Долгое время, находясь под властью многих государств, а следовательно, и культур, не имея долгое время своей государственности, украинцы были лишены возможности сформировать национальную украинскую культуру, поэтому молодое государство вынуждено закладывать ее основы.

Но сложность этого процесса заключается в том, что уже сформировалась ситуация, когда внутри общества существуют различные культурные паттерны. Они образовались под влиянием различных государств, поэтому есть разными по уровню культурного, экономического и мировоззренческого развития, что приводит к разногласиям в определении единой культурной политики. Поэтому диалог и поиск единых общих элементов культурной политики являются единственным путем преодоления разобщенности в культурном плане. На наш взгляд, поликультурная модель с усилением позиций господствующей культуры и уважением культурных меньшинств является достаточно перспективной. Срединный путь, который мы хотим выбрать, поможет нам избежать крайностей обоих подходов и вывести украинскую культурную политику из положения неопределенности, в котором она сейчас находится.

Украина традиционно является толерантным государством, уважающим права меньшинств и иммигрантов и обеспечивающим им все необходимые условия для полноценного проживания на ее территории, но не следует забывать об их интеграции в украинское общество и консолидации самого общества вокруг общей национальной идеи. Она должна быть настолько убедительной и

органичной, чтобы стать способом бытия украинского общества, а это, в свою очередь, обеспечит ее воплощение и надежное функционирование.

Сейчас имеют место диаметрально противоположные взгляды на необходимые ценности и вектор развития культурной политики. Не следует думать, что какая-то из точек зрения может быть нивелирована: это влечет за собой насилие, поскольку невозможно в рамках диалога. Поэтому следует найти такие общие моменты, которые будут близки и понятны каждой стороне и максимально сблизят различные культурные среды.

Далее мы можем логически вывести следующие сценарии развития культурной политики современных государств: доминирование одной культуры над другими (В.А. Мамонтова), господствующее положение культуры этнического большинства (Д. Коатс, Э. Корниш) или культурный диалог, ведущей идеей которого является гармоничное сочетание национальных культур в их органической связи (С. Бенхабиб, В. Кумлика).

Мы стоим на позиции утверждения культурного диалога как единственно возможного вектора развития обществ. Культуры современных государств не существуют изолированно, им необходим диалог, который возможен в том случае, когда общение, происходящее в конкретном культурном пространстве, опирается на прошлый опыт как на основу для будущего. Взаимодействие должно происходить таким образом, чтобы интеграция не подменялась ассимиляцией: в таком случае каждая культура отстаивает свою идентичность, не отвергая при этом достижений других культур. Даже ООН рекомендует вести подобный диалог. Так, в рабочем документе подкомиссии касаемо предупреждения дискриминации и защиты прав национальных меньшинств Комиссии по правам человека ООН отмечается, что «особую важность приобретает активизация диалога между меньшинствами и группами, которые составляют большинство населения в стране» (Ляпіна).

Поэтому для плодотворного развития поликультурной модели на территориях как западноевропейских стран (Франция, Германия, Австралия, Великобритания), так и стран постсоветских (Украина, Россия) необходимо учитывать инновационные процессы и традиции этнического большинства, проживающего на данной территории. Важной чертой различных инноваций в культурной сфере является то, что их работа может корректироваться непредсказуемыми факторами, что приводит к необходимости выбора альтернативного пути развития. Кроме того, большинство таких процессов не имеет четких сроков реализации, ведь у «каждой культуры есть уникальная конфигурация внутренних культурных элементов, объединенных одной культурной темой, которая определяет не только то, каким образом элементы культуры сочетаются между собой, но и их содержание» (Benedict 1934: 36).

В любой культуре существуют определенные вариации, которые соответствуют этосу данной культуры. Каждая такая культурная конфигурация

уникальна, и нововведения, которые не являются характерными для данной культуры, не получат в ней пространства для своего развития, ведь «каждое человеческое общество когда-то совершило отбор своих культурных установлений» (Хлыщева 2011: 4–42). Культурное пространство трансформируется благодаря миграции и демографическим изменениям, а также ценностям, на которые опирается данное общество. Однако безусловное принятие ценностей других культур вызывает отчуждение от своей и вовсе не предполагает интеграции в другое культурное пространство. Так появляются маргинальные настроения в обществе.

Таким образом, анализируя имеющиеся модели культуры Украины и стран Западной Европы (Франция, Германия, Австралия), подчеркнем, что наибольшую перспективу для развития мы видим в поликультурной модели, которая создает наиболее благоприятные условия для сосуществования многообразия культур в современных государствах.

Литература

Benedict, R. 1934. Patterns of Culture. Boston-New York: Houghton, Mifflin and Company. P. 36.

Bidney, D. 1996. Theoretical Anthropology. New Brunswick (USA): Transaction Publisher. P. 103.

Колодин, А. Культурология как наука // «Классическая модель» культуры в европейской философии. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.religiocivilis.ru/component/content/article/1319-klassicheskaya-model-kultury-v-evropeiskoi-filosofii.html?start=1.

Колодин, А. Культурология как наука // Постмодернизм как культурная ситуация в современном обществе. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.religiocivilis.ru/component/content/article/1326-postmodernizm-kak-kulturnaya-situaciya-v-sovremennom-obschestve.html?start=1.

Кребер, А.Л. Избранное: Природа культуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 704.

Ляпіна Л. До проблеми діалогу культур як форми міжкультурної взаємодії в Україні. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://lib.chdu.edu.ua/pdf/pidruchnuku/21/23.pdf.

Мальковская, И.А. Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 194–195.

Хлыщева, Е.В. Динамика культурных моделей в глобализирующемся мире: дис. доктора философских наук: 24.00.01. Астрахань, 2011. С. 4–42.

Хосрохавар, Ф. Конец монокультурности. В: Полиэтнические общества: проблемы культурных различий. Сб. статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 21–28.

Шафрикова, А.В. Мультикультурный подход в обучении и воспитании школьников: автореф. дис. канд. пед. наук. Казань, 1998. С. 7.

История: взгляд в будущее

Блэр Э. Рубл

РАЙ, ГДЕ ОБИТАЮТ ЧЕРТИ: ОПЕРА В НЕАПОЛЕ ВРЕМЕН ИСПАНСКИХ ГАБСБУРГОВ И НЕАПОЛИТАНСКИХ БУРБОНОВ[1]

Некоторые города возводятся для торговли, другие – по религиозным причинам, какие-то – по государственной необходимости. Неаполь начался с песни.

Берринджер Фифилд, *1996*[2]

Часть II

Ночь в опере

Строительство театра Сан-Карло стало одним из первых свершений Карла после того, как он принял корону новообразованного Королевства обеих Сицилий; скорость строительства была поразительной. Фельдман отмечает, что сцена «имела впечатляющие размеры 33 x 24 x 70 метров, а с нынешним [двадцать первого века] расположением мест театр вмещает 2400 человек… На протяжении XVIII в. театр воспевал Бурбонов и привилегированные классы, эксклюзивная подборка оперы-сериа доставляла удовольствие публике в промежутках между ежегодными празднествами Бурбонов, кульминация которых приходилась на династические дни рождения и именины. Богоподобность царствования подчеркивалась не только именованием театра в честь бренного короля с отсылкой к бессмертию одноименного святого. Усиливали символическое представление королевской власти в Сан-Карло самые звездные певцы, большой оркестр из более чем пятидесяти оркестрантов, величественные декорации и спектакли, а также великолепное искусственное освещение,

при котором свечи, мерцая, отражались в зеркалах, подвешенных к каждой ложе, во время придворных фестивалей. Среди этих акустических и визуальных символов король размещался в четко определенном пространственном центре, где располагалась громадная королевская ложа, возвышаясь на два этажа на втором и третьем уровнях, прямо напротив сцены. Особо затейливой на этой экспозиции была система движущихся золоченых деталей, собранных из резного дерева, нанизанного на проволоку таким образом, что она складывалась в оптическую иллюзию пышного, ниспадающего складками блестящего обрамления. Оно окаймляло королевскую ложу и простиралось по периметру до самого верха театра в виде двойной рамки, включающей в единую непрерывную символическую систему различные социальные ранги, составлявшие тело короля и заключавшие его в себе одновременно. Таким образом, грубая символическая структура абсолютистского спектакля использовалась, чтобы артикулировать социальные иерархии, как бы имитируя условия существования и привилегии вне театра, в особенности создавая иллюзию того, что королевская ложа наделяла их силой и подчеркивала их незначительность»[3].

По преданию, Карлу такого невиданного великолепия было недостаточно, и, войдя в свою ложу на представление по случаю открытия театра, он пожаловался архитектору Анджело Каразале, что предпочел бы не выходить из своего дворца, чтобы попасть в соседнее здание на спектакль. Каразале вылез из кожи вон, чтобы угодить патрону, и спешно возвел галерею между дворцом и театром, которой пользовался Карл и его королевские, а также не очень королевские потомки[4].

Карл открыл свой театр, когда опера была еще относительно новым видом искусства. Этот драматический жанр возник в конце XVI в. благодаря попыткам флорентийцев и их соседей в других княжествах северной Италии, где преобладала торговля, воссоздать музыку древних греков[5]. Хотя недавние историографические исследования внесли коррективы в некоторые исторические детали, однозначным остается тот факт, что в северной Италии новые театральные формы, комбинирующие драму, танец, песню и инструментальную музыку, соединились в нечто качественно новое незадолго до 1600 г. Новый тип представления, который в конце концов стал известен под названием «опера», возник как реакция на дискуссии о том, насколько эмоциональное воздействие, приписываемое древнегреческой драме, было связано с пением хора[6].

Для многочисленных абсолютистских правителей, которых волновало установление собственного всевластия на континенте, опера стала идеальной формой пропаганды[7]. Неаполитанские Бурбоны, а также французская и австрийская династии вскоре убедились, что эта передовая форма певческого драматического театрального представления, будучи поразительно новой, ассоциировалась с греческим и римским классицизмом, основой легитимности в европейской культуре. Молодые правители надеялись, что такая легитимность будет укреплять их владычество.

Первоначально текст оперы считался важнее музыки. В конце XVI в. поэт Оттавио Ринуччини начал писать либретто для все более и более сложных интермедий, вставлявшихся в придворные театральные представления[8]. Интермедии в пьесе «Женщина-пилигрим», показанной на свадьбе Фердинанда I Медичи и Кристины Лотарингской в мае 1589 г., представляли собой единство музыки и стихов, а не отдельные короткие музыкальные сценки, что стало свидетельством нового этапа в развитии оперы[9].

Поэкспериментировав с несколькими альтернативными формами представлений, включавшими музыку и драму, заручившись покровительством известного флорентийца Джакопо Корси, Джакопо Пери положил стихи Ринуччини на музыку, чтобы пересказать древнюю легенду о Дафне. По мнению многих историков, так была создана первая опера. За «Дафной» последовали другие подобные работы этих авторов, включая «Эвридику», написанную два года спустя в честь свадьбы Марии Медичи и короля Франции Генриха IV[10]. В Риме первая опера – «Представление о душе и теле» Эмилио де Кавальери – была поставлена в часовне церкви Санта-Мария-ин-Валличелла в феврале 1600 г.[11] Важным для дальнейшего развития было то, что первые оперные представления часто являлись развлечениями, устраивавшимися для празднования карнавалов перед Великим постом. Опера оставалась связанной с карнавалом на протяжении десятилетий, приобретая определенную социальную значимость не только как аристократическое празднество, но и как публичное драматическое представление.

Новая форма представления в начале XVII в. связывается с именем Клаудио Монтеверди[12], родившимся в Кремоне и известным как композитор и исполнитель мадригалов при дворе Винченцо I Гонзаги[13]. Опера Монтеверди «Орфей», показанная во дворце герцога в Мантуе, утвердила оперу как отдельную форму искусства[14]. Композитор переехал в Венецию в 1613 г. и стал постоянным дирижером в Сан-Марко, писал оперы и литургическую музыку, которую исполняют по сегодняшний день. Монтеверди обозначил оперу как жанр, способный выразить сложности человеческого существования, и подтвердил право Венеции на звание ее важнейшего центра[15]. «В его руках, – замечают Донэл Хей Граут и Гермина Вайгель Уильямс, – жанр наполнился богатством музыки и глубиной экспрессии, благодаря чему его музыкальные драмы остаются живыми произведениями почти четыре столетия спустя»[16]. Монтеверди и другие известные мастера Венеции трансформировали оперу из забавы для герцогов и князей в действительно публичную форму искусства, поскольку в венецианском представлении ценилось величественное зрелище. В этом отношении Монтеверди создавал оперы, предназначенные для широкой аудитории, а не узкого круга аристократов, которые могли бы поместиться в салоне герцога[17].

Первый оперный театр открылся в Венеции в 1637 г. Монтеверди и другие композиторы писали для него оперы. Постановки музыкальной драмы[18] про-

ходили в специально построенных амфитеатрах. Балконы устраивались по внешним краям, как если бы они были окнами дворцов, выходящими на многочисленные площади города, на которых происходили праздничные представления во время долгого венецианского карнавального сезона[19].

Как поясняет Дэниэль Сноумэн, на создание оперного театра «первоначально, возможно, вдохновил древний амфитеатр, но его современная реинкарнация, оперный театр, позаимствовала свой проект у пьяцц[I], на которых проходили представления уличных театров. Представьте себе маленькую, более или менее закрытую со всех сторон строениями венецианскую пьяццу, в центре которой располагается труппа, дающая представление. За происходящим наблюдает толпа прохожих, а еще одни, более привилегированные, зрители взирают с частично обозреваемых балконов, окружающих пьяццу. Накройте площадь крышей, и вы получите нечто вроде оперного театра»[20].

В Неаполе опера появилась некоторое время спустя. Испанский вице-король граф Оньятте пригласил оперную труппу «Феби армоничи» из Рима в 1651 или 1652 г. Труппа стала выступать в коммерческом театре Сан-Бартоломео через несколько лет[21]. Таким образом, неаполитанская опера началась как чисто коммерческое предприятие, хотя и непосредственно под покровительством вице-короля[22].

Культура дивертисмента

Особая роль оперы в жизни Неаполя поддерживалась установившейся музыкальной и театральной культурой в городе. Традиция стилизованного фарса *commedia dell'arte*, восходящая ко временам Древнего Рима, все еще имела высокую популярность. Как и во всей Европе, народная музыка, такая как мадригалы и плясовые, давно заняла принадлежащее ей по праву место наряду с религиозной музыкой[23]. Неаполь не оставался в стороне от этих общеевропейских явлений, кроме того, местные жители значительно обогатили их. Например, ранее упоминавшийся монах Варнефрид определил форму мадригала, а местные скрипичные мастера XVIII в. Дженнаро и Антонио Виначиа осовременили мандолину[24].

Местная любовь к театру, музыке и танцу очень впечатляла путешественников с севера. Английский автор дневников XVII в. Джон Эвелин записал, что городские «женщины обычно имеют красивые черты, но излишне сладострастны. Местное население столь любит веселье и музыку, что даже землепашцы практически поголовно играют на гитаре, поют и сочиняют песни в честь своих возлюбленных и обычно ходят в поле с фиделем»[25]. Коллективные музыкальные формы были немедленно включены в набиравшую популярность

[I] Пьяцца (итал. piazza) – в Италии площадь, открытое пространство, окруженное строениями.

оперу, либреттисты использовали в работах комедийные характеры кормилиц, пажей, волшебников и аллегорические фигуры[26].

Все более вычурные карнавальные празднования перед Великим постом сочетались с бесконечными праздниками в честь святых и таким образом подготовили почву для прибытия оперы в Неаполь. В конце XVII в. в таких празднествах стали принимать участие студенты и профессора консерваторий, повышая таким образом свою известность и профессиональный уровень[27]. Неаполитанский карнавал включал испанскую и местную традиции[28]. Например, участники празднеств надевали маски сатиров, участвовали в битвах с забрасыванием едой, происходивших среди дворянства города под предводительством самого короля Фердинанда, и публично грабили повозки с едой, известные под названием «куканья»[II], приготовленные местными гильдиями, всё это с течением времени стало великолепными декорациями[29]. Пациенты дома умалишенных «Incurabili» выпускались, чтобы принять участие в неистовом праздновании куканьи[30]. Подобный ажиотаж привлекал к участию в празднованиях городских жителей всех классов и возрастов, что отличало неаполитанский карнавал от большинства остальных более стандартных развлечений перед Великим постом в католической Европе[31]. К середине XVIII в. Бурбоны сдвинули начало фестиваля с традиционного января на предыдущий год, чтобы отмечать именины Карла 4 ноября[32], тем самым увеличив продолжительность праздника.

Фельдман отмечает, что театр и празднования, святое и мирское слились воедино благодаря музыке, танцу и свету, их соединила опера[33]. Сильная связь оперы и карнавала в Неаполе к 1701 г. достигла такой степени, что местные правители безуспешно пытались запретить оперные представления во время карнавала. Стали популярными спонтанные представления известных опер с использованием тряпичных кукол; в либретто часто высмеивались правители[34].

Неаполитанская культурная диада дионисийской чувственности и языческого гедонизма, с одной стороны, и аполлонической рациональности и суровой набожности, с другой, обеспечивала всенародную любовь к опере. Неаполь в период испанского правления находился под влиянием множества религиозных институтов – церквей, молелен, мужских и женских монастырей, больниц, детских приютов, школ, – связанных с различными орденами католической церкви. Фифилд комментирует: «Неаполитанцы обычно чувствовали себя отчужденными от деятельности правителей. Это отчужденное отношение к власти радикально отличается от отношения Неаполя к религии, которое всегда было примитивным. Географически властные пространства тяготели к окраинам города – к морю или городским стенам – частично потому, что власть происходила извне города. Религия занимала внутренние пространства. Город терпел власть; он генерировал религию. На самом деле, церкви и монастыри не столько испещряют лицо Неаполя, сколько делают его загадочным»[35]. Эти религиозные оазисы

II Изобилие (итал.).

метафизического спокойствия и великолепия контрастировали с хаосом улиц за их высокими стенами[36].

Многим из этих учреждений требовалась хоровая и инструментальная музыка, дабы воспевать славу Божию[37]. Поэтому барочный Неаполь остро нуждался в талантливых музыкантах. Музыковед Динко Фабри считает, что наем музыкантов зависел от их качества больше, чем в других европейских городах, поскольку испанские вице-короли находились на посту более или менее определенное количество времени. Как результат, постоянные структуры покровительства, связанные с доминирующей семьей, не могли поддерживаться из-за изменения предпочтений сменявших друг друга вице-королей[38]. Развивалась иерархия привилегий и власти, зачастую становясь привязанной к изменяющемуся статусу религиозных учреждений, в которых работал музыкант. «Наверху, – пишет Фабри, – самым важным музыкальным учреждением было то, которое было напрямую связано с вице-королем, т.е. Королевская капелла. Подобным образом самыми престижными мероприятиями были связанные с двором в Королевском дворце: вечера, балы, комедии и оперы, а также религиозные празднования, дни рождения, бракосочетания и эпизодические церемонии. Другие уровни пирамиды отражают статус учреждений, связанных с управлением Неаполем: собор с архиепископом как религиозным главой города; депутаты (*Eletti*[III]), занимающие пять депутатских мест (*seggi*[IV]) от аристократии и одно от простолюдинов; важнейшие религиозные организации, постоянно ведущие борьбу друг с другом (иезуиты, филиппинцы, театинцы, доминиканцы, францисканцы и т.д.). Затем благотворительные учреждения (из которых образовались консерватории, братства и другие народные религиозные или мирские объединения)»[39].

Музыканты в Неаполе, как и везде, были наемными ремесленниками своих покровителей. Однако в Неаполе, как в Венеции, доминировали скорее учреждения, нежели богатые семьи[40]. Эта система создавала стабильный спрос на музыкальный талант, различные наниматели принимали на работу чужаков, а также музыкантов, демонстрировавших талант, из социально неприемлемых групп. Некоторые из наиболее важных основателей неаполитанской оперы (например, родившийся на Сицилии Алессандро Скарлатти, переехавший в город из Рима) независимо от своего происхождения могли более или менее честно соревноваться за получение места в относительно открытой системе[41]. Другие закончили известные консерватории, равных которым не было, если не считать Венецианскую.

III Избранные (итал.).
IV Депутатские кресла (итал.).

Неаполитанская музыкальная машина

Согласно некоторым оценкам, в Неаполе в середине XVII в. было семь консерваторий и 617 религиозных учреждений (включая 248 церквей), которые обеспечили получение музыкального образования 368 мальчиками в 1660 г., число выпускников в дальнейшем увеличивалось[42]. Четыре самые известные консерватории – Повери-ди-Джезу-Кристо (основана в 1589 г.), Сант-Онофрио-а-Капуана (1578 г.), Пьета-деи-Туркини (1583 г.) и Санта-Мария-де-Лорето (1537 г.) – попали под контроль общественности и вице-королей. Вновь Венеция стала основным конкурентом Неаполя, имея ряд собственных ярких консерваторий. Венецианское музыкальное образование было сконцентрировано в приютах для девочек, в то время как в неаполитанские консерватории принимали мальчиков[43]. Это означало, что по достижении совершеннолетия выпускники неаполитанских консерваторий скорее выбирали профессиональную карьеру в музыке[44].

Приюты поддерживали консерватории, чтобы обеспечить мальчикам средства к существованию в качестве музыкантов. Как и в случае с известными приютами для девочек в Венеции, некоторые из детей, не имевшие родителей, были незаконнорожденными потомками богатых и именитых[45]. Бедные семьи часто стремились отправлять своих сыновей в консерватории, поскольку там обеспечивались бесплатное проживание и питание, а экономическая ценность музыкального образования становилась все более очевидной[46]. В некоторые консерватории набирали учеников из определенных регионов королевства – Апулия обеспечивала наибольшее число, – в то время как в других имелась музыкальная специализация.

Кастрированные мальчики ценились особо. Считалось, что кастрированные вокалисты-виртуозы, певцы-кастраты превосходили женщин по диапазону голоса благодаря большему объему легких[47]. Вероятно, самый известный певец-кастрат Карло Мария Броски (сценарный псевдоним Фаринелли) прошел именно этот путь из Апулии в Неаполь и дальше до уровня панъевропейской рок-звезды XVIII в.[48]

Некоторые из лучших музыкантов города зарабатывали преподаванием в консерваториях. Мастер оперы Франческо Провенцале, например, за свою сорокалетнюю карьеру преподавал в двух из четырех консерваторий[49]. В период расцвета эта система создавала непрерывный поток музыкантов-новаторов, изменивших музыкальный ландшафт эпохи, включая Франческо Фео, Иоганна Адольфа Хассе, Леонардо Лео, Франческо Манчини, Джованни Баттисту Перголези, Николо Порпору, Франческо Провензале, Доменико Сарро, Алессандро и Доменико Скарлатти, Джузеппе Селлитти и Леонардо Винчи[50].

Майкл Робинсон определил более сорока выпускников неаполитанских консерваторий XVIII в., отличившихся выдающейся профессиональной карьерой

исполнителей и композиторов по всей Европе[51]. У них было разное происхождение, они поднялись вверх по социальной лестнице благодаря отбору и сети образовательных учреждений, пронизавшим неаполитанское общество сверху донизу. Неаполитанская музыкальная машина XVII в. предоставляла местным чертям место в раю для богатых и наполняла музыку энергией. Городские музыканты сформировали так называемую «неаполитанскую школу», членов которой усердно разыскивали импресарио и аристократы от Парижа до Санкт-Петербурга, от Мадрида до Вены и Лондона.

Однако все это не могло длиться вечно. Политические и экономические кризисы XVIII в. сократили возможности неаполитанских учреждений нанимать музыкантов. Старые преподаватели не давали занять свое место новичкам, так что десятки востребованных выпускников консерваторий разъезжались по всей Европе[52]. К началу XIX в. неаполитанское музыкальное сообщество все еще оставалось известным и ценилось за техничную виртуозность. Оркестр Сан-Карло, например, считался лучшим в Европе. Однако некоторые более продвинутые музыканты презирали Неаполь за консерватизм вкуса. По мнению Гайи Сервадио, биографа Джоаккино Россини, местные композиторы заставляли даже автора поразительно популярных опер чувствовать себя непрошенным. Самые горластые местные критики набросились на музыку Россини как на «безнравственную», когда он появился в 1815 г. в качестве дирижера Сан-Карло, чтобы взять в руки дирижерскую палочку[53].

Россини прибыл из родной Болоньи не случайно. Первоклассный миланский импресарио Доменико Барбая задался целью преобразовать местную оперную сцену, дабы извлечь прибыль. Недавно восстановленный в правах Фердинанд нанял Барбаю, чтобы заставить подданных забыть о своем малодушном бегстве в связи с вторжением Бонапарта[54]. Больше пяти лет работая по контракту в Неаполе, Россини написал около двадцати опер для Барбаи, включая такие известные, как «Севильский цирюльник», «Отелло» и «Золушка», прежде чем переехать в Вену и Париж[55].

12 февраля 1816 г., в то время как Фердинанд, Барбая и Россини заново изобретали оперу, чтобы вновь изобрести монархию Бурбонов, в театре Сан-Карло во время репетиции балета случился пожар; театр был уничтожен. Фердинанд сделал все возможное и невозможное, чтобы восстановить его в еще большем великолепии менее чем за год[56]. Однако король, его министры и нанятые им знаменитые музыканты не могли повернуть время вспять: Неаполь и неаполитанская музыкальная машина уже были «реформированы» в 1806 г. под руководством Великой армии[V]. Иоахим Мюрат, посаженный на неаполитанский трон своим шурином Наполеоном Бонапартом, объединил все консерватории в одну школу в процессе общей модернизации и реформы местных художественных учреждений[57]. Эта школа, Сан-Пьетро-а-Майелла, получила в наследство знаменитые

V Название вооруженных сил Французской империи в 1805–1807 и 1812–1814 гг.

музыкальные библиотеки и коллекции манускриптов своих предшественников, в ней музыканты продолжают обучаться и по сей день.

Упадок музыкального мастерства, на который часто сетуют, последовал за захватом итальянского полуострова семьей Бонапартов[58]. Хотя в первые пятьдесят лет после падения французского императора театры росли по всей Италии как грибы после дождя – было построено около 600 зданий, – лишь некоторые из них могли содержать музыкантов, необходимых для постановки сложных представлений. В результате «самые успешные композиторы, – сообщает читателям Джилмур, – хотели видеть свои премьеры только на сценах лучших оперных театров: Сан-Карло в Неаполе, Ла Фениче в Венеции и Ла Скала, до того, как они заработали признание для постановки в Париже»[59]. Несмотря на то что неаполитанская музыка была вплетена в итальянский и европейский контекст, она в значительной степени сохраняла индивидуальность и высокую репутацию. Многочисленные музыковеды и историки XX и XXI вв. сделали все возможное, чтобы отвергнуть важность такой «неаполитанской» школы для развития музыки. В то же время мало кто из современников сомневался тогда в ее существовании[60].

Многие из религиозных институтов, поощрявших местное музыкальное мастерство, использовали театральное представление для распространения веры. Иезуиты, прибывшие в город в 1552 г., чтобы создать коллегию, были особенно активными поборниками миссионерского уличного театра в городе и его окрестностях. Приближенность иезуитских постановок к народным театральным постановкам не была одобрена двором, и в 1773 г. орден попросили покинуть королевство[61].

Следуя указаниям св. Игнатия служить в городе, иезуитские постановки происходили в местных церквях, на улицах и площадях. Используя современную сценографию, основанную на давних традициях, иезуиты привлекали комедиантов, эксплуатировавших местное увлечение *commedia dell'arte*, чтобы достучаться до зрителей. Эти уличные представления основывались на заданных сценарием диалогах и импровизации, таким образом разрушая стереотипы прошлого. Их пьесы опирались на местные диалекты и языки, приветствуя новые театральные формы, которые впоследствии выйдут на сцену в опере-буффа. К огорчению более консервативных религиозных и светских властей, иезуиты, используя публичную театральную постановку, поощряли одновременно неаполитанский гедонизм и святость. Театральная постановка, в свою очередь, помогала закрепить место оперы в жизни Неаполя, позволяя жанру выйти за пределы бурлящей и неопределенной политической жизни города.

Пытаясь объяснить появление оперы на полуострове, Фельдман замечает, что «бурная публичная сфера Италии сделала ее совершенно оперным местом, не просто местом, в котором опера получила рождение и была любима как дитя, но местом, где опера и ее участники могли распространяться практически бесконечно и где общественное мнение постоянно выражалось публично»[62]. Не-

аполь XVII–XVIII вв. был пропитан особым итальянским духом, и опера как искусство была представлена здесь в наиболее безупречной форме.

Звуки города

Неаполь, пожалуй, воплотил в себе самые типичные черты итальянского города, которые отразились и на публичных театральных постановках[63]. Большинство наблюдателей того времени, а также последующие соглашались, что врожденная музыкальность делала город особенным[64]. Иностранные путешественники находили особое звучание в повседневной жизни Неаполя, восторженно свидетельствуя, что в городе постоянно была слышна музыка[65]. Среди очарованных звуками Неаполя был, например, французский путешественник Жан-Жак Бушар (XVII в.), который вел дневник всех музыкальных сезонов Неаполя на протяжении восьми месяцев, от Страстной недели до летних морских фестивалей и осенних празднований сбора урожая[66]. В XX в. биографы таких неаполитанских композиторов того времени, как Доменико и Алессандро Скарлатти и Франческо Провензале, отмечают, что новорожденный неаполитанец никогда не находился в тишине[67]. Звуковые гаммы их детства были столь всеобъемлющими, что Роберто Пагано называет дом Скарлатти «музыкальной фабрикой»[68].

В самом густонаселенном городе Европы, где люди буквально жили друг у друга на голове, звуки будней домашнего хозяйства переплетались со звуками жизни городского сообщества. Ральф Киркпатрик пишет: «В узких проходах редкий стук копыт заглушал негромкие звуки голых человеческих ног. На достаточно широких улицах было слышно дребезжание колес повозки, свист хлыста и негромкое прерывистое покрикивание неаполитанского возчика на лошадь или, вероятнее, целый Везувий проклятий, богатых и ярких, как груды арбузов и перца на углах улиц, и ароматных, как рыба на близлежащем рынке. Лишь немного приглушенный во время сиесты, этот шум уступал ночью место гитарам и резким неаполитанским голосам, повышавшимся при споре или любовном плаче»[69]. Это был мир, в котором дети не начинали брать уроки музыки; они учили эти уроки, просто познавая окружающий их мир.

Среди разнообразных жанров доминирующее положение занимала песня. Песни пели на улицах на местном диалекте, в церкви – на латыни, а на аристократической сцене пытались подражать, по мнению эрудированных схоластов, пению греческого хора. Город взращивал поэтов и композиторов. Талантливый Пьетро Трапасси (впоследствии ставший известным как Метастазио), будучи еще ребенком, прибыл из Рима, чтобы изучать классику. Тарасси сумел войти в музыкальные и театральные круги города и начал писать либретто для оперных мелодрам[70]. Он жил и работал в городе в 1719–1724 гг., когда либреттисты были известны лучше, чем их партнеры-композиторы[71]. Метастазио стал, пожалуй,

самым известным автором либретто своего времени[72]. Его слава и успех в конце концов позволили ему в 1730 г. переселиться в Вену и стать придворным поэтом Габсбургов.

Метастазио приписывается введение стандартной формы либретто и драматической структуры оперы-сериа, он сумел установить оперный баланс между драмой и музыкой, между речитативом и арией[73]. В этом отношении Метастазио пошел по стопам венецианца Апостоло Зено, который пытался совершенствовать оперные сюжеты, устраняя «вмешательство сверхъестественных сил, машин, незначительные комические эпизоды и напыщенную декламацию, правившую бал в XVII в.»[74]. Совместными усилиями они повысили значимость поэзии в опере, приближая ее к музыке.

Хотя за лидерство в европейском музыкальном мире XVII–XVIII вв. с Неаполем соперничали Венеция, Вена, Париж и Лондон, местные вкусы создали атмосферу, в которой решение Карла построить крупнейший оперный театр Европы и быстрая реконструкция этого театра его наследником Фердинандом стали надлежащими инструментами эффективного управления государством. В отличие от самой монархии Бурбонов опера не была навязана Неаполю извне, она стала культурным феноменом с глубокими местными корнями.

Буффа для буффа

Опыт посещения оперы в Неаполе вызывал у многих неоднозначное отношение. Театр Сан-Бартоломео был основным оперным театром в городе на протяжении восьми веков до первого представления в Сан-Карло в 1737 г. Сцена для некоторых из лучших опер Скарлатти и величайших триумфов Метастазио, Сан-Бартоломео и Фиорентини стала тем местом, куда неаполитанское общество приходило себя показать, но необязательно послушать оперу[75].

Тяжелые классические аллегории оперы-сериа создавали слишком серьезный фон для такой формы социального общения. К началу XVIII в. либреттисты, композиторы, постановщики и исполнители начали искать способы оживить вечер, вставляя комические интермедии между актами основного представления[76]. В этих воодушевляющих вставках в качестве действующих лиц присутствовали герои с улиц Неаполя, чего не было в греческих и римских представлениях. Исполнители пели на местном диалекте, а не на более формальном итальянском, латыни или греческом. Их истории, часто являясь непоследовательными и неструктурированными, были живыми и спонтанными. В такой музыке преобладала простая мелодия. Предпочитались буффонада и высмеивание, порой на грани приличия[77]. Несколько схематичные образы заимствовались непосредственно из сюжетов традиционной *commedia dell'arte*.

С течением времени эти небольшие представления перед занавесом стали использоваться для развлечения зрителей во время смены декораций за зана-

весом. Определенные приемы привлечения внимания зрителей со временем развились в отдельную художественную форму – неаполитанскую оперу-буффа.

Местная консервативная аристократия была возмущена хаосом, творившимся на сцене. Напротив, неаполитанцам среднего класса, студентам и прочим, сумевшим раздобыть билет, нравились эти представления. В отличие от знати многим богатым купцам, специалистам, торговцам и владельцам мануфактур нравилось видеть пародию на себя на сцене[78]. Местные композиторы сумели превратить интермедию-буффа[VI] в хорошо поставленную историю-представление. Истории, начинавшиеся между первым и вторым актами, продолжались в промежутках между следующими актами, так что зрители присутствовали на двух операх одновременно: в серьезную историю было вкраплено ее комедийное альтер эго.

Опера-буффа достигла совершеннолетия в 1733 г., когда «Служанка-госпожа» 23-летнего Джованни Баттисты Перголези на основе либретто Дженнаро Антонио Федерико была впервые поставлена в театре Сан-Бартоломео[79]. В центре интермедии-буффа, представленной в тот вечер, находились два героя. Пьеса была воссоздана и поставлена в Париже в 1746 г., подготовив почву шесть лет спустя для войны буффонов, «войны» между сторонниками и противниками оперы-буффа. Эта битва стала предметом конфликта между проитальянскими сторонниками Никколо Пиччинни и профранцузскими любителями музыки Кристофа Виллибальда Глюка, которую предпочитали парижские культурные и интеллектуальные круги в 1752–1754 гг.[80]

Опера-буффа достигла своего пика во второй половине XVIII в., когда неаполитанские либреттисты (Франческо Черлоне, Джамбаттиста Лоренци) объединились с композиторами (Саверио Зини, Джузеппе Миллотти, Валентино Фьораванти, Джованни Паизьелло). Кульминацией успеха жанра стали три совместные работы Моцарта с либреттистом Лоренцо Да-Понте («Женитьба Фигаро» (1786), «Дон Жуан» (1787) и «Так поступают все» (1789/90)), а также «Севильский цирюльник» (1816) Джоаккино Россини[81]. Развивая раннюю симфонию, Моцарт и другие композиторы эпохи одновременно обратились к более короткой форме интремедии-буффа[82].

К тому времени, когда Карл открыл свой театр, опера-буффа сформировалась как самостоятельный оперный жанр. Это была форма интермедий, заполнявших промежутки по окончании актов и при смене декораций во время основной оперы-сериа вечера. Распространяясь по всей Европе – Венеция боролась с Неаполем за право быть основным центром оперной комедии, – опера-буффа, тем не менее, оставалась типично неаполитанской[83].

[VI] Комическая интермедия.

Буффа в партере

Представления демонстрировались неаполитанской публике, чье понятие об этикете часто вызывало недоумение у гостей города. Сан-Карло был построен таким образом, чтобы сидящим в ложах, расположенных в соответствии с социальным статусом, было проще наблюдать за происходящим среди зрителей, нежели за действием на сцене. Каждая частная ложа становилась небольшим салоном, обставленным в соответствии со вкусами и желаниями арендодателя[84].

Англичанин Самюэль Шарп писал в 1756 г., что «для господ привычно сновать из ложи в ложу между актами и даже посреди представления, но дамы, заняв места, никогда не покидают ложу на протяжении всего вечера. Модно назначать встречи на определенные вечера. Дама принимает посетителей в своей ложе один вечер, и они остаются при ней во время оперы; в следующий вечер она подобным образом наносит ответный визит. В перерывах между актами, преимущественно между первым и вторым, владелец ложи угощает свою компанию глазированными фруктами и сладостями»[85]. Зрители без умолку болтали, заставляя композиторов и либреттистов вставлять более длинные арии, чтобы позволить певцам продемонстрировать виртуозность и удержать внимание зрителей[86].

Царственный Карл, кажется, был худшим из нарушителей, пренебрегающих происходящим на сцене. Майкл Ф. Робинсон, обращаясь к истории неаполитанской оперы, предполагает, что Карл «не был лишен культурных интересов: он перевез фарнезскую коллекцию живописи из Пармы в Неаполь, основал фабрику по производству фарфора в Каподимонте и интересовался раскопками в Геркулануме. Но никто не пытался приписать ему любовь к музыке»[87]. Интерес Карла к опере был продиктован скорее политическими, нежели личными, интересами. «Суровой действительностью являлось то, – продолжает Робинсон, – что опера стала настоящим европейским придворным развлечением, признанным инструментом распространения пропаганды и повышения престижа»[88].

Вкусы и поведение Карла в значительной степени влияли на формирование неаполитанской оперы. Слуги не имели права входить в партер; надлежало придерживаться придворного протокола в любое время; были запрещены аплодисменты отдельным певцам; и лишь король или, в его отсутствие, его официальный заместитель, Инспектор армии, мог потребовать исполнения на бис[89]. Карл также постановил, что лишь балет может выступать в перерывах, таким образом фактически запретив комедии и интермедии в других театрах, например в Сан-Фернандо, который впоследствии предпочитал его сын Фердинанд[90]. Во время таких танцевальных интермедий король и остальные зрители были полностью поглощены сценой[91].

Разделение итальянской оперы на оперу-сериа и оперу-буффа все чаще рассматривалось в Европе как искусственное и устаревшее. Дебаты между

сторонниками и противниками оперы-буффа частично вращались вокруг попыток Глюка, в конечном итоге успешных, реформировать оперу, сфокусировав внимание на драме человеческого существования и уравняв статус музыки и слов[92].

Как упоминалось ранее, политические реформы Жозефа Бонапарта и Иоахима Мюрата в 1806–1815 гг. трансформировали институциональный и культурный контекст всей музыки в Неаполе. Объединялись консерватории, реорганизовывались театры, французская рациональность способствовала упорядочиванию оперного представления[93]. Сан-Карло сгорел и был перестроен[94]. Барбая, прибыв в Неаполь в 1809 г., обеспечил работой Россини, Беллини и Доницетти, что продолжалось до 1824 г. Он поддерживал связи с театром Сан-Карло до своей смерти в 1841 г., даже будучи руководителем Ла-Скала в Милане в 1826 г. и управляя двумя театрами в Венеции[95].

Опера-буффа, как и неаполитанская опера в целом, переживала второй расцвет с достижением зрелости Джоаккино Россини, Руджеро Леонкавалло и др.[96] Но мир изменился, а с ним и опера. Удивительное сочетание божественного с мирским, возвышенного с плебейским, столь оживлявшее неаполитанскую музыкальную культуру в XVII–XVIII вв., становилось все менее значимым с отмиранием старого режима.

Опера и делирий

Глубоко укоренившиеся противоречия неаполитанской жизни никогда не были столь очевидны, как во время ужасного голода 1763–1764 гг., одного из тяжелейших на Апеннинском полуострове. Городские власти делали все возможное, чтобы наполнить зерном городские амбары. Правительство королевства, которым руководил пронырливый главный министр Бурбонов Бернардо Тануччи, действовало жестко, рассылая по деревням агентов отлавливать спекулянтов и изымать спрятанные запасы зерна[97]. Ослепленные абсолютистской идеологией, чиновники независимо от намерений лишь ухудшали ситуацию. Бурбоны оказались неспособны противостоять мириадам структурных вызовов, с которыми столкнулось королевство (включая феодальную организацию права пользования землей в сельской местности, которая все чаще критиковалась некоторыми передовыми европейскими мыслителями в академиях и в университете города)[98].

Тысячи отчаявшихся крестьян, гонимых голодом, хлынули из деревень в столицу в поисках еды. Они прибывали потоками осенью и зимой[99]. Король, его министры и прочие городские начальники опрометчиво приняли решение провести карнавальные празднования перед Великим постом 1764 г., включая ритуальное разграбление грандиозных театральных платформ, на которых была навалена бесплатная еда высотой в несколько метров, – куканью.

Фельдман описывает куканью в Неаполе в XVIII в.: «Официальный карнавальный сезон традиционно проходил с отправлением различных ритуалов под отрытым небом. Официальный карнавальный сезон длился четыре воскресенья подряд, в каждое из которых король появлялся на своем балконе, чтобы даровать еду нищим города, собиравшимся на большой площади с видом на дворец, Ларго-дель-Палаццо. Перед дворцом сооружалась огромная архитектурная конструкция высотой в несколько этажей, украшенная аллегорическими и мифическими фигурами, несущими еду, взирающими на скот, фонтаны вина и реки молока. Сооружение и празднование были известны как куканья в честь сказочной страны праздной жизни и изобилия («Le pays de Cockaigne» по-французски). Хотя для сооружения конструкции требовались месяцы, она была совершенно неустойчивой. В первое воскресенье карнавала и с разрешения короля нищие проводили ее ритуальное разграбление, срывая еду и оставляя в неприглядном виде. Конструкция ремонтировалась, и такое же действо повторялось три воскресенья подряд перед началом Великого поста»[100]. Исход сооружения гигантских башен из бесплатной еды в городе, полном умирающих от голода людей, был предрешен.

Карнавальный оперный сезон начался, несмотря на трагедию, разворачивающуюся в деревне. После посещения гала-представления в Сан-Карло 20 января 1764 г. французский аббат Койе писал, что голод «нисколько не приглушил буйство спектаклей, поскольку бонвиваны еще не голодали»[101]. Несколько недель спустя, в субботу 11 февраля, за день до начала первой куканьи, рабочие под руководством придворного архитектора Луиджи Ванвителли наполнили дворцовую площадь бесплатной едой, которая должна была раздаваться на следующий день. Через несколько часов после захода солнца нетерпеливые горожане прорвались через заграждения, расхватали еду и начали грабить магазины во всем городе. Совсем рядом от происходящего неаполитанцы высшего класса наслаждались очередным великолепным представлением в Сан-Карло. Некоторые из зрителей, предупрежденные слугами, успели спрятаться от обезумевшей толпы. Другие защищались, как могли. Восстановить порядок удалось только к вечеру в воскресенье[102]. Тануччи и аристократы в регентском совете настаивали на проведении остальных трех празднований куканьи, чтобы не дискредитировать королевскую власть. Подготовившись лучше, власти смогли провести оставшиеся разгульные празднества, не потеряв контроля над городом. Но несостоятельность правления Бурбонов стала очевидной.

Бурбоны так никогда и не оправились от этого поражения. Фердинанд потерял авторитет, а с ним и легитимность в кратковременный период своего правления Партенопейской республикой и последующего правления наполеоновских претендентов на трон Жозефа Бонапарта и Иоахима Мюрата. Мюрат, в частности, провел ряд реформ, которые проложили Неаполю дорогу в мир новой Европы[103]. Фердинанд сделал все возможное, чтобы повернуть время вспять, когда вернулся благодаря Венскому конгрессу на трон вновь созданного

Королевства обеих Сицилий в 1815 г. при поддержке великих держав континента[104]. Но он так и не смог восстановить свое былое влияние[105]. Его сын и внук, Франциск I и Фердинанд II (также известный как «Король-бомба» за бомбардировку сицилийских повстанцев в 1848 г.), не имели четкой стратегии, проводя либеральную политику экономической модернизации и авторитарно действуя в ответ на растущее недовольство народа[106].

Сын Короля-бомбы, молодой и неопытный Франциск II, также известный как Франческелло («маленький Франциск»), вместе с невестой Марией Софией Баварской вступил на престол в 1859 г. Так и не получив шанса отточить мастерство управления государством, Франциск не смог противостоять сдаче королевства националисту Джузеппе Гарибальди и изворотливо-дипломатичному, коварному премьер-министру Пьемонта Камилло Бензо, графу ди Кавур[107]. Монарх и Мария София героически пытались защитить свой трон во время трагической осады крепости Бурбонов Гаэты на побережье к югу от границы королевства с Папской областью. Потерпев поражение, пара отправилась в пожизненное изгнание в Рим и Мюнхен. После смерти Франциска Мария София владела салоном в предместье Парижа, известном как место собраний анархистов и социалистов[108].

С отбытием Бурбонов из столицы Джузеппе Гарибальди тихо прибыл в Неаполь на поезде 7 сентября 1860 г. до прихода его армии-буфф Красных рубашек, известной впоследствии как «Тысяча». Солдаты вошли в Неаполь после победоносного марша по Сицилии в поддержку народного восстания на острове. За несколько месяцев королевство было поглощено объединяющейся Италией под управлением Виктора Эммануила из Савойской династии[109].

Победители пишут историю побежденных. В данном случае успехи королевства в таких областях, как юридическая и придворная система, толерантность по отношению к городскому разнообразию, поощрение науки и музыкальная изобретательность, были обойдены молчанием. Внимание акцентируется в основном на «неевропейской» запущенности[110]. Немногие итальянцы сегодня знают, что первая железная дорога в их стране открылась в Неаполе в 1839 г. (и стала частью пригородной железнодорожной системы «Чиркумвезувиана») или что Королевство обеих Сицилий имело положительный баланс торговли с США в последние дни своего существования[111]. Неаполь, в свою очередь, перешел из разряда столиц в символы самого бедного региона нового государства. Это положение лишь усугубилось в XX столетии, которое оказалось очень неблагоприятным как для Неаполя, так и для великих городов восточной части Европы[112].

«Napule è»

Если, как утверждает в отношении Одессы XX в. антрополог Таня Ричардсон, «города похожи на калейдоскопы тем, как они преломляют историю и географию», а разные действующие лица поворачивают аналитические и идеологи-

ческие линзы, чтобы изменить вид, то Неаполь – это то место, где противоречия богатой истории часто складывались в картинку слишком быстро[113]. Галлюцинаторное состояние стало частью неаполитанской души, пока цилиндры вращались сквозь столетия. Городской делирий возобладал над здравым смыслом, как во время карнавального сезона 1764 г., когда лишь обманутые своим социальным статусом не смогли понять последствий сваливания еды на главной площади города, заполненного умирающими от голода жителями. Тем не менее Неаполь на протяжении двадцати восьми столетий существования подтверждает изречение урбаниста Рема Колхаса, который, как известно, в своем наставлении о Нью-Йорке 70-х гг. XX в. «Безумный Нью-Йорк» сказал: «Метрополия пытается достичь того мифического момента, когда мир будет полностью антропогенным, так что будет целиком и полностью соответствовать желаниям человека»[114].

Неаполь с момента основания является городом неожиданного и дезориентирующего наложения противоположностей; местом, вновь и вновь создающим своего рода делириозный урбанизм, постоянно вырывающийся вперед благодаря изобретательности и созидательной способности. Неаполь рая и чертей, делирия и созидания – это место, в котором именно черти сочиняют музыку. А какая превосходная эта музыка, можно понять по великолепному гимну Джузеппе «Пино» Дамиэлле своему родному городу, созданному в 1977 г., «Napule è»[115][VII]:

Naples is a thousand colors,
Naples is a thousand fears.
Naples is the voice of the children
That raises slowly, gently and
You know you are not alone.

Naples is a bitter sun,
Naples is the smell of the sea. Naples
is a dirty piece of paper
And no one cares about it
And everyone awaits their fate

Naples is a stroll
In the alleys among the people.
Naples is a dream
And the whole world knows it
But they don't know the truth.

Napule è mille culure
Napule è mille paure
Napule è a voce de' criature che
saglie chianu chianu
e tu sai ca' nun si sulo

Napule è nu sole amaro
Napule è addore e' mare
Napule è na' carta sporca e
nisciuno
se ne importa e
ognuno aspetta a' sciorta

Napule è na' camminata
int' e viche miezo all'ate
Napule è tutto nu suonno
e a' sape tutto o' munno ma
nun sanno a' verità.

Неаполь – это тысяча красок,
Неаполь – это тысяча страхов,
Неаполь – это голос ребенка,
Который повышается потихоньку,
и ты знаешь, что ты тут не один.

Неаполь – это горькое солнце,
Неаполь – это запах моря,
Неаполь – это грязная бумага,
И никому до этого нет дела,
И каждый ждет свою судьбу.

Неаполь – это пешая прогулка
По переулкам, переходящим один в
другой.
Неаполь – это всё мечта,
И это знает весь мир,
Но люди не знают правды.

Перевод с английского
Константина Ткачёва

VII Русский перевод Sebastiano, сайт «lyrsense. Переводы песен». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://it.lyrsense.com/pino_daniele/napule_ e. Дата доступа: 14 июля 2013 г.

Примечания

[1] Я хотел бы использовать эту возможность, чтобы поблагодарить исследователей-стажеров Рогли Д. Нуцци и Элизабет Хиппл за помощь в подготовке данного эссе. Я также хотел бы выразить признательность лекторам Дениэлу и Дженет Спайкс за вдумчивые комментарии и воодушевляющую поддержку.

[2] Barringer Fifield. Seeing Naples. Napoli: Electra, 1996. P. 13.

[3] Martha Feldman. Opera and Sovereignty. Transforming Myths in Eighteenth-Century Italy. Chicago, lll: University of Chicago Press, 2007. P. 190–192.

[4] Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). P. 36–37. Переведенный рассказ Пьетро Коллетты этой же истории 1825 г. можно найти в работе: Desmond Seward. Naples. A Travelers' Companion. New York: Atheneum, 1986. P. 165.

[5] Такое утверждение делается в работе: Susan McClary. Afterword. The Politics of Silence and Sound // Jacques Attali, Noise. The Political Economy of Music, translated by Brian Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011. P. 149–158: 154–156.

[6] Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. New York: W.W. Norton & Co., 2012. P. 35–42.

[7] Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera. New York: Columbia University Press, 2003, fourth edition. P. 33–38.

[8] Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 39–40.

[9] Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. London: Atlantic Books, 2009. P. 11–12.

[10] Ibid. P. 12–19; Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 41–43; Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera. P. 41–47.

[11] Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera. P. 44, 62–81; Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 24–31.

[12] Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 43–45.

[13] Музыке и карьере Монтеверди посвящена работа: John Whenham and Richard Wistreich, editors. The Cambridge Companion to Monteverdi. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

[14] Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 13–25.

[15] Первое публичное здание оперы в Венеции открылось в 1637 г. Венецианские композиторы и театры создали более 350 опер в XVII в., не менее шести оперных трупп непрерывно работали на протяжении 70–210 дней в году. В это время опера вновь стала излюбленным развлечением как для венецианцев, так и для иностранцев во время карнавала. Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera. P. 83–84.

[16] Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera. P. 47–48.

[17] Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 48–59.

[18] Margaret Doody. Tropic of Venice. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. P. 68–69.

[19] Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 24–26.

[20] Ibid. P. 34.

[21] Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 63.

[22] Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera. P. 102; Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 2–5.

[23] Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 109–110.

[24] John Troughton. The Mandolin Manual, The Art, Craft, and Science of the Mandolin and Mandola. Ramsbury, UK: The Crowood Press, 2002. P. 145.
[25] Цит. по: Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 118.
[26] Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 38.
[27] Ibid. P. 14–15.
[28] John A. Marino. Becoming Neapolitan. Citizen Culture in Baroque Naples. P. 228.
[29] Kate Williams. England's Mistress. The Infamous Life of Emma Hamilton. P. 122–123.
[30] Tommaso Astarita. Between Salt Water andHoly Water: A History of Southern Italy. P. 178–180.
[31] Dinko Fabris. Music in Seventeenth Century Naples: Francesco Provenzale. P. 10–13.
[32] Martha Feldman. Opera and Sovereignty. Transforming Myths in Eighteenth-Century Italy. P. 146–147.
[33] Ibid. P. 152–153.
[34] Roberto Paganno. Alessandro and Domenico Scarlatti. Two Lives in One, tr. Frederick Hammond. Hillsdale, New York: Pendragon Press, 2006. P. 90.
[35] Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 31.
[36] Ibid. P. 135; Cordelia Warr and Janis Elliott. Reassessing Naples 1266–1713. P. 10–12.
[37] Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 15–17.
[38] Dinko Fabris. Music in Seventeenth Century Naples: Francesco Provenzale. P. 15–16.
[39] Ibid. P. 15.
[40] Daniel Snowman, The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 33–34.
[41] William Joseph Dent. Alessandro Scarlatti: His Life and Works. London: E. Arnold, 1960; Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 132–133.
[42] Dinko Fabris. Music in Seventeenth Century Naples: Francesco Provenzale. P. 79; Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 102–104.
[43] Margaret Doody. Tropic of Venice. P. 69–70.
[44] Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 28–29.
[45] Margaret Doody. Tropic of Venice. P. 69–70.
[46] Ibid. P. 13–17.
[47] Dinko Fabris. Music in Seventeenth Century Naples: Francesco Provenzale. P. 80; Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 36–41.
[48] Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 134–135.
[49] Dinko Fabris. Music in Seventeenth Century Naples: Francesco Provenzale. P. 81; Hanns-Berrtold Deitz. Review: Naples and Neapolitan Opera by Michael F. Robinson // Journal of the AmericanMusicologicalSociety. Vol. 28. No. 3. 1975. P. 552–557.
[50] Gordana Lazarevich. The Neapolitan Intermezzo and Its Influence on the Symphonic Idiom // The Musical Quarterly. Vol. 57. No. 2. 1971. P. 294–313.
[51] Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 47–48.
[52] Ibid. P. 299.
[53] Gaia Servadio. Rossini. New York: Carol & Graf Publishers, 2003. P. 47.
[54] Ibid. P. 47–50.
[55] Ibidem; Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 188–214.
[56] Gaia Servadio. Rossini. New York: Carol & Graf Publishers, 2003. P. 72.
[57] Arnold Jacobshagen. The Origins of the 'recitativi i prose' in Neapolitan Opera // Acta Musicologica. Vol. 74. No. 2. 2002. P. 107–128: 107–111.

58 Краткий обзор боевых действий Бонапарта на Апеннинском полуострове см. в работе: David Gilmour. The Pursuit of Italy. A History of a Land, Its Regions and Their Peoples. P. 126–137.

59 Ibid. P. 171.

60 Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. v-vi;*и* William Dean. A View of Naples. Review of Naples and Neapolitan Opera by Michael F. Robinson // The Musical Times. Vol. 114. Issue # 1561. 1973. P. 261–263.

61 Jennifer D. Selwyn. A Paradise Inhabited by Devils. The Jesuits' Civilizing Mission in Early Modern Naples. P. 211–242.

62 Martha Feldman. Opera and Sovereignty. Transforming Myths in Eighteenth-Century Italy. P. 35.

63 Оперный соперник Неаполя, Венеция, была известна за экстравагантные театральные представления в XVII и XVIII вв. См., например, обсуждение этой венецианской черты в работе: Margaret Doody. Tropic of Venice. P. 74–81.

64 Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 40–45.

65 Dinko Fabris. Music in Seventeenth Century Naples: Francesco Provenzale. P. 1–12.

66 Ibidem.

67 Ibidem; Roberto Paganno, Alessandro and Domenico Scarlatti. Two Lives in One; Ralph Kirkpatrick. Domenico Scarlatti. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1953.

68 Roberto Paganno. Alessandro and Domenico Scarlatti. Two Lives in One. P. 93.

69 Ralph Kirkpatrick. Domenico Scarlatti. P. 3.

70 Jordan Lancaster. In the Shadow of Vesuvius. A Cultural History of Naples. P. 133–134.

71 Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 42–43.

72 Ibidem.

73 Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera.P. 207–209; Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 96–102.

74 Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera. P. 207.

75 Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 63–64.

76 Ruggero Vene. The Origin of 'Opera Buffa' // The Musical Quarterly. Vol. 21. No. 1. 1935. P. 33–38.

77 Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 121–124.

78 Dino Carpanetto. Demography, Economy, Classes, and Institutions in Eighteenth Century Italy. P. 64.

79 Ruggero Vene. The Origin of 'Opera Buffa'. P. 36; Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 121–122.

80 Ruggero Vene. The Origin of 'Opera Buffa'. P. 37; Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 121–122.

81 Carolyn Abbate and Roger Parker. A History of Opera. P. 136–144; Sebastian Weer. Neapolitan Elements and Comedy in Nineteenth Century Opera Buffe // Cambridge Opera Journal. Vol. 14. No. 3. 2002. P. 297–311.

82 Gordana Lazarevich. The Neapolitan Intermezzo and Its Influence on the Symphonic Idiom // The Musical Quarterly.

83 Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 178–204.

84 Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). P. 35–36.

85 Цит. по: Ibid. P. 38.

86 Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 108–126.

[87] Ibid. P. 6.
[88] Ibidem.
[89] Ibid. P. 10.
[90] Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). P. 166–167. В этом отношении Карл следовал парижской моде того времени. Балет, появившийся при великих европейских дворах примерно одновременно с оперой, считался, в первую очередь, французским видом искусства. Предпочитаемый французскими Бурбонами (король Людовик XIII сам был великолепным танцором и исполнителем), балетный мир вращался вокруг Парижа и Версаля, в то время как опера стала довольно быстро отождествляться с Венецией, Неаполем, Миланом и другими итальянскими городами. Историю возникновения балета см. в работе: Jennifer Homans. Apollo's Angels. A History of Ballet. New York: Random House, 2010. P. 3–48.
[91] Michael F. Robinson. Naples and Neapolitan Opera. P. 127.
[92] Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 18; Donal Hay Grout and Hermine Weigel Williams. A Short History of Opera. P. 253–273; Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). P. 166–169; Renato di Benedetto. Music and Enlightenment // Girolamo Imbruglia, editor. Naples in the Enighteenth Century. The Birth and Death of a Nation State. P. 135–153.
[93] Arnold Jacobshagen. The Origins of the 'recitativi i prose' in Neapolitan Opera // Acta Musicologica.
[94] Harold Acton. The Bourbons of Naples (1734–1825). P. 676–678.
[95] Daniel Snowman. The Gilded Stage. A Social History of Opera. P. 122–123.
[96] Victor Records. The Victor Book of The Opera.Camden, NJ: Victor Talking Machine Company, 1915. P. 361–362.
[97] Martha Feldman. Opera and Sovereignty. Transforming Myths in Eighteenth-Century Italy. P. 206–207.
[98] Эти вопросы обсуждаются в сборнике эссе, которые можно найти в работе: Dino Carpanetto and Giuseppe Ricuperati. Italy in the Age of Reason, 1685–1789, а также в работе: Girolamo Imbruglia, editor. Naples in the Enighteenth Century. The Birth and Death of a Nation State.
[99] Martha Feldman. Opera and Sovereignty. Transforming Myths in Eighteenth-Century Italy. P. 206–207.
[100] Ibid. P. 194.
[101] Цит. по: Ibid. P. 210.
[102] Ibid. P. 211–212.
[103] Benjamin Taylor. Naples Declared. A Walk Around the Bay. P. 130–131.
[104] Ibid. P. 131–132.
[105] Ibid. P. 132–136; David Gilmour. The Pursuit of Italy. A History of a Land, Its Regions and Their Peoples. P. 140–142.
[106] Benjamin Taylor. Naples Declared. A Walk Around the Bay. P. 141–147.
[107] Ibid. P. 191–199.
[108] Ibidem.
[109] David Gilmour. The Pursuit of Italy. A History of a Land, Its Regions and Their Peoples. P. 191–199.
[110] Ibid. P. 238–239.
[111] Barringer Fifield. Seeing Naples. P. 115.

112 Пренебрежение фашистов, за которым последовала жестокость нацистов, боевые действия в городе, американская оккупация, разгул организованной преступности и невнимание послевоенной республики в Риме усилили страдания Неаполя в неблагополучном XX в. Представление о вызовах, с которыми столкнулся город в последнюю сотню лет, можно получить по работе: Benjamin Taylor. Naples Declared. A Walk Around the Bay. P. 166–171, среди прочих описаний города.

113 Tanya Richardson. Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine. Toronto: University of Toronto Press, 2008. P. 6.

114 Rem Koolhaas. Delirious New York. New York: The Monacelli Press, 1994 (originally published in 1978). P. 293.

115 Guiseppe «Pino» Danielle. «Napule e», 1977; в переводе Жанетт Корелл-Джулиано, который можно найти на сайте «Napoli Unplugged». [Электронный ресурс.] Режим доступа: http:// napoliunplugged.com /Napule- E.html. Дата доступа: 16 июля 2011 г.

Гун-Бритт Колер

Я, ДРУГОЕ Я И БЛИЗКИЙ ДРУГОЙ В УСЛОВИЯХ OÙ-TOPOS[1]: АДАМ МИЦКЕВИЧ И ЯН ЧЕЧОТ

1. Пролог: фрагмент обреченной утопии

Адам Мицкевич узнает о смерти Яна Чечота, своего когда-то близкого друга по «литовскому периоду», происшедшей в 1847 г., только несколько лет спустя, в 1853 г. Сообщая новость о смерти Чечота в переписке с двумя друзьями-филоматами со времен учебы в Виленском университете[2], Мицкевич рассказывает о навязчивом сне. Адам Мицкевич пишет:

> «Примерно в то время, когда Ян умер, он приходил ко мне бесчисленное множество раз в одном и том же сне: он приезжал в Париж, но по каким-то причинам я не мог с ним встретиться. Это мучило меня, и я просыпался подавленный».[3]
>
> «Когда Ян умер, он мне часто снился, я видел все время один и тот же сон; мне постоянно казалось, что Ян приходил туда, где я живу, и искал меня: во сне мне казалось, что я забывал выяснить, где он находится, и злился на себя за это. Этот сон я видел несколько раз, пока не пришло известие о его смерти. А в последний раз он звал меня с собой»[4].

Встреча Мицкевича с прежним другом Чечотом осмысляется как травма повторяющейся *non-rencontre*[5], как «безуспешный поиск», оставшийся во сне. Место действия этой неудачи, Париж, наиболее вероятно, имеет важное значение: в конце концов, в литературном творчестве Мицкевича место его рождения Литва последовательно представляется как (все более утопичное) ускользающее место повторного обретения утраченного Я в воспоминаниях; предварительным

условием для этого эстетического «перемещения утраченного в настоящее» с помощью литературного голоса стала биографическая экстерриториальность (ср. Uffelmann 2007). Сон, описанный Мицкевичем, движется, однако, в обратном направлении: возможность «реального» исцеления разломов в биографии помещена в пространстве вне территории. Иначе говоря, сон открывает как раз то, что не могло ухватить литературное воображение Мицкевича, а именно присутствие утраченного Я в биографической современности, в парижской иммиграции. Это утраченное Я, как кажется, метонимически представлено близким Другим Мицкевича из литовского прошлого – Яном Чечотом.

Таким образом, сон Мицкевича можно считать квазибиографическим визави эстетической утопии. Во сне возникает отрывок альтернативной биографии Чечота, в реальности не получившего возможности уехать в эмиграцию. Эта альтернативная биография – вероятно, только во сне – противопоставляется реальному жизненному пути прежнего друга в виде не соответствующего фактам альтернативного жизненного пути Мицкевича. Путь Чечота – это путь другого Я Мицкевича.

Фактически встреча Чечота и Мицкевича в Париже или его окрестностях, приснившаяся последнему, позволяет, как кажется, совместить линии движения двух друзей – и их несовместимую поэзию, также попавшую под влияние дискретности, утраты и экстерриториальности и тем не менее совершенно разную; встреча, вероятно, нейтрализует эти линии, как бы соединяя Я с другим Я. Тем не менее даже в нереальности сна Мицкевич не может достичь такого слияния; не удается преодолеть внутреннее противоречие Я и другого Я, материализовавшееся в противоположных линиях движения. Локализация в Париже лишь подтверждает травму пространственной дискретности; город не может служить местом для утопии.

Завершающую сцену во второй цитате – Чечот зовет Мицкевича с собой ("zapraszając mię do siebie" («приглашает меня к себе»)), – истолкованную Кастусем Цвиркой (1996: 377) как предчувствие Мицкевичем смерти, можно, таким образом, рассматривать по-разному: слияние Я и другого Я не может увенчаться успехом, если Другой трансформируется в Я (Чечот прибудет в Париж). Скорее, это Я вынуждено отправиться в путь в поисках того, как стать Другим. Таким образом, приглашение Чечота можно прочесть как приглашение Мицкевичу изменить свой жизненный путь – повторить линию движения Чечота, возвратившись в потерянное пространство региона Литвы.

2. Линии движения и дискретность пространства

Не так давно для переосмысления польской литературы, в особенности литературы XIX в., и в первую очередь творчества Мицкевича, в значительной степени использовались постколониальные подходы. Эти подходы оказались

продуктивными в отношении, например, перформативного создания идентичности, основанной, как это было продемонстрировано, в поэзии Мицкевича на различных стратегиях антиколониальной многозначности (мимикрия, обозначение; ср. Uffelmann 2007; 2012). Эти стратегии «ретроспективно оказались высокопродуктивными долгосрочными политическими и культурными стратегиями в восточно-центральных европейских культурах» (Uffelmann 2012: 296).

Независимо от эффективности постколониальных подходов также следует обратить внимание на их ограничения[6]. Уффельманн убедительно доказывает, что Мицкевич конструирует Литву (что это в любом случае?) как «другое Я» (das Eigene Fremde) Польши и что, используя стратегию «ниспровергающего завладения голосом Другого, который воспринимается как колониальный» (Uffelmann 2012: 297), поэт создает фундамент для «культурной нации, включающей разные классы, не существовавшей ранее» (там же, 296). Строго следуя этой аргументации, Литва оказывается дважды, а Беларусь даже трижды колонизированной территорией, бесчисленные «ниспровергающие голоса» которых неизбежно заглушают друг друга.

Относительно рассматриваемой области (историческая Литва) подход заключается, вероятно, в том, что простым (буквальным) осмыслением «Востока» (т.е. «другого Я») «первоначально колонизированного» пространства (т.е. Польши) как внутреннего колонизированного пространства признается факт существования такого пространства, и это потенциально позволяет ему освободиться от приписанного подчиненного положения. Апорическая гибридность исторической Литвы как польско-литовско-белорусского (и частично украинского) культурного пространства, все еще синкретичная в начале XIX в., ускользает, однако, при использовании этого подхода.

В монографии «The world republic of letters» (2004) французский литературный критик Паскаль Казанова приводит пример двух авторов, родившихся в один и тот же год (1878) в различных областях Швейцарии (Шарль-Фердинанд Рамуз и Роберт Вальзер), чтобы рассмотреть взаимовлияние, с одной стороны, места происхождения автора (т.е. привнесенные литературные ресурсы) и, с другой, «соответствующего» структурного отношения к ведущему литературному центру, связанного с конкретной линией движения автора Казанова пишет:

> «Ощущение открытия не может быть больше, нежели при [...] сравнении авторов, которые, несмотря на разделенность в силу лингвистических и культурных традиций и кажущееся противопоставление друг другу во всех отношениях, тем не менее, похожи во всех отношениях, обуславливаемых совместным структурным отношением к главному литературному центру влияния. […] Дисбалансом литературных ресурсов областей, из которых они происходят, объясняется разница формального выбора двух авторов,

> находившихся в таком же отношении восхищения и разрыва с соответствующей традицией» (Casanova 2004: 177 и далее).

Казанова рассматривает стратегии ассимиляции и дифференциации, с помощью которых авторы пытаются избежать литературной незаметности, влияющей на них в силу их происхождения (Casanova 2004: 179); особый интерес, однако, представляет взаимоотношение между литературно-биографическим местом происхождения, литературно-структурной системой координат и литературно-поэтологической ориентацией или соответствующими эстетическими приемами, представленными в модели Казановы.

Эти тезисы могут быть связаны с концепцией «пространства возможного» Пьера Бурдье, позволяющей передать последовательность действий отдельного автора в поле, составляющую в итоге его «линию движения» в отношении поля, в отношении существующих в реальности или виртуальности позиций.

> «Отношение между позициями и занятием позиций не является механически детерминированным. Между первым и вторым определенным образом помещается пространство возможного, т.е. фактически реализованное пространство занятия позиций, воспринимаемое посредством категории восприятия, составляющего определенный габитус, т.е. как ориентированное пространство, включающее занятие позиций, определяемое как объективные потенциальные возможности, то, что "нужно сделать", "движения", которые нужно выполнить, реакции, которые нужно вызвать, соперники, которых нужно победить, определенное занятие позиций, которое нужно "постигнуть", и т.д.» (Bourdieu 2011: 234 и далее).

Бурдье осмысляет «пространство возможного» на двух уровнях: во-первых, на общем уровне объективно существующих возможностей: «наследие, аккумулированное в ходе совместной работы», которым располагает каждый действующий человек как «множеством вероятных ограничений, являющихся условием и частью набора возможных вариантов использования» (Bourdieu 2011: 235); во-вторых, на уровне индивидуально реализуемых вариантов, являющихся результатом «категорий восприятия, составляющих часть определенного габитуса» (там же). Таким образом, «пространство возможного» является результатом взаимодействия объективной структуры и индивидуальной диспозиции и истории. Следовательно, это сумма и место сопряжения в одно и то же время: не все «возможное» в данном контексте «осуществимо» на индивидуальном уровне.

«Линию движения» автора можно понять как серию последовательно занимаемых позиций, выбранных позиций и измененных позиций в литературном пространстве. Ею описывается индивидуальный путь движения в рамках (или, точнее, внутри собственного) «пространства возможного» (Bourdieu 2011: 259),

линия движения в значительной степени определяется диспозицией автора (различными видами капитала, такими свойствами, как готовность брать на себя риски и т.д.). Бурдье определяет разные «классы» межпоколенческих линий движения, которые могут быть восходящими (прямыми или разорванными), трансверсальными (в смысле ниспадающими) или «статичными» (без изменений (там же, 260)), и в первую очередь он имеет в виду путь в поле культурного производства в отношении социального отправного пункта[7].

С точки зрения теоретического описания, представленного Бурдье и Казановой, проблема взаимозависимости пространства и литературной линии движения кажется определяющей именно в случае Мицкевича и Чечота: в сущности, как у биографической, так и у литературной линии движения обоих авторов практически одинаковое начало (социальное происхождение, место рождения, возраст, образование). Тем не менее они выбирают дороги, которые не могли различаться больше! Учитывая отправные точки авторов (Мицкевич как национальный поэт Польши, «польская национальная икона» (Koropeckyj 2010), Чечот как позднее признанный предвестник белорусского национального возрождения и литературы (Świrko 1989)), несхожесть исторических судеб двух классиков литературы кажется совершенно невероятной. Эти линии движения как способы преодоления дискретности «донационального» пространства Литвы, на которое повлияла колонизация, внутренняя колонизация и самоколонизация, являются парадигматическими не только в отношении биографий и поэтических произведений, но также в отношении – как постулировал Бурдье – отражающего влияния действий авторов на культурное и литературное пространство, на «возможное» результирующего литературного действия.

3. Исходные координаты двух линий движения: Новогрудок и Вильня

На отличные линии движения двух авторов, происходящие из фактически одинаковых отправных точек, и на множество одинаковых интересов уже указывал их общий друг Игнат Домейко:

> «Оба наших ученика из новогрудской школы знали литовский народ с юности, любили его песни, прониклись его душой и поэзией, этому способствовала схожесть нашего местечка Новогрудка и окрестных деревень и пригородов. Школьная жизнь в значительной степени имела сельские черты. Друзья посещали рынки, религиозные празднования, деревенские свадьбы, благодарственные молебны и похороны. В это время бедные домики и народные песни разожгли поэтический огонь в обоих. Адам вскоре поднялся в высшую сферу великолепных произведений. Ян, однако, оставался верным родной поэзии до самой смерти…» (цит. по: Чачот 1996: 9).

Мнение Домейко показательно в отношении не требующей доказательств связи пространства, идентичности и поэтологической линии движения. С одной стороны, отношения между городом и деревней (соответственно и отношение Мицкевича и Чечота к «литовскому народу»)[8] отмечаются как тесные (однако не связанные с идентификацией); в контексте отсутствия «целостной концепции подлинного этноса» (Zeraschkowitsch 2001: 363) они отражают отношения между шляхтой (как интеллектуальным носителем польской культуры; ср. Snyder 2003: 3–4) и народом (как носителем «развитой системы социально-этнических концепций»; Zeraschkowitsch 2001: 363) как отношения, обусловливающие социальные и культурные различия посредством переживания близости – близости посредством участия. С другой стороны, Домейко осмысливает различные линии движения, неслучайно начинающиеся с заинтересованного участия в народной поэзии, и определяет первоначальную идентичность Мицкевича и Чечота как два различных направления движения в пространстве. В случае с Мицкевичем это восходящая линия, с Чечотом – прямая: взлет в сравнении с постоянством, динамика в сравнении со стабильностью. Такая оппозиция в поэзии и биографии ощутима при рассмотрении с конечной точки того развития, которое прошли Мицкевич и Чечот; система координат, в которую Домейко вписывает линии движения двух авторов в приписанные им линии, соответствует оценкам в литературной истории, созданной позднее.

С точки зрения теории поля, однако, обе линии движения начинаются с восходящей: оба автора смогли попасть из провинциального местечка Новогрудок в Виленский университет, «центр интеллектуальной жизни в макрорегионе Литвы-Беларуси» (Zeraschkowitsch 2001: 360), где в первой трети XIX в. собиралась «революционная молодежь» – в основном, но не исключительно, под «польским» *signum*[9] (Schybeka 2001: 121; ср. Zeraschkowitsch 2001: 366).

Ранние работы обоих авторов написаны под влиянием общества филоматов (Чачот 1998: 328), таким образом, на них оказала воздействие полемика между представителями классицизма и романтизма. В этих работах обнаруживаются очевидные расхождения в поэтике, связанные с различным осмыслением отношений между «рациональным восприятием и чувствами»: в отличие от Мицкевича, сердце которого, без сомнения, было отдано романтической идее[10], Чечот умоляет о примирении двух подходов[11]. Ссылка на «народ» («люд»), выраженная в обеих соперничающих позициях, очень важна: Мицкевич понимает простой люд как носителя правды, понятной лишь «сердцу», в то время как Чечот видит *ratio*[12] ученого происходящим как раз из народной мудрости[13].

Более того, значительная разница возникает на функциональном уровне: придерживаясь общей раннеромантической системы жанров (особенно баллад), Чечот свой литературный голос направляет в основном на определение идентичности молодых интеллектуалов. Эта тема дополняет образ романтического героя, четко сформировавшийся в поэзии Мицкевича.

Спорадическое использование «белорусского диалекта» (вместо польского языка) в поэзии Чечота может быть истолковано как попытка усилить «пространство возможного» с помощью новой важной возможности различия (т.е. выбора языка – польского или белорусского – как потенциальной стратегии занятия позиций). Рассматриваемое в контексте поэзии, предназначенной в основном для формирования перформативной идентичности у интеллектуальной элиты, это соединение эстетической поэзии и (в то время и позднее) литературного белорусского, не соответствующего нормам, может истолковываться в качестве «авангардной стратегии» (*по* Бурдье), не просто служащей обществу, но, скорее (по крайней мере, до некоторой степени), производящей его – даже производящей его перформативно, поскольку речь идет о перформативных жанрах (песни, небольшие сцены). Определенным образом Чечот осуществляет игриво-ниспровергающее проникновение (подчиненного) близкого Другого (деревенского и местного) в Я, а именно в польский элитарный дискурс.

Первые биографические разломы – Мицкевич работает учителем в Ковно, Чечот из-за материальных трудностей бросает учебу – придают начиная с 1819 г. линиям движения разную направленность: Мицкевич будет компенсировать неудовлетворенность в Ковно усиленной литературной работой; Чечот, вынужденный поправлять свое материальное положение, «изгонит поэзию из кабинета»[14]. В то время как Мицкевич аккумулирует литературный капитал, литературная карьера Чечота «стагнирует». Так последний изменяет свою функцию: как актор в рамках поля он меняет функцию поэта на функцию доверенного лица. В качестве доверенного лица он поддержит позицию Мицкевича, готовя первые два тома поэзии последнего. Карьера Мицкевича как поэта начинается с публикации первой антологии поэзии в 1822 г. в Вильне; литературный путь Чечота, однако, кажется завершившимся, даже не начавшись.

4. Линии движения экстерриториальности

Дискретность места рождения Мицкевича и Чечота приобретает осязаемое экзистенциальное измерение в силу опыта тюремного заключения и изгнания. С точки зрения теории поля пространственная линия движения Мицкевича имеет «восходящий» рисунок: его жизнь в изгнании (Санкт-Петербург, Москва, Одесса) и места жизни в эмиграции (особенно Дрезден, Лозанна и Париж) можно считать этапами необычайной интернационализации, завоеванием огромного литературного пространства (ср. Snyder 2003: 27,47)[15]. Невероятное количество литературных работ поэта поражает местами публикации: Вильня (1822, 1823), Москва (1826), Львов (1827), Петербург (1828, 1829), Познань (1828), Варшава (1831), Париж (1834, 1838 и т.д.)[16]. Путь Чечота, однако, приводит к ссылке в России за Уралом, где он сначала живет в качестве заключенного, затем по собственному желанию в Уфе до 1830 г. и в Твери до 1833 г. Только после

этого в 1833 г. Чечоту разрешается переселиться в Лепель, а в 1839 г. – домой в район Новогрудка. С 1837 г. и до смерти он издает четыре сборника народных песен различных регионов Беларуси; все они публикуются в Вильне. В отличие от случая Мицкевича, ссылка Чечота равна «приостановке» его литературной линии движения: он едва может (частично из-за неблагоприятных условий жизни в Сибири) превратить чужое пространство, открывшееся ему, в нечто литературно продуктивное.

4.1. Потеря дома – потеря врага – поэтическая утопия: Мицкевич

Поэтическая линия движения Мицкевича начинается с осмысления потери дома как потери поэзии. 22 октября 1824 г. он пишет «в течение нескольких часов после получения указа с требованием покинуть Литву» в альбоме Саломеи Бецу:

Ryknęły burze, ciągłe leją słoty,
Trudno wynaleźć na ojczystej błoni,
Trudno wynaleźć, gdzie kwiat błyskał złoty,
Listka dla przyjaznej dłoni.
Co wynalazłem, niech tobie poświęcę,
Racz wdzięcznie przyjąć, chociażby z tej miary,
Że był ten listek w przyjacielskiej ręce,
Że to ostatnie są dary.[17]

Мицкевич рисует родную землю как *tabula rasa*[18], истощенную дождями и бурями, не дающую урожая, кроме одного листа, «едва» найденного лирическим героем. Метафорическая образность передачи (в стихотворении) из руки лирического героя в руку адресата, изображенная в рифме «błoń» (широкие родные луга) и «dłoń» (дружеская ладонь), позволяет показать потерю поэтического воображения, сопровождающую потерю дома, а также потерю общения, демонстрируя разрыв связи между лирическим героем и женщиной-адресатом[19], в чьих руках остается последнее стихотворение.

Эта «полная потеря», тем не менее, раскрывает новую поэтическую линию, которой будет впредь следовать Мицкевич в своей работе и которая достигнет своего апогея в произведении «Пан Тадеуш» (1832 г.); повторное поэтическое обретение «потерянного Я» теперь возможно как утрата и воспоминания. Для изгнанного и сосланного Мицкевича фактическое отсутствие родной земли составляет *conditio sine qua non*[20] перемещения в настоящее Литвы с помощью эстетического воображения – в «Крымских сонетах», в «Конраде Валленроде» вплоть до «Пана Тадеуша»: «Сегодня зрею я твою красу во всем великолепии и живописую, ведь я по тебе тоскую» („Dziś piękność twą w całej ozdobie / Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie“) (ср. Uffelmann 2007)[21].

Связана с этой линией повторного эстетического обретения «потерянного Я» вторая поэтологическая линия, которую Уффельманн (2012: 297) описывает как «ниспровергающее завладение голосом Другого, воспринимаемым в качестве колониального»: комбинация мимикрии и ниспровержения, увидеть которую можно в «Конраде Валленроде», демонстрирует потерю идентичности, сопровождающую ниспровержение – разрушающее присвоение Другого. Эта потеря идентичности прослеживается в большей части работ Мицкевича и связана с такими мотивами, как двойная идентичность и измена, – в «Конраде Валленроде», 3-й части «Дедов», а также в «Пане Тадеуше»: травма изгнания и эмиграции, приводящая поэта в политические и литературные центры имперской России, может пониматься как ниспровергающее присвоение колониального пространства колонизованным субъектом. «Цена» – потеря идентичности в результате (постоянной или множественной) мимикрии, что в «Конраде Валленроде» может быть «излечено» только суицидом Конрада; на культурном уровне эта потеря означает, что Литва становится «другим Я» Польши.

Кроме того, потеря истинного Я в изгнании, эмиграции *фактически* упраздняет Врага (Другого). В произведении «Деды», в 3-й части, изображается судьба прежних друзей, сосланных в Сибирь (Чечота в том числе), таким образом, в центре внимания в работе чувственно находится Россия как колониальная держава – нынешний «потерянный Враг». Сдвиг идентичности с Густава на Конрада можно рассматривать как попытку Мицкевича преодолеть эту экстерриториальную «потерю Врага». Отсутствие любого реального, «осязаемого» Врага равняется теперешнему «абсолютному» Отчуждению[22], потому что в условиях экстерриториальности невозможно запечатлеть врага в пространстве колонизации и состоянии колонизированного[23].

Обе линии – повторное обретение и ниспровергающее присвоение – объединяются в «Пане Тадеуше». Травмы прошлого – потеря дома, присвоение Другого в ходе отчуждения собственного[24] Я, потеря Я (что означает его переход к другому Я) – излечиваются в (утопическом) прошлом благодаря дискурсу ретроспекции, заключающемуся в опыте «отсутствия». Обладающий раздвоенной идентичностью Яцек Соплица – отец Робак повторяет измену Конрада Валленрода (Яцек Соплица), но жертвенно искупает свою вину долговременным служением стране, не имея в этом собственного интереса (отец Робак).[25] Умирая, Робак-Соплица узнает, что его измена давно прощена. Его смерть должна совпасть с новостью о вступлении Литвы в войну против России – Литва восстановлена:

Wyrzekną uroczyście przyłączenie Litwy. […]
Właśnie już noc schodziła i przez niebo mleczne,
Różowe, biegą pierwsze promyki słoneczne.
Wpadły przez szyby jako strzały brylantowe,

Odbiły się na łożu o chorego głowę
I ubrały mu złotem oblicze i skronie,
Że błyszczał jako święty w ognistej koronie (Mickiewicz *PT* 8208, 8216 и далее)[26].

Апофеозно «причисленный к лику святых» отец Робак, таким образом, представляет живую, восстановленную Литву, излеченную от измены и братской вражды; «Пан Тадеуш» приводит к поэтической утопии, увиденной и созданной в вымышленной ретроспекции самим рассказчиком, – утопии социально стабильного, «вновь получившего территорию» Я, излеченного от самоотчуждения и дискретности.

4.2. Потеря дома – отстраненность – изменение парадигмы: Чечот[27]

Чечот осмысляет потерю дома как разлучение с любимой, однако в значительной степени обезличенно, совершенно типично заимствует образы из фольклора. Незадолго до отъезда в Сибирь поэт пишет в тюрьме диалог из шести строф на основе известной песни об отъезде Костюшко в ссылку: двое возлюбленных обещают друг другу преодолеть разлуку, постоянно вспоминая друг друга. «Повторяющиеся сны» женщины противопоставляются решимости возлюбленного жить дальше «благодаря» [воспоминаниям] о далекой возлюбленной. Абсолютная «Инаковость» страны вынужденной ссылки сравнима в данном случае с ее случайностью:

Ты ў чужых краінах будзеш жыць.
Я цябе няспынна буду сніць. [...]
У якіх краінах мне б ні быць,
Юліяй адзінай буду жыць (цит. по: Чачот 1996: 52)[28].

В (нескольких)[29] текстах Чечота, которые он написал во время ссылки на периферию Российской империи, эта тема абстрактного и непреодолимого расстояния остается яркой. Для Мицкевича отсутствие и самоотрицание приводят к положительному результату, создавая последний рубеж поэтического голоса, позволяющего вновь и вновь возрождать потерянное Я. В текстах Чечота, вдохновленных фольклором, расстояние остается непреодолимым. Навсегда потерянные в абстрактном далеко, любимые женщины/родина – это вечное Отсутствующее, от которого лирический герой отделен пространством: их конкретное эстетическое перемещение в настоящее таким образом невозможно[30]. В качестве символа попыток лирического героя установить связь с далекой родиной, представленной возлюбленной, служит мотив птицы (перелетные птицы, голубь, соловей, кукушка, сокол). Лирический герой обращает вопросы к (вообра-

жаемому) посланнику от возлюбленных женщин/родины. Однако они остаются без ответа:

Ptaszku! ptaszku! skąd przylatasz?
Czy nie z polskich ziem? […]
Ach, ulatasz, ach, nie mówisz
Któż mi wiedzieć da? ...
I ptaszynę odegnała
Dola moja zła![31]

В отличие от поэзии Мицкевича поэзия Чечота в ссылке не создает дискурса ретроспекции или воспоминаний, не сублимирует утраченного перемещением его в настоящее в голосе лирического героя. Его тексты, написанные в ссылке, скорее вызывают ощущение постоянно неудачного общения, в некоторой степени «фактическое» говорение в пустоту. Так, лирический герой, оторванный от родной земли, оказывается в (случайном, как мы сказали) пространстве «пустоты». В отличие от Мицкевича, который постоянно говорит о «Литве», Чечот упоминает как минимум единожды «польские земли»[32]; тем не менее его стихи постоянно заимствуют формы (песни и диалоги с короткими и простыми строфами, рефренами и т.д.) и набор мотивов и образов (плетение венков, заплетание волос и т.д.) из белорусско-литовской народной поэзии. Эта адаптация родной поэзии (определенным образом «лишенная пространства») как когда-то близкого «другого Я» позволяет Чечоту сохранить целостность Я в ситуации предельной экстерриториальности[33].

После возвращения на родину Чечот начинает собирать и публиковать местную народную поэзию, что сопровождается повышенным (научным) интересом к белорусскому языку (именуемому «кривичский диалект»). Делая это, он претворяет в жизнь идею, высказанную в первые годы нахождения в Вильне (в критическом заявлении в балладе Мицкевича «Могила Марыли»): высшие классы должны заполучить и присвоить «приятные мелодии народных песен» (цит. по: Чачот 1996: 206). Во введениях к сборникам народных песен Чечот выступает за уважительное отношение к крестьянству со стороны социальной и интеллектуальной элиты, принятие их (крестьянских) культурных традиций и обретение и сохранение языка крестьянства и «униженной» литературы:

> «Эта поэзия, которую мы сегодня называем “основой”, простая народная поэзия, которая когда-то была общей для всех наших предков: хозяев, князей, словом: всех людей […]. Мы в долгу перед нашими крестьянами, потому что они сохранили старые обычаи и песни. Мы должны быть благодарны за это. Покоряясь влиянию народов и цивилизаций-соседей, изменились скорее мы, чем они» (цит. по: Чачот 1996: 212).

Помимо научной работы над народной поэзией, а также общения с образованной «польской» элитой Чечот все чаще обращается к крестьянину как потенциальному читателю лирических произведений. Так, он не только переносит наследие народных песен и языка простых людей в сферу художественной литературы, но также вводит и разрабатывает новые темы, формы, мотивы и стремится создать «новую» публику. Делая это, он заметно увеличивает «пространство возможного». В ходе этих попыток восприятие Чечотом его «родной земли» (называемой ранее польскими землями, Литвой и т.д.) все больше изменяется на установление различий, линии между «настоящим» Я (которое предполагается во всех классах) и тем, что «близко» «настоящему» собственному Я (или сокровенно для него), но «Другой» (например, польский, украинский, литовский и даже русский; ср. Чачот 1996:212) становится различимым на терминологическом уровне[34].

Работы Чечота таким образом дают «голос» культуре, до сих пор включавшейся в силу колониальных и внутренних колониальных обычаев в польскую или «литовскую» культуру как их «подчиненный Другой» (Spivak; ср. Uffelmann 2007). Его линия движения приводит к смене парадигм в дискурсе, в рамках которого комбинация Я и другого Я и отделение Я от близкого Другого «здесь и сейчас» создает литературный дискурс, бросающий вызов всем колониальным режимам (включая даже «внутренний»).[35]

Таким образом, линии движения Мицкевича и Чечота – первая в виде восходящей и очень динамичная, последняя, напротив, нисходящая и запаздывающая – проходят различные стадии эстетического постижения и толкования Я и опыт его несходства. Они обе ведут к переосмыслению места рождения Литвы в качестве пространства Я. Однако эти линии определяют диаметрально противоположную концепцию времени: Мицкевич рисует в своем воображении «в вечной ретроспекции» утопию на все времена, Чечот видит будущее, определенное через настоящее. Поэтому видение Мицкевича определяет пространство как «потерянное (целое, синкретическое) Я», приобретающее квазимифическое измерение. Моделирование пространства Чечотом в качестве «Я, которое нужно приобрести» с помощью различения имеет прагматическое измерение.

5. Эпилог: литературные (не)центры

С точки зрения теории поля в литературе нет территориального «извне». Несмотря на наводящий на размышления характер метафоры поля, «литературные поля» в первую очередь пространственно не определены; их границы существуют благодаря взаимодействию центробежных и центростремительных сил и имеются там, где «влияние», оказываемое полем на акторов, движущихся в его пределах, сокращается (Bourdieu/Wacqant 2006: 131). В соответствии с этим предположением потенциал теории поля для изучения и оценки конкуриру-

ющих, перекрывающихся или гибридных литературных полей и дискурсов в истории литературы еще полностью не исчерпан и, возможно, даже недостаточно изучен.

Взаимодействие развития литературных центров, таких как Вильня, Варшава и Париж, линии движения авторов и создание исторических литературных дискурсов наиболее важны для локализации Мицкевича и Чечота в (национальной) литературной истории (ср. Chaustovič 2012). Комплексное изучение взаимодействия должно последовать где-либо еще; однако аксиоматичность возможных и невозможных литературных центров соответствует ранее цитированному сну Мицкевича о невстрече с Чечотом в Париже.

В 1821 г. последний описал Варшаву – так называемый культурный и литературный «центр» – таким образом:

> «Wszystko tu źle, wszystko się nie podoba, kiedy człowiek nie brzuchem, ale rozumem, na to, co się dzieje, patrzy I sądzi. Jeść, pić, stroić się, paradować, swawolić, nie wiem, czy I w Paryżu lepiej można. […] Słowem, wszystko sądzi się tu na to, aby, czy to skarb publiczny, czy to fortuna prywatna pod chciwe się szpony nawinie, szarpało, kręciło, kradło. Dosyć już postąpili Polacy w sztuce Rosyanów, a może się ze swoimi mistrzami zrównali. Wszystku przecież tu zajęte sobą i utopione w zbytkach, nie pamięta, co czyni. Zdaje się, że ci ludzie muszą być w malignie […] Lubią nauki dla ich okrzyczącego blasku I sławy, ale nie dla ich gruntu; nie lubią wcale pracy I dyszą za wygodą życia, zbytkiem, rozpustą, a zatem gnuśnością. Niech Pan Bog broni: był w Polsce bezrząd, a teraz nierząd. Bodajby licho wzięło ten Paryż, że on całemu światu za model służy, a Warszawa ma zaszczyt być jego bardzo bliską kopią» (Czubek 1913: 57, 59)[36].

Чечот, уже описавший Минск как «провинциального Другого» культурного города Вильни (ср. Czubek 1913: 71), описывает Варшаву как место разложения гражданского общества, поглотившего город не благодаря колониальной державе России, а скорее «городу-образцу» буржуазной и аристократической культуры Парижу. Таким образом, для Чечота литературный или культурный центр – это ни в коем случае не Варшава: целостное Я Вильни – города, в котором происходит синтез системы ценностей виленского общества филоматов (просвещение, научный этос, эстетическое качество, индивидуальное самоусовершенствование и т.д.; ср. Чачот 1996: 8 и далее) и традиционного деревенского крестьянского сообщества (труд, ответственность, солидарность и т.д.; ср. Kachanouski 2009: 254 и далее).

С этой точки зрения встреча с Чечотом в Париже, которая снится Мицкевичу почти четверть века спустя, может истолковываться как парадоксальная надежда на «излечение» от культурного самоотчуждения, которое может принести Чечот как носитель сохранившейся системы ценностей того, виленского,

периода. Чечот более не воспринимается как представитель «другого Я» Мицкевича (альтернативной линии движения, включая изгнание в Сибирь, но без окончательной эмиграции), но как представитель безнадежно потерянного первоначального Я виленских времен Мицкевича[37], чья недоступность проявляется в несостоявшейся во сне встрече.

Перевод с английского
Константина Ткачёва

Литература

Bourdieu 2011 [1996]: The Rules of Art. Genesis and Structure of the Literary Field. Cambridge.

Bourdieu, P. / Wacqant, L. 2006: Reflexive Anthropologie. Frankfurt/Main.

Casanova, P. 2004: The world republic of letters. Havard.

Chaŭstovič, M. 2012: Zwei Strömungen der belarusssischen Literatur des 19. Jahrhunderts: die Emanzipation des belarussischen Literaturprozesses aus dem Literatursystem der Rzeczpospolita. In: G.-B. Kohler / P.I. Navumenka / R. Grüttemeier (eds.), Kleinheit als Spezifik. Oldenburg, 59–76.

Czubek, J. 1913: Korespondencya filomatów, t. 2, 4. Kraków.

Kachanouski 2001: Die Bauernschaft im Wandel. Von der Aufhebung der Leibeigenschaft bis zur Kollektivierung. In: D. Beyrau / R. Lindner (eds.), Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Göttingen, 249–257.

Kirschbaum, H. 2009: Revision und (Auto-)Mimikry in Adam Mickiewicz' Russland-Konzeption. In: Kakanien Revisited 03/2009. http://www.kakanien.ac.at/beitr/jfsl08/HKirschbaum 1.pdf

Kohler, G.-B. 2010: National Disposition and the Author's Trajectory. Reflections on Polish and Croatian Literature. In: Dorleijn, G.J., R. Grüttemeier, Korthals Altes (eds.), Authorship Revisited. Conceptions of Authorship around 1900 and 2000. Leuven, 11–38.

Koropeckyj 2010: Adam Mickiewicz as a Polish National Icon. In: M. Cornis-Pope / J. Neubauer (eds.), History of the Literary Cultures in East-Central Europe. Junctures and Disjunctures in the 19th and 20th Centuries. Vol. 4, Types and Stereotypes. Amsterdam/Philadelphia, 2010, 19–39.

Mickiewicz, A. 1955: Dzieła. Wydanie narodowe, t. XVI.

Schybeka, S. 2001: Die Nordwestprovinzen im Russischen Reich (1795–1917). D. Beyrau / R. Lindner (eds.), Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Göttingen, 119–134.

Snyder, T. 2003: The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven.

Świrko, St. 1989: Z Mickiewiczem pod rękę, czyli, Życie i twórczość Jana Czeczota. Warszawa.

Uffelmann, D. 2007: ‚Ich würde meine Nation als lebendiges Lied erschaffen'. Romantik-Lektüre unter Vorzeichen des Postkolonialismus ['I Would Create My Nation as a Living Song': Reading Polish Romanticism from a Post-colonial Perspective]. In: A. Gall u.a. (eds.), Romantik und Geschichte. Polnisches Paradigma, europäischer Kontext, deutsch-polnische Perspektive (=Veröffentlichungen des Nordost-Instituts 8). Wiesbaden: 2007, 90–107.

Uffelmann, D. 2012: Litauen! Mein Orient! In: W. Kissel (ed.), Der Osten des Ostens. Orientalismen in den slavischen Kulturen und Literaturen. (=Postcolonial Perspectives on Eastern Europe 1. Hg. v. Alfred Gall, Mirja Lecke u. Dirk Uffelmann). Frankfurt a.M. et al. 2012, 265–301.

Zeraschkowitsch, P. 2001: Ethnischer Wandel und Nationalitätenpolitik in den weißrussischen Provinzen (1795–1914). In: D. Beyrau / R. Lindner (eds.), Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Göttingen, 359–376.

Колер, Г.-Б. 2012: Беларуска-польскія літаратурныя сувязі з перспектывы тэорыі поля. In: Супольнасць традыцыі, садружнасц у будучыні. Мінск, 255–264.

Цвірка, К. (ed.) 1998: Філаматы і Філарэты. Мінск.

Чачот, Я. 1996: Выбраныя творы. Мінск.

Примечания

1 От др.-греч. οὐ – не и τόπος – место *(прим. переводчика)*.

2 Игнату Домейко 26 июля 1853 г. и Томашу Зану 2 сентября 1855 г.

3 „Około tych czasów jego zgonu ciągle mi śniło się o nim i zawsze toż samo: że przyjechał do Paryża i ja dla jakichsiś zatrudnień nie mogę z nim widzieć się; to mnie we śnie trapiło i budziłem się smutny” (Mickiewicz 1955: 472).

4 „Właśnie około tego czasu, kiedy żyć przestał, często bardzo śniło mi się o nim, a zawsze w jeden sposób; zawsze zdawało mi się, że on przybył do miasteczka, gdzie teraz osiadłem, i że mnie szuka; ja znowu, zdawało się, że zapominałem wynaleźć jego mieszkanie i sam siebie obwiniałem o takie niedbalstwo. Sen ten powtórzył się kilkanaście razy, aż doszła wiadomość o jego zgonie i on mi ostatni raz pokauał się jak gdyby zapraszając mię do siebie” (Mickiewicz 1955: 543).

5 Невстречи (франц.) *(прим. переводчика)*.

6 Обратите, например, внимание на лаконичное утверждение, что в работах Мицкевича Польшу «представляет Литва» (“durch Litauen vertreten”; Kirschbaum 2009: 9).

7 Однако Бурдье признает, что эту классификацию нужно дополнить категоризацией согласно «месту прибытия» в поле (там же, 260).

8 Цвирка лаконично определяет «литовский» как «белорусский» (ср. Чачот 1996: 9).

9 Знак, знамя (лат.) *(прим. переводчика)*.

10 „Martwe znasz prawdy, nieznane dla ludu, / Widzisz świat w proszku, w każdej gwiazd iskierce. / Nie znasz prawd żywych, nie obaczysz cudu! / Miej serce i patrzaj w serce!” (Mickiewicz 1822).

11 „Хай з розумам сэрца сябруе / Вы верце, калі што вам кажа вучоны – / збірае ж ён мудрасць людскую“ (цит. по: Чачот 1996: 85).

12 Метод, прием (лат.) *(прим. переводчика)*.

13 Слово «люд», используемое обоими авторами, относится к простым людям скорее в социальном, нежели в национальном смысле.

14 „Postanowiłem więc się pożegnać moję na ten rok lutnią, nie zatrudniać się pisaniem, czytać nawet mało nie ściągających się do prawa dzieł, samemu tylko poświęcić prawu“ (Чечот Мицкевичу, 30 сентября – 2 октября 1819 г.; Czubek 1913: 138).

15 То есть постижение публики (так называемой польской диаспоры) и контакты с выдающимися авторами (Пушкин, Рылеев, Гете, Ж. Санд и др.).

16 Перечисляются только оригинальные публикации. Переводы не учитывались, так же как и иные варианты, использованные, например, чтобы положить стихи на музыку.

17 «Завыли бури, мрак на небосклоне, / И там, где золотился пестрый луг, / Хотя б листочек для твоих ладоней, / Увы, так трудно отыскать, мой друг. // Нашел листок, несу его с приветом. / Пусть оттого тебе он будет мил, / Что дружеской моей рукой согрет он / Последний дар, что я тебе вручил».

18 Чистая доска (лат.) *(прим. переводчика)*.

19 Адресатом является мать Словацкого, стоявшая во главе литературного кружка в Вильне.

20 Непременное условие (лат.) *(прим. переводчика)*.

21 Более того, он присоединяется к оценке и продуктивному присвоению «чужих» литературных традиций, таких как петрарковский дискурс о любви.

22 В этом отношении можно говорить о двойной экстерриториальности.

23 Аналогом этого абсолютного «Отчуждения» является пилигрим.

24 Происходя из 3-й части «Дедов», дорога, с одной стороны, ведет к концепции польского мессианства, вновь возвращающей Польше территорию в рамках европейской культуры; с другой стороны, ведет назад к активной борьбе против России – т.е. в Стамбул, где Мицкевич умирает.

25 «Я из Литвы бежал!… / Чего не перенес! Где не был!… / […]Предать Отечество — дурной пример для люда. / Во искупление, чтоб не было так худо, / Я кровью жертвовал...» (Mickiewicz PT 8138 и далее).

26 «…Объединение с Литвой у них готово. // […] Ночь тихо таяла, туманом легким вея, / И небо делалось с востока розовее. / Алмазным дротиком ворвался луч в окно, / Преобразив лицо покойного: оно / Сияло в этот миг без муки и без боли, / Как в нимбе золотом, как в вечном ореоле».

27 К сожалению, издание с оригинальными текстами, написанными Чечотом на польском, пока отсутствует. Некоторые тезисы данной работы должны быть еще проверены по оригинальным и еще не опубликованным работам и, таким образом, должны считаться предварительными.

28 Текст оригинала на польском. «Ты в чужих краях будешь жить, / Ты будешь мне бесконечно сниться. // Где бы мне ни быть, / Лишь Юлией одной я буду жить». Разница в осмыслении субъекта действия также интересна: «Ты будешь жить…» в сравнении с «где бы мне ни быть…», чем подчеркивается «вынужденность» отъезда.

29 Чечот мало пишет в ссылке, ср. его следующее письмо за 1825 г., в котором он пишет о сложностях с написанием стихов: «Я не знаю, куда подевалось мое вдохновение. О чем я раньше думал, сам теперь не знаю, только знаю, что стихи и рифмы просто лились. Теперь мне сложно поймать мысль и еще сложнее оформить ее рифмами» („Не ведаю, дзе дзелася мая плодная вена? Як я перад гэтым думаў, дык і сам цяпер не ведаю, толькі ведаю, што проста ліліся вершы і рыфмы. Цяпер цяжка мне ўлавіць якую думку, а яшчэ цяжэй аформіць яе рыфмамі“; цит. по: Чачот 1996: 307).

30 „Dzielą wielkie nas góry, / Dzielą lasy jak chmury, / Jak lasy, tak góry, grody / I rozliczne narody“ („Ona daleko“).

31 «Пташка! Пташка! Откуда ты? / Не из польской ли земли? […] / Ах, ты улетаешь, ах ты не скажешь мне / кто мне новость принесет? … / И пташку спугнули / на мою беду».

32 Это не означает автоматической идентификации с польским этносом, от которого Чечот отстраняется: «Теперь оренбургская линия практически запружена поляками *(так нас тут называют и так воспринимают)*»; („Цяпер аранбургская лінія, можна сказаць, за-

пруджана палякамі (*так нас называюць тут і за такіх прымаюць*)"; письмо за 1825 г., цит. по: Чачот 1996: 306, курсив автора).

33 В отличие от Мицкевича, приобретающего и успешно использующего формы и техники иностранных литературных традиций. Исключением в работе Чечота является, например, сонет, вставленный в письмо Петрашкевичу.

34 Граница между Я и другим Я или близким Другим также разрабатывается в цикле «Исторические песни».

35 В отличие от указаний в работе Терешковича (2003: 266-67) в отношении виленского периода, деятельность Чечота, модели аргументации и внутрилитературные комментарии в последние годы его жизни наводят на мысль о все большей идентификации с «белорусами»; ср., например, его комментарии о пренебрежении народной поэзией, возрастающую идентификацию «крестьянской поэзии» с «народной поэзией» и т.д. (цит. по: Чачот 1996: 228).

36 «Все в этом городе плохо, все не подходит для человека, пользующегося не желудком, но умом для оценки происходящего. Чтобы есть, пить, одеваться, гулять, скандалить, я не знаю, проще ли это делать в Париже. […] Одним словом, каждый здесь жаждет этого, будь то достижение в обществе, будь то желание наложить жадные руки на чей-то доход, каждый занимается добыванием денег, совершает махинации, крадет. В этом занятии поляки приближаются к русским и, вероятно, равны своим учителям. Все они озабочены лишь собой, каждый купается в роскоши, не думает о своих действиях. Кажется, что эти люди страдают от какой-то лихорадки. […] Им нравятся науки из-за славы и великолепия, а не сами по себе. Они не любят работу вообще, они стремятся к преимуществам для жизни, роскоши, и это значит праздности. Боже берегись: Польша была в беспорядке, а сейчас здесь правит хаос. К черту Париж, служащий образцом для всего мира. А Варшава имеет честь быть его настоящей копией». Мицкевич также критически отзывается о литературном мире Варшавы – все еще находясь в Москве – и порицает эпигонскую отсталую природу литературной критики в Варшаве. Но при этом он берет за образец европейскую (и французскую) литературу.

37 Чего Мицкевич не мог знать, так это того, что позднее он также стал средством «переноса» Вильни в дискурс польской литературы. В результате возникла, *среди прочего*, белорусская «ностальгия по Вильне», ощутимая до сих пор.

Адам Михник

1863: ПОЛЬША В ГЛАЗАХ РУССКИХ[I]

После поражения январского восстания политика царизма в отношении Польши представляла собой взаимодействие двух противоречивых и будоражащих элиту российской власти тенденций: консервативной и радикально-славянофильской. Целью консерваторов, к числу которых принадлежал наместник Царства Польского Федор Берг, было подавление движения за независимость при помощи методики объединения польских зажиточных классов с Российской империей. Объединение и союз, направленные против «социальной революции» и на защиту легитимно трактуемого «порядка», должны были стать гарантией мира в Царстве. В понимании русских легитимистов, духовных преемников традиций «Священного Союза», январское восстание было особым, польским вариантом общественного переворота.

Муравьев-вешатель клеймит в своих воспоминаниях придворную группировку консерваторов-легитимистов за непоследовательность и либерализм в их действиях по отношению к бунтующим полякам. Хотя и трудно назвать Муравьева славянофилом – ведь это был просто тупой и жестокий жандарм, исполненный примитивизма и ксенофобии, – однако следует сказать, что его взгляды на решение польского вопроса вполне согласуются с позицией Правящего комитета Царства Польского, которым управляли славянофилы. О своих противниках, петербургских консерваторах, Муравьев писал: «Известно, что большая часть русской аристократии, воспитанная на европейских идеях, лишенная почтения к своей вере и своему отечеству, действовала всегда, не опи-

I Michnik, A. Dwie dekadu wolności. 1863: Polska w oczach Rosjan. Tom 2. S. 215–234.

раясь на какие-либо определенные устои, применительно к господствующему на Западе направлению. Для них не существует России и православной веры; они – космополиты, бесцветные люди, которым нет дела до блага государства, а на первым месте у них стоит их собственный интерес и их личность. Именно таким было сообщество правительственных сановников, с которым я должен был бороться для того, чтобы утвердить свою систему действий. (…) Главные члены правительства хотели, – полагал Муравьев, – вновь убедить Его Величество в необходимости системы общей амнистии (…). Непредусмотрительность, более того – слепота людей, окружавших императора, была настолько велика, а их приверженность европейским идеям, враждебным России, настолько превосходила чувство любви к отечеству (…), что они приняли решение всеми силами добиваться возврата всех прежних государственных привилегий для Северо-Западного края, чтобы польская пропаганда могла в нем осуществляться свободно и чтобы польская нация могла в нем укрепиться. В своем ослеплении они не считали этот край российским и стремились к тому (…), чтобы ему была дана полная автономия, в соответствии с замыслами Велёпольского».

Министр внутренних дел Валуев характеризовался Муравьевым как «человек, не лишенный способностей, хотя и космополит, преданный единственной идее, стремящийся снискать славу и признание в Европе, пусть даже с ущербом для России». Долгоруков, шеф жандармов, – человек почтенный и добропорядочный, преданный монарху, однако, подчеркивает Муравьев, «по причине слабости характера и недостатка ума увлечен идеей космополитизма». Министр иностранных дел Горчаков «отступал перед Европой тогда, когда ему следовало действовать», кроме того, «в общем и целом разделял позиции Валуева». Также и Толстой, министр почтового сообщения, хотя «не имел влияния на государственные дела, однако в своих доверительных беседах с императором причинял вред русскому делу, стараясь поддерживать ориентацию в пользу поляков».

Всех этих политиков Муравьев называл «космополитами» и «польской партией» при российском дворе. Их космополитизм заключался в учете – хотя и с оглядкой – мнения Запада, а пропольская ориентация состояла в поддержке – до определенного момента – программы Велёпольского. На самом деле, даже и после восстания в консервативных кругах обсуждалась возможность какой-нибудь умеренной версии примиренческой программы маркграфа, но все это осталось в сфере никогда до конца не определенных проектов. Возобладала другая тенденция, радикально славянофильская, выразителями которой были исполнявшие руководящие функции Правительственного комитета Милютин, Черкасский и Самарин.

Суть различия между обеими тенденциями выразительно иллюстрирует следующий случай. Юрий Самарин в 1845–1848 гг. был членом специальной правительственной комиссии, исследующей общественные и национальные отношения в захваченных Россией прибалтийских регионах. Литературным резуль-

татом миссии Самарина стали «Письма из Риги», великодержавная идеология которых направлена против правящей аристократии – немецких феодалов. Самарин обвинил местную администрацию в отказе от русификаторской политики ради немцев и в полном отсутствии внимания к эстонским и латышским крестьянам, которых эксплуатировали немецкие феодалы. Полный союз российской администрации с немецкой аристократией, утверждал Самарин, привел к тому, что и крестьяне не противостояли национальной ассимиляции. Тезисы Самарина вызвали недовольство губернатора Риги, их автор был арестован. Дело дошло до самого императора. В беседе с Самариным Николай I, помимо всего прочего, сказал: «Вы возбуждали враждебность у немцев по отношению к русским, Вы стремились их поссорить, в то время как их следует взаимно сближать; Вы нападаете на целые сословия, верно нам служившие: я мог бы назвать 150 генералов, начиная с Палена. Если Вы хотите при помощи какого-либо насилия, с мечом в руке, превратить немцев в русских, то Магомет – ничто по сравнению с Вами; но мы не должны этого делать именно потому, что мы христиане. <…> Вы метили прямо в правительство; Вы хотели сказать, что все мы со времен императора Петра I живем в окружении немцев и сами онемечились. Поймите же наконец, до чего Вы дошли; Вы настроили общественное мнение против правительства; все это могло привести к повторению событий 14 декабря».

Анджей Валицкий метко характеризует вышеизложенную дискуссию как «стычку националистического консерватизма с традиционным легитимистским консерватизмом». Традиционные консерваторы гарантией общественного порядка считали аристократию и дворянство; общественное положение для них было важнее национального происхождения и вероисповедания. Славянофилы придерживались мнения, что общественной прослойкой, гарантирующей порядок, является русский православный деревенский народ, не испорченный цивилизацией. Этот конфликт приобрел остроту, когда обсуждались способы разрешения крестьянского вопроса в империи. Славянофилы – в том числе Милютин и Самарин – склоняли царя Александра II к радикальной концепции освобождения и раскрепощения. Консерваторы – в том числе и Валуев – высказывались в поддержку умеренной политики. Споры по поводу политики в отношении поляков были отражением предшествующих разногласий. Консерваторы стремились к уничтожению революционных проявлений, славянофилы были нацелены на уничтожение проявлений польских.

Славянофильскую тенденцию поддерживал своим пером разочаровавшийся в приверженности царскому абсолютизму вчерашний западник и англоман Михаил Никифорович Катков. Названное движение поддерживал также своей деятельностью Михаил Николаевич Муравьев, прозванный Вешателем, генерал-губернатор в Вильне, не очень-то интересующийся политическими теориями, зато хорошо известный политической практикой. Славянофилов, Каткова и Муравьева, объединяло однозначно негативное отношение к каким бы то ни было

компромиссным попыткам решения конфликта с поляками. Значение польского восстания понимали, однако, по-разному. Для публицистов славянофильского лагеря польско-русский конфликт был, в своей глубинной сути, конфликтом между Россией и Европой; это был антагонизм не только и не столько двух спорных политических позиций, сколько соперничество двух цивилизаций, ведь Польша всегда, на протяжении всей своей истории, была авангардом латинско-католической цивилизации. По этой причине европейская пресса должна была выступать в защиту поляков.

Иначе рассуждал Катков. «Дела Польши, – писал он, – всегда были делами России. Между этими двумя народностями, принадлежащими к одному племени, история с давних времен поставила роковой вопрос жизни и смерти (…). Этот вопрос касался уже не того, кому быть предводителем или кто сильнее, а того, кому в принципе суждено выжить. Независимая Польша не могла существовать рядом с автономной Россией. Компромиссы были невозможны: либо та, либо другая сторона должна была отказаться от политической независимости (…). Поляку недостаточно быть поляком, он хочет, чтобы русский либо тоже стал поляком, либо переселился за Уральские горы (…). Наше противостояние с Польшей – это противостояние двух народов, и уступить притязаниям польского патриотизма – значит подписать смертный приговор русскому народу». «Польское восстание, – полагал Катков, – вовсе не национальное восстание. Восстал не народ, а шляхта и духовенство». Это «шляхетско-иезуитская интрига». «Еще задолго до вооруженного восстания в Польше, – поясняет Катков, – эта интрига начала проявлять свое воздействие. Эта интрига сумела захватить в свои руки и организовать в своих целях все нечистое, гнилое, безумное, что только было в нашем обществе. Наши достойные сострадания революционеры сделались, сознательно или несознательно, ее орудием. Наш нелепый материализм, атеизм, всяческого рода эмансипация (…) нашли в ней эффективную поддержку. (…) Многочисленные учителя-либералы, пропагандировавшие космополитизм либо безверие, становились через десятые руки органом иезуитской интриги, а также органом хорошо известной национальности, производившей подкопы под землей и в темноте подрывавшей все корни общественной русской жизни».

Между взглядами Каткова и славянофилов существовала явная – хотя и не имевшая влияния на практическую деятельность – разница. По мнению Каткова, французские или бельгийские журналисты защищали поляков не во имя утверждения ценности западной цивилизации, как утверждали славянофилы, а просто потому, что поляки их перекупили. «Славянофилы, – комментирует это различие позиций Ян Кухажевский, – гнездо интриги видели в Риме, Польшу же считали злополучным орудием католического Рима и его агентов иезуитов. Согласно им, Польша только тогда могла бы жить в мире с Россией, если бы была очищена от католицизма и от западной цивилизации. Катков полагает, что Польша сама по себе является исконным злом, заклятым врагом России и

что католицизм и западная цивилизация не играют здесь решающей роли. (…) Славянофилы видели в Польше самый главный оплот Рима, и их программа заключалась в том, чтобы разрушить связи между Польшей и Западом, прежде всего оторвать Польшу от католицизма. Активность католицизма Катков считал вредоносной для России потому, что под влиянием ксендзов-поляков эта активность в реальности становится защитой польского дела. Там Польша является орудием католицизма, здесь католицизм является орудием Польши».

Все эти отличия не влияли, однако, на формы политических требований для решения польского вопроса. В этой области Катков целиком и полностью поддерживал политику славянофильского Правительственного комитета. Он видел в нем эффективный инструмент окончательной ликвидации польской нации. «Польский народ, – полагал Катков, – не стремится к собственной независимости и предпочитает зависеть от любой другой нации, славянской или немецкой, лишь бы только не идти вместе со своими господами. (…) Польский патриотизм – лишь призрак, встающий из могилы (…). Силы, объединявшие польский народ воедино, исчезли…». Задачей российской политики, в понимании Каткова, была тотальная расправа с теми самыми «прозябающими остатками» польского национального сознания.

Славянофилы несколько иначе понимали свою миссию; для них борьба с польским восстанием носила характер войны в первую очередь идеологической. Их взгляды изложил Самарин в статье «Современный диапазон польского вопроса». Кратко пересказывая эту статью, Анджей Валицкий выделяет три аспекта в рассмотрении Самарина: «1) польскую нацию, т. е. польский народ, обладающий разнообразными чертами отдельной славянской национальности; 2) польское государство, всегда агрессивное по отношению к восточным соседям; 3) “полонизм” – культурную силу, тесно связанную с католицизмом, представленную польской шляхтой и духовенством». «Полонизм» превратил Польшу в «острый клин, вбитый посредством латинскости в самое сердце славянского мира с целью его расщепления»; именно он уничтожил в Польше простонародную славянскую общность, создал в ней феодальную аристократию, которой нет в других славянских странах, сделал польскую государственность врагом славянского мира и верным вассалом Европы. Однако, несмотря на все это, Польша осталась славянской страной: «латинская душа» шляхты и духовенства не сумела убить «славянскую душу» польского народа. Российское правительство должно найти поддержку у польского народа и объявить – во имя «славянскости» – бескомпромиссную борьбу с «полонизмом». «Будущее Польши, – писал Самарин, – если только у нее вообще есть будущее, можно представить только в славянском мире (…), но не сбоку припека латинского мира».

Это было *credo* милютинского Правительственного комитета. На момент получения миссии в Царстве Польском Милютин как приверженец радикальной аграрной реформы в России был в немилости. Однако в польских условиях его

радикальные концепции приобретали новый смысл. Политика экономического и политического уничтожения шляхты, а также последовательная борьба с католическим костелом при одновременной отмене крепостного права призваны были окончательно поссорить польского крестьянина с польским шляхтичем. Это угрожало самим основам польскости. Культурное своеобразие поляков должно было быть нивелировано. Польскому крестьянину следовало научиться восхвалять своих освободителей – русских чиновников-диктаторов.

Милютин и Самарин объявили, что развернувшаяся борьба – это схватка между прогрессивными русскими, славянскими силами и реакционностью польской шляхты и духовенства. Такие формулировки привели к тому, что под их знамена охотно вставали вчерашние оппозиционеры, ренегаты либерального и революционного движения, принаряжавшие в псевдопрогрессивную идеологию жестокие репрессии и русификаторские инициативы Милютина в Царстве Польском. Прогрессивные лозунги и радикальная аграрная реформа приобретали зловещий смысл, который раскрылся в том, какими путями Правительственный комитет начал решать проблему организации крестьянской общины. Следует признать, что милютинская реформа принесла больше пользы крестьянам, чем реформа в России; она также принесла больше пользы, чем повстанческий декрет Национального правительства от 22 января 1863 г. Несмотря ни на что, началось уничтожение шляхетской собственности. Точно так же, несмотря ни на что, была отменена власть земельных собственников над деревней. «Царское правительство, – пишет Стефан Кеневич, – нанесло в данном случае радикальный удар, лишив земельного собственника всяческого влияния на сельскую общину, а подчинило его, напротив, народной управе, избиравшейся общим собранием крестьян. Такое смещение было продиктовано не заботой о благе крестьян, а интересами царской политики. В проведении общественной реформы деревенское самоуправление оказалось в руках писарей, назначаемых, как правило, уездными властями. Крестьянин, освобожденный от подчинения наследственному землевладельцу, попал под строгий надзор царской бюрократии». Освобождение обернулось подчинением крестьянина диктаторской власти захватчика.

Такое же значение имела и поддержка антишляхетских крестьянских требований. Польских крестьян эмансипировали декретами российских чиновников, направленными против польского шляхтича. Результатом этой операции должно было стать уничтожение польской национальной общности.

Политика Правительственного комитета вызвала ужас у польских консерваторов, называвших ее «православным социализмом». Не понравилась она и консерваторам в Петербурге, в том числе Бергу, который склонил со временем милютинскую партию к большей умеренности. Такая оппозиция была вполне понятной. Русские консерваторы не вполне четко осознавали идеологические цели этой политики, но практические последствия неизбежно должны были их обе-

спокоить. Нарушение принципа общественной иерархии, принципа частной собственности, легализация и поддержка крестьянских ревиндикационных устремлений – все эти сдвиги не могли быть одобрены политиками, уповавшими на силу традиции и поэтому не способными поверить в возможность уничтожения народа с тысячелетней культурой посредством административных мероприятий. Не могли они также согласиться с политикой, революционизировавшей общественные отношения и преследовавшей цель экспроприации собственности землевладельческих классов. При этом весьма велико было опасение, что подобные социальные эксперименты будут перенесены в центр российского государства.

Аргументацию консерваторов изложил Александр Кошелёв, диктатор финансов в Царстве в милютинский период, который несколько сдерживал доктринерский запал своих славянофильских коллег. Политика раскрепощения в Царстве, писал Кошелёв в своих воспоминаниях, «не противоречила моим убеждениям, однако же, хорошо зная князя Черкасского и Н.А. Милютина, я опасался, что закон будет не только последним военным средством для подавления волнений (…), но и началом, а также источником других мероприятий, преследующих цель притеснения и уничтожения шляхты, которой я, конечно, нисколько не симпатизирую, но считаю ее незаменимым в настоящее время элементом, и хотя бы по этой причине она заслуживает некоторого снисхождения и защиты».

Автор приведенных выше слов не был консерватором в духе легитимизма. Он был связан, скорее, со славянофильским лагерем, склонялся к умеренно либеральным методам, высказывался – в дискуссиях периода послесевастопольской «оттепели» – за своеобразную форму конституционализма. Со славянофилами Кошелёва объединяло стремление к раскрепощению крестьян, но неверие во всемогущество бюрократического аппарата сближало его в конкретной ситуации с традиционными консерваторами. Все это является свидетельством политического и идейного расслоения в России того времени. Однако независимо ни от каких различий, будь то между Милютиным и Валуевым либо между Кошелёвым и Муравьевым, следует сказать, что пропольской «партии» в то время в России не существовало вообще, если объяснять положение дел по существу, и это подтверждается тем обстоятельством, что определения такого рода опускаются в сочинении Муравьева. Программу Валуева, Берга и других ни в коей мере нельзя назвать пропольской; в лучшем случае она делала присутствие России в Польше менее тягостным для польских землевладельческих классов. Не были пропольскими также и недавние либералы, единые в полном отрицании польского стремления к независимости. В «польском деле» русские либералы поддержали русского монарха.

Для описания духовной эволюции русского либерала описываемой эпохи Ян Кухажевский привел в качестве примера Феоктистова. Давайте вспомним известный аргумент Кухажевского. Евгений Феоктистов был сторонником

прогресса, приверженцем конституции, противником деспотичной власти, защитником свободы прессы. Вместе с другими публицистами он издавал либеральный двухнедельник «Русская речь», но вместе с тем поддержал антипольскую политику царя Алесандра II. Мотивацию своих действий Феоктистов пояснил в письме, адресованном пребывающей в Швейцарии русской писательнице графине Елизавете Салиас (Евгении Тур).

В ответе на пропольское, выдержанное в духе герценовского «Колокола» письмо подруги из Швейцарии Феоктистов объяснил, что это не он изменил свои либеральные взгляды, а изменилась ситуация в России. Появилось общественное мнение, явление настолько же новое, насколько и позитивное в русских условиях. Это есть, по мнению Феоктистова, начало новой эпохи, в которой монарх и правительство должны будут считаться с положением так называемых просвещенных классов. Такое состояние вещей должно привести к тому, что в скором времени в России будет востребован парламентарно-конституционный институт. Российское общественное мнение единодушно: все уверены в необходимости противодействовать стремлению поляков к независимости. Феоктистов придерживается тех же взглядов, но это не означает, что он расстается со своими либеральными идеалами. Напротив: он желает полякам «всяческого счастья, а также максимально возможной политической и гражданской свободы (…), полной религиозной терпимости, ничем не сдерживаемого прогресса во всех сферах общественной жизни». Это возможно получить вместе с либеральной конституцией для Царства. Но если поляки избирают дорогу борьбы за государственную независимость, то они обрекают себя тем самым на дальнейший неизбежный конфликт с русским народом. «Катков говорит только о том, – пишет Феоктистов, – о чем думает *peu prés* всё российское общество. (…) Если бы завтра случилось чудо и в Петербурге наступил переворот, благодаря которому на троне вместо Александра Николаевича воссел бы Бакунин, даже тогда поляки были бы нашими самыми большими врагами». Достижение поляками их цели – независимости – означало катастрофу для России. Отделение Польши может вызвать лавиноподобную реакцию. Может отделиться Финляндия, Курляндия, Литва и Украина, может также отделиться Казань и Астрахань, даже Сибирь.

Рядом с Россией появится государство по своей сути вражеское, отделяющее от Европы, опасное как орудие в руках французских или английских политиков.

Вышеупомянутая аргументация была достаточно типичным, казалось бы, идеологическим оправданием антипольской позиции вчерашних либералов. Таким образом обнаружила себя полная несостоятельность русского либерализма, его непоследовательность и сильный раскол внутри него. Было бы, однако, упрощением недооценивать причастность «либеральной партии» в России к данным обстоятельствам в связи с польским восстанием. Создается впечатление, что изначальная непоследовательность позиции либералов по отношению

к Польше была заложена в саму основу либерального мышления: стремление к обновлению и демократизации русского государства неизменно сочеталось с заботой о его имперском положении. Либерализм проявлял себя прежде всего как предложение по усовершенствованию системы российской государственности и лишь во вторую очередь как совокупность идеологических ценностей. Эту мысль хорошо иллюстрируют, среди всего прочего, весьма интересные воспоминания выдающегося русского юриста Анатолия Федоровича Кони, известного своими либеральными и западническими взглядами. За свой нонконформизм Кони стал объектом частых атак националистической прессы, в особенности ее первосвященника и пророка Михаила Каткова. В одном из своих фельетонов Катков позволил себе явную клевету. Кони хотел было обратиться в суд по делу об оскорблении личности, но отказался от своего намерения. «Я воскресил в памяти, – вспоминает выдающийся юрист, – мои студенческие годы, то впечатление, которое производили статьи Каткова в 1863 году, их роль в пробуждении национального самосознания русских: они помогли укрепить единство России и впервые создали у нас ситуацию, достойную пера солидного публициста. Учитывая эти несомненные заслуги Каткова, я не мог никоим образом поднять на него руку, точнее сказать, перо…». Сей сентимент не помешал, однако, известному юристу десятью с лишним страницами раньше заклеймить репрессии Муравьева на землях Литвы, апологетом которых в 1863 г. был именно Катков.

Другой представитель русского либерализма – Николай Тургенев, взгляды которого заслуживают тем более пристального внимания, что их не ограничивала царская цензура. Экс-декабрист и эмигрант Тургенев неоднократно высказывался по польскому вопросу; его взгляды на протяжении десяти с лишним лет подверглись значительной эволюции. Первоначально (1847 г.) он был приверженцем программы независимости Польши и считал, что это ключ к свободе России. Позже он изменил свою точку зрения, лозунг независимости Польши заменил идеей автономии, а резкое осуждение национального угнетения поляков начал обосновывать тем, что такая политика приносит вред интересам русской монархии. Январское восстание Тургенев назвал «большой ошибкой» поляков, поскольку оно нанесло вред польско-русскому взаимопониманию, к достижению которого так много усилий приложил Александр Велёпольский. Программу Велёпольского он считал единственно возможным проектом решения «польского вопроса»: интеграция Королевства Польского с Россией должна была напоминать союз Галиции с Австрией либо Ирландии с Англией. В связи с этим, как и подобает либералу, Тургенев не требовал полной русификации польских земель (ей должны были подвергаться только так называемые аннексированные земли), а предлагал собрать Земский Собор, в котором было бы место также и для поляков. Либерал-эмигрант не ограничился теоретическими рассуждениями: высказываясь на тему польского восстания, он выразил мнение, что «польские повстанцы уничтожили в три или в четыре раза больше

мирных людей в городах, и в особенности в деревнях, чем российские полевые и проконсульские суды».

Справедливости ради следует заметить, что в среде российской эмиграции голос Тургенева был единичным. Иные российские эмигранты решительно заняли пропольскую позицию. К их числу принадлежал и князь Пётр Долгоруков, потомок знаменитого аристократического рода, противник династии Романовых и абсолютистской системы правления царизма. Он выступал за независимое польское государство в границах 1815 г., а на остальной части земель, принадлежавших Речи Посполитой до 1772 г., предлагал провести референдум. Население этих земель – литовцы и украинцы – должно было высказаться за свою принадлежность либо к России, либо к вновь возрожденной Польше. Самостоятельной Литвы либо Украины Долгоруков не предполагал, и в этом, в принципе, солидаризировался с независимой польской публицистикой. Россия, управляемая ограниченной, бездарной и насквозь коррумпированной бюрократией, утверждал князь-эмигрант, прозванный «хромым князем», не может дать польскому народу ничего, кроме рабства. «Мы, русские, – писал он, – должны быть абсолютно уверены в том, что пока Польша каким бы то ни было способом не получит свободы, до тех пор и мы останемся рабами (…). Освобождение Польши повлечет за собой несомненно особождение России, и это условие *sine qua non* [II] свободы России». В соответствии с этим *credo* «хромой князь» поддержал целиком и полностью повстанческий порыв поляков в 1863 г. Он клеймил инициативы Муравьева и публицистику Каткова, создавал привлекательные образы Потебни и Сераковского. Писал соотечественникам: «Русские, помогающие петербургскому правительству в обуздании Польши, куют сами для себя рабские цепи, те же русские, которые стоят на стороне поляков, действуют в интересах свободы России и защищают ее честь».

Точка зрения Долгорукова была абсолютной противоположностью позиции Тургенева. Сопоставляя высказывания обоих названных писателей по поводу польского дела, легко можно заметить характерный раскол русской либеральной идеи, отделение парадигмы прагматики деятельности от парадигмы проповедуемых ценностей. С точки зрения прагматической парадигмы русский либерал обосновывал выдвигаемые им требования реформы интересами государства; с теоретической же точки зрения он становился поборником парадигмы универсальных ценностей. Например, отмена крепостного права, с одной стороны, укрепляла могущество государства, а с другой, реализовывала идею равенства относительно права и справедливости. Польское восстание привело к столкновению этих парадигм мышления: государственные интересы требовали отказа от абстрактных ценностей и принципов. Как Тургенев, так и Долгоруков предпринимали попытки примирить интересы идеологии с необходимостью, которую выдвигала практика. Экс-декабрист подчеркивал свою

II *Sine qua non* (лат.) – без которого нет.

заботу о национальных правах поляков, а «хромой князь» пояснял, что самой животрепещущей задачей российской государственности является освобождение Польши. При этом первый забывал, что только поляки обладают властью принимать решения по поводу национальных прав Польши, другой же не понимал, что интересы российского государства – это то, что граждане этого государства не считают своими интересами. Тургенев избрал прагматическую часть либеральной позиции, Долгоруков остался верен универсальным ценностям либерализма. Оба заплатили за это высокую цену: бывший декабрист лишился симпатий эмигрантов, а «хромой князь» утратил авторитет в России, что было более ощутимо. С другой стороны, Долгоруков отдавал себе отчет в том, что он противостоит мнению своих соотечественников: не случайно он назвал свой журнал «Le Veredique»[III].

В поддержку польской стороны высказались в 1863 г. также и другие русские эмигранты: Головин и Печорин, Блюммер и Огарев, а также Герцен и Бакунин, пытавшиеся преобразовать пропольские декларации в военные действия. Тем не менее выражение поддержки польской стороне не означало признания общности интересов русской оппозиции и польского движения за независимость. Нравственный лидер русского демократического лагеря Александр Герцен был горячим пропагандистом «польского дела», но одновременно он был приверженцем идеи славянской федерации. В 1859 г. он таким образом формулировал свою позицию: «У Польши (…) есть неоспоримое полное право на государственное существование, независимое от России. Хотим ли мы, чтобы свободная Польша отдалилась от свободной России – это другой вопрос. Нет, мы не хотим этого, да и как можно было бы этого хотеть, если отдельные нации, вражда между народами становится одним из главных препятствий для свободного развития человечества. Глубоко ненавидя любую централизацию, я убежден в том, что федерации близкородственных народов предоставляют государству гораздо больше возможностей, нежели разделение единой семьи народов на отдельные ветви. Федеральное объединение должно быть добровольным даром: у России нет права на Польшу, она должна заслужить то, что захватила силой, должна загладить то, что было сделано ее руками. Если же Польша не желает союза с Россией, то мы можем переживать из-за этого, можем не соглашаться с ней, но мы должны предоставить ей свободу выбора, если мы не хотим порвать с нашими основополагающими принципами». Двумя годами позже, узнав о первых демонстрациях в Варшаве, Герцен повторил своё *memento* [IV]: «Много раз уже говорили мы о грядущем союзе всех славянских племен и сейчас также верим в него, но в настоящее время не этот вопрос стоит на повестке дня; самое близкое будущее, самая важная историческая задача всего славянского мира –

III *Véridique* (франц.) – правдивый.

IV *Memento* (лат.) – помни.

это государственная независимость Польши и объединение ее оторванных одна от другой частей».

Сотрудничая с поляками, поддерживая – вопреки своим мечтам о федерации – польское движение за независимость, Герцен выступал в защиту не этого движения как такового, а определенной части польского лагеря борьбы за независимость. Он поддерживал не «аристократическую партию» из отеля «Ламберт», а Центральный национальный комитет, выступавший с последовательной и демократичной общественной программой. «Те принципы, во имя которых вы призываете к восстанию, – писал Герцен в «Колоколе», отвечая на письменное выступление польского ЦНК, – настолько широки и современны, настолько четко сформулированы вами, что, вне всякого сомнения, ваши слова вызовут глубокую и деятельную симпатию к вам со стороны всех русских, стремящихся сбросить с себя унизительное и оскорбительное ярмо правительственной опеки. Нам легко идти вместе с вами. Вы признаете право крестьян на землю, обрабатываемую ими, а также право каждого народа определять свою судьбу. Это и есть наши принципы, наши убеждения, наши лозунги». В вышеизложенном тезисе скрыто следующее умозаключение: «Мы поддерживаем вас, польские заговорщики, поскольку вы проповедуете общественную философию, аналогичную нашей. Это и есть главное условие польско-русского взаимопонимания». Именно так рассуждали и другие русские революционеры – как эмигранты, так и местные.

Поляки и русские хорошо понимали принципиальные различия своих политических целей. Политические цели русских революционеров заключались в лозунге свержения самодержавия и в требовании далеко идущих общественных реформ. У поляков шла речь о том, чтобы «пробиться в независимость». Уточняя польскую точку зрения, ЦНК писал редактору «Колокола»: «Разница, существующая по отношению к крестьянскому делу между нами и вами, вытекает из отличий общих исходных точек и обстоятельств, в которых мы находимся. Русское движение является земским, наше – национальным. В России общественное движение принесет с собой политическую свободу, у нас реорганизация нашего общества может быть только следствием освобождения и восстановления независимости нашей страны».

Хорошо понимал эти отличия и Герцен. Вспоминая о своих контактах с поляками, он писал в «Былом и думах»: «Мы шли с разных точек – и пути наши пересекались только в общей ненависти к петербургскому самовластью. Идеал поляков был за ними: они шли к своему прошлому, насильственно срезанному, и только оттуда они могли продолжать свой путь. У них была бездна мощей, а у нас – пустые колыбели. (…) Они ищут воскресения мертвых – мы хотим поскорее схоронить своих. (…) В острожной темноте николаевского царствования, сидя взаперти как тюремные товарищи, мы больше сочувствовали друг другу, чем знали друг друга. Но когда окно немного приотворилось, мы догадались,

что нас привели разными дорогами и что мы разными дорогами разойдемся. После Крымской войны мы радостно вздохнули, а их наша радость оскорбила: изменение климата в России напомнило им об их утратах, а не о надеждах. Мы рвались вперед, готовые всё ломать; для нас новые времена начинались с заносчивых требований, для них – с панихид и упокойных молитв. Но правительство второй раз спаяло нас с ними. Перед выстрелами по священникам и детям, по распятьям и женщинам, перед выстрелами по гимнам и молитвам замолкли все вопросы, стерлись все разницы».

Русская Революция и польская Реставрация объединились против царского деспотизма. Русский революционный лагерь поддержал польское движение за независимость. Эта поддержка определялась в основном нравственным измерением и осуществлялась на практике в форме публичных выступлений эмигрантов. Оппозиция в России была бессильна, к тому же ее уничтожили аресты (среди арестованных был также идеолог молодого поколения, приверженец «польского дела» Николай Чернышевский). Список офицеров был раскрыт, крестьянские бунты – на которые так рассчитывали – не вспыхнули. Лишь небольшое число русских офицеров перешло на сторону повстанцев. Организация «Земля и воля» уже не была способна – после волны репрессий – ни к каким действиям. Лонгин Пантелеев, член правления этой организации, оставил следующие заметки на полях в описании переговоров в Падлевском: «Какую же мы можем оказать им помощь? Да никакой, у нас нет ни малейшей возможности провернуть хоть какую-нибудь диверсию в их интересах».

Русские революционеры были бессильны. Бессилие не означало, однако, измены: ученики Герцена и Чернышевского не открестились от поляков, не присоединились к антипольской травле. За свои пропольские симпатии они заплатили не только каторгой и ссылкой, но и полной утратой популярности в среде русской интеллигенции, которая была одурманена националистической публицистикой. В 1863 г. власть над душами после Герцена приобрел Катков. Поддерживая польских повстанцев, редактор «Колокола» обрек себя на политическое одиночество.

Контакты с польской эмиграцией не компенсировали Герцену утраты единства с Россией. Польско-русские отношения в эмигрантской среде начали портиться. Дороги российской революции и польской реставрации вновь разошлись. Из-за оценки последствий российской политики отмены крепостного права разгорелся острый конфликт. Для поляков – и это совершенно понятно – единственным критерием оценки было русификаторское острие декретов Милютина; среди русских учитывались также и другие аспекты проблемы, что тоже ничуть не удивительно.

Повторимся: для русских демократов «польское дело» было одним из важных, но отнюдь не единственным. Наиболее значимым, несомненно, являлось освобождение крестьян. Русские демократы поддержали реформаторские устремления царя Александра II непосредственно после того, как он получил корону,

и симпатизировали тем политикам, которые предлагали наиболее радикальные проекты реформ. К их числу принадлежал и Николай Милютин, которого в придворных кругах называли «красным». Отклонение милютинского проекта раскрепощения крестьян и отстранение автора этого проекта от работы при реализации раскрепощения было воспринято прогрессивными силами как торможение царской политики реформ. Характерные замечания на эту тему высказал в своих воспоминаниях известный революционер Петр Кропоткин. Он и его товарищи, безусловно, хорошо понимали, что Милютин принадлежит к лагерю их оппонентов, но из числа представителей огромной царской бюрократии, разделившейся на многочисленные группировки, Милютин был ближе к передовой интеллигенции, нежели консервативные политики вроде Валуева или Горчакова, отвергавшие антишляхетские реформы по отмене крепостного права.

Поляки воспринимали всё с точностью до наоборот. Им легче было переваривать консерватора Берга, поскольку он был менее назойливым, а вот Милютина они ненавидели больше всех русских политиков, может быть, даже больше, чем жестокого Муравьева, ибо последний только вешал, в то время как Милютин своей коварной «православно-социалистической» политикой уничтожал, по меньшей мере в собственном представлении, самую основу польского народа – шляхту.

После царского указа, предписывавшего принудительную распродажу имений, принадлежащих полякам-повстанцам на территориях так называемых аннексированных земель, «Колокол» опубликовал статью Николая Огарева «О продаже имений в Западном крае». Характеризуя политику отчуждения имущества у поляков и их выселения как преступление, Огарев обратил внимание на то, что российское правительство предоставило право выкупа земли «русским помещикам и немецким интриганам», лишив этого права крестьян... «Может быть, – писал Огарев, – среди местных крестьян или даже среди крестьян из других губерний обнаружился бы спрос на земли в Западном крае. Можно было бы предложить местным крестьянам объединение в товарищества для приобретения выставленных на продажу имений путем многолетних ежегодных выплат при взаимном поручительстве членов сообщества… Можно предложить малоземельным крестьянам других губерний переселяться в Западный край и приобретать земли на таких же условиях многолетних выплат».

Приведенные выше формулировки вызвали резко негативные отзывы со стороны польских эмигрантов, истолковавших их как одобрение русификаторской политики. Прореагировали на них также и русские. Александр Серно-Соловьевич писал в брошюре «Question polonaise»[V]: «Протестую, чтобы засвидетельствовать, что “Колокол” уже не является знаменем молодой России (...). Я вижу путь осуществления на практике социалистических теорий (...) не таким, каким видят его господа редакторы “Колокола”. Перед назначением лекарства следует,

[V] *Question polonaise* (фр.) – польский вопрос.

безусловно, засвидетельствовать свою медицинскую квалификацию, быть признанным в качестве врача. Но если мне предлагают лечение нагайкой либо штыком, то у меня самого есть право сказать: "Либо выметайтесь из моего дома, либо признайтесь, что вы разбойники и убийцы". (...) Одна из наиболее важных проблем, которую социализм решит в будущем, – открытие формулы, которая, определяя экономические основы общества, предоставит не только каждому народу, но и каждой области возможности полноценного и независимого существования». Отношение к Польше Серно-Соловьевич сформулировал вполне понятно: «Протестую, чтобы доказать полякам, что есть еще в России люди, которые, краснея за свою роль разбойников и палачей, искренне желают, без какой-либо задней мысли, полного освобождения Польши, т.е. отделения всего того, что является польским, от России. (...) Я не буду призывать поляков словами "Возлюбленные наши братья, подайте нам руку, ваше дело – это наше дело" и тому подобными фразами. Напротив, скажу им со всей откровенностью: я глубоко симпатизирую вам как героическому народу, как народу, порабощенному тем народом, к которому я сам принадлежу, но, несмотря на это, ваше дело не является нашим делом до тех пор, пока польское движение будет выступать под знаменем аристократов и князей, пока польское движение не станет народным». Прежде всего Польша должна отделиться, и лишь затем можно, пожалуй, создавать свободную федерацию, завершал свои рассуждения Серно-Соловьевич, «сначала раздел, затем братский союз».

Выступление Александра Серно-Соловьевича носило на себе отпечаток «адских ссор» эмигрантов. Под его позитивной программой, несомненно, подписались бы и Герцен, и Огарев, разногласия же были искусственно раздуты (собственно говоря, подобно тому как и польскими критиками статьи Огарева). Ведь представляется несомненным, что Огарев не одобрял русификаторской политики. В его статье, справедливо отмечают Виктория и Рене Сливовские, нашли «отражение старые заблуждения, отзвуки веры в непроизвольную эффективность сдвигов, осуществляемых властью, в непреднамеренную результативность идущих сверху распоряжений, в возможность использования их для "целей русского социализма". Статья Огарева имела антидворянскую, а не антипольскую направленность; она защищала интересы крестьян, а не русификации. Редактор "Колокола" многократно выражал свои последовательные антидворянские убеждения. В письме к другу он писал, что "если у нас появится Пугачев, я попрошусь к нему в адъютанты, поскольку польское дворянство даже в сотой части не возбуждает во мне такой ненависти, как дворянство русское – тривиальное, низкое и неразрывно связанное с российским правительством"».

Вышеприведенное мнение окончательно убеждает нас в том, что выступление Огарева было, возможно, неуклюжим, непродуманным, несвоевременным, но оно ни в коем случае не было свидетельством поддержки антипольской политики милютинских и муравьевских чиновников в Королевстве и в Литве. А

ведь значительная часть польской эмиграции обвиняла именно в этом не только Огарева, но также Герцена и Бакунина. Эти обвинения выдвинул, обобщил их и придал им ранг исторической правды Ян Кухажевский, выдающийся историк и известный специалист в данном вопросе. «Полякопожирательство было замазкой, – писал Кухажевский, – которая должна была объединить общество с правительством, а также разные лагеря между собой и создать единый патриотический фронт, идущий сплошным потоком против врагов, с царским гимном на устах. И в самом деле – необычное явление: русские течения, до того времени отчаянно противоборствовавшие друг с другом, объединяясь на польской основе, братаются, подают друг другу руку, соединяются неразрывным узлом общего дела. Братское согласие Муравьева с красным Милютиным – образец этой *union sacrée*[VI]. Славянофилы, противостоящие петербургскому немецкому императорству, обвиняющие правительство (…) во время Крымской войны, что оно упускает из виду панславянские цели, найдут выход для своего миссионерского запала в Польше. Туда стремится Самарин (…), чтобы ликвидировать отравляющее влияние Рима и загнивающего Запада над Вислой. Пробудившаяся и пробуждающаяся народная демократия (…), не удовлетворенная реформой, ищущая дорогу к сердцу и уму русского крестьянина, переориентируется тем временем на аннексированные земли и на Царство Польское, она будет там освобождать народ от ярма польских панов. Почитатели Прудона, пропагандирующие девиз "собственность – это кража", двинутся на землю польскую, чтобы осуществлять здесь практику раскрепощения; ученики Фейербаха пойдут сражаться с католицизмом, адепты "Земли и Воли" приобретут широкое поле для экспериментов, нигилистские силы найдут выход в разрушении польской культуры». В другом месте Кухажевский заметил, что «общественно-политическая идеология, с которой эти "деятели" поехали в Польшу, была отражением народно-славянофильского мессианизма Герцена».

Оценка Кухажевского кажется мне фальшивой и упрощенной. Поскольку данное суждение касается одного из самых выдающихся польских историков, это дело требует краткого комментария. Выше я процитировал мнение Александра Серно-Соловьевича об аристократическо-клерикальном и антинародном характере январского восстания. Это мнение, вырванное из контекста, на первый взгляд, ничем не отличается от катковских и славянофильских взглядов на данную тему. Тем не менее следует вспомнить, что когда двое говорят одно и то же, это не обязательно означает одно и то же. В публицистике Каткова или Аксакова обвинения польских борцов за независимость в реакционности выполняли функцию дымовой завесы по отношению к практике великорусского национализма и особой общественно-политической программы. «В мозгах этих палачей и царских демократов, – метко замечает Кухажевский, – укрепился взгляд, свойственный первобытному деспотизму, взгляд на властителя как на

VI *Union sacrée* (фр.) – священной унии.

властелина всей земли в государстве, а на подданных как на тех, кто пользуется силой его милосердия, которого он, однако, всегда может лишить, – этакий коммунизм по-царски».

Совершенно иными были идеи Серно-Соловьевича, Бакунина и редакторов «Колокола». По их глубокому убеждению, земля должна принадлежать народу, а владеть ею должны сельские общины. Самой главной своей задачей они считали стремление к общественному перевороту, который призван был лишить помещиков имущества и наделить землей сельские общины. Этот переворот должен был собой представлять также и переворот политический, который уничтожил бы царский аппарат подавления. Причиной критичного отношения Бакунина или Герцена к январскому восстанию было культивируемое ими убеждение, разделяемое многими поляками, что объединение вокруг идеологии независимости вытеснило из практической деятельности польских борцов за освобождение радикальные лозунги аграрной реформы. Единственным шансом поляков, по мнению русских революционеров, было преобразование восстания в аграрную революцию и народную войну. Только массовое участие крестьянства могло создать непобедимое повстанческое партизанское движение, только аграрный переворот мог спровоцировать крестьянские бунты на Украине и в самой России.

Редакторы «Колокола» сокрушались, что непоследовательная политика национального правительства сделала возможным подавление восстания и облегчила, будь то Муравьёву, будь то Милютину, задачу представления собственной подлости в качестве благодеяний, оказываемых помещикам. Бакунин характеризовал милютинскую политику как «самое отвратительное и самое опасное извращение, порожденное в наше время: правительственный демократизм, красную бюрократию». Герцен называл реализаторов милютинской политики «императорскими санкюлотами». О самой политике отчуждения имущества он писал так: «План правительства ясен, оно хочет *per fas et nefas*[VII] вытеснить из Западного края польское население и связать с Россией население русинское более сильными узами, нежели статьи закона (…) и филологические штудии великорусских патриотов. Не хватило смелости, чтобы решиться на азиатскую методу повсеместного изгнания либо принудительного переселения; это было бы жестоко, несправедливо, но сильно. Подлая метода индивидуальных жалоб, опирающихся на доносы, т.е. деморализация крестьян, показалась правительству более привлекательной. Не следует думать, что петербургское правительство в целом церемонилось с использованием таких радикальных средств; будучи воспринимаемыми, согласно восточным представлениям, в качестве властелина земли и живущих на ней людей, оно никогда ни перед чем не останавливалось и, не смущаясь, поступало так, как хозяин поступает со скотом. (…) Признание права собственности как вознаграждение за благонамеренное поведение – что вы на это скажете? Кого люблю, тому дарю! Далеко зашел Гракх Бабёф, но ни он,

[VII] *Per fas et nefas* (лат.) – дозволенными и недозволенными методами.

ни Конвент 1794 года, ни коммунисты не могли дойти до того, до чего вполне естественно додумался наш татарский Гракх; вот что значит черпать великую мудрость непосредственно из источников восточного происхождения».

Вот как выглядело «почтение Герцена к петербургским сатрапам, раздающим земли крестьянам в Польше», о котором пишет Ян Кухажевский. По мнению того же автора, «патриотическая полякопожирательская миссия – это наркотик, притупляющий чувствительность русских к их политической несвободе, более того, возвышающий эту несвободу до уровня жертвы на алтарь величия России». Это, конечно, справедливое замечание: шовинистические кампании всегда являются наилучшим методом разрешения внутренних конфликтов, и это не есть явление специфически русское. В особенности тягостно и мерзко, когда монополией на выражение собственной точки зрения обладают исключительно шовинисты.

На обвинения русской прессы в измене Родине редактор «Колокола» отвечал так: «Мы любим русский народ и Россию, но мы не одержимы никаким патриотическим пристрастием, к примеру, тоскливым безумием руссомании, но это не из-за того, что мы являемся прожженными космополитами, а просто потому, что наша любовь к отечеству не уподобляется (…) той солидарности стада, которая оправдывает злодеяния и принимает участие в преступлениях. (…) То, что происходит сегодня в России (…) вовсе не является аргументом, противоречащим нашим надеждам. Вся эта оргия зверских выходок и пьяного патриотизма все более и более ясно открывает лишь то, что никак не удастся обуздать внутреннее движение такими омерзительными методами. Само правительство (…) погружается в какую-то пугачевщину. Имея целью только лишь ликвидацию польского повстанческого движения, уничтожая польский элемент в Литве, правительство, не сознавая этого, ведет Россию совершенно не туда, куда намеревается…». И Герцен поясняет: «Если правительство в самом деле расширит применение этих спартаковских методов на всю Россию и найдет таких ревностных исполнителей, то, пожалуй, люди, отстаивающие права крестьян на землю и считающие землю государственными угодьями, никому конкретно не принадлежащими, должны будут также сочинить послание Александру Николаевичу и поблагодарить его за то, что он государственными руками (хотя и надев на них перчатки Муравьева) пожелал возложить на себя в будущем аграрном перевороте все прискорбные и мерзостные обстоятельства, связанные с применением насилия».

Это и только это имел в виду Герцен, говоря о положительных результатах политики отмены крепостного права, осуществляемой царскими чиновниками в Королевстве и в Литве.

Подобным образом обстояло дело и с часто подчеркиваемой, в том числе и Яном Кухажевским, так называемой идейной общностью Бакунина и редакторов «Колокола» с лагерем панславистов по части оценки западной цивилизации и славянского мира. Герцен и Бакунин – в противоположность, скажем,

Николаю Чернышевскому – не были западниками. Оба они были исполнены критицизма по отношению к мещанской цивилизации европейских стран. «Общественный порядок, общественное устройство на Западе, – считал Бакунин, – уже прогнили и еле-еле удерживаются какими-то болезненными усилиями. (…) В Западной Европе, куда ни повернись, повсюду видны бессилие, слабость, безверие и деморализация (…) вытекающая из безверия; начиная с самого верха общественной иерархии ни один человек, ни один привилегированный класс не верят в свое призвание и право; все занимаются очковтирательством друг перед другом, и никто не доверяет никому ниже себя самого: привилегии, классы и власть едва держатся за счет эгоизма и привычки, но это слабая преграда для противостояния вздымающейся буре!».

Бакунинские формулировки взяты из его знаменитой «исповеди», написанной в Петропавловской крепости. На полях напротив этих слов царь Николай написал: «бьющая в глаза правда».

Из сопоставления этих двух мнений нетрудно сделать заключение, что на основе ненависти к «прогнившему Западу» зародился союз русского консерватизма с русской революционностью, тем более, что формулировку «прогнивший Запад» впервые использовал панславист Шевырев. Но такое заключение, по нашему мнению, было бы недоразумением. Правда заключается в том, что антизападнические настроения значительной части русской интеллигенции позволят в будущем жонглировать антизападническими лозунгами и постоянным жупелом «Запада», а также позволят вписывать этот жупел в разнообразные идеологические контексты. Правда и то, что в будущем, в изменившейся ситуации на антизападнической платформе должны будут встретиться ретрограды-славянофилы с революционными критиками капиталистической Европы. Исповедь Бакунина – первое свидетельство, сигнализирующее о возможности такой встречи, однако же Бакунин на практике не оказал поддержки царской политике.

Антизападнические настроения присутствовали и в сочинениях Герцена. Редактор «Колокола» сравнивал Западную Европу с Древним Римом и предвещал, что ее падение будет подобно падению Римской империи. «Эта часть мира, – писал он о Западной Европе, – завершила свою историю, силы ее исчерпались; народы, населяющие эти территории, уже исполнили свое призвание и сейчас начинают тупеть, тянутся в хвосте». В другой работе Герцен уточнял: «Пробил час славянского мира». Исторической миссией России, полагал Герцен, является завоевание Константинополя и объединение славянских народов. На первый взгляд эта мысль идентична постулатам панславистов: они также призывали к завоеванию Константинополя и объединению славянских народов; они также полагали, что западная цивилизация склоняется к упадку.

Однако же Герцен был приверженцем аграрного социализма и врагом царского самодержавия, а Аксаков и другие панслависты открещивались от со-

циализма и восхваляли царизм. В понимании Аксакова исполнителем миссии славянских народов должен быть царь: именно под царским скипетром должно было осуществиться их объединение. Согласно же Герцену, это объединение могло осуществиться на руинах царской империи. Аксаков требовал завоевания славянских народов царской Россией; Герцен поддерживал стремление завоеванных славян к независимости, в том числе и антироссийские устремления. Подобно Герцену рассуждал Бакунин и требовал создания «великой, сильной и свободной всеславянской федерации», но в то же время подчеркивал: «Мы хотим, чтобы Польша, Литва, Украина, Финляндия и Латвия (…) получили полную свободу, право распоряжаться самими собой и строить государство по своему собственному желанию».

Выдвижение в качестве требования «права на отделение» народов, завоеванных Россией, было практическим доказательством расхождения между целями революционеров и устремлениями панславистов. Панслависты – пером своего идеолога Николая Данилевского – одобряли завоевание «шляхетско-иезуитской» Польши и называли Польшу «Иудой славянского мира». Польша была выделена из совокупности славянских народов, которую воспевали панслависты, сокрушаясь о судьбе славян, страдающих под австрийским и турецким ярмом.

Результатом панславистской пропаганды стал славянский съезд в Москве (1857 г.). Именно тогда русские панслависты обратились к представителям славянских народов с воззванием «осуществить братское единение на славянской земле». Как Герцен, так и Бакунин резко осудили антипольские выступления на съезде и решительно дистанцировались от великодержавных и шовинистических лозунгов панславистов. Бакунин характеризовал панславизм как «идею настолько же чудовищную, насколько и опасную». «Правда, однако же, заключается в том, – писал он, – что многие из числа австрийских славян ожидают избавления и избавителя из Петербурга. Жуткая и при этом совершенно оправданная ненависть довела их до такого безумия, что они, забывая или просто не отдавая себе отчета в том, какие горести испытала Литва, Польша, Малоруссия и даже сам великорусский народ под ярмом московского и петербургского деспотизма, недеются, что наш всероссийско-царский кнут принесет им избавление». Под этими словами мог бы подписаться любой польский демократ.

Перевод с польского
Жанны Некрашевич-Короткой

Томас Бон

ДУДАРЬ И РАСКРАШЕННЫЕ ПТИЦЫ. ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ НА БОЛОТЕ*

1. Архипелаг Беларусь

В своих размышлениях о смысле белорусской истории я хотел бы обозначить метаморфозы, происходившие в пограничном регионе Центральной и Восточной Европы во время советской модернизации. Мы обсуждаем переходное пространство между Германией и Россией в более широком смысле или пограничную область проживания поляков и белорусов в более узком смысле. С этой точки зрения я рассматриваю лесистые и болотистые территории Подляшья и Полесья, для описания которых в зависимости от преобладающего контекста сторонние наблюдатели прибегали к различным терминам. В раннемодерный период эти территории представляли собой «сарматские ландшафты», в XIX в. «черту оседлости», а в XX в. – «кровавые земли». Обозначение «сарматские ландшафты» появилось благодаря метафоре поэта Иоганна Бобровского, использованной несколько лет назад публицистом Мартином Поллаком для названия сборника текстов молодых авторов из Литвы, Польши, Беларуси и Украины. Современные интеллектуалы разрабатывали идеологию шляхты в Речи Посполитой, обратившейся к образу древних сарматов для воспевания федерализма и свободы. Вспоминая события Второй мировой войны, Тимоти Снайдер недавно объявил территории бывшей еврейской черты оседлости в Российской империи «кровавыми землями». Дей-

* Доклад, прочитанный в рамках 3-го семинара по Беларуси под названием «Социалистическая модерность или коммунистический экоцид? Экологические катастрофы и локальные идентичности в Восточной Европе» в Университете им. Ю. Либиха, Гиссен, 5–6 декабря 2013 г.

ствительно, сталинский террор и принудительная коллективизация, а также нацистская оккупация и холокост стали причинами голода, депортаций и геноцида. В качестве мест памяти[1] «сарматские ландшафты» и «кровавые земли», на первый взгляд, совершенно не похожи друг на друга. Они конституируются романтической ностальгией и травматическими переживаниями.

Исчезновение таких сообществ, как польская шляхта, русские чиновники, еврейские торговцы и белорусские крестьяне, а также утрату культурной значимости литовцев и украинцев или татар и рома невозможно объяснить лишь ГУЛагом или холокостом, к этому также привели индустриализация и урбанизация, русификация и советизация. Трансформацию коренных жителей в советский народ или мутацию «тутэйшага»[2] в «гомо советикус» интересно рассмотреть в ретроспективе двух временных интервалов, пределы которых определяются ключевыми текстами. Первый временной интервал относится к событиям до Первой мировой войны и связан с рассказом Якуба Коласа (1882–1956), второй – освещает события Второй мировой войны и связан с романом Ежи Косиньского (1933–1991). Описательные дополнения к основным текстам предлагают взгляд на советскую историю, с одной стороны, в эпоху революционной культуры 1920-х гг., а с другой стороны, в период политической оттепели 1950-х гг.

Мой подход к истории Беларуси беллетристический. Я работаю с метафорами, чтобы соприкоснуться с таким явлением, как Беларусь. Название произведения Ивана Мележа (1921–1976) 1965 г. навеяло образ белорусов как «людей на болоте». Местом действия Мележ выбирает деревню на Полесье, «остров», окруженный болотами и изолированный от мира. Жители ведут традиционный образ жизни, который кажется писателю даже архаичным. Рой мошкары и бесчисленные змеи не дают насладиться солнечным светом. Лишь строительство деревянной плотины вселяет надежду на лучшее. При таком прочтении ландшафт представляется полиморфным архипелагом. Возможно, прошлое Беларуси окончательно сформируется как нечто большее, нежели сумма местных историй?

2. Сарматские ландшафты

Рассказ Якуба Коласа «Дударь» наполнен аллегориями с историей Беларуси. Константин Мицкевич (1882) – сын лесничего в хозяйстве на юго-западе Минска. Псевдоним «Колас» указывает на крестьянские корни. До Первой мировой войны автор работал учителем и поддерживал белорусскую газету «Наша ніва», флагман белорусского национального движения. Рассказ «Дударь» 1906 г. был переиздан в 1921 г. в цикле «Казкі жыцьця»[3]. В 1928 г. Якуб Колас назначен заместителем президента Белорусской академии наук. В послевоенное время писатель, удостоенный множества наград, был отмечен политически – стал де-

путатом Верховного Совета СССР. Якуб Колас так и не успел оценить возможности десталинизации. Он умер в 1956 г.

Рассказ «Дударь» повествует о встрече трех братьев. У младшего брата самая горькая доля. Ему досталась неплодородная почва. Леса и болота отрезали его от мира. Одинокий, он находит успокоение лишь в печальных песнях, играя на дудке. В крестьянской одежде и лаптях, он совершенно не похож на своих братьев. Старший брат одет в костюм и туфли, произведенные современной швейной промышленностью, средний носит на фольклорный манер белые штаны и большую шляпу. Старший брат ведет беседу. Когда младшему брату выпадает возможность сказать пару слов, его тут же высмеивают за его язык. В итоге он оправдывается по-библейски, притчей: польский землевладелец («пан») запер дударя в темнице и потребовал от него играть. Если бы звуки долетели через стены, дударь получил бы право петь песни людям и делиться своими мыслями с миром. Конечно, снаружи невозможно было услышать и звука. Поэтому печальная мелодия была обречена умирать в полях, болотах и лесах. С этими словами младший брат попросил старших вместе бороться за счастье, но быть терпимыми к различным способам существования и формам артикуляции.

Кто эти три брата? Почему не упоминаются другие члены семьи? Первый брат олицетворяет интеллектуала, второй – казака, а третий – крестьянина. Они символизируют Россию, Украину и Беларусь. Что касается обозначений трех стран, вернее было бы говорить о трех сестрах. В пределах Империи по меньшей мере поляки и евреи должны были быть упомянуты среди прочих членов семьи. На их существование указывается лишь косвенно, когда говорится о землевладельце или его управляющем. В проекте нациестроительства сводная сестра, очевидно, не играет вообще никакой роли. Вместо таких вариантов, как дворянская республика или национальное государство, автор однозначно отдает предпочтение восточнославянской нуклеарной семье и проблематизирует в этом контексте исключительно пределы разнообразия коммуникации.

Кто этот дударь? Откуда он родом? Как зарабатывает себе на жизнь? Почему он причитает? Почему не пытается выйти из отчаянного положения? Дударь чувствует себя как дома не на украинском черноземе, а среди ландшафтов, отличительной чертой которых являются болота и леса вдоль реки Припять. Он ведет натуральное хозяйство и живет в условиях экономической отсталости. Царская власть и цензура не позволяют ему участвовать в принятии политических решений и общаться на родном языке. Для примирения с Богом и миром ему остается лишь печальная песня дудки и аскетичный образ жизни. В соответствии с интерпретацией детского и молодежного психолога из Швейцарии Хайнца Херцки дудка является мифологическим инструментом. Она запрещена церковью и органами государственной власти за магические звуки. Дудари «часто находились на социальном маргинесе, работали как тайные привер-

женцы музыки, как пересекающие границы в повседневной жизни». Белорусскую идентичность невозможно описать более точно.

В Средние века и в период ранней модерности происходит культурный импринтинг ландшафта благодаря Великому княжеству Литовскому и польской дворянской республике, а с конца XVIII в. благодаря царской и советской империи. Что касается традиций собственной государственности, независимая Республика Беларусь образца 1991 г. может рассматривать в качестве своего предшественника – помимо Белорусской Советской Социалистической Республики – только недолговечную Белорусскую Народную Республику (БНР) образца 1918 г. В этом отношении следует упомянуть исправленную редакцию рассказа «Дударь», которую Якуб Колас опубликовал в 1922 г. Дударь в данном случае представлен как народный трибун – целостная личность, способная «достучаться» до масс. В противостоянии с землевладельцем он обращается к законам природы. С помощью ветра звук дудки проникает через стены и долетает до людей. Они освобождают дударя и заключают в темницу землевладельца. Старшие братья более не упоминаются (здесь видно влияние Конституции Белорусской советской республики). Что касается равенства четырех языков – русского, польского, белорусского и идиша, – которое было отличительной чертой БССР в 20-х гг. XX в., Коласа можно критиковать за то, что он не упомянул этот важный аспект. В его концепции городской мир не имеет значения, поскольку этнические белорусы жили практически исключительно в деревне. В этот период в Беларуси еще существовала культура еврейского местечка. Поэтому, читая «Дударя», нельзя забывать образ другого музыканта, т.е. «Скрипача на крыше» Марка Шагала (1887–1985), воздающего должное родному Витебску.

3. Кровавые земли

Сюжет романа Ежи Косиньского «Раскрашенная птица», опубликованного в 1956 г. в США, основывается на судьбе мальчика, ушедшего в подполье в Восточных кресах Польши во время Второй мировой войны. Сначала американский читатель воспринял книгу как сугубо автобиографическую. Косиньский, тогда Йозеф Левинкопф, родился в 1933 г. в еврейской семье в г. Лодзи. После войны он изучал в родном городе социологию и историю. XX съезд партии и другие события, связанные с началом десталинизации, Косиньский застал, будучи аспирантом Польской академии наук в Москве. В 1957 г. он эмигрировал в США, там в первой половине 1960-х гг. опубликовал два социологических исследования под псевдонимом Джозеф Новак. Хотя его дважды избирали председателем P.E.N.-клуба США, Косиньский столкнулся с обвинениями в плагиате. В 1991 г. за несколько месяцев до распада Советского Союза он покончил жизнь самоубийством.

Роман «Раскрашенная птица» – это четырехлетняя одиссея маленького мальчика, отправленного после нападения Германии на Польшу в Восточные кресы и вынужденного в одиночку бороться изо дня в день за выживание. Из-за желтоватого оттенка кожи, темного цвета волос и черных глаз образованный польскоговорящий мальчик производит на жителей провинции впечатление еврея или рома – вопрос без ответа на протяжении всего повествования. Вихрь насилия, поглотивший мальчика, порожден архаичной деятельностью крестьян, влачащих жалкое существование в условиях анархии под германской оккупацией за пределами добра и зла. Очевидно, что Косиньский в сюрреалистической манере выворачивает переживания Второй мировой войны. Соответственно место вымышленного сюжета остается неясным, хотя в предисловии писатель дает достаточное количество подсказок, чтобы подтолкнуть осведомленного читателя к нужным выводам. Перед нами болота и леса Подляшья и Полесья, которые во время войн являлись частью Восточных кресов (Kresy wschodnie) Второй Польской республики, в то время как Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) претендовала на них как на «Западную Белоруссию». Жители этого отсталого в социально-экономическом плане региона понимали себя в рамках этнической и конфессиональной идентичности как «тутэйшых», что указывалось в ответах на вопрос об их происхождении в польских переписях населения 1921 и 1931 гг. В 1922 г. белорусский поэт Янка Купала (1882–1942) воздвиг «тутэйшым» в своей комедии с тем же названием своего рода памятник, несмотря на то что место действия переносится в столицу Минск, а главный герой на фоне вихрей войны раскрывается как политический оппортунист. Косиньский четко не выказывает своего отношения к местным жителям, но, вольно или невольно, очерняет их как необразованных деревенщин.

Метафора «раскрашенной птицы» вращается вокруг одного из персонажей романа – ловца птиц Леха, одиночки, чуждого условностям, стремящегося к свободной и ничем не ограниченной жизни. Лех ослеплен своей любовью к «глупой Людмиле», живущей в лесу и бесплатно предлагающей себя для утехи мужчинам из деревни. Однажды, когда Людмила, чье русское имя означает любовь к людям, пропадает на подозрительно долгое время, доведенный до отчаяния Лех, носитель имени праотца всех поляков, жертвует самым дорогим – заключенными в клетки птицами. Он раскрашивает их и изуверски выпускает одну за другой на волю. А потом наблюдает, как их растерзывают другие птицы. Загадка, скрытая в символах, достигает кульминации, когда несколько позднее обожаемую Людмилу зверски убивают женщины деревни.

Метафора «раскрашенной птицы» становится более ясной, если рассматривать ее в связи с опытом самого Косиньского. Суть автобиографичности заключается не столько в травматических переживаниях польских евреев, сколько с исследованиями, проведенными в период пребывания в Советском Союзе, например в тексте 1962 г. «Нет третьего пути». Под псевдонимом Джозефа Новака

Косиньский приводит результаты социологического исследования о взаимоотношениях индивидуума и коллектива в профессиональной рабочей группе. Он считает, что физический террор, на котором основывалось правление Сталина, после 1953 г. был заменен коллективными ограничениями. В этом контексте Косиньский приводит пример с журналисткой Варварой, которой не дают работать из-за того, что она «отклонилась от линии партии по культурным вопросам». Варвара в этой связи вспоминает детские переживания: группа ребят выкрасила воробья в красный цвет в надежде на то, что он понравится своим соплеменникам. Вместо этого серая стая по наитию атакует и убивает его. С этим событием Варвара сопоставляет собственную судьбу. Раскрашивание символизирует форму индивидуализма, стремление к свободе, которые рассматриваются как неуместные – невинный становится чужаком. Таким образом, «Раскрашенная птица» может быть прочитана как драматическая притча о советизации условий существования. Изоляция отклоняющихся от нормы и криминализация диссидентства пришли на смену массовому насилию сталинского периода.

Что связывает вымышленную историю «раскрашенной птицы» с реальной историей Восточной Польши и Западной Беларуси? Мир, населенный польской шляхтой, русскими чиновниками, еврейскими торговцами и белорусскими крестьянами, погиб в ходе принудительной коллективизации и сталинского террора, а также нацистской оккупации и холокоста. XX век представлял собой эпоху демографических катастроф – включая воссоединение БССР с Кресами в начале Второй мировой войны и чернобыльскую катастрофу. Более того, социально-экономическая трансформация после войны создала новый облик Беларуси. В результате ускоренной урбанизации за два десятилетия аграрная страна превратилась в индустриальное государство. Последствиями социалистической модернизации и культурной советизации стали русификация родного языка и отказ от белорусской идентичности. В дебатах о «тутэйшых» постоянно поднимается вопрос о том, имеют ли белорусы дефектное национальное сознание. С развитием особого языкового явления на границе русского и белорусского языков (*трасянки*) после Второй мировой войны – «языка», выросшего в деревне, но сформировавшегося в городском мире, этот вопрос приобрел новое звучание. На этом фоне метафора «раскрашенной птицы» символизирует метаморфозы сообщества самодостаточных «тутэйшых» в виде конформистских «гомо советикус».

4. Болота

С конца XIX в. до Второй мировой войны люди в социально-экономическом регионе Подляшья и Полесья определяли себя как «тутэйшыя». Терминологические конструкты исторических ландшафтов, которые можно обнаружить в литовских мифах, или девиз «Республика партизан» были искусственными.

Несколько грубее, но верно описал в 1931 г. область своей бывшей деревни в районе г. Слуцка как «болота центральной России» американский славист и журналист белорусско-еврейского происхождения Морис Хиндус (1891–1969). Вдохновленный состраданием к безграмотным простолюдинам и уважением к первым достижениям советской модерности, он упомянул школу, детский сад и пожарную команду как диссонирующие с образами в его воспоминаниях. Во времена его детства ритм дня определялся доением коровы в стойле и лаем собаки во дворе. Сохранилось ли что-либо от этой сомнительной идиллии после принудительной советской коллективизации?

Белорусский философ Валентин Акудович в эссе «Код адсутнасьці»[4] объявил изменения в ландшафте в результате освоения земель и исчезновения деревень событиями апокалиптического значения. Помимо Национального парка «Беловежская пуща» и чернобыльской катастрофы в список для исследования мы включаем осушение болот как задачу исторического исследования и политического действия. Что касается исчезающих сообществ, Восточная Европа представляет собой ряд поразительных явлений. В этом отношении западные средства массовой информации недооценили регион, известный лишь как «последняя диктатура Европы». Например, следует упомянуть, что миф о партизанах, происходящий из советской эпохи, в андеграунде Республики Беларусь употребляется как выражение культурной революции и подчеркивает европейские черты страны. Очевидно, что настала пора дударям и раскрашенным птицам завладеть сценой.

Перевод с английского
Константина Ткачёва

Примечания

1 Понятие, введенное французским ученым Пьером Нора; символический элемент наследия национальной памяти.

2 Местный (бел.) – эндоэтноним части белорусского крестьянства в конце XIX – начале XX в.

3 Сказки жизни (бел.).

4 Код отсутствия (бел.).

Завтра: начало нового века

Лидия Семенова

ИМИДЖЕЛОГИЯ XXI в. В ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОМ РЕГИОНЕ

Abstracts

This article examines the current state of image studies in Eastern Europe. It reviews the work of professional associations. The article provides examples of research practitioners in Russia, Belarus and Ukraine.

Keywords: image studies, Academy of Image Studies, the image of the Republic of Belarus.

Проблема формирования имиджа является одной из наиболее актуальных проблем современности, так как увеличивает паблицитный капитал субъекта, приводит к успеху предприятие, его товар или человека. Имидж и репутация становятся очень ценными активами предприятия и персоны.

Понятие «имидж» вошло в оборот в XX в. в сфере предпринимательства как средство психологического воздействия на потребителя, использовалось в коммерческой рекламе для дифференциации товаров и имело довольно узкий смысл. В активный лексикон понятие «имидж» вошло из журналистской практики 1960-х гг., где применялось для акцентирования внимания на сценическом образе популярных музыкантов. Позже имидж прочно вошел в политическую и общественную жизнь. В первых работах 1970-х гг. имидж рассматривали на примере США как средство манипулирования массовым сознанием. С 1990-х гг. имидж стал предметом повышенного общественного внимания в связи с новыми социально-экономическими условиями жизни общества.

В последнее десятилетие произошло организационное статуирование имиджелогии. Многие организации осуществляют практическую деятельность в сфере имиджмейкинга.

Во многих вузах читаются курсы имиджелогии, где будущие специалисты учатся формировать позитивный имидж, разрабатывают имиджевые стратегии. Предметом изучения становится имидж в различных сферах: политике, бизнесе, шоу-бизнесе, спорте, культуре, образовании и др. В последние годы созданием позитивного имиджа озабочены многие регионы и страны. Проанализируем ситуацию в сфере современной имиджелогии в России, Беларуси и Украине.

Многочисленные и многоплановые работы в области имиджа привели к необходимости создания профессиональных объединений: Лиге профессиональных имиджмейкеров (ЛПИ) и Академии имиджелогии (АИМ) в России, Международного союза имиджмейкеров в Украине (МСИ), Международной независимой ассоциации имиджмейкеров (IIAIM), Международной федерации имидж-профессионалов (FIPI), Международной ассоциации специалистов по имиджу (IASI) и др.

Лига профессиональных имиджмейкеров была основана в 1998 г. в Москве. ЛПИ занимается созданием корпоративного, персонального, политического имиджа, а также подготовкой имиджмейкеров и консультантов в этой сфере. Президентом стал Виктор Максимович Шепель – доктор философских наук, профессор Педагогической академии последипломного образования, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ. Он является создателем дисциплины «имиджелогия» и разработчиком четырех научно-исследовательских направлений: менталитетологии, управленческой антропологии, имиджелогии, ортобиотики.

По инициативе ученых РФ в 2001 г. создана Академия имиджелогии – научная академия, объединяющая 140 высокопрофессиональных специалистов (академиков и членов-корреспондентов с учеными степенями и званиями), работающих в области проблем имиджа. Президентом избрана доктор психологических наук, профессор РГСУ Е.А. Петрова. Членами АИМ являются представители различных областей знаний: философии, психологии, экономики, социологии, истории, педагогики, костюмологии и др.

АИМ определила ряд задач, связанных с интеграцией всех специалистов, осуществляющих фундаментальные и научно-прикладные разработки в данной области, приданием имиджелогии статуса научной дисциплины в рамках устоявшегося и принятого ВАК научного направления. В работе АИМ предусмотрены и международное сотрудничество, обмен опытом и информацией между специалистами в области имиджелогии.

За период своего существования АИМ провела по своей инициативе одиннадцать международных симпозиумов на территории России, Украины, Беларуси.

Так, например, после симпозиума в Москве в 2005 г. прошел постсимпозиум по имиджелогии в Украине на базе Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, где ученые из России и Украины знакомились, презенто-

вали результаты своих исследований, проведенных в русле имиджелогии, обменивались монографиями и книгами, обсуждали актуальные проблемы межгосударственного интеллектуального сотрудничества.

От имени Одесского национального университета участников постсимпозиума приветствовал проректор доктор юридических наук, профессор Е.Л. Стрельцов, который рассказал собравшимся об имиджелогических проектах, реализованных в университете. В рамках пленарных заседаний были представлены научные доклады: Президента Академии имиджелогии доктора психологических наук, профессора Е.А. Петровой «Имидж и его изучение в современной науке», академика АИМ, заведующего кафедрой общей и социальной психологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова доктора социологических наук, профессора В.И. Подшивалкиной «Социо-технологические проблемы конструирования и поддержания имиджа», академика АИМ доктора психологических наук, профессора Н.Л. Карповой «Имиджелогия – это серьезно», доктора психологических наук, профессора Б.И. Цуканова на тему «Психология времени и проблема имиджа».

Значительное внимание собравшиеся уделили не только теоретическим и методологическим проблемам науки, но и новейшим практическим технологиям персональной и профессиональной имиджелогии. С большим интересом присутствующие поучаствовали в видеотренинге члена-корреспондента АИМ О.А. Пикулевой «Тактики и стратегии самопрезентации личности», прониклись проблемами формирования коммуникативного имиджа заикающейся личности на мастер-классе академика АИМ Н.Л. Карповой «Логопсихотерапия», приняли участие в мастер-классе члена-корреспондента АИМ Н.А. Коробцевой «Нужен ли вам имидж-консультант», кандидата педагогических наук, доцента В.Г. Горчаковой «Ваш новый имидж, или глубинное имиджирование» и других мастер-классах и деловых играх.

Свои научные работы презентовали участникам постсимпозиума выпускники, аспиранты и докторанты ведущих украинских вузов – Киевского национального университета технологии и дизайна, Одесского национального университета им. И.И. Мечникова: Е.С. Алексенцева «Профессиональная самопрезентация: особенности построения», С. Суббота «Влияние телесного образа на формирование имиджа», кандидат психологических наук, доцент Е.С. Язвенская «Позитивное самоотношение как необходимое условие в формировании имиджа», кандидат психологических наук, доцент В.Н. Буганова «Имидж психолога-консультанта», кандидат философских наук, доцент Н.В. Сапрыгина «Самопрезентация в диалоге», кандидат психологических наук, доцент О.В. Яремчук «Мифологический компонент ментальности в создании системы культурной презентации этноса в условиях глобализации», кандидат социологических наук, доцент Т.Г. Каменская «Имиджмейкинг и процесс виртуализации социальной реальности», О.В. Петкова «Имидж-технологии как элемент международно-по-

литического информационного пространства», В. Манева «Зависимость типа предпочитаемой одежды от акцентуации характера».

Постсимпозиум показал, что имиджелогическая проблематика активно развивается как в России, так и в Украине, а ученые обеих стран готовы к плодотворному сотрудничеству.

В 2006 г. в работе симпозиума в Москве приняли участие 220 человек из России и стран ближнего зарубежья – Беларуси, Украины и Казахстана. Симпозиум был посвящен теоретико-методологическим вопросам развития социального имиджмейкинга, теории и практике профессионального и персонального имиджмейкинга, а также современным технологиям имиджмейкинга в бизнесе, маркетинге и рекламе.

Наибольший интерес участников вызвали доклады Президента АИМ профессора Е.А. Петровой «Имидж страны в зеркале социального имиджмейкинга»; академика АИМ, доктора экономических наук, профессора РАГС А.П. Панкрухина «Методологические проблемы имиджелогии»; академика АИМ доктора психологических наук, профессора Л.Г. Лаптева «Имиджмейкинг в структуре политической имиджелогии»; доктора психологических наук, профессора Т.И. Пашуковой «Имидж Украины в представлении украинских студентов в условиях политических изменений», а также выступление «Имидж лидера: персональный и корпоративный форматы» руководителя Международного союза имиджмейкеров (Украина) Л.В. Борщ.

С большим интересом присутствующие приняли участие в работе дискуссионного клуба члена-корреспондента АИМ Е.В. Володарской, на котором участники обсудили французскую концепцию социальных представлений как методологическую основу изучения имиджа.

Материалы IV Международного симпозиума свидетельствуют о расширении предметного поля исследований и формировании наиболее глубокого интереса ученых в зоне профессионального, социального имиджмейкинга.

В этом же году в Минске состоялся второй постсимпозиум «Имиджелогия-2006», организованный Академией имиджелогии на базе Академии последипломного образования (АПО) Республики Беларусь – центра образования, научной и методической работы, ведущего учебного заведения в системе повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров в национальной системе образования Беларуси.

Делегацию АИМ в Минске встретили академик АИМ, декан факультета психологии АПО Владимир Александрович Янчук и член-корреспондент АИМ, доцент кафедры психологии РГСУ (филиал в Минске) Надежда Евгеньевна Антипова. Целями этого постсимпозиума были: стремление поделиться результатами исследований в области имиджелогии в России и Беларуси, выявить точки соприкосновения, проблемные аспекты имиджа, вызывающие взаимный интерес у предста-

вителей двух государств, и наладить более тесные контакты между российскими и белорусскими имиджеологами для дальнейшего плодотворного сотрудничества.

Участники постсимпозиума прослушали доклады академика АИМ Е.А. Петровой «О развитии имиджелогии в России», академика АИМ А.П. Панкрухина «Имидж и маркетинг территории», члена-корреспондента АИМ Е.А. Володарской «Имидж науки» и академика АИМ В.А. Янчука «О формировании Белорусского отделения АИМ». В тот же день Белорусское отделение АИМ пополнилось новым академиком – диплом вручили Олегу Игнатьевичу Тавгеню, доктору физико-математических наук, профессору, ректору АПО.

На круглом столе «Развитие имиджелогии: перспективы сотрудничества России и Белоруссии», организованном в Институте общественных связей (Institute of Public Relations) – консалтинговой компании, оказывающей широкий спектр услуг в области PR и смежных маркетинговых коммуникаций, прошла дискуссия. В обсуждении актуальных вопросов, кроме делегации Академии имиджелогии, приняли участие: председатель Совета IPR И.Н. Соколов, директор Центра системных бизнес-технологий кандидат психологических наук Жанна Гринюк, профессор философии, автор и стилист проектов Международного центра творчества, красоты и таланта «Водолей» Екатерина Пашкевич. Обсуждались такие аспекты, как имидж города, имидж товаров, пути взаимного развития этих и других имиджелогических направлений.

Постсимпозиум в Минске показал развитие имиджелогии на современном этапе и перспективность дальнейшего сотрудничества профессионалов двух стран.

Специалисты в области имиджа Восточной Европы постоянно обмениваются опытом, повышают свою квалификацию, объединяются для совместных проектов. Так, в симпозиуме в Москве в 2009 г. участвовало 156 делегатов из России, Украины, Беларуси, Казахстана, Латвии, Эстонии, Молдовы, Польши и Грузии.

Последние годы актуальной стала тема изучения и формирования имиджа стран. В 2009 г. при Президенте РФ создан Национальный институт имиджевой политики, целью которого стало формирование положительного имиджа России в стране и за рубежом. Исследованием и формированием имиджа Республики Беларусь также активно занимаются специалисты. Анатолий Акантинов – генеральный директор Центра стратегического развития «Маркетинговые системы» (Минск) – в своей статье «Имидж Республики Беларусь: проблемы и возможности» пишет, что имидж Беларуси состоит из множества составляющих исторического наследия, спортивных достижений, экспортной составляющей, политических действий, ментальности нации. Но, к сожалению, образ Беларуси носит больше стихийный характер и слабо поддается управлению, так как отсутствует четкое позиционирование страны (Акантинов 2012).

В интернет-опросе, как указывает автор, на ведущем портале в ноябре 2010 г. белорусы высказались, что имидж страны включает в себя природу (так думают

27% из 9529 опрошенных), мнение внешнего мира (19%), граждан страны (9%). Белорусы в большинстве своем считают, что Беларусь – это транзитная страна (51% из 4538 участников опроса), потом – интеллектуальная (33%) и туристическая (10%). Это то, как осознают сегодня себя жители страны, но какой воспринимают Беларусь за ее пределами – сказать сложно. Можно только предполагать, что это – страна картофеля, молока, трактора «Беларус», Беловежской пущи и т.д. (Акантинов 2012).

А. Акантинов приводит мнение некоторых зарубежных экспертов. Например, Сеппо Райнисто – генеральный директор компании «Meritleader» (Финляндия), признанный авторитет в территориальном маркетинге и брендинге, советник по вопросам территориального брендинга во многих городах, регионах и общинах, автор статей и книг пишет: «В общем, большинство людей не интересуются активными поисками информации о зарубежных странах. Для меня имидж Беларуси очень слаб и связан с <...> СССР, <...> спортом, Лукашенко и выборами! [Имидж этой страны включает также такие характеристики, как] слабая демократия, проблемы с правами человека, смертная казнь (единственная страна в Европе), газовая война с Россией, провалившиеся пилотные программы с Евросоюзом. [Беларусь имеет] неясный бренд-профиль. Не понятно, в чем зацепка – где основная особенность (индивидуальность)? Почему я никогда не рассматривал Беларусь как место для туризма?» (Акантинов 2012).

Майки Айтель, владелица компании «IdentityLab», читает лекции по бренд-менеджменту и моделям построения индивидуальности, одна из основателей ассоциации «Place Branding & Public Diplomacy», автор множества статей, так оценивает Беларусь:

– географически находится близко, но ассоциируется с чем-то далеким и неизвестным;

– авторитарное правление / нелиберальная демократия;

– жертва германской агрессии / смелое и активное движение сопротивления;

– близко расположена к России / русская культура, но в чем-то отличная от нее;

– страдает (находится под воздействием) от чернобыльской катастрофы;

– обширные территории, покрытые болотами;

– старые (б/у) автомобили / производство тракторов (Акантинов 2012).

А. Акантинов делает вывод, что при отсутствии позиционирования страны построение имиджа более эффективно и безопасно, если он будет создаваться поэлементно: имидж городов, имидж событий, имидж экспорта, политический имидж и т.д. (Акантинов 2012).

Одной из важных составляющих имиджа Беларуси является восприятие внешним миром экспортной продукции страны. В стране это такие бренды, как корсетное белье «Милавица», газовые плиты «Гефест», молочная продукция

«Савушкин продукт», автомобиль МАЗ, трактор «Беларус» и др. Еще одним элементом имиджа страны является природный ресурс Беларуси, который она реализовывает через санаторный отдых и создание системы сельского туризма.

Учитывая транзитное месторасположение Беларуси, можно эффективно использовать и эту составляющую имиджа страны. Например, выгодно создавать производства, так как экономятся ресурсы на логистику, это территория мероприятий, т.е. международных событий, это территория, где создаются высокоинтеллектуальные разработки, используется человеческий потенциал и т.д.

Беларусь находится в поисках своего позиционирования, в этом процессе уже проявляет активность Администрация Президента Республики Беларусь. Многие министерства и областные органы государственного управления также начинают задумываться об имидже своей отрасли или региона – резюмирует автор (Акантинов 2012).

Наряду с формированием имиджа страны в Беларуси ведутся имиджевые разработки и другого плана: Н.В. Трус (Минск) «Образ поэта М. Богдановича: динамика и восприятие»; А.Н. Стебурако (Минск) «Разновременное и разнонациональное постижение исторической личности»; Н.Е. Антипова (Минск) «Имидж как след травмы на жизненном пути» (приводятся результаты не только теоретических, но и эмпирических исследований и доказывается, что травма поразному влияет на выбор имиджа на жизненном пути субъекта).

В 2012 г. Ю.Г. Лейни (Минск) представил исследование «Создание привлекательного имиджа территории на основе потребительских мотивов». Он утверждает, что в зависимости от территории проживания жилье выполняет различные функции, что следует учитывать при создании имиджа территории (Лейни 2012: 216–221). В этом же году И.Ю. Чернявская (Минск) пишет о психологических характеристиках самоотношения у женщин при изменении внешности. Проведя такое исследование, она делает вывод, что у женщин после пластической операции повышается самоуважение, аутосимпатия, самоуверенность, самоценность, самопринятие и понижается внутренняя конфликтность, самообвинение (Чернявская 2012: 425–430).

Интересным событием в январе – феврале 2013 г. можно назвать Международную научно-практическую конференцию «Экология, имидж, здоровье», прошедшую в Минске. Мероприятие проводилось совместно с Академией имиджелогии. В Белорусской медицинской академии последипломного образования (БелМАПО) шли обсуждение и разработка нового научного направления в имиджелогии – медицинской имиджелогии. Конференцию открыли первый заместитель министра здравоохранения Республики Беларусь Д.Л. Пиневич, ректор БелМАПО Ю.Е. Демидчик и проректор Т.В. Калинина.

В рамках пленарных заседаний прозвучало много докладов и интереснейших мастер-классов, например доклад члена-корреспондента АИМ Д.А. Смыслова «Имидж в почерке. Диагностика личности по почерку и подписи», мастер-класс

академика АИМ Л.А. Соколовой-Сербской «Мода и стиль в имидже. Современные направления 2013–2014», доклад стоматолога-ортопеда высшей категории, сотрудника кафедры детской стоматологии БелМАПО И.Н. Барадиной «Влияние имиджа врача на мотивацию процесса адаптации съемных конструкций лечебных аппаратов, применяемых при лечении парафункций жевательных мышц», а также выступление кандидата медицинских наук из Санкт-Петербурга С.В. Михальчика «Здоровье и имидж», основанное на собственной методике диагностики по фотографическим изображениям не только здоровья, но и эффективного межличностного взаимодействия. Прозвучали и другие интересные выступления, дискуссии и обсуждения в форме круглых столов по интересам.

В Украине проблемами имиджа активно занимаются теоретики и практики еще с конца XX в. (Г.Г. Почепцов, В.А. Моисеев, В.Г. Королько и др.). На рубеже XXI в. создан Международный союз имиджмейкеров (МСИ) – это профессиональное сообщество имиджмейкеров-практиков, первым генеральным директором которого была Любовь Васильевна Борщ, а затем – Антон Иванович Саввов. А.И. Саввов – политтехнолог, родоначальник первых в Украине PR-концепций, имиджевых проектов и программ. Президент Восточно-Украинской академии бизнеса, вице-президент Международного союза имиджмейкеров, директор департамента имиджевых стратегий Международного конгресса промышленников и предпринимателей, доктор философии, заслуженный журналист Украины.

Начиная с 2001 г. МСИ ежегодно в Киеве организует научно-практические конференции «От лидера-личности к государству-лидеру». Принята к реализации национальная имиджевая программа «Лидеры XXI столетия», которая является результатом деятельности Ассамблеи деловых кругов Украины.

В 2007 г. Л. Борщ и А. Саввов (Киев) пишут статью «Имидж лидера организации и социальный климат в коллективе», в которой большое внимание уделяют лидерским силам и объясняют, почему Международный союз имиджмейкеров и Ассамблея деловых кругов – общественный национальный комитет кадров – вносят кандидатуры лидеров для властных структур как достойный резерв претендентов на ключевые должности и рекомендуют их для избрания в парламент страны (Борщ, Саввов 2007: 80–83).

В Украине на сегодняшний день сделано много разработок персональных имиджевых стратегий представителей современной деловой, научной и творческой элиты, корпоративных имиджей предприятий, перспективных городов, регионов и др.

Вопросами имиджа занимаются: академик, доцент Института журналистики Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко, член правления Союза рекламистов Украины, координатор Международной ассоциации имиджмейкеров Вадим Бугрим; руководитель Высшей школы рекламы, имиджмейкинга и пиара Виктор Федорович Рыбаченко, который является вице-пре-

зидентом Ассоциации политических психологов Украины, членом правления Союза рекламистов Украины, членом Координационного совета Международного союза имиджмейкеров, заведующим корпунктом в Украине американской украинской газеты «Час і Події».

В 2007 г. проведено исследование К.В. Курочкиной (Одесса) «Элементы карнавала и маскарада в имиджах современных политиков (на примерах рассмотрения имиджей Юлии Тимошенко и Владимира Жириновского) о «карнавальном» и «маскарадном» типах имиджа. В 2008 г. она пишет статью «Гламур как технология конструирования имиджа в современной культуре», где утверждает, что гламур как технология имиджирования выступает гарантом коммерческого и массового признания и дает простые алгоритмы достижения успеха в мире моды (Курочкина 2008: 271–283). В 2011 г. Н.В. Барна (Киев) представляет исследование в области геополитической имиджелогии на тему «Ментально-стилевые особенности в формировании имидж-образа города Киева сегодня», а в 2012 г. выступает с докладом «Имидж-технологии как фактор развития современных арт-практик», где говорит о современном имиджмейкинге в художественном творчестве и трактует суть этих технологий как управление, интегрирующее мотивационную составляющую деятельности в систему, опирающуюся на эмоциональные и интеллектуальные ресурсы людей (Барна 2012: 43–47).

В 2008 г. Ю.Г. Вешнинский (Москва) публикует исследование о поляризованности имиджей украинских городов, в котором он рассматривает результаты социологических опросов (1978–2001) о городах Украины (Вешнинский 2008: 6–9).

Международная ассоциация специалистов по имиджу (IASI), президентом которой является Ирина Сохина – преподаватель по имиджу на кафедре рекламы РУДН и в школе стилистов «Персона», также объединяет специалистов-практиков, проводит различные исследования и мероприятия. Так, на одном из форумов «Имидж персоны и компании с разных сторон» в Тольятти были обсуждены профессиональные перспективы имиджмейкеров, которые поделились новой информацией и практическим опытом, наладили конструктивный рабочий диалог между специалистами по имиджу в разных областях. Участники форума прибывали из разных городов и стран. В общей сложности в мероприятии приняли участие более 200 человек.

Стоит также отметить тот факт, что в последние годы проведено множество серьезных исследований имиджелогического профиля, по результатам которых защищены 52 кандидатские и 4 докторские диссертации.

Проанализировав состояние современной имиджелогии в Восточно-Европейском регионе, можно сделать вывод о становлении и развитии этой дисциплины как новой области социального знания. Объединение и сотрудничество профессионалов разных стран свидетельствует о повышении внимания к имиджу как социально-психологическому феномену, об увеличении разносторонних практических проектов и усилении международных контактов.

Литература

Акантинов, А. Имидж Республики Беларусь: проблемы и возможности // Имиджелогия – 2012: драйвер развития. Материалы десятого Международного симпозиума по имиджелогии. М.: РИЦ АИМ, 2012. С. 41–42.

Антипова, Н.Е. Имидж как след травмы на жизненном пути // Имиджелогия – 2008: имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности. Материалы Шестого Международного симпозиума по имиджелогии. М.: РИЦ АИМ, 2008. С. 205–210.

Барна, Н.В. Имидж-технологии как фактор развития современных арт-практик // Имиджелогия – 2012: драйвер развития. Материалы десятого Международного симпозиума по имиджелогии. М.: РИЦ АИМ, 2012. С. 43–47.

Борщ, Л., Саввов, А. Имидж лидера организации и социальный климат в коллективе // Имиджелогия – 2007: имидж как феномен современной цивилизации. Материалы Пятого Международного симпозиума по имиджелогии. М.: РИЦ АИМ, 2007. С. 80–83.

Вешнинский, Ю.Г. Поляризованность имиджей украинских городов // Имиджелогия – 2008: имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности. Материалы Шестого Международного симпозиума по имиджелогии. М.: РИЦ АИМ, 2008. С. 6–9.

Курочкина, К.В. «Гламур» как технология конструирования имиджа в современной культуре // Имиджелогия – 2008: имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности. Материалы Шестого Международного симпозиума по имиджелогии. М.: РИЦ АИМ, 2008. С. 271–283.

Лейни, Ю.Г. Создание привлекательного имиджа территории на основе потребительских мотивов // Имиджелогия – 2012: драйвер развития. Материалы десятого Международного симпозиума по имиджелогии. М.: РИЦ АИМ, 2012. С. 216–221.

Чернявская, И.Ю. Психологические характеристики самоотношения у женщин при изменении внешности // Имиджелогия – 2012: драйвер развития. Материалы десятого Международного симпозиума по имиджелогии. М.: РИЦ АИМ, 2012. С. 425–430.

Олена Панич

ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СООБЩЕСТВО В УКРАИНЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.: РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Abstract

The article analyzes the development of Evangelical Christian Baptists in post-Soviet Ukraine. There were two opposite trends, innovative and conservative. The former was caused by political changes, the fall of the Soviet atheistic regime with its repressions against church, and new opportunities for institutional development (e.g., building of new churches, launch of various religious activities, and expansion of religious education). The latter was visible in the attempts to separate the church from the "world" and foster specific "holiness". "Western society", "liberal morals" and "alien theology" replaced Soviet atheistic authorities and society as potential sources of negative influence upon the church. The religious identity of believers obtained two new dimensions, national and global. The question of "the national church" became very acute in independent Ukraine. Evangelical Christian Baptists, being a religious minority, were generally indifferent to the development of national culture. Instead they strove to establish and strengthen contacts with co-believers abroad. As the missionary work and emigration grew up, their connections and structure became more global. At the same time, this religious tradition gained deeper legitimacy in the local Ukrainian culture due to the emerging discourse of collective memory (including comprehensive research on the history of Evangelical Christian Baptists in Ukraine and the former Russian empire). Historical narratives described the origin of this confession, key events in its history, persecutions and repressions against believers at different times. Faith heroes became important characters in historical narrations and memoires.

Keywords: Ukraine, Evangelical Christian Baptists, religious tradition, globalism, religious education, collective memory.

Евангельские христиане-баптисты – одно из более ста конфессиональных направлений в Украине (Колодний 2005: 330–334). Они принадлежат к религиозным меньшинствам, однако составляют доминирующую часть довольно стабильного протестантского сегмента в украинском обществе и имеют свою историю как деноминация. Традиция евангельских христиан-баптистов начала формироваться еще в Российской империи второй половины XIX в. Организационная структура конфессии кристаллизовалось после Второй мировой войны во времена «научного атеизма» и форсированной государственной секуляризации общества (Froese 2008). Определенный багаж коллективного опыта, приобретенного в советские времена, во многом повлиял на положение евангельско-баптистского сообщества в постсоветском пространстве.

К концу советского периода евангельские христиане-баптисты представляли собой сплоченную религиозную группу со своей религиозной культурой или субкультурой, символами и маркерами коллективной идентичности, паттернами религиозного поведения и механизмами поддерживания сплоченности и солидарности внутри группы. Их можно было во многом считать группой сектантского типа в веберовском смысле, потому что привычка считать «внешний мир атеистов» реально или потенциально вражеским актуализировала у них протестную ментальность (Черенков 2011; Панич 2013).

Характерным был также акцент на морально-этических аспектах веры. В советское время стало обычаем определять «верующих баптистов» как таких, которые «не пьют», «не курят», «не воруют» и пр. (Черенков 2011). С помощью коллективного морально-этического облика они добивались определенного уважения в обществе и привлекали в свои ряды новых адептов (Wanner 2003). Члены группы воспринимали свою связь с единоверцами как духовно-мистическую. В этом смысле сообщество евангельских христиан-баптистов можно считать «воображаемым сообществом». Групповой солидарности содействовали религиозные практики в виде еженедельных богослужений, чтения Библии, пения псалмов и духовных песен, а также присутствие особых смыслов и символов, которые вкладывались в определенные слова или формы поведения.

Переходный период первого двадцатилетия после распада СССР стал временем вызовов для этого религиозного сообщества, в частности для его внутренней консолидации и особенно гомогенной субкультуры, которая постепенно начала трансформироваться. В этом смысле постсоветский опыт конфессии является очень интересным для исследования и историко-религиоведческого анализа. Надо сказать, экзистенциальный опыт переосмысления своей коллективной идентичности стал опытом культурной травмы (Stompka 2004). Анализируя его, мы сможем увидеть наглядный пример тому, как религиозная группа использует свой потенциал для приспособления к новым условиям жизни, переоценки прошлого и нахождения своего места в современном обществе.

Цель этой статьи – показать процессы, которые происходили в развитии сообщества евангельских христиан-баптистов в Украине в 1990-е – 2000-е гг., культурные вызовы, с которыми столкнулись его представители, и ответы, которые им удалось найти.

Отметим, что тема украинского баптизма, его религиозной культуры и развития в постсоветский период еще нова и мало изучена. Распространены исследования баптизма в контексте других протестантских конфессий, религиозных меньшинств с акцентом на статистике и общих тенденциях духовно-религиозной жизни в Украине. К наиболее авторитетным авторам в этой сфере принадлежат В. Еленский (Yelensky 2010), В. Любащенко (Любащенко 1995), А. Колодный (Колодний 2005), П. Яроцкий (Протестантизм, 2002). Украинские религиоведы С. Санников, Ю. Решетников (Санніков, Решетніков 2000), специализирующиеся на истории украинского баптизма, рассматривают его с конфессиональной точки зрения, концентрируясь на ключевых событиях истории. Вопросам коллективной идентичности баптистской деноминации уделяет особое внимание М. Черенков (Черенков 2012). Заметным специалистом по истории баптизма в бывшем СССР стал американский автор В. Заватский (Sawatsky 1981; 1992). В последнее время украинский баптизм стал интересен также американским социологам, которые проводят интервью среди верующих и анализируют модели их поведения, мотивации, отношения. К наиболее заметным специалистам в этой сфере можно отнести К. Ваннер и Е. Лонг (Wanner 2007; Long 2005).

Существует значительный пласт первоисточников, дающих довольно целостное представление о баптистском сообществе: материалы самих церквей, документы, религиозная литература и пресса, а также социологические опросы, статистика Комитета по делам религий (с 2010 г. – отдела по делам религий при Министерстве культуры Украины). Особым источником, ставшим доступным для автора статьи, стали интервью со служителями и верующими, а также личные наблюдения.

Данная статья состоит из нескольких разделов, в которых освещаются такие вопросы, как исторические предпосылки баптизма в Украине, евангельско-баптистские церкви и украинское государство после падения советского режима, повседневная жизнь поместных общин, вызовы глобализма, религиозное образование, коллективная память евангельско-баптистского сообщества.

Следует сказать, что название «евангельские христиане-баптисты» имеет свое историческое происхождение, о котором ниже будет сказано подробнее. Оно связано со слиянием двух конфессий – баптистов и евангельских христиан. В этой статье я употребляю слово «баптисты» как синоним евангельско-баптистского движения, но этот термин нужно понимать в контексте общего названия.

Исторические предпосылки

Евангельские христиане-баптисты появились на территории Российской империи во второй половине XIX в. в виде двух отдельных религиозных движений – евангельских христиан и баптистов. Юг Украины был одним из трех очагов зарождения баптистского течения. Почти одновременно баптизм появился также на Кавказе, а евангельские христиане – в Санкт-Петербурге. Украинский баптизм стал конфессионально оформленным результатом народного движения в среде православных крестьян – штундизма (от нем. Bibel Stunden – библейские часы). В данном названии отразилось заимствование участниками этого движения практики библейских уроков от немецких меннонитов, которые проживали на этих территориях. Поскольку украинские крестьяне считались неотъемлемой частью православного «русского народа», то «чужая немецкая вера», которую они усваивали, расценивалась государственной властью Российской империи как «опасная секта». Это приводило к тому, что их преследовали, ссылали и ограничивали в правах. Со временем штундистов окончательно переименовали в баптистов (Савинский 2001: 193–213).

Баптизм был достаточно привлекательным для крестьян по ряду причин. Он обеспечил им своего рода культурную автономию, дал возможность почувствовать себя самостоятельными в выборе своей веры и формировании отдельного религиозного сообщества. В силу своей общинной природы он стал площадкой развития личной предприимчивости и социальной инициативы. Баптизм в значительной степени отразил обострившуюся на тот момент в обществе необходимость в образовании, просвещении, а также содействовал распространению грамотности. Его богословие основывалось на рационалистических интерпретациях Священного Писания. Поэтому многие украинские крестьяне, бывшие крепостные, уже во взрослом возрасте выучились читать, чтобы иметь возможность изучать и понимать Библию.

Штундо-баптизм, как и евангельское христианство, в Российской империи был не только и не столько движением протеста, духовного, политического или социального, как это часто бывает с новыми религиозными движениями, но движением личной ответственности, личной инициативы – движением гражданского общества. Он появился после либеральных реформ Александра II и достиг динамики на волне развития капиталистических отношений (Савинский 2001).

Активистская и гражданская сущность баптизма ярко проявилась также и в 1920-е гг., после революционных событий в России и создания СССР. В это время репрессии по отношению к баптистам временно прекратились. Канадская исследовательница Хезер Колман отмечала, что во время большевистской «культурной революции» середины 1920-х гг. баптисты и евангельские христиане проявили себя в числе наиболее инициативных «строителей нового общества».

Среди них было распространено мнение, что ключевые идеи социализма (кроме атеизма) в целом близки христианской морали. Поэтому верующие проявляли активность в организации разного рода христианских коллективных хозяйств – коммун и артелей, которых в общей сложности было создано около ста двадцати (Coleman 2005: 175). Эти хозяйства не были долговечны, но стали довольно показательным и символическим явлением. Характерным было также желание создавать структуры, которые в определенной степени отражали общие тенденции реформирования общества. Например, кружки верующей молодежи, возникшие в начале 1920-х гг., получали названия «бапсомол», «христомол», «трезвомол» по аналогии с комсомолом.

1920-е гг. были периодом, который сами евангельские христиане-баптисты сегодня считают «золотым веком» своей истории. В это время их количество по всей территории СССР значительно выросло. По данным российского исследователя А. Синичкина, если в 1917 г. количество баптистов и евангельских христиан совместно составляло 200 тыс. человек, то в конце 1920-х гг. баптистов уже насчитывалось 400 тыс. (данные на 1926 г.), а евангельских христиан – 300 тыс. (1929 г.). Поскольку в церквях практиковалось формальное членство, то идет речь именно о членах поместных церквей – общин. Однако общая численность членов семей верующих во второй половине – конце 1920-х приблизительно оценивалась в 1,2 млн человек (Синичкин 2011:83).

Однако в 1930-е гг. евангельские верующие в числе многих других групп населения СССР пережили массовые репрессии. Были репрессированы почти все религиозные лидеры, большинство общин прекратили свое существование, по крайней мере официально. Из двух союзов как отдельная структура остался Союз евангельских христиан. Союз баптистов был расформирован.

Возрождение евангельско-баптистского движения, как и других конфессий в СССР, произошло в начале 1940-х – во время Второй мировой войны. В военное время роль церкви в жизни людей возросла. Государство перестало выискивать в религиозных организациях контрреволюционный потенциал и использовало мобилизационную способность церкви для воспитания патриотизма. Надо сказать, что эта же установка в той или иной мере сохранялась в отношениях государства и церкви и в послевоенное время.

Одновременно шел процесс постепенного подчинения церковных структур государственным за счет активного участия органов власти в формировании этих структур и усиления контроля над ними. В той или иной мере так происходило со всеми религиозными организациями в СССР. У баптистов и евангельских христиан эти процессы имели свои особенности. Так как данные конфессии были немногочисленными по сравнению с Русской Православной Церковью и родственны по характеру богословия и организации, они объединились в одну структуру – Союз евангельских христиан и баптистов (позже – евангельских христиан-баптистов). Объединение состоялось в 1944 г. Позже к этому союзу были

присоединены и другие протестантские деноминации и группы (Любащенко 1995). Такое упорядочивание «протестантского сектора» в СССР имело свои положительные стороны. Оно позволило различным религиозным группам активизировать свою деятельность и преодолеть изолированность, которой многие из них страдали. Со временем в деятельности этого объединения проявились и противоречия, объективно существовавшие в пределах каждой деноминации. Но «слияние» евангельских христиан и баптистов в одну конфессию послужило новым толчком в их развитии.

Влияние советского государства на протестантское религиозное сообщество привело к некоторым трансформациям в самом этом сообществе, в частности к ограничению свойственной баптистам демократии в устройстве церковной структуры. Например, съезды Союза евангельских христиан-баптистов были запрещены, а руководство осуществлялось единым органом – Всесоюзным Советом евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), состав которого менялся чрезвычайно редко. Традиционный автономный уклад поместных церквей-общин был изменен постоянным навязыванием «сверху» руководителей, пастырей и пресвитеров. Появился институт «старших пресвитеров», которые выполняли руководящие и контролирующие роли в регионах и сами находились под опекой государственных чиновников – областных уполномоченных по делам религий. Притеснения верующих возобновились после окончания войны и обострились во время хрущевской антирелигиозной кампании конца 1950-х – первой половины 1960-х гг. Противостояние притеснениям велось с использованием разных стратегий – от приспособленческой, которую вел ВСЕХБ и подчиненные ему церковные авторитеты, до радикальной, которую усвоило оппозиционное крыло, отделившееся на волне массовых протестов против усиления государственного атеизма в начале 1960-х. Можно сказать, что регулирующая политика советского государства, с одной стороны, способствовала объединительным тенденциям в среде евангельских христиан-баптистов, с другой стороны, провоцировала среди них внутренние расколы и разногласия. Она также оказала большое влияние на внутреннюю религиозную культуру и традицию этого сообщества.

За весь послевоенный советский период государство и власть стали знаковыми образами «другого» в религиозном мировоззрении евангельских христиан-баптистов. Под влиянием опыта преследований и борьбы за свои права вероисповедания баптисты за 1960-е – 1980-е гг. усвоили своего рода «уходническую» (эскапистскую) модель поведения. Исследователь Александр Попов обозначил четыре грани святости верующего человека, которые стали фундаментальными для евангельско-баптистской проповеди и богословия того времени: «дружба с Христом», практики посвящения, участие в поместной церкви и страдание (Popov 2010: 252–263). Надо сказать, что «дружба с Христом» толковалась как нечто противоположное «дружбе с миром» и понималась как отри-

цание «мирских» ценностей. По сути, она обозначала некий уход от социальной активности, который в то время был защитной реакцией на ограничения для верующих в приобретении различных социальных благ, получении высшего образования или достижении карьеры. Поэтому происходило замыкание людей в рамках своей религиозной общины, концентрация на богослужебной, молитвенной жизни и неформальном общении между собой, стремление свести к минимуму контакты с «внешним» недоброжелательным миром. Музыка и пение духовных песен, христианская лирика получили большое развитие в жизни поместных общин. В то же время ограниченность конфессионального образования содействовала формированию устойчивого народного богословия и консервации религиозных взглядов.

В итоге к концу советского периода у евангельских христиан-баптистов сформировалась устоявшаяся религиозная традиция и культура, или субкультура, как ее определяют некоторые историки (Никольская 2009: 164–171). Эта культура представляла собой набор символов и практик, которые определяли религиозное мировоззрение, конструировали социальную реальность, в представлении верующих делили мир на «своих» и «чужих», объясняли, что «правильно» и что «неправильно», что «духовно» и что «грешно». Формирование этой культуры происходило в географическом пространстве Советского Союза, потому само это пространство в его комплексной, многофакторной целостности и ограниченности было частью религиозного мировоззрения и даже в некоторой степени его сакрализованным элементом. С распадом Советского государства многие традиционные культурные и мировоззренческие установки религиозного сознания должны были столкнуться с новой социальной, политической и культурной реальностью. Однако тогда же исчезли и те социальные и политические факторы, которые ограничивали религиозную жизнь и развитие. Поэтому в постсоветское время перед евангельскими христианами-баптистами возникла дилемма – использовать неожиданно возникшие возможности для проповеди своего вероучения и распространения влияния своей конфессии в обществе или направить основные усилия на сохранение своей религиозной субкультуры и традиции, ограждая ее от потенциально пагубных влияний. Дальше я попытаюсь показать, каким образом они решали для себя эту дилемму в независимой Украине 1990-х – 2000-х гг.

Евангельские христиане-баптисты и независимое украинское государство

К концу советской эпохи, в 1990 г., в Украине число общин, входивших в Союз евангельских христиан-баптистов СССР, достигло 991. Они объединяли 80 117 верующих (Решетников 2002: 11). Украинское «братство» и его руководители имели большое влияние во всесоюзном объединении. Об этом свидетель-

ствует тот факт, что с середины 1980-х ВСЕХБ возглавляли украинцы: с 1985 г. до февраля 1990 г. одесский пресвитер В.Е. Логвиненко, потом Г.И. Комендант, родом из Хмельницкой области.

Следует сказать, что украинское братство рассматривалось всесоюзными церковными структурами обычно без отрыва от русского братства. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в «Истории евангельских христиан-баптистов в СССР», подготовленной ВСЕХБ и изданной в 1989 г., украинское братство не включено в перечень «национальных братств», несмотря на его явную многочисленность (История 1989). Структура Союза евангельских христиан-баптистов напоминала структуру КПСС, в частности, тем, что в ней были отделения по границам союзных республик. В результате распада СССР на основе бывших республиканских объединений евангельских христиан-баптистов стали возникать объединения независимых государств. При этом вопрос национального самоопределения верующих начал актуализироваться в течение ближайших нескольких лет. Так, Г.И. Комендант в 1994 г. был избран президентом Всеукраинского Союза объединений евангельских христиан-баптистов, или ВСО ЕХБ (позже ВСЦ ЕХБ) (Райчинец 2010: 23–45).

Немногим раньше, в 1989 г., пятидесятники и другие протестантские деноминации отделились от баптистов и сформировали свои конфессиональные структуры. Кроме того, и сами баптисты не были едины: еще с советских времен имели место оппозиционные движения, в частности представители Совета Церквей евангельских христиан-баптистов и отколовшееся от них движение «автономных церквей», которое в начале 1990-х оформилось в отдельный союз под названием «Братство независимых церквей и миссий Украины».

После принятия нового закона «О свободе совести и религиозных организациях» в апреле 1991 г. религиозная ситуация в Украине стала более динамичной и демократичной. Американский исследователь Хосе Казанова назвал условия существования конфессий в Украине «религиозным рынком», который сформировался в 1990-е гг. благодаря либеральному законодательству и минимальному вмешательству государства в дела религиозных конфессий (Casanova 1998).

К украинскому государству баптисты относились несколько настороженно. Они не отрицали того факта, что государство их не преследует, но иногда во время воскресных проповедей упоминалось о предвзятом отношении на бытовом уровне (Євангельский 2009: 388–392). В целом в течение 1990-х гг. баптисты все еще чувствовали себя ущемленной в правах религиозной группой. Однако постепенно эта группа превращалась в авторитетную церковь. Ежегодно открывалось около 150 новых церквей. Количество новых членов выросло за десять лет более чем на треть, хотя в процентном соотношении количество протестантов оставалось небольшим – им никогда не удавалось превысить 5% всего религиозного населения Украины.

Религиозная идентичность оказалась для баптистов превалирующей в сравнении с национальной. Исследователи начала 2000-х гг. отмечали равнодушие украинского протестантизма, и баптизма в частности, к проблемам национального возрождения. Несмотря на то что 80% баптистов являлись этническими украинцами, большинство из них использовали русский язык в богослужении. Преподавание в баптистских семинариях велось преимущественно на русском языке. Во всех регионах Украины, кроме западного, миссионеры распространяли в основном русскоязычную религиозную литературу. Это объяснялось, в частности, тем, что баптисты активно поддерживали контакты с единоверцами из бывшего СССР и русский язык оставался для них важным средством общения (Релігія 2003: 201).

Евангельские христиане-баптисты имели представительство в двух межконфессиональных консультативно-совещательных органах – Всеукраинском совете церквей и религиозных организаций (создан в 1996 г.) и Совете евангельских протестантских церквей Украины (2005). С помощью этих структур лидеры церквей получили возможность публично выражать свое мнение, давая морально-религиозную оценку различным общественно-политическим явлениям. Межконфессиональность этих объединений позволяет выработать некий консенсус различных деноминаций в вопросах совместного влияния на общество и поддержания контактов с государством.

Вместе с тем вопрос национального возрождения и развития независимого государства считался вопросом политическим. В связи с этим получил определенное развитие принцип отделения церкви от государства, который считается традиционным баптистским принципом. В этом отношении показательной является статья Ю. Решетникова «Баптисты и политика» (1999), опубликованная в журнале Одесской богословской семинарии «Богомыслие». В ней автор обосновывает позицию отношения евангельско-баптистского сообщества к политической деятельности, попутно обращаясь также и к историческому опыту «братства» в этом вопросе. Его рассуждения сводятся к нескольким положениям:

– Опыт участия евангельских верующих в политике (создание политических партий, участие в выборах и т.п.) на восточнославянских территориях имел место, но был неуспешным.

– Политики часто хотят использовать церковь в своих целях.

– Наиболее рациональная позиция церкви – это лояльность к властям, но неучастие в непосредственной политической деятельности.

При этом автор не отрицает, что отдельные члены церкви и даже служители имеют право участвовать в политической борьбе на частных основаниях, не используя при этом церковь как коллективного общественного игрока. Он пишет: «Делом Христа, а значит, и Церкви как Его тела, является не политическое господство, а созидание Царствия Божия» (Решетников 1999: 252). Но не только «неотмирность» церкви является существенной причиной, почему ей

следует избегать участия в политической борьбе. Не менее важно и то, что политическая деятельность является морально сомнительным занятием: «Невозможность честной политической борьбы была наглядно продемонстрирована прошедшими выборами… мы встречаемся с искушением… Чтобы победить на выборах, чтобы прийти к власти, необходимо принять правила нечестной игры, то есть поклониться сатане…» (Решетников 1999: 251).

С одной стороны, власти как таковые признаются «Божьим установлением», о них необходимо молиться и им необходимо подчиняться, но, с другой стороны, для приобретения власти все же необходимо «поклониться сатане…». В этой несколько противоречивой логике религиозной мысли отражены и противоречия практики жизни. На законодательном уровне в Украине запрещена политическая агитация в церквях, выдвижение ими своих кандидатов на выборах и участие в избирательном процессе. Тем не менее баптисты, как и многие другие религиозные конфессии, не могли избежать влияния разных политических сил. Способность церкви мобилизовать людей сделала ее привлекательным очагом для пропаганды политических идей, пусть даже в завуалированном виде. К тому же особенности формирования протестантских церквей-общин, в частности их волонтерский характер, сблизили их по форме с партийными структурами. Протестантская церковная среда довольно благоприятна для того, чтобы воспитывать политических лидеров. Поэтому среди баптистских верующих периодически появлялись люди, так или иначе задействованные в политике, включая, в частности, автора вышеупомянутой статьи.

Дополнительным фактором вовлеченности религиозных организаций в политические коллизии оказался корпоративный интерес церкви. Поддержка местных политиков позволяла получать содействие в решении вопросов строительства молитвенных домов, организации миссионерских акций и другой религиозной активности. Однако сменяемость политиков при власти делала шаткими позиции церкви в отношении отдельных политических симпатий. Проигрыш на выборах политических сил, которые, пусть негласно, поддерживает церковь, мог быть расценен как «отсутствие благословения от Бога» на сам факт такой поддержки. Религиозные лидеры, заангажированные в политические игры, переживали определенный моральный прессинг в случае неуспеха их политиков, которым они симпатизируют. В апреле 2010 г. Совет евангельских протестантских церквей Украины выступил с заявлением «О недопустимости втягивания церквей в политическую деятельность». Авторы заявления, включая и руководителей двух евангельско-баптистских союзов, опротестовали сообщения средств массовой информации об участии церквей в недавно минувшей президентской кампании (ЗАЯВА 2010). Это беспрецедентное заявление появилось после того, как кандидат, который пользовался широкой поддержкой именно у протестантских верующих, не получил большинства голосов на выборах. Немного позже, на очередном 26-м съезде Всеукраинского Союза объединений евангельских

христиан-баптистов в мае 2010 г., обсуждалось также предложение об издании официального запрета поместным церквям Союза поддерживать те или иные политические партии или силы. Однако это предложение не нашло поддержки большинства делегатов.

В общем и целом Украина как государство в постсоветские годы стала для евангельско-баптистского сообщества пространством взаимодополняемых интересов. Религиозные лидеры всячески декларировали свою лояльность и полезность новому государству и утверждали, что «украинский баптизм нашел свое место в современном украинском обществе и играет важную роль в восстановлении нашей страны» (Решетніков, Санніков 2000: 207). Они также стремились найти свое место в новом государственном и политическом раскладе и определить возможности влияния, не теряя при этом своей богословской идентичности, основанной на принципе отделения церкви от государства.

Повседневная жизнь общин

Основное внимание в 1990-е – 2000-е гг. евангельские христиане-баптисты уделяли развитию своих поместных церквей. Традиционно поместная церковь-община является базовым, первичным элементом конфессиональной структуры баптизма. Она – ключевая ячейка жизни верующих, очаг формирования и воспитания религиозного мировоззрения. Постсоветское время показало, что церковь-община может исполнять множество важных функций, которые раньше были существенно ограничены или просто запрещены. Вовлеченность в церковную жизнь, работа на благо церкви имеют преимущественно волонтерский характер. Но поскольку она воспринимается как служение Богу, то может занимать большую часть или даже все свободное время верующих.

1990-е и частично 2000-е гг. были посвящены восстановлению поместных церквей, налаживанию внутри них разнообразных направлений деятельности (служений), в том числе совершенно новых, таких, которые раньше были запрещены. Прежде всего, много усилий было направлено на организацию новых церквей. О динамике церковного развития в это время свидетельствует статистика Всеукраинского союза церквей евангельских христиан-баптистов. В начале 1992 г. в него входило 1127 поместных церквей, объединивших немногим более 96 тыс. верующих. За первое постсоветское десятилетие количество церквей выросло до 2263, а количество верующих выросло до 132 тыс. Как видно из этих цифр, количество церквей и верующих возрастало не равномерно: количество церквей возросло на более чем 100%, а количество верующих – всего лишь на 37–38%.

Во втором десятилетии рост замедлился. В 2010 г. на 26-м отчетно-выборном съезде было озвучено, что в Союз входит 2391 церковь и 127 420 членов. Несмотря на то что руководство Союза отчитывалось об открытии новых церквей,

стало ясно, что за десятилетие произошло фактическое уменьшение количества верующих (приблизительно на 4 тыс. человек) при небольшом возрастании количества церквей (на 128 единиц). При всех спадах и всплесках за исследуемый период структура евангельско-баптистского братства стабилизировалась.

Следует отметить также, что большинство из общин небольшие по размеру: от 10 до 20 человек (783 церкви) и от 20 до 50 человек (773 церкви). Распространены также общины до 100 человек (329), в то время как большие церкви более редки: до 200 человек – 158 церквей, до 500 – 82, до 1000 – 20, более 1000 человек – 11 церквей (Нестерук 2010: 27). Это объясняется, в первую очередь, политикой насаждения общин, когда поощряется создание маленьких церквей и групп в качестве плацдарма для последующего расширения. Определенную роль играет также демографическая ситуация в тех населенных пунктах, где находятся церкви. Большие общины обычно функционируют в больших городах, а маленькие часто организовываются в поселках и деревнях. Существование маленьких церквей стало возможным именно с прекращением советской политики государственного атеизма, которая проводила линию на целенаправленное укрупнение поместных общин.

С принятием нового законодательства о свободе совести и религиозных организациях произошли существенные изменения в вопросе материального обеспечения общин, в частности касательно владения собственными молитвенными зданиями. В советское время общины не могли владеть коллективной собственностью, только брать ее в пользование или в аренду. Даже при покупке общиной здания для своих нужд оно передавалось в собственность местной государственной власти, которая уже предоставляла общине возможность им пользоваться. Часто молитвенные дома у верующих отбирали, не возмещая ущерба. В своем большинстве баптистские общины, как и верующие, в советское время были бедны.

В 1990-е гг. ситуация кардинально изменилась. Церкви и другие религиозные организации получили возможность приобретать собственные молитвенные дома, землю и другое имущество. Это существенно повлияло на материальное состояние многих церквей, особенно больших, которым было легче аккумулировать материальные ресурсы, опираясь на свою социальную базу. Надо сказать, что отстраивание молитвенных домов стало одним из главных занятий поместных общин. В 1990-е гг. баптистами разных течений было построено 390 молитвенных домов (в том числе непосредственно ВСО ЕХБ – 380). Но арендованных помещений все равно оставалось намного больше – 847. Определенная часть общин собиралась в приспособленных помещениях, переданных им в пользование на тех или других условиях.

Молитвенный дом в баптизме не является сакральным зданием, хотя его иногда называют храмом. В нем важна, прежде всего, функциональность и вместимость. Несмотря на то что строительство молитвенных домов не было таким

распространенным, как аренда, его рассматривали как стратегически важный процесс. Вот как описывают строительство молитвенного дома авторы книги об истории поместной церкви г. Енакиево Донецкой области:

> «На протяжении двух лет братья и сестры нашей церкви усердно молились о том, чтобы в городе был построен новый молитвенный дом. И вот было получено разрешение на строительство храма в парке железнодорожников… 7 апреля 1997 года братья и сестры после служения дружно разгружали машины с первым строительным материалом-ракушечником, который был привезен из Крыма… Ответственным за строительные работы был Константин Иванович Джус. Вместе с братьями В.А. Шевчик, А.М. Стоит закладывали фундамент и проводили планировочные работы. Братья и сестры самоотверженно трудились на стройке, и Господь посылал им силы и здоровье… Елена Герасимовна… помогала в оформлении документов на строительство… сестры Уколова Галина Станиславовна, Ландик Антонина Михайловна и Никонец Любовь Илларионовна… совершили огромный труд по отделке, что сами они говорили, что Господь был их руками. Огромную картину на стене за хором и другие картины и композиции нарисовал Николай Юрьевич… Поваров на стройке было две основные бригады, которые сменяли друг друга… Многие братья и сестры приносили продукты из домашних запасов, с огородов, чтобы и этим послужить для Господа. Стол для хлебопреломления изготовил брат Устинов Василий Васильевич, а кафедру сделал брат Элмурадов Рустам. Братья из Макеевки выложили весь двор тротуарной плиткой. Многие братья и сестры совершали различного рода труд на строительстве Дома Молитвы… Одним словом, никто не остался в стороне, все старались по мере своих сил и способностей потрудиться для славы Божьей…» (Токарчук 2005: 60–62).

Как видно из этого довольно типичного описания, строительство молитвенного дома воспринималось как коллективный проект, в котором каждый член общины мог поучаствовать. Это участие члены церкви понимали как «служение Богу». Оно содействовало сплочению общины, делало ее более дружной. Общие воспоминания о таком строительстве хранились довольно долго.

В молитвенном доме обычно проводятся множество собраний, не считая воскресных богослужений: детские и юношеские кружки, библейские классы, уроки духовной музыки, разнообразные конференции для молодежи, женщин, служителей и пр. В некоторых евангельско-баптистских церквях удалось развить до сорока различных служений (Нестерук 2010: 27). Все они направлены на религиозное и морально-этическое воспитание верующих. Особенно большое внимание уделяется детям, несмотря на то что они, согласно доктрине, не могут быть членами церкви. Считается, что христианское воспитание необходимо для

их последующего сознательного принятия основ веры или обращения. Существует много исследований о том, что такое религиозное обращение (Paloutzian 1999; Rambo 1993; Lofland, Skonovd 1981). Большинство исследователей соглашаются с тем, что для верующего человека это определенный поворотный момент в жизни, который в его представлении разделяет «прошлую безбожную жизнь» человека и его последующую жизнь как «духовно возрожденной личности». Обращение, как характеризуют его некоторые верующие и богословы, есть осознание собственной беспомощности, бесконечной, непреодолимой вины и несовершенства, которое ведет к желанию духовно-морального единения с Богом. Вот как описывает это один из авторитетных евангельско-баптистских проповедников А.И. Прокопчук:

> «Наши мысли, цели, желания – все запятнано себялюбием и своеволием и ведет к страданиям и погибели. Без Бога человек не в силах сопротивляться им, и его положение становится все хуже…[Но] мы, христиане, находим совершенное освобождение от вины и утешение, скрываясь во Христе, в Его спасительных для нас страданиях и смерти, получаем совершенную радость в Его славном воскресении. Взирая на Него, мы способны расти и продвигаться вперед, преодолевая собственное бессилие и беспомощность» (Прокопчук 2002: 18–19).

Обращение являет собой некое переосмысление фундаментальных жизненных целей и ценностей, в результате чего человек более-менее осознанно принимает решение жить «христианской жизнью» и стать частью общины. Сами верующие, как правило, видят в обращении духовно-мистические причины. Ключевым признаком того, что человек является обращенным или духовно возрожденным христианином, в среде евангельских христиан-баптистов считается его способность вести образ жизни, согласующийся с принятыми здесь канонами нравственности. В первую очередь необходимо отказаться от алкоголя, курения, соблюдать умеренность и скромность в поведении и в одежде (женщинам обычно предписывалось носить длинные юбки и платки). Добропорядочность в семейных отношениях тоже является неотъемлемой частью этого образа жизни.

Распространение вероучения, или евангелизм, является одной из важных задач верующих евангельско-баптистской конфессии. Евангелизационные мероприятия (уличные проповеди, акции и т.п.) рассматривают как часть миссионерской деятельности. В 1990-е гг. такого рода евангелизм был чрезвычайно успешным. По воспоминаниям верующих, это был период духовного пробуждения, обусловленный падением советской системы (Головин 2008). Тогда появилось много новых людей, заинтересованных в том, чтобы «познать Бога». В постсоветское двадцатилетие состав евангельско-баптистских церквей существенно обновился. Например, в одном из самых протестантских регионов

Украины, Волынской области, за период с 1992 по 2008 г. в баптистских церквях приняло крещение 6348 человек. В 2009 г. там всего насчитывалось 7334 евангельских христиан-баптистов. Таким образом, можно говорить об обновлении среды верующих за все это время почти на 90% (Євангельський 2009: 354–355).

Обновление среды происходило в течение довольно краткого промежутка времени, и многие новообращенные не успевали приспособиться к особенностям религиозной культуры. Это создавало сложности для поместных церквей в сохранении своих нравов и традиций. Кроме того, вызовом для евангельско-баптистской религиозной субкультуры стали неожиданно возникшие возможности тесных контактов с единоверцами из других стран.

Евангельско-баптистское движение перед вызовами глобализма

Значительным вызовом для традиционной евангельско-баптистской культуры была встреча с западным миром и евангельским христианством. В советское время баптисты, как и любые другие граждане СССР, были почти полностью изолированы от западного мира «железным занавесом». Международные контакты допускались, главным образом, для церковных руководителей в составе делегаций под строгим контролем органов государственной власти. Поэтому тесное сотрудничество, которое бы вело к культурному взаимодействию и заимствованиям, было практически сведено к минимуму. Несмотря на это, в среде верующих было распространено убеждение, что за пределами СССР у них много друзей-единоверцев. Особенно это касалось подпольных общин Совета Церквей, которые стремились найти союзников в борьбе против атеистического режима. Но другие евангельско-баптистские сообщества стремились к расширению зарубежных связей. Зарубежные церкви и религиозные организации в свою очередь проявляли интерес к состоянию верующих в Советском Союзе, активно распространяли сведения об их жизни, и особенно о притеснениях и репрессиях по отношению к ним (Bourdeaux 1977).

С падением «железного занавеса» возможности контактов с зарубежными церквями у советских, в том числе украинских, баптистов значительно возросли. С конца 1980-х гг. стало заметно два направления взаимодействия – приток в Украину миссионеров из других, преимущественно западных, стран и отток украинских верующих в виде эмигрантов или миссионеров в другие страны.

Западное движение евангельских миссионеров в 1990-е гг. на территории Украины развивалось стремительно. В мире западного христианства считалось, что обстановка в странах бывшего СССР стала особенно благоприятной для распространения евангельского учения. По свидетельствам некоторых миссионеров, в то время «приток людей в церкви был подобен лавине», а «стоило благовестнику выйти на улицу с возгласом “Иисус тебя любит!” – тут же сбегалась

толпа и буквально выхватывала евангелизационные буклеты у него из рук» (Головин 2008: 7).

Единственный фактор, который миссионеры в то время не учитывали и который стал для них неожиданностью, это существование на территории Украины, как и в других бывших советских странах, христианских церквей с собственными традициями и культурой, хотя и подавляемых государством. Американский исследователь Дж. Уайт, который тоже какое-то время занимался миссионерской деятельностью в Украине, писал об этом периоде: «Западные миссионеры часто приезжали в СНГ, думая, что все люди там атеисты. Те же, кто хоть что-то знал о Православной Церкви, считали ее мертвой церковью» (White 2013: 253). О том, что в Украине есть евангельские баптистские церкви, западные миссионеры, конечно, знали, но представляли себе их в очень разрушенном и подавленном состоянии.

Однако через некоторое время приток миссионеров начал вызывать раздражение. В первую очередь, обеспокоенность выражали «традиционные» церкви, такие как Украинская Православная Церковь (Релігія 2003: 400–410). Поскольку возрождение православных традиций считалось делом общегосударственной важности, в 1993 г. в законодательство ввели поправку, направленную на ограничение притока религиозных активистов из других стран. Поправка разрешала приезд миссионеру или любому другому церковнослужителю только в ответ на приглашение от уже существующей религиозной организации. Однако наплыв миссионеров все равно оставался большим: в 1999 г. Украину посетили более 2600 представителей зарубежных религиозных организаций; в 2001 г. здесь работали 463 долгосрочных миссионера, в том числе 350 из США (Wanner 2004: 740).

Приглашенные миссионеры приезжали, главным образом, в уже существующие евангельские церкви. Однако их служение, проповеди, поведение и даже внешний вид порой вызывали отторжение и неприятие. К. Ваннер, проводившая исследования церквей евангельских христиан-баптистов в разных городах Украины, рассказала случай, который произошел с двумя молодыми американцами. Они гостили в семье евангельско-баптистских верующих Харькова и пожелали принять участие в служении местной церкви. Хозяйка квартиры, где они поселились, предварительно позвонила пресвитеру церкви, чтобы сообщить ему об этом. Пресвитер спросил: «В чем они одеты?» Хозяйка посмотрела на одетых в шорты и футболки гостей и сказала: «Они выглядят так, как будто собрались на пляж». «Тогда пускай идут на пляж», – сказал пастор (Wanner 2004: 745). Этот случай хорошо иллюстрирует доминирующие консервативные настроения в местных церквях евангельских христиан-баптистов, где к внешнему виду присутствующих существовали определенные требования, которых в американских церквях не было.

Присутствие зарубежных миссионеров приветствовалось во многом благодаря тому, что они часто становились каналом для привлечения финансовых

средств. Об этом упоминают социологи К. Ваннер и Е. Лонг (Wanner 2004; Long 2007). Дочь американского миссионера Естер Лонг проводила опросы и наблюдения во Львове, Херсоне, Виннице и Белгород-Днестровском в первой половине 2000-х гг. Согласно ее исследованиям, среди многих украинских верующих бытовало почти мифологическое представление о «Западе» как источнике морального упадка. В то же время принимать финансовые пожертвования от западных единоверцев считалось весьма правильным и успешным предприятием.

Несмотря на это, как пишут К. Ваннер и Е. Лонг, под влиянием западного миссионерства в постсоветское время фактически сформировалось два разных вида евангельско-баптистских церквей – консервативный и либеральный. Отличие консервативных церквей – в основном в поддержании традиционного стиля одежды, проповедей и музыки. В либеральных церквях к этому относятся снисходительнее. Поскольку молодежь более восприимчива к нововведениям, либеральные церкви оказались особенно привлекательны для молодых людей, а также тех, которые пережили обращение в условиях новой религиозной среды. Чтобы соединить обе тенденции, в некоторых церквях начали проводить два разных богослужения – в более консервативном и более либеральном стиле для разных категорий людей (Wanner 2004; Long 2005).

Заметный кризис идентичности евангельско-баптистские верующие переживали также тогда, когда покидали свою привычную общинную среду и выезжали в другие страны. 1990-е – начало 2000-х гг. стали периодом массовой эмиграции верующих из стран бывшего СССР, в том числе Украины. Основное направление эмиграции – США. Причиной стала благоприятная политика американского государства, которое принимало бывших советских верующих в качестве беженцев. Туда, по некоторым данным, в 1990-е – начале 2000-х гг. выезжало до 10 тыс. человек ежегодно (Barnett 2002: 162). Основной категорией эмигрантов были члены больших семейств и служители, которые в советские времена претерпели притеснения (Valuisky 2000; Tsvirinko 2000). К середине 2000-х гг. оказалось, что почти у каждого служителя церкви есть родственники за рубежом и почти в каждой семье рассматривался вопрос о возможности эмигрировать. К. Ваннер назвала эмиграцию «наградой за страдания» евангельско-баптистских верующих. На новой родине они обрели не только свободу вероисповедания, но и материальную обеспеченность, которая стала главным мотивом эмиграции в 2000-е гг. (Wanner 2007: 97–129). В то же время украинские верующие были убеждены, что их единоверцы едут в США, как и в другие развитые страны, для того чтобы препятствовать моральному разложению западного общества, то есть осуществляют своего рода христианскую миссию. Травматичность ситуации, тем не менее, состояла в том, что в среде эмигрантских церквей сохранение традиций было усложнено еще более весомыми факторами. Дети верующих эмигрантов, социализируясь в новом обще-

стве, усваивали другой язык, а с ним – другие смыслы и ценности. Многие из них переходили в американские церкви, а иногда просто покидали религиозное сообщество и вели светский образ жизни.

И все же благодаря миссии и эмиграции украинское евангельско-баптистское сообщество приобрело глобальный характер. В 2001 г. 300 баптистов из Украины служили миссионерами в других странах мира, а украинские церкви вели сотрудничество с 60 миссиями. Всеукраинский союз объединений евангельских христиан-баптистов имел в своем составе не только церкви Украины, но и пять союзов церквей диаспоры – США, Канады, Австралии, Аргентины и Парагвая (Решетников 2002: 11). Это содействовало возрастанию его авторитета на международном уровне. Президент ВСО ЕХБ Г. Комендант в 1995 г. был избран вице-президентом Всемирного баптистского альянса, а в 2001–2003 гг. возглавлял Европейскую баптистскую федерацию.

Таким образом, в постсоветское время можно наблюдать глобализацию сознания евангельских христиан-баптистов. Для них открылась возможность расширить свои познания о церквях и религиозных традициях других стран и преодолеть границы своей субкультурности. Одновременно с этим актуализировалась потребность переосмыслить свою собственную традицию в контексте ее культурных взаимосвязей. Выполнение этой задачи требовало наличия в среде верующих, и особенно служителей, людей с соответствующим гуманитарным, в частности богословским, образованием. Попытки развивать такого рода образование предпринимались с самого начала 1990-х гг. Они также внесли свой вклад в коллизии постсоветского времени.

Религиозное образование

Развитие конфессионально-богословского образования стало еще одним фактором социокультурных изменений евангельско-баптистского сообщества в Украине. В советское время потребность в религиозном образовании ощущалась очень остро и удовлетворить ее практически не было возможности, потому что, кроме заочных библейских курсов в Москве, протестантских учебных заведений на территории СССР не было. Но в постсоветское время развитие образования стало отдельным, чрезвычайно значимым проектом.

В 1990-е гг. количество баптистских богословских учебных заведений в Украине начало стремительно возрастать. В 1997 г. их было 15, в 2001 г. – 33, в 2005 г. – 42, в 2010 г. – 55 (Эффективность 2007: 23; Дятлик 2011). Среди них заведения разных статусов – колледжи, семинарии, институты, университеты. Количество учащихся было сравнительно немногочисленным, но постоянно возрастало. До 2000 г. программы были очными, на них обучалось немногим более 3000 студентов. Позже были учреждены также заочные программы. После этого количество учащихся на очных постепенно уменьшилось. Например, в 2005 г.

на стационаре обучалось всего 2169 человек, тогда как на заочном отделении – 4777 (Эффективность 2007: 23). В 1997 г. была создана аккредитационная ассоциация, которая объединила часть этих школ для разработки общих стандартов обучения.

Однако большинство из этих богословских школ в конечном итоге не смогли достичь стабильности и развития. Некоторые из них (Одесская богословская семинария, Донецкий христианский университет) открыли трех- и четырехгодичные бакалаврские программы. Попытки открыть программы более высокого уровня не увенчались успехом. Со временем самыми популярными стали ускоренные одно- и двухгодичные сертификатные программы, тренинги. К середине 2000-х гг. наблюдается переизбыток богословских учебных заведений.

Тем не менее, по данным на 2005 г., только 52% пасторов и пресвитеров имели богословское образование (Эффективность 2007: 23). Непопулярность образования среди служителей церкви объяснялась несколькими причинами. Одна из них состояла в отсутствии традиции академического богословия и, как следствие, непонимание его нужности. Во время богослужений проповедники преимущественно акцентировали внимание на буквальном толковании библейских текстов, не нуждаясь в сложных богословских конструкциях. Это закрепило их интеллектуальный минимализм. Другая существенная причина заключалась в том, что создание учебных заведений, разработка учебных программ и преподавание проводились преимущественно западными специалистами, которые не учитывали интеллектуальные потребности местной среды в полной мере.

Возник культурный разрыв между учебными заведениями и поместными церквями. Авторитетные церковные лидеры воспринимали «западное» богословие как чуждое и вредное явление. Они были озабочены тем, что в украинских семинариях преподавали «кальвинистское учение», в то время как сами себя они считали арминианами (Пути... 2009). Они также высказывались неодобрительно о выпускниках семинарий, которые, по их мнению, были склонны проявлять неуважение к авторитету старших и к установленным в церквях правилам, а также нарушали нравственные нормы и предписания (Dyatlik 2009). Проблема усугублялась тем, что многие учебные заведения были финансово независимы от церквей и поэтому не учитывали их мнение, формируя свою образовательную политику. Усложняющим фактором стала также мозаичность протестантской религиозной среды и, соответственно, разнообразие богословских подходов, которое отражалось и в работе учебных заведений.

За все время существования даже самые развитые протестантские религиозные учебные заведения не смогли получить государственную лицензию и аккредитацию. Это означало, что дипломы, которые они выдавали, не позволяли выпускникам трудоустроиться в нерелигиозных организациях. При этом в связи с исторически сложившимися особенностями служение в баптистских церквях на территории бывшего СССР имело преимущественно волонтерский

характер и не предполагало системного финансового обеспечения. Поэтому инвестирование личного времени и денег в духовное образование для евангельских верующих со временем становилось проблематичным. Все эти обстоятельства стали предпосылками постепенного сокращения количества абитуриентов учебных заведений.

Во второй половине 2000-х гг. более системно начали предприниматься попытки реформировать систему религиозного обучения. В частности, они были направлены на совершенствование учебных программ, придание им более практического направления, разработку новых методов обучения, преодоление зависимости от западных спонсоров и упрочение связи учебных заведений с местными церквями, а также слияние некоторых школ с целью укрупнения и консолидации ресурсов (Elliot 2010). Постепенно бакалаврские академические программы стали сокращаться и вытесняться тренингами для служителей. Стало ясно, что служители имеют весьма существенную потребность в специальных знаниях менеджмента, финансов, английского языка, психологии, позволяющих обслуживать потребности религиозных организаций (Lyubashchenko 2010). В связи с этим некоторые учебные заведения открыли соответствующие курсы.

Обнаружилось также преимущество контактов богословских учебных заведений с зарубежными семинариями и признание их дипломов некоторыми западными университетами. Многие выпускники украинских семинарий смогли продолжить учебу за рубежом и приобрести научные богословские степени. Это во многом содействовало формированию в среде верующих отдельной прослойки интеллектуалов.

Только некоторые учебные заведения смогли сохранить очные богословские программы уровня бакалавра. Наиболее успешным из них удалось учредить программы более высокого уровня совместно с зарубежными семинариями или университетами. Основная же часть евангельско-баптистских религиозных школ оставалась при церквях и региональных объединениях, выполняя функции локальных образовательных центров.

Развитие религиозного образования в 1990-е – 2000-е гг. вполне отразило переходность этого периода для евангельско-баптистской конфессии в Украине. Потребность в богословских знаниях, которую в советское время было невозможно удовлетворить, привела к стремительному и динамичному созданию учебных заведений. Однако по мере того, как спрос на эти знания был удовлетворен, обнаружились сложности другого порядка. Важной проблемой стали культурные противоречия между традициями религиозного сообщества и богословскими школами как самостоятельными очагами интеллектуального влияния. Они актуализировали также мировоззренческий разрыв между поколениями. Старшее поколение церковных авторитетов воспитывалось еще в советские времена и не могло получить образование, младшее, постсоветское,

поколение верующих испытывало трудности в достижении взаимопонимания со старшим, считая их взгляды устаревшими, а политику в церквях – авторитарной (Гореньков 2011). Этот конфликт мировоззрений мог бы привести к заметному противостоянию, но постепенно его удалось преодолеть. Во многом это произошло потому, что традиция евангельско-баптистской деноминации уже сформировалась как довольно стабильное явление, а демократичный характер конфессиональной структуры позволял в той или иной мере сбалансировать различные мнения и влияния. Однако именно благодаря появлению в среде конфессии образованных людей системно осуществлялись попытки переосмыслить евангельско-баптистскую традицию, сохранить коллективную память об историческом опыте.

Коллективная память и рефлексии о традиции

Необходимость сохранения традиции была осознана в евангельско-баптистском сообществе особо остро на рубеже 1990-х – 2000-х гг., когда пришло понимание того, что новая историческая ситуация может повлиять на эту традицию разрушительно. В это время предпринимаются систематические попытки собирать материалы и источники по истории конфессии с целью их изучения и сохранения для будущих поколений. Значительным стал проект «устной истории», проведенный на базе Одесской богословской семинарии, – было собрано несколько сотен интервью с верующими и служителями, пережившими репрессии и гонения советского времени. Чуть позже проведена серия конференций по истории евангельско-баптистского сообщества на базе Донецкого христианского университета. Одновременно появилось множество разнообразных публикаций о событиях из истории евангельских христиан-баптистов, в том числе мемуары, научно-популярная литература по локальной истории поместных церквей и объединений (Панич 2011).

Сформировалось также целостное, магистральное видение истории конфессии, что стало частью внутренней политики памяти религиозного сообщества. Оно отразилось в базовых учебниках по истории конфессии для богословских школ (Савинский 2001; Санников 1996).

Все литературные источники отражают три основные темы, актуальные для осмысления идентичности верующих и создания соответствующего, приемлемого для них исторического нарратива: происхождение евангельских христиан-баптистов как религиозной деноминации, выживание этого сообщества в условиях притеснений и репрессий, духовный подвиг героев веры.

Первая из этих трех тем была особенно актуальной в контексте ответа на вопрос, является ли баптизм «чужой верой» для украинцев с учетом того, что он сформировался под влиянием западных миссионеров. С одной стороны, ведущие интеллектуалы конфессии не отрицали, что евангельско-баптистское движение в

бывшем СССР – это часть европейского и всемирного баптизма. Для понимания ключевых богословских истин, принятых в рамках этого движения, необходимо понимать общую историю баптизма, его возникновение и распространение. С другой стороны, евангельско-баптистское братство также может считаться в определенной степени преемником автохтонных сектантских движений, которые имели место на территории Украины и Российской империи еще в досоветский период. Эта концепция «двойного происхождения» была четко изложена и принята как в религиозной среде, так и в научной (Протестантизм 2002).

Вопрос укорененности баптистов был связан не только с их происхождением, но и с достаточно длительным присутствием на территории Украины. История их как отдельной религиозной деноминации начиналась еще в 60-х гг. XIX в. Оказалось сложным отделить ее от истории баптистов других постсоветских стран, потому что сначала существование этой конфессии определялось рамками Российской империи, а потом – Советского Союза. Характер и длительность этой истории хотя и не могут дать достаточно оснований для того, чтобы считать баптизм «национальной церковью», однако легитимизируют его присутствие в качестве деноминации, которой уже удалось завоевать авторитет в обществе. Не в последнюю очередь это обусловлено коллективным опытом страданий за веру, о котором баптисты получили возможность говорить публично в постсоветский период. Сотни верующих были репрессированы в разные периоды советского времени. Описывая это, сегодняшние исследователи конфессии акцентировали внимание на преемственности репрессий – от Российской империи к Советскому Союзу. Таким образом, евангельско-баптистское сообщество представляется как своего рода «церковь мучеников». Герои веры стали ключевыми персонажами мемуарной, автобиографической и биографической литературы баптистов. Надо сказать, что баптизм в целом ориентирован не столько на поддержание памяти о прошлом своей конфессии, сколько о постоянном напоминании о библейских событиях. Поэтому почитание героев веры зависело от того, насколько их духовный подвиг можно интерпретировать как сопоставимый с подвигом Христа и апостолов. В связи с этим многие повествования о героях веры в баптизме напоминают агиографические сочинения (Panych 2012). Героизм мучеников советского времени должен был стать образцом для верующих нового поколения. Несмотря на то что прямых предпосылок для страданий за веру в постсоветское время уже не было, пример советских героев в заметной степени продолжал определять духовно-этические стандарты внутри сообщества, особенно его консервативной части.

Изменившиеся условия жизни в некоторой степени ставили под сомнение ценность прошлого опыта. История постепенно становилась объектом заинтересованности профессиональных интеллектуалов, а также предметом политики памяти. Ее также продолжали хранить на семейном уровне как реликвию, но у молодого поколения интерес к ней не был значительным.

В целом за весь исследуемый период в среде евангельских христиан-баптистов сформировался интеллектуальный и политический дискурс, в рамках которого вопросы коллективной памяти, истории и традиции получили приемлемое толкование. Формирование такого дискурса стало частью политики памяти. Его авторы и авторитеты укрепили позиции евангельско-баптистской деноминации, легитимизировали ее существование в украинском сообществе, выработали конструктивный нарратив, способный адекватно обосновать коллективную идентичность членов этой религиозной группы.

Выводы

Евангельские христиане-баптисты являются примером, на основании которого можно показать характерные процессы развития религиозной группы в постсоветский переходный период 1990-х – 2000-х гг. в Украине. Исторически их традиция формировалась в условиях политики дискриминации со стороны государства. На религиозной культуре постсоветского баптизма отразились эскапистские стратегии выживания, характерные для него в досоветский и советский периоды, с чем связано формирование ярко выраженных черт сектантской замкнутости, изоляционизма, консерватизма.

В послесоветское время в развитии евангельско-баптистской деноминации наблюдались две противоречивые тенденции – инновационная и охранительная. Первая из них была объективно обусловлена изменением политической ситуации, падением советского атеистического режима и прекращением репрессий по отношению к церкви и, как следствие, открывшимися новыми возможностями развития. Наиболее широко эти возможности были использованы в сфере организации церквей, строительства молитвенных зданий, развития различных видов церковной деятельности, а также религиозного образования.

Охранительную тенденцию можно проследить в попытках противопоставлять себя «миру», культивировать особую «святость», хранить традиционные символы и маркеры, такие как одежда, стиль богослужений, привычный стиль проповедей. Если раньше потенциальными источниками негативного влияния на церковь признавались советское атеистическое общество и государственные власти, то теперь опасения вызывают «западное общество», «либеральные нравы», «чужое богословие».

Религиозная идентичность верующих в это время обрела новые измерения – национальное и глобальное. С приобретением Украиной государственной независимости актуализировался вопрос отношения церкви к национальному государству. Конфессия евангельских христиан-баптистов сохраняла статус религиозного меньшинства, в общем равнодушного к вопросам развития национальной культуры. Ее представители стремились, прежде всего, наладить и

упрочить контакты с единоверцами из других стран. Развитие миссионерства и эмиграция содействовали глобализации ее структуры и связей.

Одновременно происходил процесс легитимации евангельско-баптистской традиции в местной, украинской культуре благодаря развивающемуся дискурсу коллективной памяти. В контексте этого дискурса евангельские христиане-баптисты развили системные исследования истории своего сообщества на украинских и восточнославянских землях. Исторические нарративы объединяли наиболее значимые сюжеты прошлого. В частности, они отвечали на вопрос о происхождении конфессии, о ключевых событиях, о гонениях и репрессиях верующих в разные эпохи. Герои веры стали важными персонажами исторической и мемуарной литературы.

Таким образом, евангельские христиане-баптисты в первое постсоветское двадцатилетие пережили переходный период, во время которого смогли приспособиться к новым политическим и социокультурным условиям и апробировать новые возможности развития в Украине. К концу этого периода стабилизировалось количество церквей и верующих, а также качество религиозного служения, что способствовало становлению евангельских христиан-баптистов как респектабельной христианской деноминации.

Литература

Головин, С. Мировоззрение: утраченное измерение благовестия. Симферополь: Диайпи, 2008.

Гореньков, Д. Как решается проблема «отцов» и «детей», преемственности и конфликта поколений в служении // ФОРУМ 20. Двадцать лет религиозной свободы и активной миссии в постсоветском обществе. Итоги, проблемы, перспективы евангельских церквей / Под ред. М.Черенкова. Киев: Дух і Літера, 2011. С. 109–121.

Дятлик, Т. Ирпенские щепки. Христианское образование в бывшем СССР: двадцать лет развития или застоя? 2011. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://risu.org.ua/ua/index/blog/~dyatlik/45552/,

Заява Ради Євангельських Протестантських Церков України відносно неприпустимості втягування Церков у політичну діяльність. 21.04.2010. [Електронний ресурс.] Режим доступу: http://repcu.org/?p=325#more-325

История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Изд-во ВСЕХБ, 1989.

Колодний, А. Україна в її релігійних виявах. Львів: Споломб, 2005.

Любащенко, В. Історія протестантизму в Україні. Львів: Просвіта, 1995.

Нестерук, В.В. Звітна доповідь голови Союзу під час 26 з'їзду Всеукраїнського союзу Об'єднань євангельських християн-баптистів. 27–29 травня 2010 р. м. Київ.

Никольская, Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

Панич, Е. Секта или церковь? Определение и самоопределение евангельских христиан-баптистов в условиях позднего советского времени // Богословские размышления, специальный выпуск Донецкого христианского университета «Библия. Богословие. Церковь». Одесса, 2013. С. 259–276.

Панич, О. Євангельські християни-баптисти в СРСР після другої світової війни: огляд історіографії // Вітчизняний євангельський протестантизм: історія, досвід, проблеми / За науковою редакцією А. Колодного і О.І. Панич. Київ: УАР, 2011. С.136–148.
Прокопчук, А. Невинных нет // Евангельская нива. 2002. № 1. С. 17–19.
Протестантизм в Україні / За ред. П. Яроцького. Київ: Світ Знань, 2002.
Пути славянского богословия арминианской традиции. Материалы конференции. Львов: Львовское отделение Украинской Баптистской Теологической Семинарии, 2009.
Райчинец, А.В. Воздвигнутые Богом. Одесса: Духовное возрождение, 2010.
Релігія і Церква років незалежності України / За ред. проф. А.І. Колодного. Дрогобич: Коло, 2003.
Решетников, Ю. Баптисты и политика // Богомыслие. 1999. Вып. 8. С. 250–261.
Решетніков, Ю. Українські баптисти і національне питання. 2007. [Електронний ресурс.] Режим доступу: http://realis.org/index.php/ru/publications/articles/65-ukrayinski-baptysty-i-natsionalne-pytannia
Решетников, Ю. Единство духа в союзе мира // Евангельская нива. 2002. № 1. С. 8–11.
Санников, С.В. История баптизма. Сборник / Сост. С.В. Санников. Одесса: Богомыслие, 1996.
Санніков, С., Решетніков, Ю. Огляд історії євангельсько-баптистського братства в Україні. Одеса: Богомислїє, 2000.
Савинский, С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. В 2 т. Т. 1. 1967–1917. СПб.: Библия для всех, 1999. С. 193–213.
Синичкин, А.В. Российское молодежное евангельское движение в начале XX века // Вітчизняний євангельський протестантизм: історія, досвід, проблеми / За науковою редакцією А. Колодного і О.І. Панич. К.: УАР, 2011. С. 82–91.
Токарчук, Ф.И. 100 лет Енакиевской церкви. Краткая история церкви евангельских христиан-баптистов г. Енакиева. Енакиево: Изд-во миссии «Дорога к сердцу», 2005.
Эффективность богословского образования в Украине. Одесса: ЕААА, 2007.
Євангельский рух на Волині в документах і долях людей. Луцьк: ХМ «Українська місія благовістя», 2009.
Черенков, М. Баптизм без кавычек. Очерки и материалы к дискуссии о будущем евангельских церквей. Черкассы: Коллоквиум, 2012.
Черенков, М. Открытая евангельская идентичность: конфликты и границы (на примере баптистских церквей) // ФОРУМ 20. Двадцать лет религиозной свободы и активной миссии в постсоветском обществе. Итоги, проблемы, перспективы евангельских церквей / Под ред. М. Черенкова. Киев: Дух і Літера, 2011. С. 17–26.
Barnett, Don. US immigration policy: Asylum-seekers and refugees // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. Summer 2002. Vol. 27. № 2. P. 151–165.
Bourdeaux, M. Opium of the people. The Christian religion in the USSR. London; Oxford: Mowbrays, 1977.
Casanova, Jose. Ethno-Linguistic and Religious pluralism and Democratic Construction in Ukraine // Post-Soviet Political Order. Conflict and State Building / Ed. by Burnett R. Rubin and Jack Snyder. London; New York: Routledge, 1998. P. 81–103.
Coleman, Heather J. Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905-1929. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2005.

Dyatlik, Taras. What Expectations Do Pastors and Local Churches in the former Soviet Union Have of Higher Theological Education at the Beginning of the 12st Century? // Theological Reflections. № 10. 2009. P. 97–119.

Elliott, M.R. The Current Crisis in Protestant Theological Education in the Former Soviet Union // Religion in Eastern Europe. XXX, 4 (November) 2010. P.1–22.

Froese, Paul. The Plot to Kill God. Finding from the Soviet Experiment in Secularization. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 2008.

Lofland, J., Skonovd, N. Conversion motifs // Journal for the Scientific Study of Religion. № 20. 1981. P. 373–385.

Long, Esther Grace. Identity in Evangelical Ukraine: Negotiating Regionalism, Nationalism, and Transnationalism. PhD Thesis. University of Kentucky, 2005.

Long, Esther Grace. Views of the West: Transnationalism in contemporary Ukrainian Baptist churches // Religion, State and Society (35:4). 2007. P. 335–353.

Lyubashchenko, Viktoriya. Protestantism in Ukraine: Achievements and Losses // Religion, State and Society (38:3). 2010. P. 265–289.

Paloutzian, R.F., Richardson, J.T., Rambo, L.R. Religious conversion and personality change // Journal of Personality. 67, 6, 1999. P. 1047–1079.

Panych, Olena. A Time and Space of Suffering: Reflections of the Soviet Past in the Memoirs and Narratives of the Evangelical Christians-Baptists // State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine / Ed. by C.Wanner. Woodrow Wilson Center Press, Washington DC; Oxford University Press, NY, 2012. P. 218–243.

Popov, Alexander. The Evangelical Christians-Baptists in the Soviet Union as a hermeneutical community: examining the identity of the All-Union Council of the ECB (AUCECB) through the way the Bible was used in its publications. PhD thesis. University of Wales, International Baptist Theological Seminary, Prague, 2010.

Rambo, L.R. Understanding Religious Conversion. New Haven: Yale University Press, 1993.

Sawatsky, Walter. Protestantism in the USSR // Protestantism and Politics in Eastern Europe and Russia. The Communist and Post-Communist Eras / Ed. by S.P. Ramet. Durham; London: Duke University Press, 1992. P. 237–275.

Sawatsky, Walter. Soviet Evangelicals since World War II. Kitchener; Ontario; Scottdale; Pennsylvania: Herald Press, 1981.

Sztompka, Piotr. The Trauma of Social Change: A Case of Postcommunist Societies. Cultural Trauma and Collective Identity / Eds. Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, Piotr Sztompka . Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. P. 155–195.

Tsvirinko, Vyacheslav. Russian Evangelical Emigration: For Better or Worse // East-West Church & Ministry Report 8 Spring 2000. P. 11.

Valuisky, Alexander. A Calamity Cloaked in Silence: Russian Christian Emigration // East-West Church & Ministry Report 8 Spring 2000. P. 9–10.

Wanner, Catherine. Advocating New Moralities: Conversion to Evangelicalism in Ukraine // Religion, State & Society. 31(3). 2003. P. 273–287.

Wanner, Catherine. Missionaries of Faith and Culture: Evangelical Encounters in Ukraine // Slavic Review. 63(4). 2004. P. 732–755.

Wanner, Catherine. Communities of the Converted. Ukrainians and Global Evangelism. Ithaca; London: Cornell University Press, 2007.

White, John. Three Periods of Awakening in Eastern Slavic Lands / Olena Panych, ed. // Theological Reflections, Special Issue of Donetsk Christian University «Bible. Theology. Church». 2013. P. 244–258.
Yelensky, Viktor. Religiosity in Ukraine according to Sociological Surveys // Religion, State and Society. (38:3). 2010. P. 213–227.

Таисия Лаукконен, Ирмина Матоните

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РУССКИХ В ЛИТВЕ НАЧАЛА XXI в.: СТАНОВЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Abstract

Right after the dissolution of the Soviet Union, Russians have been the biggest minority in Lithuania. During the first decade of the Lithuanian Independence integration of national minorities in post-communist Lithuania received a lot of political and civic attention. In early 90ies all citizens of the Lithuanian Republic have been granted equal civic rights and the principles of ethinic minorities‘ right to nurture their cultural identities have been largely implemented. Since 2000 the problems of national minorities ceased being in focus. However, the latest political, civic and academic debates on the subject of Russian and Polish minorities in LIthuania show that the new situation has occured which needs to be articulated. In this paper we concentrate on the new social challenges and the ambivalence of the idea of integration itself. In particular, we deal with some theoretical and fieldwork problems of the integration and identity studies of Russians, faced in Lithuania, twenty years after the dissolution of the USSR. The study reveals that Russians (Russian-speaking pepole) as a social group is being constructed by political and civic discourse, while the interviews with the experts and representatives of the Russian minority itself challenge the very possibility of full-fledged identification with the presumed group.

Keywords: Russian minority, Russian in Lithuania, integration of minorities, ethnic identity, European identity.

Введение

Распад СССР вызвал всплеск исследовательского интереса к новым государственным образованиям, к их истории и социальным проблемам, одной из которых оказалось так

называемое «новое русское меньшинство / диаспора» (Chinn et al. 1996; Лебедева 1997). Исследователи, стремившиеся охарактеризовать русское меньшинство на постсоветском пространстве в целом, были склонны акцентировать уникальность ситуации (например, Лебедева 1997: 23–24), которую усматривали в:

1) добровольно-принудительном характере миграции русских: принудительность заключалась в неизбежности миграции, добровольность – в возможности выбора между двумя ее разновидностями, в частности иммиграцией в инонациональную страну без перемены места жительства и «репатриацией», которая грозила по меньшей мере распадом установившихся социальных связей;

2) обстоятельствах адаптации: в сжатые сроки должна была произойти аккультурация меньшинств в государствах, где соответствующие институты еще только устанавливались, а у самих русских в связи с привилегированным положением в бывшем СССР не было необходимых адаптационных навыков (Касаткина 2007: 23);

3) специфичности этнокультурного самосознания русских «иммигрантов», облегчающей интеграцию: советский вариант интернационализма, позволявший русскоговорящим в любой республике Союза чувствовать себя «как дома», стал частью идентичности русских, а также выходцев из этнически неоднородных семей, где языком общения был русский.

Значимость вышеперечисленных факторов, во многом определяющих установки и стратегии адаптации меньшинства, не вызывает сомнений, но сама оценка постсоветской ситуации как беспрецедентной может быть оспорена. Например, Наталия Касаткина, посвятившая несколько десятилетий исследованиям этнической структуры Литвы, писала:

> «Мне трудно согласиться с оценкой исторической исключительности ситуации. Во-первых, русские уже были в меньшинственном статусе как в странах Балтии, так и в Финляндии, Польше, а потери русского населения после 1917 г. также весьма значительны и вполне сопоставимы с ситуацией после распада Советского Союза» (Касаткина 2007: 19).

Общая характеристика постсоветского русского меньшинства достаточно полно представлена в зарубежных и российских исследованиях, пик которых пришелся на 1990-е гг. (Савоскул 1994; Лебедева 1997; Shlapentokh et al. 1994; Melvin 1995; Kolstoe 1995; Chinn et al. 1996; Hyman 1997; Laitin 1998; Zevelev 2001). В последующее десятилетие интерес к этой теме постепенно шел на убыль, но она не утратила своей актуальности и остроты в России и в локальных контекстах (Брюшинкин и др. 2011; Русская диаспора Литвы 2011; Лихачева, Бразаускене 2011; Матулионис 2013). При этом очевидны перемены в формулировке самой проблемы. Если в первое десятилетие важным казалось описать масштаб нового явления и обсудить возможные пути адаптации меньшинства, то вно-

следствии интерес сместился в сторону оценки результатов интеграционных процессов (Касаткина 2004; Русская диаспора Литвы 2011; Petrušauskaitė et al. 2012), исследования идентичностей (Брюшинкин и др. 2011; Лихачева, Бразаускене, 2011; Мазур 2012; Lavrinec et al. 2013) и предыстории проблемы (Kasatkina 2003; Kasatkina et al. 2009; Бакунцев 2011; Марцинкявичюс 2011).

При общей характеристике положения русских (русскоязычных)[2] в Литве все исследователи в первую очередь отмечают «позитивную политику интеграции этнических меньшинств с начала 1990 г.» (Касаткина 2007: 20), которая во многом определила дальнейшее направление общественных дебатов по этому вопросу. Всем жителям Литвы вне зависимости от их этнического происхождения были предоставлены равные гражданские права; была ратифицирована Конвенция Европейского Совета по охране этнических меньшинств. Все это дало повод еще в 1994 г. утверждать, что в Литве «процесс смены ролей, вовлекавший этнические группы, уже завершился, страсти улеглись и ситуация стабилизировалась» (Gaidys 1994: 91). Однако в недавней статье, посвященной проблемам развития этнической группы русских в Литве, в связи с вызовами социальной интеграции в 2001–2011 гг. дается иная оценка политики интеграции национальных меньшинств:

> «В первые годы Независимости политики и исследователи уделяли немало внимания этнической группе русских в Литве – в связи со сменой государственного статуса поддержка перемен со стороны этнической группы русских была особенно необходима как для двусторонних отношений с Россией, так и для того, чтобы избежать этнических конфликтов внутри страны. Принятые в 1989 г. законы о гражданстве и национальных меньшинствах, как и установленный в Конституции принцип национального согласия (*tautinė santarvė*), были важными шагами в направлении создания институциональной основы для интеграции национальных меньшинств. Тем не менее положительная международная оценка политики национальных меньшинств не способствовала дальнейшему ее развитию – при формировании политики социальной интеграции в Литве на уровне институций практически не уделялось внимания этническим группам, а развитие политики интеграции национальных меньшинств во второе десятилетие Независимости было достаточно случайным и поверхностным. <...> Уменьшение количества жителей, реорганизация сети образовательных учреждений, структурные перемены на рынке труда – эти важные процессы по-разному коснулись этнического большинства (литовцев) и этнического меньшинства (русских)» (Petrušauskaitė et al. 2012: 15).

Таким образом, исследования проблем интеграции русских в Литве сохраняют свою актуальность на фоне общих социальных перемен, которые сложно

оценивать однозначно. По мнению некоторых исследователей, проблемы этнической толерантности обострились в Литве в 2011 г. «в связи с новым законом об образовании, принятым 17 марта 2011 года, и несколькими санкционированными маршами неонацистов, прошедшими в начале 2011 г. в крупных городах Литвы» (Брюшинкин и др. 2011: 63). Безусловно, подобные события способствуют этнической мобилизации и актуализации этнической составляющей социальной идентичности граждан. Однако стоит отметить, что проходившие в том же году выборы самоуправлений Литвы (26 февраля 2011 г.) были достаточно успешными для политиков, представляющих русскую общину в Вильнюсе: в Вильнюсском самоуправлении они получили 3 мандата и были включены в правящую коалицию, которой руководит либеральный политик Артурас Зуокас (как мэр Вильнюса он принимал участие в массовом праздновании «Дня России», проходившем 12 июня 2011 г. в Вильнюсском парке Вингис). То есть, несмотря на то что политизированный публичный дискурс в Литве в целом недружелюбен в отношении России, нельзя на его основании судить не только о положении русского меньшинства в Литве, но и о существующем в сознании литовских граждан образе России (см., например: Гайдис 2013; Русская диаспора Литвы 2011: 29–31).

В свете вышесказанного задача данной статьи нам видится в том, чтобы обсудить теоретические и практические проблемы исследования интеграции и идентичности русских в Литве исходя из новых данных (последней переписи населения Литвы (2011 г.) и экспертных интервью, которые проводились в Вильнюсе весной 2011 г. в рамках проекта «Эволюция социокультурной идентичности русского населения Литвы»[3]).

Интеграция русских в Литве: процесс и результат

Говоря о положении этнических меньшинств в том или ином государстве, большинство современных исследователей отдают предпочтение термину «интеграция», который, с одной стороны, менее нагружен негативными коннотациями, чем понятия «ассимиляция», «адаптация», а с другой стороны, задает аналитические рамки, более точные, чем иные положительно нагруженные термины – к примеру, «мультикультурность» (Bosswick et al. 2006: 9–10).

Само слово «интеграция» указывает на *процессуальность*, которую нередко считают одной из важнейших составляющих этого понятия, т.е. под интеграцией понимают «интеграционный процесс». «Адаптация», «ассимиляция» также подразумевают процесс, однако термин «интеграция» особенно подчеркивает его двусторонность, взаимосвязанность, интерактивность. Не только меньшинство вынуждено приспосабливаться к большинству, но и большинство сталкивается с необходимостью адаптации, поскольку меньшинства вносят изменения в социальную структуру общества в целом; в итоге ответственность за успех инте-

грационного процесса распределяется между принимающим государством и иммигрантами.

Упор на процессуальность интеграции способствует осознанию того, что требуется время для взаимного приспособления, но при этом неизбежно возникает вопрос: что является итогом и желаемым результатом процесса интеграции? Например, в Указе Правительства Литовской Республики от 17 октября 2007 г. («Об утверждении стратегии развития политики национальных (этнических) меньшинств до 2015 г.») интеграция определяется как «сохранение национальной (этнической) идентичности и вместе с тем способность влиться в культуру и общество большинства»[4]. Но возможно ли это в принципе? Ведь если мы понимаем идентичность как нечто непрерывно изменяющееся, переопределяющееся в новых культурных, социальных, политических условиях, – корректно ли вообще говорить о ней в терминах «сохранения»? Интеграция и «сохранение идентичности» скорее разнонаправленные, чем параллельные процессы. По сути, в политическом контексте интеграция – это процесс, в ходе которого происходит взаимное приспособление меньшинства и принимающего государства/общества, при этом перед меньшинством стоит задача отнюдь не по сохранению своей идентичности, но по выработке новой, которая позволила бы социально и психологически комфортно совместить имеющиеся модели самоидентификации и новые условия существования; задача принимающего государства/общества в основном заключается в создании условий для как можно более плавного и безболезненного перехода к новой идентичности. Таким образом, цель, обозначенная как «сохранение» идентичности, представляется не более чем риторической формулой.

В научном дискурсе «интеграцию» предпочтительнее рассматривать не как целенаправленный процесс, имеющий четко определенную конечную цель, но как своеобразную «химическую реакцию» между большинством и меньшинством при непостоянных условиях. На деле реализовать такую установку, используя термин «интеграция», оказывается непросто: отчасти в силу того, что само слово нагружено положительно-интенциональными коннотациями, отчасти потому, что в подобных исследованиях, как правило, жестко заданы рамки, определяющие их актуальность, которая видится в том, чтобы дать оценку направлению интеграции и указать на возможные препятствия или последствия (см., например: Русская диаспора Литвы 2011). В свете вышесказанного важно отметить, что в данной статье понятие «интеграция» используется не столько для обозначения рамок исследования, сколько в качестве отправной точки для размышлений о том, каким образом до сих пор исследовался комплекс проблем, связанных с ситуацией русского меньшинства в Литве, и в каком направлении такие исследования могли бы развиваться.

Принято различать несколько взаимосвязанных уровней интеграции: структурную интеграцию, культурную интеграцию (аккультурацию), интерактивную

(социальную) интеграцию и идентификационную интеграцию. *Структурная интеграция* определяется гражданским статусом меньшинств и наличием/отсутствием доступа к позициям и статусам в структуре принимающего государства. *Культурная интеграция* (аккультурация) связана с наличием/отсутствием компетенции, необходимой для того, чтобы претендовать на те или иные позиции в принимающем государстве. *Интерактивная (социальная) интеграция* подразумевает степень вовлеченности иммигрантов в первичные отношения и социальные сети принимающего общества. *Идентификационная интеграция* проявляется в наличии/отсутствии чувства принадлежности, соотнесенности с группами на этнической, региональной, локальной и/или национальной основе (Bosswick et al. 2006: 9–10).

Охарактеризуем русское (русскоязычное) меньшинство в Литовской Республике по четырем указанным интеграционным параметрам. По данным последней переписи (весна 2011 г.), 176 913 жителей Литвы считают себя русскими, что составляет 5,8% от общего населения Литвы (3 043 429 человек). Крупнейшим этническим меньшинством Литвы являются поляки (6,6%), к представителям титульной нации себя причисляют 84,2% населения.

Выше мы уже упоминали, что в Литве всем жителям было предоставлено гражданство и равные (по закону) гражданские права. Таким образом, были созданы предпосылки для успешной структурной интеграции. Одним из основных препятствий стала необходимость переквалификации русских, поскольку многие работали в советских военных структурах и на промышленных предприятиях Литвы, большинство из которых были закрыты (Gaidys 1994: 104). Кроме того, русское происхождение долгое время осознавалось и все еще воспринимается некоторыми как отягчающее, хотя и преодолимое, обстоятельство для политической карьеры в Литве.

Интерактивная интеграция русского меньшинства, которую можно считать одним из показателей предрасположенности к сближению с титульной нацией, как показывают опросы и исследования, также весьма успешна. Все нами опрошенные эксперты (как представители титульной нации, так и меньшинства) отмечали незамкнутость русско(язычно)й общины по сравнению с еврейской или польской. Как правило, этот факт объясняют особенностями русского менталитета. Некоторые респонденты при этом ссылались на культурные мифы (о широте русской души или о том, что русским может считать себя тот, в ком течет семь кровей), тогда как исследователи отдают предпочтение историческому (имперскому) объяснению открытости русской общины: «Большинству русских уподобление советского гражданина русскому после развала Советского Союза помогает интегрироваться в условиях независимой Литвы» (Leonavičius 1997: 76). Томас Венцлова в 1980 г. писал, что русским свойственно некое «вторичное национальное чувство», которое начинает проявляться на нерусском фоне (Venclova 1991: 169). Это замечание кажется одновременно точным (в свете

вышесказанного) и сомнительным – всякое национальное чувство можно считать «вторичным», поскольку любая нация формируется через осознание себя в связи с другими нациями, одновременно ориентируясь и противопоставляя себя им.

По данным Департамента статистики, на основе которых на популярном литовском портале «Делфи» был опубликован обзор «Литовцы все чаще женятся на русских» (Zverko 2011), русские девушки в Литве лидируют по количеству международных браков (этот факт можно интерпретировать не только как очередное свидетельство открытости русской общины, но и как предрасположенность к эмиграции). При этом опрошенные нами эксперты интуитивно убеждены, что абсолютное большинство браков в Литве все-таки заключаются между гражданами одной национальности и этнического происхождения. То же касается и близких дружеских отношений, несмотря на то что круг общения (за редким исключением) является этнически разнообразным. Формы организованно-коммерческого досуга и разного рода неформальные (творческие, молодежные) объединения собирают, как правило, многонациональную аудиторию. При этом многие мероприятия, как будто рассчитанные в первую очередь на русскоязычную общину, посещаются едва ли ни в большей степени литовской публикой (например, спектакли Русского драматического театра Литвы). Многие русскоязычные респонденты говорили о том, что у них есть хорошие друзья среди представителей титульной нации, но неоднократно было высказано мнение, что для «душевного общения» русский скорее выберет русского. Это во многом связано со степенью владения литовских языком, что отмечалось и самими респондентами, но может быть обусловлено еще одним обстоятельством: в русско-литовских коллективах, даже когда людей связывают дружеские отношения и общие профессиональные задачи, существуют «проблемные» темы, которые способствуют этнической мобилизации, такие темы нередко оказываются табуированными и в личном общении (о социальной дистанции между этническими группами в Литве см. подробнее: Касаткина 2007: 28–29).

Конечно, фактический успех интеграции этнического меньшинства не обеспечивается только законодательством и первичными социальными связями. Во многом он зависит от степени аккультурации: наличия необходимой компетенции (прежде всего, знания государственного языка, с которым связан как доступ к высшему образованию, так и к профессиональной реализации в государственном секторе) и положительной самоидентификации в контексте Литвы, без которой невозможна ответственная гражданская позиция. Именно проблемы аккультурации меньшинств были и остаются главным предметом общественных дискуссий. Стороны, отстаивающие разные позиции (например, Ассоциация учителей русских школ и Министерство образования Литвы), спорят по преимуществу о том, каков «нормальный» темп культурной интеграции и как

оценивать ее промежуточные результаты. Конфликт между представителями общин (польской и русской) и Министерством образования, обострившийся в связи с поправками к Закону об образовании (2011), по сути сводился к разной трактовке понятия «интеграция». Представители интересов меньшинств небезосновательно утверждают, что меньшинства достаточно интегрированы в литовское общество (то есть могут на равных с титульной нацией конкурировать за места на рынке труда, предрасположены идентифицировать себя и связывать свое будущее с Литвой[5]). При этом государство не склонно считать интеграцию меньшинств завершившимся процессом, в связи с чем возникает подозрение, что истинная цель интеграции – сама интеграция, а не тот или иной – всегда промежуточный – результат. В новейших исследованиях политики интеграции меньшинств отмечается, что одно из противоречий этой политики связано с тем, что все еще не прояснен вопрос о соотношении гражданской нации Литвы (*Lietuvos pilietinės tautos*) и этнической литовской нации (*etninės lietuvių tautos*) (Petrušauskaitė etc. 2012: 20), в частности поправки к Закону об образовании можно считать свидетельством тому, что меньшинства интегрируются не в гражданское общество Литвы, но в культуру большинства.

Надежда Лебедева, проводившая в 1994–1995 гг. сравнительное социально-психологическое исследование по аккультурации русских в Казахстане, Узбекистане, Эстонии, Литве, Азербайджане, Армении и Украине, в качестве «наиболее успешного выхода из кризиса социальной идентичности» отмечала активную деятельность «по формированию социальных институтов новой русской диаспоры», которая, как предполагалось, «позволяет сохранить позитивную этническую идентичность и толерантность – главные психологические условия интеграции и бикультурализма» (Лебедева 2000: 50). Другой массовой стратегией поведения, спровоцированной необходимостью аккультурации, по мнению Лебедевой, была миграция (репатриация) в Россию.

На основе проведенных в 2011 г. экспертных интервью можно утверждать, что две основные стратегии поведения (формирование новой диаспоры и отъезд в Россию), возникшие как реакция на первом этапе аккультурации, с позиций сегодняшнего дня многими русскоязычными жителями Литвы оцениваются негативно. Низкий уровень консолидации русских в Литве и слабые навыки самоуправления (в отличие от польской, еврейской и белорусской диаспор) обычно объясняют социокультурной гетерогенностью общины (Русская диаспора Литвы 2011: 9; об исторически сложившихся группах русских в Литве см., напр.: Gaidys 1994: 91–93). Альтернативой неудачным попыткам консолидации диаспоры на этнополитической основе (например, партии «Союз русских Литвы», «Русский альянс») можно считать успешные региональные сообщества, объединяющие на профессиональной почве представителей меньшинств трех балтийских стран (например, проект «Балтийский архив»[6]), однако здесь уже речь идет о преодолении государственных границ и формировании локальных

профессиональных сообществ, в которых этническая составляющая проявлена только в случае словесных искусств (литература, театр) и гуманитарной интеллигенции (филологов, исследователей русской культуры).

Русскоязычные эксперты отмечают, что репатриация более не кажется привлекательной, во всяком случае, в наиболее доступном варианте:

> «Хочешь быть русским, жить в русскоязычном пространстве – есть программы российского правительства по возвращению соотечественников. Но ведь вся проблема-то в том, что практически никто туда не хочет ехать, а если кто и едет, тоже очень большие препятствия встречают в самой России. По моим данным, все случаи, с которыми я сталкивался, почти 99 процентов, кто уехал – глубоко сожалели и процентов 60 из них вернулись. С большими потерями, но вернулись» (респондент № 5, православный священнослужитель).

Если статистические данные показывают, что в 2009–2010 гг. потенциальная установка на миграцию среди всех жителей Литвы была наиболее выражена в этнической группе русских и белорусов – речь идет, конечно, не только о репатриации, но и миграции в другие страны Европы и мира (Petrušauskaitė et al. 2012: 22; Matulionis et al. 2011), то качественные опросы позволяют утверждать, что переезд местных русских в Россию (как на временное, так и на постоянное проживание) обостряет у них ощущение своей инаковости (см., например, чем русские Литвы, по их собственным представлениям, отличаются от русских россиян: Брюшинкин и др. 2011: 66–67).

Осознание того, что два основных варианта (репатриация и консолидация) решения проблемы социального и психологического дискомфорта, связанного с ситуацией «нового меньшинства», себя не оправдали, вызвало к жизни иные стратегии представителей этого меньшинства: *сознательную ассимиляцию* (например, ставшее популярным решение русскоязычных родителей отдать ребенка в литовскую школу или в литовский садик, чтобы он «не мучился»), «*повторную*» *эмиграцию* в другие страны Европы и мира (случай города Висагинаса (до сентября 1992 г. – Снечкус), где большинство населения не говорило по-литовски и, когда сократились рабочие места в связи с закрытием Игналинской атомной электростанции и возникла необходимость переезда в другие города и изучения литовского языка, многие сочли более экономически выгодным переехать на Запад и изучать, например, английский) и *замыкание на частной жизни*, существование в информационном пространстве России и пассивная гражданская позиция.

Пессимизм русскоязычных респондентов при ответе на вопрос «Способствует ли современное положение русских в Литве укреплению/размыванию этнической идентичности?» можно объяснить порой сознательным, порой интуитивным пониманием того, что результатом интеграции неизбежно яв-

ляется пересмотр существующей идентичности, что воспринимается некоторыми как ее утрата и ассимиляция с титульной нацией. По мнению одного из респондентов, «сама русскость будет приобретать такие формы, что мы не будем их вполне опознавать и будем думать, что все пропало, погибло, исчезло» (респондент № 6). Таким образом, из всех перечисленных уровней интеграции русских в Литве наиболее проблематичным оказывается идентификация – как с государством, так и с русской (русскоязычной) общиной.

Новые стратегии идентификации

Проблемы идентичности остаются наименее исследованным аспектом интеграции русских. Существенным недостатком количественных, а порой и качественных, опросов является непременное условие положительного ответа на вопрос «Считаете ли вы себя русским?» без уточнения того, почему респондент считает или не считает себя русским; считает ли он себя *только русским* или склонен конкретизировать свое этническое происхождение; считает он себя русским и/или русскоязычным и т.п. Приведем несколько примеров того, насколько неоднозначна на постсоветском пространстве связь между этническим происхождением, этническим самопозиционированием и политически окрашенной манифестацией права на свою русскость (русскоязычность).

Респондент № 8, русскоязычный писатель, редактор литературного журнала на русском языке:

«В паспорте я вообще белорус. <…> У нас смешанная семья, но они [родители] Белоруссию считают родиной. Мама белоруска, отец еврей. Ни одной еврейской традиции не придерживается, не говорит... Вообще я долго думал, когда это было горячей темой... И вот для себя, человека, как я уже говорил, очень скептически настроенного по отношению к советской идеологии, советской власти, национальность свою в конце концов определил. Советский. Вот это наиболее правильно».

Респондент № 9, учитель в русской школе, член Ассоциации учителей русских школ Литвы, активно участвующий в публичных дискуссиях по вопросу русских школ:

«Во мне ни одной капли русской крови нет. По матери я из литовских евреев: литваки, мамина родня уходит корнями где-то в XVII век. Мой отец меня не воспитывал, так уж получилось. Он из казанских татар. Но, родившись здесь, в советское время, закончив советскую школу, я ощущаю себя русской <…>. Я всегда себя ощущала человеком русской культуры. Для меня русский язык – это родной язык. Потому что работаю столько лет в русской школе, защищаю русскость <...>. Участвовала в переписи населения, указала свою национальность по матери».

Респондент № 7, журналист, член правления русских культурных организаций Литвы:

«[Я] очень смешанных кровей. Во мне течет вот эта русская составляющая, еще есть польская, <…> то есть мои прадеды по дедушкиной линии, они бывшие поляки, стали русскими, виленчане уже. <…> Отец у меня еврей. И кто я есть? Я вот виленчанка <…>. Конечно, когда меня спрашивают, что меня роднит с русскостью, – это, разумеется, язык. Он меня всю жизнь кормит. Я всю жизнь говорю по-русски, то есть он меня кормит в прямом смысле слова. Я работаю на русском языке – пишу на русском, говорю на русском и русистику закончила. Язык и культура. <..> Вот перепись <...>. Раньше, в предыдущий раз, я не писала свою национальность <…>, теперь пишу <…>. Надо указать, сколько нас тут есть. Это уже некое политическое. Если еще 10 лет назад я бы подумала – могу и не указывать, зачем мне это надо. То теперь вдруг как-то так, как ежик, ощетинилась, думаю: нет, напишем. Просто для того, чтобы иметь представление, в каком мире мы живем, сколько нас есть, чтоб нас по головам все-таки пересчитали».

Возникает вопрос: уместно ли вообще в таком случае исследовать русских (русскоязычных) в Литве как некоторую объективно существующую общность? Может быть, более корректно ставить вопрос иначе: кто и почему на данной территории считает себя русским или считает нужным самоактуализоваться в обществе именно через русскость? Каково в каждом конкретном случае смысловое наполнение самого понятия «русскость»?

В похожем ключе рассуждала и Наталия Касаткина (Касаткина 2007: 21), однако, на наш взгляд, ей не удалось последовательно и до конца реализовать обозначенную программу: рассматривать этническую идентичность как форму социальной организации, а не как выражение определенного культурного комплекса. Для этого пришлось бы редуцировать все предварительные знания на этот счет, включая личный и исследовательский опыт, что вряд ли вообще возможно. Тем не менее представляется полезным вслед за Касаткиной пройти этот путь и обсудить некоторые положения.

Остановимся подробнее на предложенной Касаткиной схеме определения элементов этнической структуры общества (табл. 1).

Данная схема вызывает немало вопросов. Прежде всего, складывается впечатление, что основные четыре группы возникают не как результат анализа по указанным критериям, но известны *заранее* и призваны называть *объективно существующие* в обществе типы *этнических групп*. На наш взгляд, речь идет именно о группах, несмотря на то что Касаткина постулирует отказ от «группового» понимания этничности. Упомянутые типы этнических групп присутствуют во многих исследованиях, но их кажется уместным использовать в более узком смысле – как наименования типов интеграционной идентификации (именно по таким критериям они, как правило, и описываются).

Таблица 1. **Определение элементов этнической структуры общества**

Основные элементы	Сохранение этноконфессиональной идентичности	Гражданские права	Общинная консолидация	Социальная интеграция		
				Удовлетворенность социальным статусом	Наличие социальной «ниши»	Экономическая ситуация
Доминирующая этническая группа	+	Предоставлены все г. п.	+?	+	–	?
Этническое меньшинство	+	Ущемление прав	– +	–	+ –	?
Диаспора	+	Ущемление прав	+	–+	+	?
Граждане иноэтнического происхождения	–	Предоставлены все г. п.	–	+	–	?

Источник: Касаткина 2007: 35.

Таблица 2. **Типы интеграционной идентификации**

	Ощущение принадлежности к исторической родине	Ощущение принадлежности к принимающей стране
Меньшинство	Выражено	Выражено
Диаспора	Выражено	Ослаблено
Граждане иноэтнического происхождения	Ослаблено	Выражено
Альтернативные стратегии	Ослаблено	Ослаблено

Источник: Разработано авторами на основе выделяемых Касаткиной элементов этнической структуры общества (Касаткина 2007: 33–37).

Предложенная логика обнаруживает потребность в четвертом типе интеграционной идентификации, когда ослаблено ощущение принадлежности как к исторической родине, так и к принимающей стране. При этом четвертым элементом данной классификации, в отличие от предлагаемой Касаткиной, никак не может быть титульная нация. Скорее можно говорить об альтернативных стратегиях идентификации, в основе которых может лежать, например, сама ситуация этнокультурного пограничья, маргинальности вне этноса или крайней индивидуализации, когда самосознание формируется в глобальном, локальном, профессиональном, групповом или подчеркнуто-частном контексте.

Как кажется, именно завязка на эти названия и не позволила Касаткиной сформулировать четкий ответ на поставленный в заглавии вопрос – что из себя представляет русское (русскоязычное) меньшинство (меньшинство, диаспору или часть гражданского общества), – поскольку получается, что оно обнаруживает черты и одного, и другого, и третьего, и четвертого, не обозначенного в классификации.

Второй сомнительный момент предложенной Касаткиной схемы – экономический параметр социальной интеграции, который везде выражен вопросительными знаками (и, стало быть, мало что нам сообщает). Аспект экономической ситуации в качестве параметра социальной интеграции важен в нескольких случаях: а) когда общество четко разделено (например, США до Мартина Лютера Кинга); б) когда экономическая ситуация существенно отличается от ситуации доминирующей этнической группы. В остальных случаях нет необходимости учитывать этот аспект.

Третий момент – аспект «гражданских прав» (civic) уместно было бы расширить до «гражданственных прав» (citizenship), чтобы принять во внимание: а) структурную/функциональную/институциональную интеграцию; б) пассивную или активную природу гражданства – в зависимости от того, разрабатывается ли гражданство сверху (государством) или снизу (при участии локальных институций и локальных социальных инициатив и движений); в) отношение между публичной и частной сферами в гражданском обществе.

Не представляется возможным говорить о типах интеграционной идентификации в терминах «или–или». А утверждение «и–и» требует конкретизации с точки зрения социальных ниш и исторически сложившихся групп внутри конструируемого государством и большинством исследований «единого» русского (русскоязычного) меньшинства.

Таблица 3. **Типы интеграционной идентификации в связи с исторически сложившимися группами русских Литвы**

Типы интеграционной идентификации	**Исторически сложившиеся группы русских в Литве в связи с их социальным статусом**
Этническое меньшинство	Гуманитарная и творческая интеллигенция; русские, целенаправленно эмигрировавшие в независимую Литву
Диаспора	Те, чей социальный статус снизился после провозглашения независимости Литвы (советские функционеры, работники закрывшихся предприятий); гуманитарная и творческая интеллигенция
Граждане иноэтнического происхождения	Представители групп, имеющих досоветскую предысторию (старообрядцы, потомки белоэмигрантов); русскоязычные из смешанных семей; те, чье самосознание формировалось в независимой Литве (молодое поколение)

Альтернативная идентификация	Родившиеся в советское время на территории СССР, но, как правило, за пределами России: осознают себя представителями «советской нации» – без идеологической нагрузки, однако с размытой идентичностью; молодое поколение (глобальный/европейский контекст формирования идентичности); и др.

Источник: Разработано авторами.

Приведенная классификация еще требует проверки и уточнения, поэтому предлагается лишь в качестве ориентира для дальнейших количественных и качественных исследований.

Одна из наиболее распространенных альтернативных идентификаций, которую стоило бы обсудить в заключение, – это так называемая европейская идентичность. Исследователи из разных стран продолжают спорить о том, имеет ли она смысл (Jacobs et al. 1998; Kohli 2000; Karolewski et al. 2006; Checkel et al. 2009). Примеры таких сомнений можно обнаружить и в интересующих нас смежных по проблематике исследованиях. Например, Алла Лихачева, исследовавшая различия идентичностей русских и русскоговорящих, заканчивает свою презентацию вопросом: «Очень точно звучит мнение одного из респондентов из Клайпеды: "Не понимаю, что значит говорить: я человек Европы или мира. Это все равно что говорить: я человек!" Разве она не права?» (Lichačiova 2009). Тем не менее, по результатам опросов, проводившихся как накануне и во время вступления в Евросоюз (Šutinienė 2004), так и пять – восемь лет спустя (Матулионис 2013), европейская идентичность, позволяющая примирить конфликтующие национальные самосознания в рамках единой «европейской цивилизации», оказывается особенно востребованной среди представителей меньшинств Литвы (Šutinienė 2004: 28–29) – преимущественно в среде интеллигенции и молодежи, поскольку другие слои населения поддерживали вступление в Евросоюз в основном в связи с надеждой на улучшение экономических условий. Основная проблема заключается в том, что панъевропейская идентичность, наполнение которой описывалось на основе культурно-исторической и в меньшей степени географической общности стран, заложивших основы этого союза (например, принадлежность христианскому миру), вступает в конфликт с расширением Евросоюза как политической общности. Параллельно предпринимаются попытки «вообразить» географически более определенные европейские идентичности, например стран Балтийского региона или Центрально-Восточной Европы. Исследования альтернативных идентичностей показывают, что для представителей меньшинств разных поколений «идентификация с местностью, городом или страной проживания (Литвой) важнее, чем идентификация с Европой или Европейским союзом» (Матулионис 2013: 18).

Заключение

В большинстве исследований и опросов русское (и/или русскоговорящее) меньшинство Литвы предстает как предзаданная общность, в то время как результаты качественных интервью побуждают постоянно возвращаться к вопросу о том, кого и на каком основании следует причислять к этой общности. Несмотря на то что в теоретических рассуждениях многих исследований постулируется ориентация на подвижное понимание идентичности, такой подход остается на уровне манифеста, но не реальных методов сбора и анализа данных. На наш взгляд, русские (русскоязычные) как меньшинство конструируются извне – литовским законодательством, обществом и исследованиями, в которых часто едва ли не как недостаток, свидетельствующий о своеобразной неполноценности, отмечается низкий уровень консолидации на уровне организаций.

Понятие интеграции, на изначальную противоречивость которого мы попытались указать, являясь ключевым концептом при исследовании меньшинств, сближает государственный и научный дискурс, как бы объединяет их в единую конструирующую меньшинство инстанцию. Качественные интервью, казалось бы, создают предпосылку для того, чтобы было сказано и то, чего исследователь не предполагал услышать, однако подобные рамки исследования в большинстве случаев не позволяют артикулировать индивидуальные тактики сопротивления навязываемому дискурсу. Понятие идентичности в этом смысле представляется более гибким, позволяющим говорить об альтернативных идентификациях, которые отнюдь не исчерпываются упомянутыми в данной статье и еще ждут своего исследователя.

Литература

Бакунцев, А. 2011. Русские диаспоры Прибалтики в 1920–30 гг. Новый журнал. 262.

Брюшинкин, В., Андрейчук, Н., Мазур, Ю. 2011. Русские в Литве: проблема социокультурной идентичности. Слово. ру. Балтийский акцент. 3–4. 60–72.

Гайдис, В. 2013. Россия и русские в опросах общественного мнения в Литве (1989–2012). Европа: Международный альманах. XII. 85–112.

Касаткина, Н. 2004. Особенности адаптации этнических групп в современной Литве. Социологические исследования. 5. 46–54.

Касаткина, Н. 2007. Русские в современной Литве: меньшинство, диаспора или часть гражданского общества? Etniškumo studijos = Ethnicity Studies. 2. 18–42.

Лебедева, Н.1997. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. 2-е изд. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Лебедева, Н. 2000. Социально-психологические аспекты аккультурации русских в странах ближнего зарубежья. In: Etniškumo studijos: teoriniai samprotavimai ir empiriniai tyrimai: straipsnių rinkinys. Vilnius: Lietuvos filosofijos ir sociologijos institutas, Eugrimas. 38–52.

Лихачева, А., Бразаускене, Е. 2011. Русские в современной Литве: языковые практики и самоидентификация. Диаспоры. 1. 61–85.
Мазур, Ю. 2012. Сохранение этнокультурной идентичности и проблемы образования: русские в Литве. Вестник БФУ им. И. Канта. 6. 31–38.
Матулионис, А., Фреюте-Ракаускене, М., Шлявайте, К. 2013. Между локальной и европейской идентичностью: анализ этнических групп (русские, поляки, белорусы) в Литве. Вестник социальных наук. 1(15). 18–41.
Марцинкявичюс, А. 2011. Социальная адаптация русских в межвоенной Литве (1918–1940). Диаспоры. 1. 121–152.
Русская диаспора Литвы: состояние и перспективы. Итоговый аналитический доклад. 2011. М.: Центр политических технологий, Фонд «Русский мир».
Савоскул, С., ред. 1994. Русские в новом зарубежье: программа этносоциологического исследования. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
Bosswick, W., Heckmann, F. 2006. Integration of Migrants: contribution of local and regional authorities. Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, http://www.eurofound.europa.eu/pubdocs/2006/22/en/1/ef0622en.pdf (2014 02 15).
Chinn, J., Kaiser, R. 1996. Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States. Boulder, CO: Westview Press.
Hyman, A. 1997. Russian Minorities in the Near Abroad. London: Research Institute for the Study of Conflict and Terrorism.
Gaidys, V. 1994. Russians in Lithuania. In: The New Russian Diaspora: Russian Minorities in the Former Soviet Republics. Ed. Shlapentokh, V., Sendich, M., Payin, E. New York: M.E. Sharpe. 91–106.
Kasatkina, N. 2003. «Istorinės» diasporos šiuolaikinėje Lietuvos visuomenėje. Filosofija. Sociologija. 2. 37–43.
Kasatkina, N. Marcinkevičius, A., 2009. Rusai Lietuvos Respublikos visuomenėje 1918–1940 m. Istorinės retrospektyvos konstravimas. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas.
Kolstoe, P. 1995. Russians in the Former Soviet Republics. London: C. Hurst & Co. Publishers.
Laitin, D. D. 1998. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. New York: Cornell University Press.
Lavrinec, P., Potašenko, G., sud. 2013. Lietuvos rusai XX–XXI a. pradžioje: istorija, tapatybė, atmintis. Vilnius: Vilniaus universitetas.
Leonavičius, V. 1997. Tautinės mažumos ir emigrantų identiteto orientacijos. In: Semiotika. Šiuolaikinio socialinio diskurso analizė. 4. 67–76.
Lichačiova, A. 2010. Vilniaus ir Klaipėdos rusų ir rusakalbių tapatybės savivokos ypatumai. In: Miestai ir kalbos. Kolektyvinė monografija. Vilnius: Vilniaus universitetas. 125–151.
Matulionis, A., Beresnevičiūtė, V., Leončikas, T., Frėjutė-rakauskienė, M., Šliavaitė, K., Heinrich, H. G., Alekseeva, O. 2011. Research Report # 9 The Russian Minority in Lithuania. ENRI-East. Interplay of European, National and Regional Identities: Nations between States along the New Eastern Borders of the European Union. http://www.enri-east.net/wp-content/uploads/The_Russian_Minority_in_Lithuania.pdf
Melvin, N. 1995. Russians Beyond Russia: The Politics of National Identity, London: Royal Institute of International Affairs.
Petrušauskaitė, V., Pilinkaitė Sotirovič, V. 2012. Rusai Lietuvoje: etninės grupės raida ir socialinės integracijos iššūkiai 2001–2011. Etniškumo studijos = Ethnicity Studies. 1–2. 14–50.

Shlapentokh, V., Sendich, M., Payin, E., ed. 1994. The New Russian Diaspora: Russian Minorities in the Former Soviet Republics. New York: M.E. Sharpe.
Šutinienė, I. 2004. Lietuvių ir tautinių mažumų europinio identiteto paieškos. Etniškumo studijos = Ethnicity Studies. 21–32.
Venclova, T. 1991. Dvi rusų pokalbės ir rusų tautinė tapatybė (1980). In: VENCLOVA, T. Vilties formos: eseistika ir publicistika, Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 163–170.
Zevelev, I. 2001. Russian and Its New Diasporas, Washington: United States Institute of Peace.
Zverko, N. 2011. Lietuviai vis dažniau veda ruses. Delfi. 2011-03-22. http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/lietuviai-vis-dazniau-veda-ruses.d?id=43457493

Примечания

[1] Работу над статьей сделало возможным финансирование, предоставленное Советом по науке Литвы в рамках проекта «Осуществление постдокторских (postdoc) стажировок в Литве» . – *Т.Л.*

[2] О проблеме идентичности в связи с русским языком, который считают родным не только этнически русские, см., например: Laitin 1998; Lichačiova 2010. В большинстве исследований и опросов различия между русскими и русскоязычными не оговариваются, так как за основу берется либо самоидентификация (считаете ли вы себя русским?), либо «объективный» критерий этнической принадлежности (оба родителя – русские).

[3] Грант на проект «Эволюция социокультурной идентичности русского населения Литвы (ценностный аспект)» был предоставлен автономной некоммерческой организацией «Институт общественного проектирования». Исследование идентичности русского населения Литвы проводили: Автономная некоммерческая организация «Центр общественно-политических исследований "Русская Балтика"», кафедра философии исторического факультета БФУ им. И. Канта, лаборатория социологических исследований БФУ им. И. Канта в тесном сотрудничестве с «Литовским центром социальных исследований» (г. Вильнюс). В статье мы будем ссылаться на экспертные интервью и на отчет о качественном исследовании, подготовленный Ирминой Матоните, Таисией Лаукконен и Виктором Мартиновичем. Также по итогам этого исследования см. статьи: Брюшинкин и др. 2011; Мазур 2012.

[4] Lietuvos Respublikos Vyriausybė. Nutarimas dėl tautinių mažumų politikos plėtros iki 2015 metų strategijos patvirtinimo. 2007 m. spalio 17 d. 1132. 3.

[5] В первую очередь это свойственно, конечно, молодому поколению русских Литвы. Парадоксально, что закон об образовании прежде всего ориентирован на интеграцию наиболее интегрированного поколения, в то время как куда бóльшие экономические и идентификационные трудности испытывают представители «среднего» поколения, чья «социальная зрелость» совпала со сменой государственного строя. Люди пенсионного возраста вне зависимости от этнической принадлежности оказываются в Литве социально уязвимой группой.

[6] Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике, http://www.russianresources.lt/archive.

Галина Саган

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УКРАИНО-СЕРБСКИХ СВЯЗЕЙ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX в.

Abstract

This article examines how in the 1990s cooperation in the field of culture was developed between Ukraine and Serbia. It is shown how Ukrainian and Serbian Studies schools were establishedin both countries despite adverse economic and political factors that affected their formation. The reasons why the greatest success in this field was reached by philologists, historians and ethnographers are explained. The article identifies the main causes of the gap that grew in that close cooperation between two countries after the 1960s and shows concrete steps to restore relations in the sphere of culture that have been made by both sides during the defined period. The article concludes that at the end of the twentieth century Ukraine and Serbia used only a small amount of their deep historical roots of the communicative potential which could make cooperation between the two countries more effective.

Keywords: Ukrainian studies, Serbian studies, cultural communication, Slavic Studies.

Отношения между Украиной и Сербией в сфере культуры в сложные 90-е гг. XX в. продолжали развиваться и наполняться разноплановыми событиями и мероприятиями. Хотя, надо отметить, многие факторы этому препятствовали. В частности, военные конфликты, не прекращающиеся на постюгославском пространстве, существенно затянули установление дипломатических отношений между Украиной и Сербией – эти отношения были установлены только 15 апреля 1994 г., когда состоялся обмен соответствующими нотами между Украиной и Союзной Республикой Югославией (тогдашнее название Сербии и Черногории) (Чекаленко

2006). И только через два года были созданы комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Их члены подготовили необходимые документы для подписания (27 января 1997 г.) между правительствами Украины и СРЮ Соглашения о сотрудничестве в области образования, культуры и спорта (www.ukrexport.gov.ua).

Но украино-сербские связи в сфере культуры не прекращались и без официальных соглашений. В частности, значительные наработки были сделаны в области переводов сербских художественных произведений на украинский язык: в 90-е гг. XX в. вышли три украинских сборника. Наибольшие достижения в интересующее нас время были сделаны в области научного сотрудничества. В частности, наиболее важным направлением подобных связей стало формирование школы украинистов в научных институтах Сербии – к концу 90-х гг. XX в. объединение таких ученых (большая их часть работала в сфере сербской филологии) уже стало свершившимся фактом. До этого времени украиноязычный материал использовался сербскими исследователями в лингвистических студиях спорадически, преимущественно в отдельных статьях общеславистической проблематики или научных исследованиях, представленных на международных конференциях или симпозиумах по славистике.

Сербские ученые справедливо отмечали, что долгое время на исследование украинского языка обращалось мало внимания, хотя исторические связи между Украиной и Сербией имеют давние корни. Такое положение вещей во многом объясняется политическими причинами. Не без давления идеологов из Москвы, которые всячески боролись с «украинским буржуазным национализмом», до 90-х гг. XX в. в Сербии украинскую специфику практически не выделяли из русской культуры (языка, традиций и т.п.), что если и не останавливало, то, по крайней мере, существенно сдерживало становление украинистики в сербской науке.

Впервые вопрос о необходимости специального изучения украино-сербских связей и выделения их из традиционно сложившихся в сербской науке русско-сербских отношений был поднят в начале 90-х гг. XX в. сербским славистом и литературоведом Властимиром Ерчичем. Ученый отметил, что такой подход к делу никак не может быть связан с понятием национализма, «ведь украинцам и сербам есть что сказать друг другу». В. Ерчич отмечал, что в Сербии уже сформировался небольшой коллектив исследователей-украинистов, которые осознают всю важность проблемы и поставленных перед ними задач. Ученые также четко осознавали тот факт, что становление украинистики «происходит в сложных политических условиях» (Ерчић 1993: 197). Ведь в то время Российская Федерация выступала политическим союзником Сербии и пусть не прямо, но диктовала свои условия и в сфере гуманитарных исследований.

Властимир Ерчич определил и тот круг первоочередных задач, которые подлежали решению в ближайшее время: подготовка словаря или даже энцикло-

педии, в которых бы были представлены все достижения сербских и украинских славистов и где можно было бы найти исчерпывающие библиографические данные об авторах, их библиографию, литературу о них, вплоть до конкретной публикации (Сербський фольклор і література в українських перекладах та дослідженнях 2005: 199). Заслуживают внимания также предложения В. Ерчича по созданию специального информационно-документального центра украинистики с двумя отделениями – в Киеве и в Канаде или США, куда можно было бы отправлять и откуда получать информацию о достижениях украинистики в мире. Таким образом, уже в начале 90-х гг. XX в. сербские ученые предложили сформировать единую базу данных о всей украиноведческой информации, которая была наработана в Украине и диаспоре, для возможной ее систематизации по отдельным наукам.

Независимо от инициатив сербского филолога практически в то же время пришли к пониманию необходимости создания подобного специализированного центра украинистических исследований и украинские ученые. Шагом к реализации этой идеи было создание при Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко Института украиноведения, в котором были сформированы соответствующие научные отделы для изучения в первую очередь достижений украинской диаспоры. Ученые Института начали заниматься координацией исследований украинистики и непосредственно контактировали с известными научными центрами украиноведения за пределами Украины. Особенной популярностью в Институте пользовался отдел украинского языка во главе с доктором филологических наук С.Я. Ермоленко – на его основе теперь работает Центр украиноведения при Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко, который занимается исключительно научными исследованиями (Чумак 2003: 18).

Заметным явлением конца XX в. в славистических кругах стал доклад преподавателя Белградского университета Богдана Терзича на научной конференции в Киеве, посвященной 150-летию кафедры славянской филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко и 105-летию со дня рождения академика Л.А. Булаховского. Докладчик справедливо констатировал тот факт, что в прошлом, особенно в XVIII в., сербско-украинские связи были намного интереснее и интенсивнее, нежели в XX в. Заинтересованность украинской лингвистикой в сербскоязычной среде возросла уже после провозглашения Украиной своей независимости. В частности, в начале 90-х гг. прошлого века в Белградском университете для студентов-русистов были включены в учебные планы четыре семестровые студии украинского языка и литературы как второго славянского языка (Терзич 1993: 153–157).

Сербский исследователь предполагал, что впоследствии преподавание украинского языка и литературы в Белградском университете должно перерасти в специализированное изучение украинистики как основного предмета. Уже в конце

1990-х гг. такая специализация была реализована в учебном процессе. Главную задачу сербской украинистики Б.Терзич видел в активизации типологических или конфронтативных исследований, которые должны выявить как общие характеристики отдельных языковых явлений в близкородственных славянских языках, так и типологические различия языковых единиц (Терзич 1993: 15).

Славистические студии постепенно становились все более интересными и для украинских ученых. В частности, с 1996 г. Одесский национальный университет имени Ильи Мечникова издает «Славянский сборник», в котором свои работы публикуют и сербские ученые. Это доктора филологических наук: профессор Белградского университета Злата Бойович; профессор Новисадского университета Милица Гркович; профессор Белградского университета Драгон Мршевич-Радовичи и др.

С начала 90-х гг. XX в. в Белграде регулярно проводились презентации украинских достижений в сфере культуры. Ведущая роль в мероприятиях отводилась изданиям с переводами украинских авторов на языки балканских народов. Благодаря этим книгам и журналам югославские народы получили возможность познакомиться с литературными, историческими и другими произведениями украинских авторов, по-новому прочитать историю Украины, которая была во многом исковеркана под «генеральную линию, определенную коммунистической партией».

Рост количества переводной литературы был важен еще и потому, что, по подсчетам эксперта в украинистике, профессора Белградского университета Л. Попович, с 1800 г. до конца XX в. был осуществлен перевод всего семисот библиографических единиц. Такое количество хотя и свидетельствует об определенной заинтересованности сербов украинским литературным достоянием, но в сравнении с переводами с других языков это довольно невысокий результат (Попович 2006: 29).

Основными причинами такого неутешительного состояния дел в сфере переводов являются отсутствие государственной программы по подготовке профессиональных украинистов, неудовлетворительная укомплектованность сербских библиотек произведениями украинских авторов и отсутствие соответствующих двуязычных словарей. За последнее десятилетия XX в. состояние дел в этой сфере несколько улучшилось. Со времени введения учебного курса украинского языка в Белградском государственном университете переводы украинской литературы и научные украиноведческие исследования стали распространенным явлением в сербской культурной и научной жизни. Это прежде всего свидетельствует о том, что систематическая профессиональная подготовка соответствующих кадров может принципиально изменить ситуацию.

Слависты Белградского университета еще в 60-е гг. XX в. настаивали на том, чтобы на кафедре восточных и западных славянских языков и литератур (нынешний кафедре славистики филологического факультета) ввели преподавание

украинского языка и литературы. С этой целью были разработаны учебные планы и научная программа украиноведческих студий, а отдельными соглашениями о международном сотрудничестве предполагалось приглашать преподавательские кадры из Украины. Однако тогда эти планы по разным, как уже отмечалось, внешнеполитическим причинам (напряженные отношения между СФРЮ в СССР и борьба, в том числе и спецслужб СФРЮ, с украинскими диссидентами) не могли быть реализованы.

Украиноведческие курсы на филологическом факультете в Белграде были юридически и организационно введены только в 90-е гг. XX в. Так, в 1991/92 учебном году здесь приступили к преподаванию украинского языка на уровне второго славянского языка для студентов-славистов. Первым преподавателем украинского языка стал известный сербский ученый-славист Богдан Терзич. Четыре семестровые студии языка и литературы (на втором и третьем курсах, по шесть часов лекций и практических занятий в неделю) до сих пор остаются основным источником подготовки украиноведов в Сербии.

Также в начале 1990-х гг. сербскими учеными было запланировано в рамках общей славистической концепции укомплектовать отдел славянской филологии украиноведческими студиями. То есть сформировать по мере созревания условий, прежде всего, подготовки преподавательских кадров соответствующего уровня параллельно с существующими группами русского, польского, чешского и словацкого языков группу студентов по специализации «Украинский язык и литература». Результатом упорной работы в этом направлении стало создание кафедры украинского языка и литературы, которая в 2000 г. была утверждена новым Уставом и учебно-научными планами филологического факультета Белградского университета.

Костяк преподавательского состава украиноведческих предметов в Белградском университете в 90-е гг. XX в. составляли Л. Попович, М. Иванович и Т. Гаев. В процессе преподавания украинской литературы им помогали преподаватели кафедры русинского языка и литературы философского факультета Новисадского университета – Ю. Тамаш и Я. Рамач. Согласно соглашению о сотрудничестве между Белградским и Киевским университетами в Сербию по контракту приезжали преподаватели из Украины. Сейчас преподаватели кафедры филологического факультета Белградского университета читают лекции примерно для пятидесяти студентов, среди которых восемнадцать являются профессиональными украиноведами (Попович 2006: 30).

Концепция развития украиноведческих исследований в Белградском университете была сформирована по аналогии с ведущими мировыми центрами славистики, где украиноведческие студии стали традицией. Нет никаких сомнений в том, что интенсивность и направления развития сербского украиноведения были обусловлены тем фактом, что в ведущих университетах Украины (Киевском национальном университете им. Т. Шевченко, Львовском нацио-

нальном университете им. И. Франко и Одесском национальном университете им. И. Мечникова) существуют соответствующие студии сербского языка и литературы. В течение долгих лет отдельные факультеты Белградского университета развивают сотрудничество с крупнейшими университетами Украины. По количеству совместных научно-исследовательских проектов лидерами являются технологический, медицинский, математический и сельскохозяйственный факультеты.

На международных симпозиумах и конференциях, организуемых Сербской академией наук и искусств, Матицей сербской и университетами Сербии, регулярно звучат доклады по украиноведческой проблематике (Сибиновић 1995). В течение последнего десятилетия XX в. в филологической научной сербской периодике стали обычным явлением работы, посвященные вопросам сравнительного анализа развития украинского и сербского языков, истории украинской литературы и культуры, а также исследования по украинской литературе и истории украино-сербских связей.

Одним из активных проявлений практического взаимодействия академических ученых наших стран является постоянный обмен научной и художественной литературой, научной информацией. Это направление сотрудничества является первоосновой научно-технического и культурного сотрудничества, поскольку без ознакомления научной общественности с достижениями и проблемами, над решением которых работают ученые обеих стран, невозможно определить круг взаимных научных интересов.

Упомянутые обмены с украинской стороны осуществляются прежде всего Национальной библиотекой Украины имени В. Вернадского. Правда, в 90-е гг. XX в. обмен литературой не всегда был регулярным с обеих сторон, поскольку этому препятствовали военные конфликты на территории Сербии и экономические сложности в первые годы украинской независимости. В это время из Сербии приходило всего около десяти наименований периодических научных изданий («Теологический анализ», «Югославский экономический обзор», «Статистический обзор» и др.), которые были изданиями Белградского университета и Сербской академии наук и искусств. Ситуация кардинально изменилась уже в начале XXI в. Практически все издания Сербской академии наук и искусств, Белградского и Новисадского университетов (около 30 наименований) начала заказывать и получать НБУ им. В. Вернадского. Также библиотека стала получать десятки монографических исследований, правда, преимущественно по филологии и географии.

Значительным достижением украинских ученых стало издание указателя по сербскому фольклору и литературе, в котором представлены сведения об ученых и специалистах, а также их трудах, которые развивают украино-сербские связи в области литературы и фольклора. Справочник дает сведения о переводах произведений сербских писателей и произведений сербского народного творчества на

украинский язык, о книгах, материалах научных конференций, авторефератах научных диссертаций, статьях из журналов, сборников, энциклопедий, справочников, газет на украинском, русском и сербском языках, изданных в Украине, а также о работах украинских ученых, опубликованных за пределами Украины в период с 1837 по 2004 г. (Сербський фольклор і література в українських перекладах та дослідженнях 2005).

В начале XXI в. гуманитарное сотрудничество между Украиной и Сербией значительно улучшилось. Этому способствовали, прежде всего, стабилизация общественно-политического развития обеих стран, возрождение ранее существовавших форм сотрудничества, начало новых проектов и т.д. К последним таким событиям следует отнести открытие памятной доски известному сербскому ученому и церковному деятелю Йовану Раичу на фасаде Киево-Могилянской академии в Киеве (февраль 2009 г.). В свое время (середина XVIII в.) сербский студент получил образование в этом знаменитом научно-педагогическом учреждении Украины.

Большой интерес в Украине вызвала премьера спектакля по пьесе сербского драматурга Душана Ковачевича «Профессионал» в постановке сербского режиссера Божидара Ждуровича (Киевский муниципальный театр «Созвездие», 16 февраля 2009 г.). Перевод пьесы сделали преподаватели Львовского национального университета им. И. Франко Алла Титаренко и Мария Василишин. На премьере присутствовала госсекретарь Министерства культуры Республики Сербия Надица Момерова, которая выразила благодарность Украине за поддержку, которую получила постановка пьесы в Украине (Зовнішні справи 2009: 2, 61).

Таким образом, 90-е гг. XX в. продемонстрировали живучесть традиций сотрудничества между Украиной и Сербией в сфере культуры, что объясняется их объективной природой. Обе страны, несмотря на ряд неблагоприятных экономических и политических факторов, в своих научных институтах в этот период вели работу по изучению соответственно украинистики и сербистики. Наибольших успехов в этом достигли филологи, историки и этнографы. Был осуществлен ряд украино-сербских и сербо-украинских переводов художественной и научной литературы, проведены десятки общих мероприятий как на государственном, так и общественном уровне.

Вместе с тем необходимо отметить, что в 90-е гг. XX в. фактически происходил процесс возрождения и восстановления связей, утраченных в свое время из-за политического и экономического противостояния СФРЮ и СССР. Еще в 50–60-е гг. XX в. связи между Украиной и Сербией были значительно разнообразнее и глубже, и распространялись они не только на сферу культуры, но и на технические науки, экономику.

Разрыв связей отразился и на характере возрождаемых отношений. Украинские и сербские ученые-технари и производственники в 90-е гг. XX в. решали

разные задачи – восстановление народного хозяйства после войны в Сербии и активная перестройка производства с «оборонки» на хозяйственные нужды в Украине. Это стало одним из факторов того, что в течение всего последнего десятилетия XX в. восстановление утраченных связей происходило фактически только в сфере гуманитарных наук и в образовании. Но даже в этих сферах, как мы видим, в течение всего анализируемого нами десятилетия Украина и Сербия использовали лишь незначительную часть того своего, имеющего глубокие исторические корни потенциала, который мог бы быть привлечен к формированию более объемного сотрудничества между этими европейскими странами.

Литература

276-й рік Міжнародного проекту Сербія-Україна стартував у Києві // Зовнішні справи. 2009. № 2. С. 61.

Ерчић, В. О украјинистици уопште узевши, и о њој у Срба // Зборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 1993. № 43. С. 197.

Міністерство економіки України. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.ukrexport.gov.ua/ukr/ugodi_z_ ukrain/?country=ser.

Попович, Л. Українознавство в Сербії // Українське слово. Новий Сад: Видання товариства «Просвіта», 2006. № 10. С. 29.

Сербський фольклор і література в українських перекладах та дослідженнях. 1837–2004: Матеріали до бібліографії / НАН України; Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського; редкол.: О. Онищенко (голова) [та ін.]; уклад.: Д. Айдачич, Н. Дацькова, Т. Добко, Н. Моісеєнко [та ін.]. К., 2005.

Сибиновић, М. Словенски импулси у српској књижевности и култури. Београд: Филолошки факултет. Књижевна заједница Звездара, 1995; Сибиновић, М. Иза хоризонта. Огледи из руске, украјнске, белоруске и грузијнске књижевности. Београд: Чигоја, 2002.

Терзич, Б. Деякі передумови «ставного аналізу української та сербохорватської мов // Зборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 1993. № 43. С. 153–157.

Українсько-сербські історично-культурні взаємозв'язки: Каталог книжкової виставки з фондів Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського / НАН України; Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського; уклад.: І. Дойченко [та ін.]. К., 2005. С. 64–67.

Чекаленко, Л.Д. Зовнішня політика України. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://pidruchniki.ws/12810419/politologiya/mizhnarodne_ viznannya_ukrayini.

Чумак, В.В. Україністика в Сербії: лінгвістичний аспект / В.В. Чумак // Слов'янський збірник. Міжслов'янські мовні та літературні зв'язки / Міністерство освіти і науки України; Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова. Одеса: Астропринт, 2003. Вип. X. С. 18.

Беларусь:
наступит ли завтра для десяти миллионов?

Павел Терешкович

ПОКОРНОСТЬ И САМОДОСТАТОЧНОСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Abstract

The article examines the interplay of several peculiarities of social history which caused the rise of modern Belarusian dictatorship. A severe form of serfdom, which was quite close to slavery, encompassed the majority of the Belarusian population in the 19th century and produced the patterns of behavior based on subordination and self-sufficiency. Comparative economic backwardness in the first half of the 20th century and the Soviet "kolkhoz" system preserved those models until the 1960s. A rapid industrialization and urbanization of the 1960–1980s allowed transferring them to the cities, populated almost completely by former rural dwellers. This environment provided perfect ground for the establishment of an authoritarian regime in the 1990s.

Keywords: Belarusian, comparative economic background, industrialization, authoritarian.

Восстановление авторитаризма и тоталитаризма в 2000 – начале 2010-х гг. на пространстве бывшего Советского Союза сложно не заметить даже невооруженным взглядом. Однако Беларусь на этом фоне занимает особое место. Режим, установившийся здесь после 1994 г., по своей одиозности сопоставим лишь с политическими системами отдельных центральноазиатских стран. При этом он пользуется симпатией большинства жителей соседних республик (включая и тех, которые в 2004 г. стали членами ЕС), а политические элиты постсоветского пространства охотно используют «know-how» белорусской власти по подавлению организованной оппозиции, инакомыслия и поддержания контроля над обществом. «Успешность» белорусского авторитаризма

обусловлена не только его изобретательностью, значительной социальной поддержкой (стабильно 30–40%), но и, как мне кажется, покорностью большей части населения. Иными словами, режим «успешен», потому что он не сталкивается с массовым сопротивлением. Цель этой статьи – продемонстрировать, что низкая резистентность белорусского социума к авторитаризму обусловлена исторически, глубоко укоренена в традиционных моделях социального поведения. Эти модели существенно отличаются от моделей соседних стран.

В регионе Центрально-Восточной Европы, к которому принадлежит Беларусь, исторически первой формой массовой политической мобилизации были национальные движения. Белорусское национальное движение возникает позже и добивается значительно меньших успехов в сравнении с другими народами. Это отставание в свою очередь было связано особенностями этносоциальной стратификации и экономического развития Беларуси в XIX – начале XX в. – эпохи, получившей в европейской истории наименование «век народов».

Начнем со стратификации. В середине XIX в., условно считающейся отправной точкой модернизации, Беларусь (речь идет о территории, примерно соответствующей нынешней территории Республики Беларусь) могла служить классическим примером аграрно-письменного общества: до 90% населения проживало в сельской местности. Белорусы, составлявшие до 75% всего населения, 2.5 млн человек, были почти исключительно сельскими жителями: не более 120 тыс. из них проживало в городах и 60 тыс. – в местечках. До 84% белорусов являлись православными. Большую часть горожан (до 60% населения) составляли евреи (Терешкович 2004: 83).

Экономика носила преимущественно аграрный характер и контролировалась немногочисленной группой землевладельцев-помещиков (0.3% населения). Большую часть из них составляли католики (93%), носители польской культуры и языка, которым принадлежало 77% крепостных крестьян и 94.7% земельной собственности (Самбук 1980: 15). Среди многочисленной мелкоземельной шляхты (до 4.4% населения) достаточно значительной была доля православных (в Пинском уезде, например, до 87.5%) (Терешкович 2004: 92). Однако в любом случае крестьяне и дворяне были разделены почти непреодолимой социально-психологической пропастью, усугубленной конфессиональными различиями, языковыми и культурными практиками, столетиями взаимной ненависти и маркированной практически во всем, вплоть до антропонимии.

Подобный характер социальной стратификации – типичное явление для многих регионов Центрально-Восточной Европы. Специфика Беларуси заключается в том, что крестьяне составляли подавляющее большинство ее населения: по статистическим данным конца 50-х гг. XIX в. – до 75%. Из них свыше 82% – крепостные, т.е. собственность помещиков (61.8% всего населения), остальные – казенные крестьяне, которые принадлежали непосредственно государству. Для сравнения: в Украине крепостные составляли около 44.2% населения, в Литве –

36.9, а в целом в европейской части Российской империи – 37.5%. Более того, на протяжении первой половины XIX в. в Украине и Литве удельный вес крепостных крестьян снижался (в 1817 г. – соответственно 55.6 и 53.4%), а в Беларуси, наоборот, увеличился (с 57%) (Терешкович 2004: 92, 99, 103).

К этому необходимо добавить, что и в Литве, и в Украине существовали достаточно многочисленные группы населения, свободного от крепостной зависимости и в то же время по своим этническим, языковым и конфессиональным параметрам не отличающегося от крепостных крестьян. Речь идет, например, о свободных крестьянах в Литве, составлявших от 14% населения в начале XIX в. и до 5.6% в середине XIX в. В Украине в первой половине XIX в. существовала многочисленная группа малороссийского казачества (в 1834 г., например, до 12% податного населения) (Терешкович 2004: 99, 103). Ничего подобного в структуре этносоциальной стратификации Беларуси не существовало. Таким образом, к середине XIX в. вследствие этнических и конфессиональных барьеров белорусы не имели возможности использовать опыт иного существования, иных социальных практик и моделей поведения. Разумеется, это еще не повод для стигматизации – через подобную ситуацию проходили и другие народы Центрально-Восточной Европы. Проблема состоит именно в характере крепостного права на территории Беларуси.

Преобладающей формой феодальной ренты в Беларуси (для 94.1% крепостных крестьян) в середине XIX в. была барщина. Для сравнения: в Центральном регионе России в это время уже до 54% крестьян выплачивали ренту в денежной форме (Карнейчык 1969: 44). Эти показатели представляют интерес не только с точки зрения статистики, но и для объяснения значимых социальных последствий. Отмечу, что социальная психология крепостного крестьянства, и не только в Беларуси, чаще является категорией публицистики, чем научного анализа. Есть несколько текстов, затрагивающих проблему ломки социальной психологии крестьян в эпоху коллективизации, но в нашем случае они представляют лишь опосредованный интерес (Рыбаков; Ходзін 1993: 181–183). Поэтому, на мой взгляд, более плодотворным будет обращение к анализу экономического поведения крепостных крестьян, проведенному в работах незаслуженно забытого русского экономиста Александра Чаянова, а именно в статье «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства» (публикация ее в 1966 г. в США оказала исключительное влияние на становление американской школы экономической антропологии). Главная идея Чаянова сводится к тому, что категории и законы капиталистической экономики не применимы к феномену «семейного трудового крестьянского хозяйства», составлявшего основу существования докапиталистических экономик. Это натуральное хозяйство, имеющее своей целью не получение прибыли, а удовлетворение потребностей семьи. В экономической стратегии такого хозяйства важнейшим является понятие самоэксплуатации, обусловленной пропорцией работающих и потребляющих и традиционным

уровнем потребления. Чаянов сопоставлял несколько экономических систем, включая античное рабство, рабство в Латинской Америке в первые десятилетия испанского владения и русское крепостное право в форме оброка.

«Несмотря на сходство правового положения раба и крепостного, экономические структуры рабовладельческого и крепостного хозяйств совершенно различной природы. Хозяйство крепостного ничем не отличается <…> от уже известной формы семейного трудового хозяйства. Классическое рабовладение было эффективно лишь тогда, когда рабочая сила пополнялась за счет пленения, а не за счет ее воспроизводства внутри хозяйства. В этом случае издержки производства возрастали за счет воспитания потомства и меньшей степени эксплуатации рабочей силы, в частности женщин» (Чаянов 1989: 131).

Хотя Александр Чаянов не ставил своей задачей специальное изучение крепостного права, основанного на барщине, его замечание относительно этого чрезвычайно ценно: «Переход к барщине – форме организации хозяйства, приближающейся к рабовладельческой» (Чаянов 1989: 135). И далее: «Барщина периода крепостного права в России не является рабовладением в смысле негритянского рабовладения в Америке или рабовладением систем античного мира, хотя и сближается с ними, <…> регулирующие барщину экономические закономерности не совпадают более с теми, которые выявлены нами в крепостном оброчном хозяйстве» (Чаянов 1989: 137).

Последнее различие обусловлено тем, что основанная на оброке крепостная экономика стимулирует крестьянина к выходу за пределы натурального хозяйства, включению в рыночные отношения. Суммируя взгляды Чаянова, можно утверждать, что барщина – это форма рабства (юридически), основанная на самовоспроизводстве рабочей силы в рамках натурального крестьянского хозяйства. Я бы еще добавил, что это идеальная форма рабства, не требующая от владельца крестьян и земли значительных издержек на приобретение рабочей силы, сопоставимых с теми, которые существовали, например, в античном мире. Как мне кажется, следствием преобладания барщинной системы крепостного права является формирование как минимум двух устойчивых моделей поведения: во-первых, самообеспечения, основанного на натуральном хозяйстве; во-вторых, модели безусловного подчинения, являющегося необходимым условием выживания раба-крестьянина.

К этому необходимо добавить еще одну немаловажную деталь, которая отличает Беларусь от России. Речь идет о более отдаленном эпохальном событии – земельной реформе 1557 г., сопровождавшейся разрушением общинной собственности на землю значительной части территории Беларуси (т.е. тем, что в России стало возможным лишь в 1907 г.) и даже изменением таких консервативных форм культуры, как планировка деревень и крестьянских усадеб. Введение подворного землевладения в XVI в. не означало превращение белорусского крестьянина в классического индивидуалиста. Общинные структуры

(например, «копные суды») и нормы поведения во многом сохраняли свое значение вплоть до конца XVIII в. Однако возможностей для самоорганизации и коллективных действий они предоставляли значительно меньше. Особенно это характерно для тех регионов, где преобладающей формой феодальной зависимости была барщина (Голубеў 2008: 231). Возможно, именно поэтому многочисленные крестьянские выступления в истории Беларуси не перерастали в крестьянские войны, как в России и Украине.

Таким образом, к середине XIX в. белорусский социум, на мой взгляд, представлял консервативную систему, в которой большая часть населения находилась в состоянии специфической экономической зависимости, приближающейся к рабской, и вследствие этого была лишена возможности заимствовать отличные от традиционных модели поведения, что было усилено наличием значительных этнических и конфессиональных барьеров, маркирующих социальные различия.

Следующим фактором, повлиявшим на особенности современного белорусского общества, стал запаздывающий характер модернизации. Отмена крепостного права в 1861 г. повлекла за собой огромные перемены, однако их масштаб в Беларуси несравненно меньше, чем в соседних регионах. Перераспределение земельной собственности и увеличение наделов крестьян на протяжении второй половины XIX – начала XX в. не превратили их в производителей товарной продукции. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств носило полунатуральный и натуральный характер. По величине торгово-промышленного оборота на душу населения (своеобразный показатель валового национального продукта на душу населения и индикатор рыночной активности) Беларусь занимала последнее место в европейской части Российской империи, уступая даже Архангельской губернии. На территории Латвии этот показатель в начале XX в. составил 204 р., Эстонии – 85, Украины – 70, Литвы – 39, Молдовы – 35, Беларуси – 25(!) р. Совокупный торгово-промышленный оборот одной Риги с населением 377 тыс. человек (253 млн р.) превышал аналогичный показатель Беларуси (173 млн р.) в целом, в которой в конце XIX в. было 6.6 млн жителей (Терешкович 2004: 113–114). В ряде регионов Беларуси показатели рыночной активности были значительно ниже средних. Речь идет, например, о Беловежском регионе, где торгово-промышленный оборот составлял всего 4 р. в год на человека (абсолютный минимум в масштабах Центрально-Восточной Европы), что означало практически полное доминирование натурального хозяйства (Терешкович 2004: 171).

Белорусы по-прежнему были почти исключительно крестьянским народом, только чуть более 2% из них проживало в городах. Среди городского населения белорусы составляли лишь 16% (для сравнения: аналогичные показатели у эстонцев составляли 67%, латышей – 38, украинцев – 32%). Низким был и уровень грамотности белорусов – 13.5% (в абсолютных показателях). Для срав-

нения: у эстонцев он составлял 80%, латышей – 71, литовцев – 37% (Терешкович 2004: 117,123).

Период 1920–1950-х гг., как и предыдущий, не стал периодом полномасштабной модернизации. 1930-е гг. традиционно связывают с ускоренной индустриализацией СССР. Однако в межвоенный период в БССР ее темпы были значительно ниже. Вплоть до 1939 г. считалось, что Беларусь является приграничной зоной, в которой нет смысла развивать крупную промышленность. Хотя численность городского населения в БССР заметно возросла (до 25% в начале 1939 г.), по этому показателю республика значительно уступала СССР в целом (34%). В Западной Беларуси, представлявшей до 1939 г. наиболее депрессивный регион Польши, удельный вес городского населения не превышал 12%. К концу 50-х гг. XX в. в Беларуси по-прежнему заметно преобладало сельское население (69%), в то время как в среднем по СССР его удельный вес составлял только 52% (Раков 1969:114).

Одновременно в 1920 – начале 1950-х гг. произошли существенные изменения социальной и этнической структуры населения, вызванные коммунистической революцией и последствиями Второй мировой войны. Так, революция повлекла за собой ликвидацию польскоязычной социальной и интеллектуальной элиты: в Восточной Беларуси это произошло в 1917–1920 гг., а в Западной – в 1939–1945 гг. Рост городского населения в БССР сопровождался увеличением численности индустриальных рабочих, чей удельный вес в 1939 г. достиг 10% населения. Однако наиболее значимое явление для социальной структуры – это коллективизация, затронувшая большую часть населения в 1930–1950-х гг. Этот феномен заслуживает особого внимания. С нашей точки зрения, коллективизацию вполне уместно называть «третьим изданием крепостного права восточнее Буга». По сути, колхозная система в том виде, в каком она существовала в 30–50-х гг. XX в., мало чем отличалась от крепостничества: место помещика или управляющего занял государственный чиновник. Нередко колхозы вообще создавались на базе прежних поместий. Работа в колхозе выглядела почти полным эквивалентом барщины. А собственные потребности, как при крепостном праве, крестьяне удовлетворяли за счет работы в домашнем натуральном (или полунатуральном) хозяйстве.

С крепостничеством колхозную систему 30–50-х гг. XX в. роднит и чрезвычайно жесткое ограничение мобильности как в социальном, так и в буквальном, пространственном, смысле. Именно в 1930-е гг. «прописка» в паспорте стала одним из важнейших инструментов регулирования миграций населения. При этом колхозники сталкивались не только с «закрытием для прописки» крупных городов, но и с элементарным отсутствием самого права иметь паспорт. Единственно возможными каналами социальной мобильности для них было продолжение образования в городе, карьера в армии, работа на строительстве промышленных предприятий. Однако в условиях Беларуси воспользоваться этой

возможностью могли немногие. Колхозная система 1930–1950-х гг. в сочетании с широкомасштабными репрессиями способствовала консервации глубоко укоренившихся моделей существования – подчинения и самообеспечения за счет натурального хозяйства.

Что же касается влияния последствий Второй мировой войны для модернизации, то мне хотелось бы акцентировать внимание на социоэтнических аспектах людских потерь. Физическое уничтожение населения было в наибольшей степени характерно для городов и во многом связано с геноцидом еврейского народа. Так, например, в Минске было уничтожено до 80% населения. Некоторые небольшие города (например, Мотоль, Озеры, Куренец, Ляды) из-за малочисленности населения после войны были переведены в разряд сельских поселений (Раков 1969: 164). При этом в подавляющем большинстве малых городов (местечках) еврейское население в послевоенный период не восстановилось. В целом численность еврейского населения сократилась с примерно 900 тыс. человек в 1941 г. (оценка) до 150 тыс. человек в 1959 г. (Раков 1969: 114). Подчеркну, что, несмотря на численное преобладание евреев среди горожан на протяжении нескольких столетий, еврейская культура никогда не играла системообразующей роли в городах Беларуси. Облик белорусского города определялся доминированием польской культуры в XVII – первой половине XIX в., русской во второй половине XIX – начале XX в. или белорусской в 20-х – начале 30-х гг. XX в. Однако на протяжении XVII – первой половины XX в. евреи представляли самую стабильную группу городского населения. Поэтому их массовая гибель означала утрату носителей традиций и реальных моделей городского образа жизни и городской культуры, при этом образа жизни и культуры не вообще городских, а именно этих, конкретных, городов Беларуси. К этому необходимо добавить исключительную политическую активность еврейского населения, которая также могла стать моделью, пригодной для заимствования.

Кроме того, в результате крупномасштабных разрушений во время Второй мировой войны и послевоенной реконструкции города Беларуси во многом утратили свой исторический облик. Градообразующую роль стали играть не исторически сложившиеся центры с памятниками архитектуры, а архитектурные комплексы в стиле «сталинского ампира», не связанные с местными традициями.

Следует учитывать еще один чрезвычайно важный факт: к началу массовой урбанизации подавляющее большинство потенциальных мигрантов имели достаточно высокий уровень образования. В 1959 г. 98.2% жителей сельской местности были грамотными (Раков 1969: 134). При этом, хотя большая часть сельских школ формально считалась белорусскими, значительная часть предметов в них преподавалась по-русски, а само изучение русского языка являлось обязательным условием получения образования.

Накануне полномасштабной модернизации большинство белорусов являлись сельскими жителями (75%), потомками крепостных крестьян, повторно прошедшими испытание колхозным крепостничеством. Их ожидало переселение в города, в которых доминировал русский язык, были утрачены традиции и носители городского уклада жизни, да и сама материальная историческая городская среда.

1960-е – первая половина 1980-х гг. стали пиком индустриальной модернизации Беларуси. В эти годы республика получила колоссальные по советским масштабам инвестиции. Особенности советской статистики не позволяют предоставить точные данные. Однако известно, например, что в 1971–1985 гг. в развитие промышленности было вложено почти 23 млрд р., в сельское хозяйство – 18 млрд р. При этом инвестиции в промышленность увеличились в 3 раза по сравнению с предыдущими 15 годами. Учитывая реальную покупательную способность и официальный обменный курс рубля того времени, хочу взять на себя смелость утверждать, что такие инвестиции сопоставимы с 41 млрд дол. За 25 лет в Беларуси было построено свыше 350 крупных промышленных предприятий, многие из которых относились к числу крупнейших в СССР и Европе (Минский тракторный завод, Новополоцкий нефтеперерабатывающий комбинат и т.д.) (Нарысы гісторыі Беларусі 1995: 380–388). Объем промышленного производства за 1960–1985 гг. увеличился почти в 8.9 раза (Народное хозяйство Белоруссии в 1985 году 1986: 33).

Относительно поздняя индустриализация Беларуси по сравнению с СССР в целом обернулась тем преимуществом, что индустриальное производство в ней было оснащено технологически более современным (по советским понятиям) оборудованием и поэтому качество продукции было заметно более высоким.

Другая особенность индустриализации состояла в том, что она осуществлялась почти исключительно за счет централизованных инвестиций. Крупные промышленные предприятия непосредственно подчинялись так называемым союзным министерствам, а местная политическая элита старалась поддерживать хорошие отношения с союзным центром, так как связывала с ним свое благополучие.

Результатом ускоренного развития промышленности и ликвидации ограничений на свободное перемещение для крестьян стали быстрые темпы урбанизации Беларуси. В 1979 г. городское население составляло уже 55% всех жителей, в 1988 г. – 65%. Столица БССР – Минск, например, в 60–70-х гг. XX в. занимала первое место в СССР по темпам прироста населения. Ежегодно в столицу прибывало до 60–70 тыс. человек, до 60% которых – сельские жители. Уже в 1970 г. белорусы составили большинство городского населения (69.3%), при этом в городах стало проживать более 50% всего белорусского населения. В середине 1970-х гг. мигранты составляли до 76% городского населения, в том числе мигранты из сельской местности БССР – 47% (Этнические процессы и образ жизни 1980: 70–71).

Одним из важнейших последствий урбанизации стала массовая утрата этнической идентичности мигрантов. Выразилось это прежде всего в резком сокращении школ с белорусским языком обучения, к середине 1980-х гг. в городах не осталось ни одной белорусской школы. Вся система образования в целом была ориентирована на формирование не национальной, а общесоветской идентичности. Комплекс предметов, непосредственно воздействующий на воспитание национального самосознания, играл второстепенную роль, а история и география Беларуси вообще не преподавались как самостоятельные дисциплины.

Типичным явлением стало проявление негативного, даже агрессивного, отношения вчерашних сельчан к белорусскому языку и культуре. Такое отношение к собственной культуре вполне объяснимо и типично для любых категорий мигрантов. Для переселенцев из села это было формой адаптации к доминирующей в городах русскоязычной среде. Необходимо подчеркнуть, что массовый характер деэтнизации был во многом обусловлен воздействием господствующей идеологии. Построение коммунистического общества, объявленного основной целью советского народа, должно было произойти в 1980 г. Известно было также, что будущее коммунистическое общество будет безнациональным. В этой ситуации сохранение теряющих свои социальные позиции языков выглядело абсурдным. Известно также, что Беларуси отводилась особая роль в этом процессе. Именно во время выступления в Белорусском государственном университете в 1959 г. Никита Хрущев заявил: «Чем быстрее все мы начнем говорить по-русски, тем быстрее построим коммунизм» (Нарысы гісторыі Беларусі 1995: 402).

Реализация такой политики не встречала сколько-нибудь серьезного массового сопротивления. И это понятно. Для подавляющего большинства бывших крестьян происходившее представлялось закономерным проявлением социального прогресса. Ведь переезд в город для них в буквальном материальном смысле означал переезд из века XIX в век XX, от полукаторжного труда в колхозе и жизни в деревянной хате, лишенной элементарных удобств, к 8-часовому рабочему дню, к квартирам с горячей водой, с холодильниками и телевизорами. Естественно, что белорусский язык и культура, стабильно ассоциирующиеся с исключительно деревенским образом жизни, не могли обладать высоким социальным престижем.

Массовой утрате этнической идентичности содействовало и положение белорусской политической элиты, у которой не было никакой необходимости использовать националистические настроения для упрочения своего положения. Известно, что на протяжении длительного периода времени (20-е – середина 50-х гг. XX в.) белорусы не допускались на ключевые политические позиции в партийном аппарате. Почти все первые секретари Компартии Беларуси до 1956 г. не были белорусами. В 1951 г. в правительстве БССР белорусы составляли менее 30%. Все это, естественно, могло стать причиной для недовольства и способствовать росту национальных настроений. Белорусские политики, так называемое

«поколение партизан», пришли к власти в результате кадровых перестановок, осуществляемых Никитой Хрущевым во второй половине 1950-х гг. Это обстоятельство опять-таки способствовало усилению зависимости политической элиты от союзного центра.

И, наконец, массовая утрата национальной идентичности не встречала социально значимого сопротивления со стороны белорусской национальной творческой интеллигенции (по крайней мере, его масштабы были значительно меньшими, чем в соседних прибалтийских республиках или Украине). Сужение реального круга потребителей их продукции неизбежно превращало ее в изолированную, замкнутую саму на себя систему, подобную натуральному хозяйству. Интеллигенция все более утрачивала реальные представления о том, что на самом деле происходит с белорусским обществом.

Модернизация Беларуси имеет еще один немаловажный аспект. Массовая и добровольная русификация стала едва ли не единственной формой адаптации сельских мигрантов к новому образу жизни. Так как носители городских традиций были в большинстве своем уничтожены, произошло своеобразное «окрестьянивание» городов, проявлявшееся в устойчивом сохранении на уровне массового сознания стереотипов крестьянского поведения и мировоззрения. Их бытование было обусловлено и типично белорусским городским способом жизнеобеспечения. Подавляющее большинство вчерашних переселенцев поддерживало не только чисто родственные, но и интенсивные экономические отношения с деревней. При этом такая стратегия, абсолютно иррациональная с точки зрения результатов и затрат времени и труда, выглядела абсолютно естественной с точки зрения мигрантов. Массовое сохранение крестьянского мировоззрения в городах выражалось в тяге к уравнительному распределению, восприятию торговли не как труда, а как формы обмана, чисто крестьянскому консерватизму, подозрительности ко всему новому, непонятному, что прекрасно сочеталось и взаимодополнялось господствующей коммунистической идеологией.

Во второй половине 1980-х гг. экономика Беларуси еще находилась на подъеме, а сама республика нередко воспринималась как оазис благополучия в измученном очередями за хроническим дефицитом СССР. В этих условиях в среде белорусской политической элиты не появился, да и не мог появится, лидер, способный опереться на ожидание реформ либо на всплеск националистических настроений (подобно Борису Ельцину или Леониду Кравчуку). Выработанная в узком кругу интеллектуалов идеология национального движения была не понятна большинству, для которого перестал быть родным белорусский язык и не стал таковым русский (в его литературном варианте). Обретение государственной независимости в большей степени стало результатом игры случая (впрочем, и не только в Беларуси), чем результатом целенаправленной массовой борьбы, а поэтому не могло восприниматься как ценность. Робкие экономические и политические реформы, попытки возродить белорусский язык и культуру

в начале 1990-х гг. совпали со стремительным падением уровня жизни. Именно поэтому на уровне массового сознания обнищание стало стабильно ассоциироваться с демократией и национализмом, что и обусловило сравнительно легкую победу Александра Лукашенко на выборах 1994 г. Его политическая риторика и методы авторитарного правления одновременно соответствуют устоявшимся моделям социального поведения белорусов и эксплуатируют их. Показательна в этом отношении экономическая стратегия, называемая импортозамещением, – своеобразная проекция самообеспечения на всю страну, полностью соответствующая логике натурального крестьянского хозяйства. Александр Чаянов писал, что с точки зрения политэкономии капитализма экономика крестьянского хозяйства нередко выглядит абсурдной. Крестьянин, например, может арендовать землю по завышенной цене, при которой никакое производство не даст прибыли. Дело в том, что крестьянское хозяйство и не предполагает этого. У крестьянина иная экономическая логика. Главное не стоимость продукции, а чтобы все едоки в семье были накормлены. Все тот же Чаянов заметил, что полунатуральное крестьянское хозяйство может существовать на периферии и даже в контексте индустриальной экономики сколь угодно долго. Но одно дело хозяйство или даже регион, другое дело – страна. Да и важнейшим вызовом современной эпохи уже давно является не индустриализация, а включение в глобальное постиндустриально-информационное общество. Очевидно, что экономическая стратегия натурального хозяйства исчерпала себя и эта драма очерчивает среднесрочную перспективу развития Беларуси. Развитие этой тенденции оставляет все меньше социального пространства для консервации традиционных моделей поведения.

Литература

Голубеў, В.Ф. Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст. Минск, 2008.

Карнейчык, Я.І. Беларуская нацыя. Гістарычны нарыс. Мінск, 1969.

Народное хозяйство Белоруссии в 1985 году. Статистический ежегодник. Минск, 1986.

Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / рэд.: М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышынскі [і інш.]. Ч. 2. Мінск, 1995.

Раков, А.А. Население БССР. Минск, 1969.

Рыбаков, П.А. Социальная психология крестьянства московской области в период сплошной коллективизации. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://elibrary.ru/item.asp?id=17285909; Ходзін, С.М. Практыка бальшавіцкай улады на Беларусі і змены ў сацыяльнай псіхалогіі сялянства // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: новыя канцэпцыі і падыходы. Мінск, 1993.

Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1980.

Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004.

Чаянов, А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.

Этнические процессы и образ жизни / ред. В.К. Бондарчик. Минск,1980.

Игорь Гафаров

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В БЕЛАРУСИ

Abstract

The peculiarities of gender relationships on post-Soviet space, in particular in Belarus, can be explained using the notion of identity. The relationship of a person's identities is often illustrated with the metaphor of an onion. While relatively correct in some aspects, this metaphor gives an impression that there is a universal hierarchy of identities.

We would rather say that each of the multitudes of identities has a different importance and role for every person. This includes national, religious, professional or sub-cultural identity as well as gender identity. For each social actor any of these can be crucial.

It leads to a situation where actors' interaction is based on different types of identities. In the case of gender it creates two kinds of problems. The first one is well-known all over the world as people appeal to other identities in the space where gender is discussed. The most obvious example is the case of Muslim female headgear that is interpreted as a sign of religious identity. Identification with a certain group becomes more important than personal rights and freedoms.

Another kind of problem more characteristic of such countries as Belarus arises when gender identity is applied in the space where other kinds of social identity should be discussed. What we mean here is not a persistent feminist critique but rather the 'naturalization' of gender. The situation can be described with the post-colonial concept of the 'culture(s) of poverty'. We study the notion of the 'culture of poverty' and try to conceptualize it in the context of the theory of the routes of modernization. It can be seen as a result of a marginalizing cultural contact, when local cultures lose their own values but do not fully accept the colonizing ones.

With the destruction of traditional gender roles, which, while often discriminatory to women, presented a complex network of roles for different ages, sexes and social standing; the social landscape is flattened to the opposition of two genders.

Based on the examples of how such binary opposition is enacted, we will try to analyze the reasons for its appearance in a post-colonial situation and discover the extent of its influence.

Keywords: gender, identity, culture of poverty, post-colonialism, modernity, cultural hybridization.

Межгендерные отношения в Беларуси, как и в большинстве постсоветских стран, выстраиваются непросто и неоднозначно. На различных уровнях социума поднимается вопрос прав женщин, существует – пусть и немногочисленное – женское движение, при этом западный проект феминизма не пользуется популярностью у большинства представителей обоих полов, ратующих за «естественность» женских и мужских ролей.

Особенности гендерных взаимоотношений на постсоветском пространстве в целом, и в Беларуси в частности, могут быть объяснены с помощью понятия *идентичности*. Отношения между различными идентичностями человека часто иллюстрируют метафорой луковицы, представляя дело так, словно не только в нашем описании, но и в реальности они располагаются «слоями».

Эта метафора опирается на концепцию, которую, пользуясь термином известного антрополога Клиффорда Гирца, можно назвать *стратиграфической* (Гирц 2004: 43–69). Гирц использовал этот термин для описания интеллектуальной стратегии, согласно которой человек состоит из нескольких «уровней» – биологического, психологического, социального и культурного, каждый из которых опирается на те, что находятся ниже, и поддерживает те, что выше. При рассмотрении этой структуры каждый из слоев представляется сущностно отличным от соседнего.

Интеллектуальная стратегия подобного типа применяется не только для исследования человека, но и для анализа структуры идентичности. Стратиграфически вычленяются идентичности национальная, региональная, этническая, профессиональная, религиозная, расовая, генеративная и гендерная, будто каждый человек осознает себя и «предъявляет» свои идентичности в строго иерархизированном порядке.

Однако в случае исследования идентичности подобная стратегия «срабатывает» лишь в определенных исторических условиях. Она релевантна только в период возникновения и развития национальных государств. Национальная идентичность выступала и теоретически осмыслялась как первичная, надстраиваемая над религиозными или социальными идентификациями, поскольку, как отмечал Бенедикт Андерсон, ее актуализация была связана с обесцениванием двух культурных систем: религиозного сообщества и династического государ-

ства. Разрушение легитимности установленной Богом иерархической династии и религиозных убеждений потребовало натурализации этнических различий и создания «глубокого горизонтального товарищества» подданных одного государства (Андерсон 2001).

Актуальная ситуация представляется совершенно иной. Она знаменуется «сдвигом границ современности» – потрясением социальной и политической системы старых национальных государств, возникновением государств «новых», формированием транснациональных корпораций как мировых экономических акторов и субъектов политической жизни, частичным отказом от нормативных образцов и эссенциалистских дефиниций гендера, расы и вероисповедания. В этих условиях нельзя говорить об универсальной иерархии идентичностей. Скорее, обращаясь к терминологии Гирца, необходимо указать на необходимость *синтетической* интеллектуальной стратегии описания идентичностей. Идентичности переплетаются, находятся во взаимодействии и различным образом обусловливают друг друга. Для их описания целесообразно использовать не метафору луковицы, а скорее метафору сети. Сети различны и зачастую индивидуальны. Каждая из множества идентичностей имеет различную важность и играет разную роль в жизни человека. Это касается национальной, региональной, профессиональной, субкультурной, а также гендерной идентичностей. Для отдельного актора любая из них может иметь первостепенную значимость и оказаться ключевой. Это создает ситуацию, в которой акторы взаимодействуют, основываясь на различных типах идентичностей.

В случае гендерной идентичности это провоцирует возникновение двух основных родов проблем. Проблемы первого рода в настоящее время достаточно широко распространены во всех культурах – в пространстве обсуждения гендерной идентичности люди апеллируют к идентичностям других разновидностей. Самым очевидным примером является проблема «покрытых голов» верующих женщин различных конфессий. Критиками женского неравноправия требование «покрытия голов» рассматривается как предписание определенной нормы *женского* поведения (ведь верующие мужчины покрывать голову не обязаны), в то время как самими верующими – как религиозный символ («мы – мусульманки / православные христианки / индуистки»). В данном случае очевидно, что идентичности не укладываются «слоями», но у каждой из спорящих сторон происходит «выдергивание» одной из них – как более значимой – из сетевого переплетения идентификаций, то есть отнесение себя к определенной религиозной группе становится важнее / менее важным, чем личные права и свободы.

Проблемы второго рода, характерные для постколониального пространства, возникают, когда гендерная идентичность «видится» там, где должна обсуждаться другая социальная идентичность, то есть происходит «натурализация» гендера. Различия между полом и гендером отсутствуют в понимании многих

акторов, а фраза «так делают все женщины/мужчины» используется для объяснения или предписания *социальных* выборов. В подобном обращении к полу отсутствует и представление о связи социальной стратификации с возрастными классами и гендерными ролями – одни и те же требования предъявляются однополым людям любого социального положения и возраста. Эта ситуация может быть описана таким концептом, как «культура(ы) бедности». С разрушением традиционных гендерных ролей, которые при всем своем дискриминирующем характере предлагали сложную структуру половозрастных и социальных предписаний, социальное пространство «уплощается» до противостояния двух гендеров.

Целью данной статьи является проблематизация такой бинарной оппозиции в культуре Беларуси и выяснение пределов ее распространения.

Беларусь, как и другие постсоветские страны, является своего рода вызовом для культурных и социальных исследований. Одним из наиболее продуктивных подходов к изучению локальной специфики нам представляется постколониальная теория. Ее применение к постсоветскому пространству уже предлагалось рядом исследователей, в частности Дэвидом Муром (Moor 2001: 111–128) и Борисом Гройсом (Groys 2002: 303–319).

Одним из преимуществ постколониального подхода в этом случае является возможность анализировать ситуацию в регионе как различную в разных странах, но при этом составляющую общую картину. Это позволяет оставаться чувствительным к локальным частностям, но при этом делать обобщающие выводы.

Возникает вопрос, почему постколониальная теория не применяется шире для анализа ситуации нашего региона. Причины как минимум две. Во-первых, история модернизации постсоветских территорий длинна и сложна. Некоторые из них, Беларусь в том числе, входили в зону западноевропейских нововременных изменений до присоединения к Российской империи, затем были включены в модернизационный проект Петра I, а позднее – и в специфический проект советского модерна. Эти факторы влияют и на самовосприятие, что является второй причиной отстраненного отношения к постколониальным исследованиям. Носители культур приписывают себе самим европейскую идентичность и не хотят сравнения с «неграми» или «азиатами». Отсутствие критического мышления и теоретического анализа в политическом и социальном дискурсе укрепляет такое восприятие.

Для анализа белорусской ситуации как постколониальной нужно осмысление истории колонизирующих влияний в регионе. Понимание Российской империи или Советского Союза как колониальных держав не ново само по себе. Однако в определенном смысле оно затушевывается тем, что Россия, являясь экономической и политической метрополией, выступает в качестве культурной колонии и экономически зависимого региона.

Особый характер российского проекта модернизации и его влияние на Беларусь целесообразно описывать, разделяя идеи *модернизации* и *вестернизации*. Теоретическое основание для такого разделения можно найти в работе «Философский дискурс модерна» Юргена Хабермаса (Habermas 1990). В ней модерн представлен не как комплекс культурных практик, а как набор структур и институций. Эти институции могут быть заимствованы и адаптированы без принятия всего комплекса западной культуры.

Сходная теория «рефлексивного модерна» была предложена Энтони Гидденсом (Giddens 1990). Продолжая линию рассуждений, представляющую модерн набором институтов, отличных от культурного фона, он отсылает к феномену глобализации, распространяющему проект модерна на весь мир.

К деталям этого распространения одним из первых обращается шведский социолог Горан Терборн. Согласно его теории «маршрутов модернизации», все современные общества являются частью проекта модерна, даже если они прошли модернизацию разными путями. Терборн выделяет четыре маршрута модернизации: 1) эндогенный европейский модерн, 2) модерн Нового Света, возникший вследствие поздних предмодерных миграций, 3) колониальный модерн, 4) вынужденная модернизация под западным влиянием (Therborn 1995: 124–139). Теория Терборна частично отсылает к «догоняющей» модели модернизации, основанной на предположении, что различные культуры обязаны следовать западной истории и могут быть более или менее «прогрессивными» в своей модернизации.

Израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт предложил *теорию множественных модернов* (Eisenstadt 2002:1–27), суть которой заключается в утверждении, что, несмотря на западное происхождение модерных элементов, мир не движется в направлении гомогенизирующей вестернизации. При этом соперничающие культуры не являются полностью чуждыми друг другу и не совместимыми друг с другом – в их актуальном состоянии они сформировались в процессе усвоения модерных элементов «культурными программами» различных регионов.

Сходные теории были предложены и другими авторами. Турецкий исследователь Ибрагим Кайа разработал теорию «поздних модернов» (Kaya 2004), в то время как немецкий социолог Ульрих Бек говорит о *втором модерне* как модерне глобализированном.

Одна из наиболее поздних версий этой теории была предложена Питером Вагнером в его работе «Модерн: понимание современности» (Wagner 2012). Вагнер продолжает идею Эйзенштадта о множественных модернах, акцентируя при этом взаимосвязанность культур современного мира и их удаленность от культур осевого времени.

Русский проект модерна по времени зарождения и фундаментальным признакам находится между модерном Нового Света и колониальным модерном.

Многие элементы культурной политики Советского Союза также попадают в категорию «вынужденной модернизации». Таким образом, мы можем говорить о сложном взаимодействии культурных влияний, также известном как *гибридизация*.

Феномен культурной и социальной гибридизации рассматривается с двух различных перспектив: речь идет либо о культурном шоке, либо о конфликте культур. Понятие *культурного шока* применяется к стратегиям индивида, вынужденного жить в чужой культуре, понятие *конфликта культур* – к более широкому контексту культурного контакта. Для задач нашего исследования сходства данных подходов имеют большее значение, чем их различие, поэтому возможно совмещение подходов и выделение следующих следствий контакта культур: *аккультурация*, *ассимиляция* и *геттоизация*.

Аккультурация как способ культурного контакта изучалась культурной антропологией уже в 30-е гг. XX в. (Herskovits, Linton, Redfield 1936: 973–1002). Она характеризовалась как обмен культурными моделями и взаимная адаптация. *Ассимиляция* впервые была описана в парадигме изучения культурного шока, при этом она характеризовалась как ситуация полной потери группой собственной культуры. Данная группа в течение нескольких поколений интегрируется в чужую культуру. *Геттоизация* изучалась как феномен «закрытия» культуры от внешних контактов и влияний.

Как видим, в широком смысле слова стратегии культурного контакта включают принятие ценностей любой из контактирующих культур либо обеих сразу. Мы хотели бы добавить к данному списку еще одну стратегию – *маргинализацию*. Маргинализация является специфическим результатом такого «столкновения культур», когда одна группа, стремящаяся сохранить собственную цельность, принуждается другой к частичному принятию культурных ценностей и установок последней. В результате процесс завершается неприятием первой группой значительной части ценностей обеих культур. Культура группы во многом упрощается, поскольку теряет множество сложных исходных культурных форм и моделей, не принимая новых во всей полноте. В индивидуальной перспективе для маргинала отсутствуют возможности социального продвижения в колониальной ситуации.

В случае Беларуси, как отмечалось ранее, модернизация проходила в три этапа, два из которых привели к маргинализации значительной части культурных групп. Будучи частью Речи Посполитой, в XVII в. белорусские земли стали одним из центров Контрреформации и оплотом католической мысли на востоке Европы. Аналогичным центром на западе была Испания. Как и Испания, Речь Посполитая породила в этот период собственный федералистский и децентрированный проект модерна, опиравшийся не на протестантскую, а на иезуитскую метафизику (Шмонин 2000: 45–46). Среди всего прочего иезуитский проект модерна изначально включал в себя идею прав человека, которая затем

вошла в комплекс модернизационных установок благодаря работам Гуго Гроция. Польский проект, находившийся, кроме католической мысли, под влиянием идеи Римской республики, также изначально включал в себя концепт выборной власти и политического гражданства.

После раздела Речи Посполитой восточные регионы, в том числе и территория современной Беларуси, были включены в состав Российской империи. Ее модерный проект имел другие истоки и на тот момент был ближе к идее «просвещенного абсолютизма». Сословная же структура Империи в это время рассматривала все свободные сословия как элементы иерархии государственных чиновников (Лотман 1998: 14, 18–46). В таких условиях члены городской и аристократической культуры белорусских земель потеряли имевшиеся у них ранее перспективы и были вынуждены либо расставаться со своими привилегиями, либо становиться частью принципиально иных социальных структур. Крестьянская культура этого периода была не слишком сильно затронута имперскими изменениями, однако она подверглась маргинализации позднее, под воздействием советского проекта модерна.

Можно предположить, что советская коллективизация была не только способом воплощения коммунистической утопии, но и попыткой распространить общину «русского» образца на другие территории, где хозяйство было единоличным или хуторским, как в Беларуси или Украине. В обоих случаях колонизирующие проекты не имели достаточной гибкости и не выделяли места для ценностей локальной культуры.

Хотя маргинализация в социальных и гуманитарных дисциплинах не проблематизировалась специальным образом, вышеупомянутое понятие «культуры бедности» использовалось для описания сходного феномена.

Это понятие имеет свою историю. Оно было введено в 1959 г. антропологом Оскаром Льюисом (Lewis 1959) как сокращенная форма термина «субкультуры бедности», использовавшегося для объяснения того, почему бедные слои населения так и остаются бедными. В данной интерпретации понятие подвергалось критике за обобщение опыта бедных из различных культур и за маскировку системных экономических проблем под «культурные».

Поздние интерпретации этого понятия, однако, все более перемещали его из измерения «классовой культуры» к структуралистскому пониманию культурного. Понятие «культура бедности» в таком случае используется не столько для характеристики экономически наименее успешных групп, сколько для описания определенного культурного состояния. Это обычно постколониальное или пограничное состояние, в котором культурные значения и ценности распались и упростились. В отличие от первоначального толкования эта интерпретация не проводит прямой зависимости между социальным классом и культурой.

Одной из наиболее важных черт культуры бедности, которая часто анализируется отдельно, является сильный *гендерный бинаризм*. К примеру, Ли

Рэйнвотер (Rainwater 1964: 457–466), используя первоначальное понимание «культуры бедности», написал ряд работ на тему сексуальности и бинарных гендерных ролей в данном контексте. По нашему мнению, такой гендерный бинаризм отличается от гетеронормативности или традиционного патриархата.

Гетеронормативность как понятие была введена в гендерные и квир-исследования такими теоретиками, как Гейл Рубин (Rubin 1993) и Майкл Ворнер. Современная гетеронормативность – это текучее понятие, которое в основном касается половых ролей и половой ориентации. Аналитическим образом оно в основном используется для объяснения преимущественного статуса гетеросексуальности и анализа гомофобии в современном обществе, что не предполагает обязательного наличия лишь двух взаимоисключающих гендерных ролей – мужской и женской.

Последнее – особенно когда речь идет об обществах, не принадлежащих к первой волне европейского модерна, – обычно объясняется апелляцией к *традиционному патриархату*. Использование этого термина можно возвести к работе 1861 г. «Теория материнского права» Иоганна Якоба Бахофена, обосновавшего теорию эволюции первобытных обществ от *матриархата* к *патриархату*. Данная работа повлияла на Льюиса Моргана, а через него – на Фридриха Энгельса, благодаря которому противопоставление патриархата и матриархата и вошло в левую мысль.

Понятие *традиционного патриархата* не является аналитическим, поскольку его значение размыто и варьируется от констатации преимущественного властного положения мужчин (что характеризует большую часть исторически известных обществ) до обозначения специфического распределения власти, где ею обладает именно патриарх – глава семьи, чья власть распространяется на женщин и младших мужчин, или обозначения модерной европейской буржуазной модели распределения власти и семейных ролей. По этим причинам современная феминистская критика прибегает к понятию *фаллоцентризма* для обозначения европейской модели мужской доминации, а некоторые теоретики феминизма, в частности Джудит Батлер, предостерегают от универсализации понятия *патриархата* и попыток интерпретировать гендерные проблемы других культур как ничем не отличающиеся от европейских.

Особый интерес в этом контексте представляет работа Гэрриет Брэдли о патриархате в доиндустриальном обществе (Bradley 1992). Хотя работа Брэдли основана на британском материале, выводы ее общезначимы. Брэдли демонстрирует, что патриархальная Англия отнюдь не была страной тотального женского подавления и гендерной поляризации. Она характеризует доиндустриальную Англию как страну *патриархальную*, но *гиноцентричную*. До развития модерных институтов женщины контролировали значительный сегмент деятельности, включавший здравоохранение и образование, что давало им определенное влияние в обществе. Они участвовали в производстве, и их сфера

не отделялась жестко от мужской и ни в коем случае не являлась замкнутой. Исследования, давшие сходные результаты, были предприняты и касательно других культур (Safa 1995; Kessler-Harris 1981). Их результаты с определенными поправками могут быть распространены на значительное число обществ. Исследования белорусской традиционной культуры, предпринимаемые в последнее время (Сівохін 2000: 198–199; 2003: 96–97), показывают, что и она, не будучи матриархальной и имея сильное разделение гендерных ролей, была при этом гиноцентричной с элементами матрилокальности.

Гендерные роли в культурах бедности предельно далеки от «традиционных» или «естественных». Феномен культур бедности и гендерных ролей в них не может быть объяснен без теории модернизации – эти роли больше связаны с упрощенными элементами модерна, чем с «традиционным» гендерным порядком.

Одним из таких элементов является *модерная натурализация*. Роланд Барт в «Мифологиях» описывает ее как тенденцию утверждать наличие универсальных сущностей (Барт 1994: 124). Ганс-Георг Гадамер использует понятие *Selbstverständnis* (самоочевидность) для описания этой тенденции (Gadamer 1995: 70). В европейской нововременной культуре легитимация осуществляется не с помощью мифа или традиции, но с опорой на «естественный порядок вещей». Модерный способ жизни и мышления является «самоочевидным», остальные же ненормальны и неестественны. Этот способ объяснения связан с научным мировоззрением и апелляцией к науке. В случае гендера, эта наука – биология, что ведет к еще одному значимому элементу модерна: бинаризму и биологизации гендера. Этот феномен часто фигурирует, к примеру, в исследованиях современного Китая (Chiang 2012; Dikotter 1995).

Еще одним модерным механизмом, влияющим на формирование культуры бедности, является конструирование истории и памяти. Нововременная тенденция обращаться к истории является частью натурализирующего дискурса и включает две стратегии. Одна из них – обращение к современным историческим или антропологическим теориям для конструирования «естественных» склонностей, таких как мужская агрессия или женская эмпатия. Другая – это обращение к романтической идее национального духа и памяти для «обоснования», а в реальности – для изобретения традиции. Если первая стратегия опирается на популярное понимание проекта Просвещения, то вторая апеллирует скорее к Романтизму. Хотя движение Романтизма и было критичным по отношению к Просвещению, оно и само обладало всеми признаками модерного проекта и стало частью европейской модернизации.

Таким образом, для понимания ситуации в Беларуси следует обращаться не только к «традициям» региона, но и к рецепции истории модерного влияния. При этом, однако, парадигма «догоняющего развития», которая представляет заимствования как поэтапное прохождение стадий, соответствующих истории

Запада, не способна объяснить происходящее. На наш взгляд, характерным для Беларуси является фрагментарное использование элементов аутентичной и колонизующей культур без возникновения какого-либо рода комплекса. Для описания такого рода явлений, особенно в области гендерных ролей, и использовалось понятие «культуры бедности».

На наш взгляд, данное понятие обладает большим потенциалом для описания проблем маргинализированных культур. Хотя изначальная аналитическая парадигма этого понятия сомнительна, практические исследования, использующие его, дают основания для переосмысления и новой актуализации понятия. В то время как изначальные исследования концентрировались на «субкультуре бедности», то есть на культуре бедных слоев населения в странах западного модерна, практические исследования перенесли этот концепт на группы и регионы, подвергшиеся культурной маргинализации. При переосмыслении данного понятия для описания маргинализированных культур изменяется изначальная прагматика его использования. Идея о том, что бедные сословия остаются бедными не только в силу экономических факторов, а и в силу определенной «культуры», является сомнительной и может быть использована консервативными политиками для сокращения социальных программ. С другой стороны, связь «культур бедности» с культурной маргинализацией ставит вопрос по-иному. В этом случае речь идет о том, что определенные слои современных обществ находятся в таком состоянии в силу исторических структурных факторов (давления на сословие, преимущественного положения одного из языков региона и т.д.), а значит, для изменения ситуации в регионе необходимы структурные изменения, а не исключительно культурное миссионерство, которое само по себе лишь вносит дополнительные элементы в и без того разрозненную мозаику культуры.

Таким образом, гендерную идентичность в большинстве регионов современного мира нельзя понять без обращения к истории их модернизации. Определенный ряд маргинализированных (суб)культур – тех культур, где в уязвимом состоянии оказались и традиционные ценности, и ценности модерна, – часто описывается в традиции «культур бедности». Особый интерес для исследователей всегда представлял жесткий гендерный бинаризм этих культур. Нам хотелось бы проблематизировать переосмысление понятия «культур бедности» в ключе постколониальной теории. Встраивание понятия «культуры бедности» в парадигму маршрутов модернизации позволяет избавиться от вульгарно-экономического их понимания. Определение некоторых регионов, в частности Беларуси, как социумов с превалированием «культуры бедности» является не дискриминацией, а аналитическим приемом, который позволяет понять, что некоторые понятия (мужчины, женщины, традиции, пола, феминизма) не используются в них в общепринятом значении. Они фильтруются через призму распавшихся половозрастных классов и ролей, которые вырождаются для боль-

шинства членов общества в два отдельных (противостоящих) класса – *мужчин* и *женщин*.

Таким образом, гендер в «культурах бедности» связан не с патриархатом, не с «традиционными» гендерными ролями, а с упрощенным применением биологического бинаризма. Гендерные идентичности не «естественны», но конструируются с помощью обращения к проектам как Просвещения, так и Романтизма. Вместо присущей позднему модерну плюрализиции идентичностей наблюдается тревожащая тенденция, когда каждый контекст потенциально связан с гендером – вернее, с полом. Биологический статус мужчины или женщины оказывается значимым в любой ситуации, включая профессиональную.

Данное смещение смыслов имеет и более опасные следствия. Поскольку биологизм в гендерных вопросах касается всех сфер жизни, он вторгается и в публичное и политическое. Упрощенное биологистское понимание гендера является одним из первых признаков «культуры бедности» и богатой почвой для политических манипуляций. Очевидным является тот факт, что натурализация и биологистский подход все чаще применяются на российской политической сцене в вопросах семейных ценностей. Легализация государственного вторжения в вопросы сексуальных практик, ориентации, семейной жизни, размера семьи и деторождения может привести к увеличению степени контроля над жизнью индивида. Заметны первые признаки актуализации такого подхода и в белорусском политическом дискурсе.

На наш взгляд, исследование «культуры бедности» является чрезвычайно актуальным направлением изучения современной белорусской ситуации. На примере Беларуси можно продемонстрировать, что гендерный бинаризм следует описывать не как традиционный порядок, а как результат модернизации, в частности маргинализации местной культуры.

Литература

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Барт, Р. Из книги «Мифологии» // Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс., 1994. С. 124.

Гирц, К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Гирц, К. Интерпретация культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 43–69.

Лотман, Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство–СПб., 1998.

Сівохін, Г.А. Прымацтва як сацыяльны інстытут у беларускім грамадстве // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 65 угодкам заснавання Гістарычнага факультэту Белдзяржуніверсітэту, Мінск, 26 лістападу 1999 г. Мінск, 2000. С. 198–199.

Сівохін, Г.А. Мадэрнізацыя: некаторыя аспекты трансфармацыі гендарных роляў у беларусаў (па матэрыялах палявых этнаграфічных доследаў на Браслаўшчыне) // Браслаўскія чытанні: Матэрыялы VI навукова-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 150-й гадавіне з дня нараджэння Ст. Нарбута, 7–8 траўня 2004 г. Браслаў, 2003. С. 96–97.
Шмонин, Д.В. Поворот в лабиринте: Луис де Молина о свободе воли // Verbum. Вып. 2. Наследие Средневековья и современная культура: Альманах Центра изучения средневековой культуры при философском факультете СПбГУ. СПб.: Изд.-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 45–46.
Bradley, H. 1992. Changing Social Structures: Class and Gender // Formations of Modernity, ed. Bram Gieben, Stuart Hall.
Chiang, H. H.-H. 2012. Why Sex Mattered: Science and Visions of Transformation in Modern China. Princeton, NJ: Princeton University.
Dikotter, F. 1995. Sex, Culture and Modernity in China. Hong Kong University Press, HKU.
Eisenstadt, S.N. 2002. Multiple Modernities // Multiple Modernities, ed. S.N. Eisenstadt, Transaction Publishers. P. 1–27.
Gadamer, H.-G. 1995. Hermeneutik und ontologische Differenz // Gadamer H.-G., Gesammelte Werke. 10. Bd. Tübingen. P. 70.
Giddens, A. 1990. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity.
Groys, B. 2002. Beyond Diversity: Cultural Studies and Its Postcommunist Other // Democracy Unrealized: Documenta11_Platform1, ed. H. Cantz. P. 303–319.
Habermas, J. 1990. The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures (Studies in Contemporary German Social Thought). The MIT Press.
Herskovits, J.M., Linton, R., Redfield, R. 1936. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist, № 38. P. 973–1002.
Kaya, I. 2004. Social Theory and Later Modernities: The Turkish Experience.
Kessler-Harris, A. 1981. Women Have Always Worked: A Historical Overview.
Lewis, O. 1959. Five Families; Mexican Case Studies in the Culture of Poverty, Mentor.
Moor, D.C. 2001. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // PMLA 116/1. P. 111–128.
Rainwater, L. 1964. Marital Sexuality in Four Cultures of Poverty // Journal of Marriage and Family. Vol. 26, № 4. American Poverty in the Mid-Sixties. P. 457–466.
Rubin, G. 1993. Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality // Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality, ed. Carole Vance.
Safa, H. 1995. The Myth of the Male Breadwinner: Women and Industrialization in the Caribbean, Boulder, CO: Westview.
Schmidt, V.H. 2006. Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // Current Sociology. Vol. 54, № 1. P. 77–97.
Schumpeter, J., Schumpeter, E.B. 1996. History of Economic Analysis. Oxford University Press.
Therborn, G. 1995. Routes to/through Modernity // Global Modernities, Volume 36 of Theory, culture & society, ed. Mike Featherstone, Scott Lash, Roland Robertson, SAGE. P. 124–139.
Wagner, P. 2012. Modernity: Understanding the Present, Polity.

В сети

Александр Рошка

ТВИТТЕР-ПРИСУТСТВИЕ ПОЛИТИКОВ УКРАИНЫ И МОЛДОВЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СТРУКТУРНЫЙ И СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ

Abstract

One of the key features of Twitter that affects its popularity is the so-called asymmetry: to become someone's subscriber, there is no need to be approved by that person (in contrast, for example, on Facebook or other social networks).

Keywords: Twitter, online policy, account, following, Ukraine, Moldova.

Вступление. С момента своего появления в 2006 г. Твиттер внушительно разросся: ок. 500 млн пользователей по состоянию на январь 2013 г.; 175 млн твитов ежедневно; самые популярные события на Твиттере сопряжены с десятками тысяч твитов, отправляемых ежесекундно. Эта социальная сеть прочно закрепилась в качестве коммуникационного инструмента в совершенно разных областях общественной жизни. Политика вовсе не стоит особняком. Президентские выборы в США в 2008 г. стали подлинной вехой в развитии сервиса: в течение одной недели после первых же теледебатов использование Твиттера выросло на 23%[1]. Из-за нагрузки на серверы пресловутый «падающий кит» Твиттера (картинка, символизирующуя временную недоступность сервиса) стал навязчивым изображением на мониторах политически активных американцев. Вместе с последовавшими вскоре «Твиттер-революциями» эти события стали важным аргументом в устах «киберутопистов», т.е. тех, кто разглядел в росте политического применения социальных медиа небывалый потенциал либо для дальнейшего демократического развития, либо же (и это заявлялось с гораздо большим па-

фосом) для радикального демократического преобразования. Дальнейшее более пытливое и критичное изучение вопроса значительно умерило категоричность подобных высказываний. Достаточно сказать, что Евгений Морозов, автор термина «Твиттер-революция», который впервые прозвучал после событий 7 апреля 2009 г., в дальнейшем стал высказываться в пользу киберреализма.

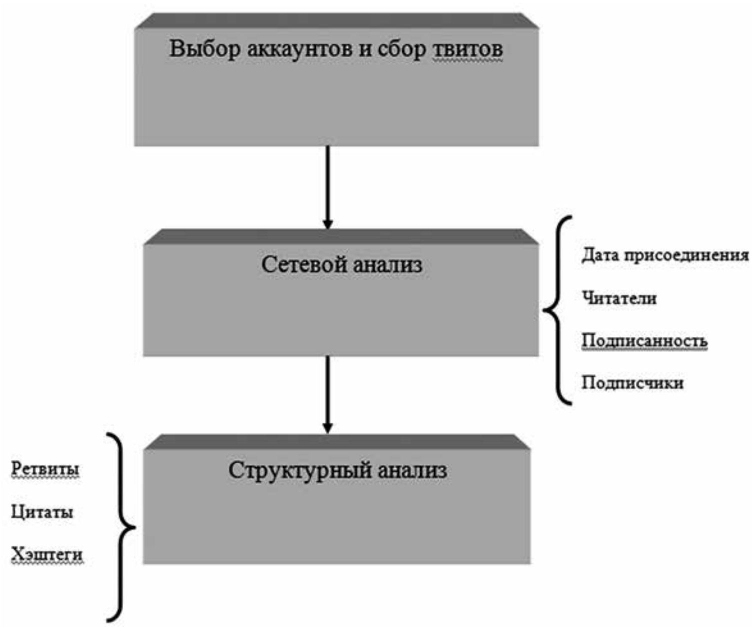
Одной из ключевых особенностей Твиттера, влияющей на его популярность, является так называемая *асимметричность*: для того чтобы стать чьим-нибудь подписчиком, нет необходимости быть одобренным этим человеком (в отличие, к примеру, от Facebook или других социальных сетей). Разумеется, не это лишь техническое отличие ведет к ошеломительной популярности платформы. Сюда следует добавить отличительные коммуникативные характеристики Твиттера, среди которых особенно выделяется режим реального времени, постоянное пополнение контента. Также следует отметить лаконичность формата: 140 знаков стандартного твита не предрасполагают к подробному изложению взглядов или тщательному обсуждению вопросов. Однако этого достаточно для донесения своей позиции.

В данном исследовании мы попытаемся узнать, насколько развито присутствие политиков Украины и Молдовы в Твиттере, насколько крепки их сетевые связи, способствует ли их присутствие превращению Твиттера в новое пространство для диалога и общения с аудиторией, а также насколько политической оппозиции этих стран свойственно перемещаться в данную социальную сеть и использовать ее как альтернативную медийную площадку.

Методология исследования. В рамках данного исследования мы отталкивались от методологии, предложенной Panagiotis Panagiotopoulos и Steven Sams при изучении ими использования Твиттера органами британской местной публичной администрации в 2012 г.[2] Общая схема исследования представлена рисунком ниже.

Первичный этап исследования подразумевал отбор аккаунтов для анализа. В этом смысле ситуация с украинскими аккаунтами выглядела проще: список украинских политических деятелей, чью Твиттер-активность мы анализируем в этом исследовании, – это симбиоз двух рейтинговых списков, предложенных популярными политическими онлайн-ресурсами: http://watcher.com.ua/top-polityky/ukrainski-polityky-twitter и http://uainfo.org/rating/#twitter. Более доступным для постижения нам представляется топ, предложенный watcher.com.ua: места в нем распределяются согласно числу подписчиков («фолловеров») в Твиттере. Подход, безусловно, предельно простой, однако логика безупречна. С другой же стороны, рейтинг uainfo.org в большей степени подразумевает наличие еще двух составляющих: Facebook и Livejournal. Об этом говорится на самом ресурсе: «Рейтинг блогеров от сайта UAINFO – это, в первую очередь, общий рейтинг по сумме показателей Twitter'a, Livejournal.com и Facebook». С подобными оговорками становится более понятным, почему, например, в рей-

тинг UAINFO не попадает наиболее топовая персона украинской политической твиттосферы – Юлия Владимировна Тимошенко. Забегая вперед, можно упомянуть и то, что рейтинг от watcher.com.ua не учитывает некоторых важных «твиттерян», таких как Олег Тягнибок, Олег Ляшко, Инна Богословская, Дмитрий Корчинский, Александра Кужель. Более того, здесь существует попросту некачественная информация (ссылка на недействительный аккаунт Виталия Кличко – лишь один тому пример).



С другой стороны, выбор молдавских аккаунтов был, если можно так выразиться, затруднен тем, что в Молдове не существует онлайн-агрегаторов вроде вышеназванных украинских. Посему пришлось выбирать аккаунты вручную, один за другим перебирая доступность (или попросту – существование) таковых на Твиттере. Результат, так или иначе, оказался огорчающим: несмотря на все усилия, не удалось выбрать более 19 молдавских политических аккаунтов. Кроме того, качественный аспект некоторых из них несравним с украинскими аналогами и вообще противоречит основополагающим принципам «нормального» ведения микроблога. В дальнейшем мы представим эти нюансы более детально.

После определения аккаунтов следующим шагом стал сбор твитов, т.е. коротких текстовых заметок (до 140 символов). Основным инструментом, использовавшимся нами для этой цели, был ресурс http://greptweet.com, позволяющий «выкачивать» все твиты конкретного пользователя в удобном для дальнейшей обработки текстовом формате (txt). Таким образом, было получено ок. 17 000

твитов украинских политических деятелей и, соответственно, ок. 1360 твитов молдавских политиков. Совершенно очевидно, что совокупность молдавских твитов при этой выборке – лишь ок. 8% от всеобщего количества твитов украинских политиков. То, что список последних больше на 10 человек, ничего не объясняет: в этом перечне есть те, чье личное количество твитов больше, чем совокупность таковых для всей Молдовы (Андрей Шевченко, Леся Оробец, Михаил Окаринский, Александр Аронец, Михаил Бродский, Наталья Королевская). Разница в *достижимом* количестве твитов априори указывает на качественную разницу между политическими твиттосферами рассматриваемых стран.

Следующие этапы исследования касались *сетевого* и *структурного анализа.* Были проанализированы даты присоединения к Твиттеру, основные Твиттер-значения (твитов/читаемых/читателей), профили пользователей, которые упоминаются политиками (при ретвитах, «упоминаниях» или же «ответах»). Также этот этап подразумевал, разумеется, визуализацию сетевых связей. Для этих целей использовалась бесплатная специализированная программа NodeXL (http://nodexl.codeplex.com).

Структурный анализ предполагал изучение самих твитов. Мы отталкивались от общепризнанного деления твитов на 3 основных типа, каждый из которых ввиду своей специфичности и важности был рассмотрен отдельно. Также мы провели исследование агрегаторов твитов, которые формируют из множества разрозненных постов единую тематическую ленту, – «хэштегов». Именно они способны пролить свет на действительную вовлеченность политиков в дискуссии, ради которых и затевался Твиттер – своего рода антипод односторонней коммуникации. Также был проведен контент-анализ для выявления наиболее часто встречающихся в политических твитах слов. Использовались бесплатная программа контент-анализа Yoshikoder (www.yoshikoder.org) и платформа построения «облаков слов» (wordle.net).

При необходимости мы обращали внимание на такой специфический момент, как преимущественное время суток Твиттер-активности и преимущественный инструмент/платформа/клиент микроблоггинга. Изучение этого аспекта – косвенный способ ответа на вопрос о «личном» ведении микроблога в условиях, когда таковые представлены от первого лица, что соответствует главному правилу любого блога. Основным инструментом для подобного анализа стали онлайн-платформы twitonomy.com (особенно рекомендуемый в силу многообразия представленной информации), xefer.com/twitter (специализированный на времени суток микроблоггинга) и более известный tweetstats.com.

Часть 1. Базовые Твиттер-характеристики аккаунтов политиков Украины и Молдовы

Для того чтобы анализировать полученные данные, нам нужна была отправная точка в виде средних цифр общемирового уровня. Таковой для нас стал отчет компании «Beevolve» по Твиттеру за 2012 г.[3]. Согласно отчету, основными средними цифрами по главным количественным аспектам Твиттера являются: «читаталей» – 307, «читаемых» – 102, «читателей» – 208. Разумеется, здесь стоит сделать поправку на то, что политики, как и прочие публичные персоны, зачастую обладают несравнимо более высокими показателями, чем среднестатистические. Однако, как мы увидим в дальнейшем, не все и не всегда соотносится с этими принципами.

Для наглядности мы представим нижеследующую таблицу, отражающую соотношение данных по Украине и Молдове со среднемировыми цифрами:

Политики, общественные деятели	Твитов	Читаемых	Читателей
Украина	755	478	2221 (6778*) *С учетом фолловеров Тимошенко
Молдова	70	68	265
Общемировые средние значения* *Beevolve 12/10/12	307/ 794 за 3 года	102	208

Беглый взгляд на таблицу показывает, что Украина значительно опережает основные среднемировые Твиттер-параметры. Среднемировое значение по параметру твитов – лишь 40% от украинской средней цифры. Также политики этой страны более чем в 4 раза превосходят среднемировой показатель по «читаемости» и более чем в 10 раз – показатель «читателей». Если же учитывать при определении среднеукраинской цифры читателей также и «фолловеров» Юлии Тимошенко, то цифра была бы в 3 раза больше! Однако аккаунт Тимошенко – отдельная величина, и мы решили не вводить сюда его показатели, дабы получить более трезвую и уравновешенную картину. Дело в том, что отрыв Тимошенко в категории «читатели» от ближайшего в списке политика (Сергея Тигипко) составляет более 14 раз.

Вообще же значительную разницу между среднеукраинскими и мировыми Твиттер-показателями можно, разумеется, объяснить фактором публичности. Однако тут в игру вступают показатели молдавских политиков, которые усложняют подобные рассуждения. Как можно видеть, молдавская средняя цифра по твитам составляет лишь ок. 23% от среднемировой; по «читаемым» – ок. 67%. Лишь в категории «читателей» молдавские политики на 22% превосходят среднемировой уровень, что весьма скромно, опять-таки, по меркам публичности. А

если говорить о предыдущих двух показателях – вовсе провально. Это первый тревожный показатель качества молдавской политической твиттосферы, но, к сожалению, далеко не последний в нашем исследовании.

Представленность в Твиттере. Политические формирования

Украина. Можно без труда заметить, что с точки зрения представленности в этом списке безоговорочно лидирует Объединенная оппозиция «Батькивщина», насчитывающая 12 видных «твиттерян»: Юлия Тимошенко, Леся Оробец, Андрей Шевченко, Александр Турчинов, Анатолий Гриценко, Вячеслав Кириленко, Сергей Власенко, Андрей Парубий, Владимир Арьев, Александра Кужель, Зорян Шкиряк, Наталья Королевская. В принципе, такая ситуация является общемировой нормой: с момента утверждения Веб 2.0 и социальных медиа оппозиция более склонна использовать их возможности в качестве альтернативной, медийной площадки. Партия регионов представлена здесь такими фигурами, как Сергей Тигипко, Инна Богословская, Константин Грищенко, Михаил Добкин, Петр Мельник. Наконец, третьей политической силой является националистическое ВО «Свобода»: Олег Тягнибок, Александр Аронец, Сергей Надал.

В целом распределение согласно политическим формированиям отражает нижеследующая диаграмма:

Распределение выбранных украинских политических деятелей согласно политическим формированиям

В **Молдове** две партии лидируют по количеству политиков-твиттерян: Либерально-демократическая партия Молдовы (ЛДПМ) и Либеральная партия Молдовы (ЛПМ) (по 5 политиков от каждой). За ними следует Демократическая партия Молдовы (ДПМ). Иными словами, в молдавском Твиттере безоговорочно лидирует Альянс «За Евроинтеграцию», пришедший к власти после молдавской Твиттер-революции 7 апреля 2009 г. В некотором смысле это было

довольно предсказуемо, однако сюрпризом стало мизерное присутствие оппозиционных политиков: кроме Инны Шупак, их тут попросту нет. В целом распределение молдавских политиков в Твиттере по основным политформированиям выглядит следующим образом:

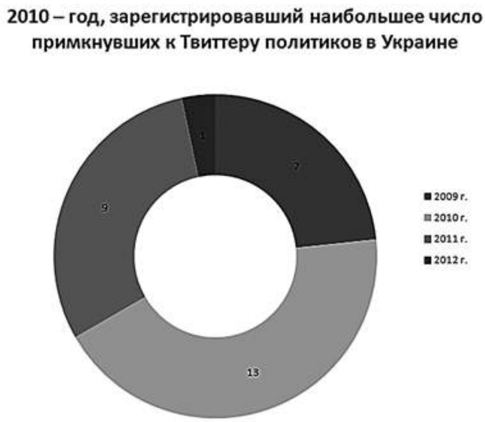
Демографический портрет политиков в Твиттере

Украина. Средний возраст рассматриваемых здесь украинских политических деятелей – 47 лет. Самыми возрастными твиттерянами являются народный депутат ВР от «Батькивщины» Александра Кужель и «регионал» Константин Грищенко, вице-премьер-министр Украины, – обоим по 60 лет. Существенно моложе остальных Александр Аронец (ВО «Свобода», 1988 г.р.) и Леся Оробец, народный депутат ВР от «Батькивщины» (1982 г.р.).

Молдова. Средний возраст молдавских политиков в Твиттере составляет 43 года. Самыми возрастными являются Президент Н. Тимофте (чей микроблог не содержит ни одного сообщения, в то же время насчитывая более 160 читателей) и М. Гимпу – оба перешагнули шестидесятилетний рубеж. Значительно моложе остальных лишь либерал И. Чебану (29 лет; его микроблог ни в коей мере нельзя считать приближением к стандартам качества) и коммунистка И. Шупак (28 лет, аккаунт от первого лица).

Присоединение к Твиттеру

Украина. Наибольшее число рассматриваемых здесь политиков примкнули к Твиттеру в 2010 г. – 13 человек. Самым опытным твиттерянином является «регионалка» Инна Богословская, которая ведет свой микроблог с 04.06.2009. Наиболее «свежее» присутствие – у Александры Кужель, которая зарегистрировала свой аккаунт лишь 29.05.2012.

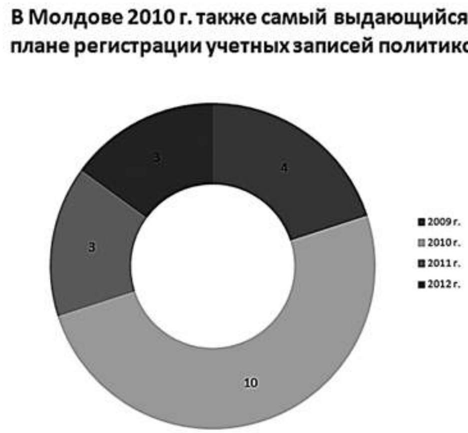


Вопрос о том, когда именно политики зарегистрировали свои Твиттер-аккаунты, не относится к сфере досужего любопытства и не является второстепенным. Можно было бы предположить, что более длительное присутствие в Твиттере выливается как минимум в большее количество подписчиков. Разумеется, речь идет о сравнимых по масштабу политиках. Нельзя всерьез удивляться тому, что Юлия Тимошенко (ее аккаунт зарегистрирован 11.02.2011, т.е. гораздо позже «средней» хронологической отметки) безоговорочно лидирует по числу «фолловеров»: политическая весомость бывшего премьера не могла не проявиться и здесь. Однако в целом утверждение верно: если взять первую десятку политиков по «читателям», пятеро из них входят также в первую десятку по времени регистрации в Твиттере: С. Тигипко, Л. Оробец, А. Шевченко, А. Турчинов, О. Тягнибок.

Молдова. Как и в Украине, мы не найдем здесь аккаунты, созданные ранее 2009 г. Опять-таки самым «урожайным» в плане регистрации Твиттер-аккаунтов стал 2010 г. – на него приходятся более 50% всех аккаунтов политиков. Остальные годы собрали примерно пропорциональную жатву регистраций – 4 аккаунта в 2009 г. и по 3 учетных записи в 2011 и 2012 гг.

Самыми опытными «твиттерянами» являются Мариан Лупу, Дорин Речян, Инна Шупак и Кирилл Лучинский. Однако здесь необходимы некоторые комментарии. Так, микроблог Мариана Лупу – это «ретранслятор» в худшем из возможных исполнений. Никоим образом не претендуя на общение от прямого лица, администраторы учетной записи председателя парламента Республики Молдова смещаются в крайнюю бездарность подставного блоговедения: каждый пост начинается, в лучшем случае, со слов «Preşedintele Parlamentului Republicii Moldova» либо, что происходит чаще, со слов «Preşedintele Parlamentului Republicii Moldova, Marian Lupu». То есть в одном случае каждый пост жертвует 45 знаками из 140 возможных, во втором – 59. Это показывает, насколько безразлично

авторы микроблога относятся к возможностям платформы, на которой, тем не менее, стремятся присутствовать.



Микроблог Кирилла Лучинского, ныне председателя парламентской комиссии по вопросам культуры, образования, науки, молодежи, спорта и СМИ, не обновлялся с 28.01.2010, поэтому считать его качественным не приходится, хотя Лучинский был одним из немногих молдавских политиков в списке, кто действительно вел микроблог от первого лица. Дорин Речян (до 05.03.2013 – министр внутренних дел) честно ведет микроблог от первого лица (последнее сообщение – 02.02.2013), однако содержание его больше походит на новостную ленту министерства, которое он возглавлял. В этом легко убедиться, если взглянуть на «облако слов» его учетной записи: чем больше упоминаний, тем больше размер слова:

Как видно, основными словами являются: poliția, legea, stat, corupție (полиция, закон, государство, коррупция) и т.д. То есть микроблог Речяна ретранслирует новости возглавляемого им ведомства, не добавляя к ним ничего, что могло бы сойти за личную позицию.

Наконец, коммунистка И. Шупак показывает достаточно приемлемый способ ведения Твиттера. Сообщений немного, но эффект ретрансляции отсутствует.

Учитывая все вышесказанное, можно заключить, что в случае с молдавскими политиками дольше (в плане присутствия в соцсети) не значит лучше. Ни один из трех микроблогов, ведущихся с 2009 г., нельзя считать по-настоящему качественным.

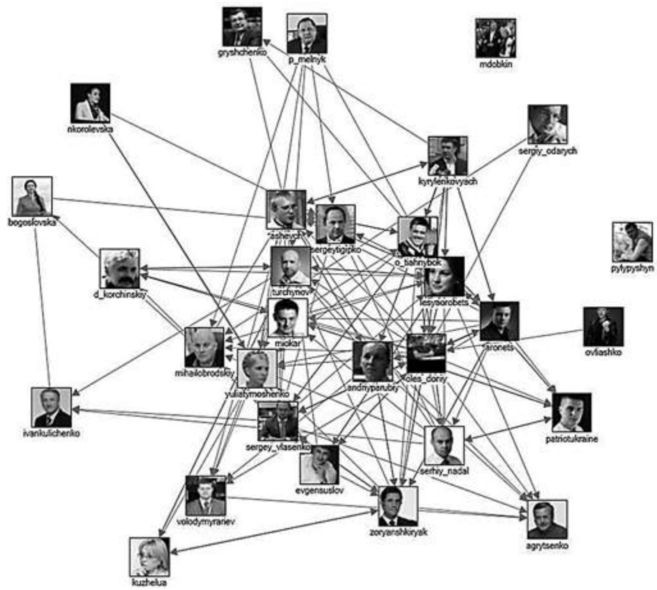
Из тех, кто присоединился к Твиттуру позже, интересен случай мэра Кишинева Дорина Киртоакэ и его дяди, лидера Либеральной партии Молдовы, Михая Гимпу. Оба политика – радикальные приверженцы объединения с Румынией. В данном случае заслуживает внимания тот факт, что зарегистрировались они с разницей в сутки: 23.01.2011 (Гимпу) и 24.01.2011 (Киртоакэ). Это совпадение достаточно примечательно в том смысле, чтобы, отталкиваясь от него, обнаружить другие. Так, нам удалось установить, что для ведения обоих микроблогов используются одни и те же инструменты, среди которых первенство приходится на далеко не самое распространенное приложение Echofon (25 твитов – Киртоакэ; 18 твитов – Гимпу). Также смущает факт, что значительное количество сообщений этих аккаунтов приходится на 13 и 23 часа среды. Если добавить к этому оригинальный в своей неправильности способ ведения обоих микроблогов (смешение беззастенчивой ретрансляции с обращением от первого лица), то все фрагменты головоломки встают на свои места: с 99-процентной уверенностью можно говорить о ведении микроблогов третьими лицами, которые весьма убого имитируют сетевое присутствие своих заказчиков.

Из тех, кто зарегистрировался позже, активные аккаунты (если отталкиваться от срока в 3 месяца) лишь у бывшего премьера В. Филата, у М. Гимпу, у бывшего кандидата в мэры Кишинева Р. Бушилэ, у председателя парламентской комиссии по экономике В. Ионицэ, у бывшего министра юстиции О. Ефрима и у депутата от ПКРМ И. Шупак. *Все остальные учетные записи молдавских политиков можно считать неактивными*.

Часть 2. Сетевые связи политиков Украины и Молдовы в Твиттере

В этом разделе мы проанализируем сетевые связи политиков, взяв за основу принцип «фолловинга», краеугольный для Твиттера. Иными словами – принцип подписанности.

Украина. Начнем с представления самого графа сетевых связей:



Как видно, здесь присутствуют только два явных аутсайдера – М. Добкин и В. Пилипишин. Также бросается в глаза тот факт, что у министра социальной политики Н. Королевской и у народного депутата О. Ляшко фолловеры отсутствуют напрочь. В свою очередь, Королевская подписана лишь на 3 аккаунта: Суслова, Тигипко и Тимошенко. О. Ляшко и вовсе фолловит лишь А. Дония.

Остальные политики вовлечены в сеть связей по фолловингу в большей или меньшей степени, о чем мы можем заключить из нижеследующей таблицы:

Аккаунт	Фолловеров среди политиков	Номер в списке политиков по числу фолловеров
yuliatymoshenko	12	1
ashevch	11	4
o_tiahnybok	11	6
lesyaorobets	10	3
sergeytigipko	8	2
turchynov	8	5
agrytsenko	7	8
kyrylenkovyach	7	10
oles_doniy	7	9
mihailobrodskiy	6	15
zoryanshkiryak	6	26
aronets	5	14
miokar	5	27
patriotukraine	5	30

andriyparubiy	4	19
d_korchinskiy	4	21
sergey_vlasenko	4	13
serhiy_nadal	4	29
volodymyrariev	4	22
evgensuslov	3	20
gryshchenko	3	12
ivankulichenko	3	16
bogoslovska	2	11
kuzhelua	2	25
p_melnyk	1	24
sergiy_odarych	1	18

Сравнивая, согласно таблице, показатели политиков как с точки зрения «коллегиального» фолловинга, так и с точки зрения подписки вообще, можно сделать интересный вывод. Первые 9 позиций списка гармонично совпадают с топ-10 украинских политиков по принципу подписки. К примеру, Ю. Тимошенко, недосягаемый украинский политик по числу подписчиков, сохраняет свое лидерство в интересующем нас списке – у нее 12 фолловеров среди других политиков. Большинство из них, разумеется, относятся к «Батькивщине», однако есть исключения – представители ВО «Свобода» (Тягнибок, Аронец), Партии регионов (П. Мельник). В то же время сама Тимошенко не фолловит никого. Это в достаточной степени предсказуемо, если вспомнить тот факт, что Тимошенко была в конце списка политиков по показателю собственной подписанности.

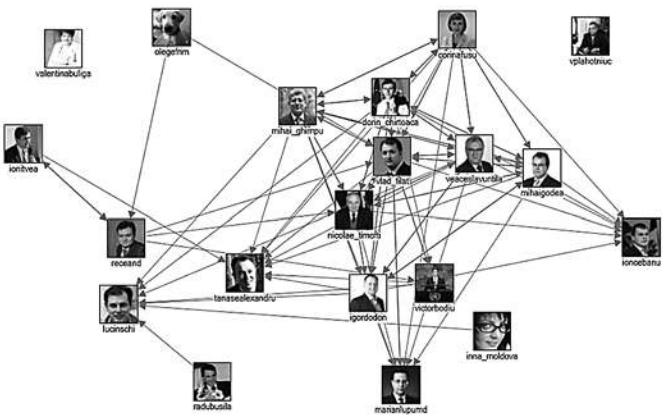
Важно отметить, что представители «Батькивщины» преобладают и в своеобразном «топ-10 коллегиального фолловинга», и в «топ-10 подписанности».

С другой стороны, подписанность на своих коллег не всегда диктуется принадлежностью к одной партии. Это можно доказать на примере подписанности на аккаунт О. Тягнибока, лидера ВО «Свобода». Из 11 его фолловеров-политиков 8 не связаны с возглавляемым им формированием: Окаринский, Шкиряк, Власенко, Яворский, Доний, Кириленко, Шевченко, Оробец. Это убедительный и весьма положительный пример открытости украинских политиков в твиттосфере. С другой стороны, подобный результат предсказуем – Тягнибок не смог бы набрать 11 фолловеров-однопартийцев из нашей выборки украинских политиков по той простой причине, что столько бы их не набралось. То же самое относится и к С. Тигипко: из 8 его фолловеров-политиков лишь 2 являются представителями Партии регионов – И. Богословская и П. Мельник. Разумеется, подобный принцип будет работать и в других примерах.

Другое наблюдение, мимо которого нельзя пройти, состоит в следующем: некоторые политики, занимающие последние места в списке общей подписанности, обнаруживают куда лучшие позиции в списке фолловинга среди коллег.

Яркий тому пример – Н. Яворский (замыкающий список подписки – 30-е место). Здесь же он на 14-й позиции, находясь «в читаемых» у 5 политиков. Видимо, это тот случай, когда необходимо ссылаться на общее количество твитов Яворского, которое и ставит его на 12-ю позицию по этому критерию, делая его аккаунт (напомним, речь идет о депутате Тернопольского областного совета) интересным для таких деятелей, как О. Тягнибок и А. Доний.

Молдова. Граф сетевых связей политиков здесь выглядит следующим образом:



Как видим, большинство отобранных молдавских политиков вовлечены в довольно плотный (учитывая небольшое их число) «клубок» сетевых связей Твиттера. Таблица цифр «фолловинга» между молдавскими политиками могла бы выглядеть следующим образом:

Аккаунт	Фолловеров среди политиков	Номер в списке политиков по числу фолловеров
vlad_filat	10	2
tanasealexandru	9	6
marianlupumd	8	3
dorin_chirtoaca	7	1
ioncebanu	7	11
mihai_ghimpu	7	7
nicolae_timofti	7	10
veaceslavuntila	7	14
corinafusu	6	13
igordodon	6	8
mihaigodea	6	12
victorbodiu	3	5
receand	2	15
ionitvea	1	18

Лидером по «фолловингу» среди своих коллег является «самый влиятельный политик Молдовы» на протяжении нескольких лет бывший (до 05.03.2013) премьер В. Филат (№ 2 в топе молдавских политиков по критерию «фолловеров» вообще). За ним следует председатель Конституционного суда (и бывший министр юстиции) А. Тэнасе. Присутствие в данном топе спикера парламента М. Лупу тоже неудивительно – из года в год он «вхож» в топ-5 самых влиятельных политиков страны (№ 3 в топе молдавских политиков по критерию «фолловеров» вообще). То же самое можно сказать о мэре Кишинева Д. Киртоакэ. А вот 5-я позиция, бывший министр молодежи и спорта от ЛПМ, № 11 в списке политиков по количеству пописчиков – это довольно непредсказуемо. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что 3 из его «подписчиков»-политиков – это его коллеги по партии: Киртоакэ, Фусу, Унтилэ. Эта же «патрийная логика фолловинга» работает и в других случаях.

Очевидно, в этом графе присутствуют только 2 совершенно маргинальных аккаунта – это бывший вице-спикер парламента, вице-председатель ДПМ В. Плахотнюк, и министр труда, социальной защиты и семьи В. Булига (ДПМ). Также относительно более отстраненными являются такие деятели, как Р. Бушилэ, О. Ефрим, И. Шупак, В. Ионицэ. Первые три вовсе не имеют фолловеров среди своих коллег. Логично было бы предположить, что низкие показатели их популярности среди других политиков – это отражение их общей непопулярности в Твиттере (все они, за исключением И. Шупак, закрывают список молдавских политиков по критерию «количество фолловеров»). Однако «количество фолловеров» не может быть единственным фильтром, помогающим нам понять этот граф и позиции, которые в нем занимают разные политика. На наш взгляд, необходимо также принимать во внимание и другой первостепенный показатель – количество твитов. С этой точки зрения «аутсайдерство» аккаунта В. Булиги, например, выглядит вполне закономерно (у нее 1 твит). Но именно на этом поле мы сталкиваемся и с самыми настоящими парадоксами. Один из них – аккаунт К. Фусу, депутата парламента, вице-председателя ЛПМ. Обладая тем же количеством твитов (1) и далеко не самым впечатляющим количеством подписчиков (ок. 110), она, тем не менее, «фолловится» М. Гимпу, В. Филатом, В. Унтилэ, М. Годя, Н. Тимофти, Д. Киртоакэ (3 из них – руководители ЛПМ). Разумеется, это очередное проявление «партийного фолловинга». Сама Фусу из 8 политиков фолловит 4 своих однопартийцев, а далее следуют уже названные фигуры «топа самых влиятельных»: Филат, Тэнасе, Лупу. Также здесь присутствует М. Годя, который составляет некое исключение из правил своей нестандартностью. Скорее всего, доминантный принцип фолловинга среди молдавских политиков – это «однопартийность» + «влиятельность». Далее этого открытость политиков или же (что вероятнее) тех, кто ведет за них микроблоги, попросту не простирается.

В этом контексте хочется упомянуть о настоящем парадоксе – аккаунте Президента Молдовы Н. Тимофти. Не отправив ни одного (!) твита, он, тем не менее,

занимает 10-ю позицию в списке молдавских политиков по числу подписчиков и «фолловится» 7 своими коллегами: Д. Киртоакэ, И. Додоном, М. Гимпу, М. Годя, Д. Речяном, В. Унтилэ, В. Филатом. Чего именно ожидают подписчики от мертвого (до сих пор) аккаунта Президента – совершенно непонятно. Зато существует реакция самой твиттосферы в виде клонов президентского аккаунта, коих на данный момент существует 3 (но внимания заслуживают лишь 2 из них). Первый, *@PresedinteMD*, весьма точно копирует оформление оригинала (за исключением е-мэйла на gmail.com, который и выдет «фальшивку»). Зато у этого клона 6 твитов, которые по содержанию вполне могли бы сойти за сообщения оригинального аккаунта. Другой фейк-аккаунт, *@Plaid_Timofti,* куда более продуктивен (132 твита) и по-хорошему саркастичен. Забавно то, что у него больше фолловеров, чем у «оригинала» (на наш взгляд – это вполне заслуженный итог). На всякий случай мы проверили, не «фолловятся» ли эти «клоны» аккаунтами прочих молдавских политиков, однако (что, видимо, к лучшему) результат оказался отрицательным.

Вывод. Политики Украины в целом показывают достаточную «связанность» на уровне фолловинга. Причем, что весьма положительно, подписанность вовсе не всегда диктуется схожей идеологией.

Политики Молдовы также скреплены достаточно плотными узами фолловинга, однако те принципы, на которых он строится, довольно непрозрачны. Насколько нам удалось раскрыть на основании нескольких примеров, речь здесь идет, скорее, о сочетании «однопартийность» + «влиятельность».

Часть 3. Твиты. Их использование по типам политиками Украины и Молдовы

Согласно типологии, предложенной Kwak и др. (2010) в статье «Что такое Твиттер: социальная сеть или новостная медиа?»[4], все твиты можно разделить на четыре категории:

1) **упоминание** (mention): твит, содержащий имя другого пользователя, по типу *@id пользователя*;

2) **ответ** (reply): твит, начинающийся с имени пользователя, по типу *@id пользователя*. Следует отметить, что у данных твитов особенный механизм просмотра. Если пользователь следует и за автором, и за адресатом ответного твита, он увидит переписку в своей ленте. В случае же частичного фолловинга сообщение не будет там отражено;

3) **ретвит/«цитирующий твит»** (retweet): пересылка чьего-либо твита. Может быть двух видов: так называемый native retweet, т.е. через специальную кнопку, в чистом виде и без редактирования, или же отредактированный ретвит, иногда – с добавлением собственной точки зрения. Ретвиты сопровождаются аббревиатурой *RT,* за которой следует *@id пользователя*. Иногда это может выглядеть, как «*via @id пользователя»;*

4) **синглтон** (singleton): простой твит, не подходящий под вышеописанные типы. Согласно Е. Сорокиной (2011), этот тип твитов можно также назвать «повествовательным», т.е. это любое сообщение, содержащее или не содержащее ссылки, которое появляется на лентах фолловеров и индексируется поисковиками[5].

Именно наличие первых трех типов твитов в общем составе сообщений способно дать представление об интерактивности, вовлеченности, в случае с политиками – о живом контакте с аудиторией. Именно этому анализу мы посвятим следующую часть исследования и начнем, соответственно, с «упоминаний».

Упоминания: Украина. В результате предпринятого анализа удалось установить общее количество упоминаемых в твитах *@id пользователя* для всех выбранных украинских политических деятелей. Таковых оказалось 189, т.е. в среднем по 7.6 упоминания на аккаунт. Чтобы объяснить эту цифру, следует незамедлительно указать на то, что некоторые украинские политики не прибегают к упоминаниям вовсе и потому не принимались в расчет: речь идет об А. Гриценко, И. Куличенко («ретрансляторская» особенность его микроблога предполагала такой итог), А. Парубий, Д. Корчинском, С. Надале.

В целом подавляющее большинство всех упоминаний – единичны. Лишь ок. 11% упоминаний встречаются 2 и более раз. В нижеследующей таблице мы приводим эти цифры:

«Упоминаний»	Аккаунтов с подобным кол-вом «упоминаний»	% от общего числа «упомянутых» аккаунтов (т.е. 189)
2	12	6
3	1	1
4	2	1
5	1	0.5
6	1	0.5
7	1	0.5
9	1	0.5

Теперь рассмотрим подробнее эти «исключения из правил», начиная с самых повторяющихся. На первом месте, с 9 упоминаниями, *@youtube*. Его упоминают: Тигипко, Турчинов, Тягнибок, Мельник, Кужель, Шкиряк, Королевская, Суслов, Яворский. Разумеется, это ссылка на главный видеохостинг современности. Далее следует *@ukrpravda_news*, официальный Твиттер-аккаунт интернет-издания «Украинская правда», на которую ссылаются 7 политиков: Шевченко, Доний, Грищенко, Аронец, Кужель, Шкиряк, Яворский.

Третьим в списке располагается *@korrespondent*, т.е. Твиттер-аккаунт популярного сайта korrespondent.net, у которого 6 упоминаний: Ляшко, Доний, Власенко, Шкиряк, Королевская, Яворский.

Затем следует @*gazetaua_twit*, за которым стоит всеукраинское новостное онлайн-издание gazeta.ua, упоминаемое 5 раз: Доний, Аронец, Кужель, Шкиряк.

Далее по списку идет пользователь @*serge_jpn*, упоминаемый Доний, Кириленко, Сусловым, Королевской.

Затем следует @*mefimus* – аккаунт украинского журналиста, корреспондента и автора журналистских расследований «Украинской правды» Мустафы Найема, которого упоминают 4 политика: Шевченко, Доний, Кириленко, Аронец.

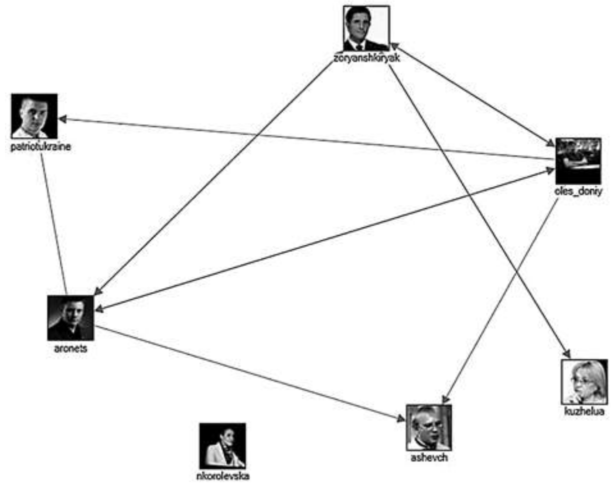
А вот главный с точки зрения численности читателей политик украинской твиттосферы Юлия Тимошенко (@*yuliatymoshenko*) упоминается всего 3 раза: Шевченко, Арьевым, Шкиряком, т.е. двумя народными депутатами Верховной Рады VII созыва от фракции «Батькивщина» и одним из лидеров Объединенной оппозиции «Батькивщина» (Шкиряк). Примечательно, что сама Тимошенко не упоминает ни один из этих 8 самых цитируемых Твиттер-аккаунтов.

Сразу за этим следует «Левый Берег» (@*lb_ua*), «онлайн-СМИ оперативной аналитики и эксклюзива украинской политики, экономики, культуры и спорта», который также упоминается 3 раза: Кужель, Шкиряк, Королевская.

Вывод, который напрашивается в результате анализа, сводится к тому, что украинские политики «упоминают» преимущественно аккаунты медийных и новостных ресурсов (Youtube, «Украинская правда», «Корреспондент.нет», «Газета.ua»), ключевых региональных Твиттер-пользователей в политической сфере вроде Мустафы Найема (который, не будем забывать, является корреспондентом еще более упоминаемой «Украинской правды») и виднейших политиков вроде Юлии Тимошенко.

Далее стоило бы отметить тех, кто более всего ссылается на 8 «топовых» по упоминаниям аккаунтов. Итак, А. Шевченко упоминает 3 из 8, А. Аронец – 3, Н. Яворский – 3, А. Кужель – 4, Н. Королевская – 4, А. Доний – 5, З. Шкиряк – 6. Таким образом, в этом своеобразном состязании вовлеченности лидируют представители «Батькивщины»: Шевченко, Кужель, Королевская, Шкиряк. Учитывая бóльшую «интерактивность» этих политических деятелей, было бы небезынтересно проследить систему их связей в Твиттере, что мы и сделали. В результате получается следующая картина.

Здесь мы можем наблюдать связи между аккаунтами выбранных «вовлеченных» политиков по принципу «фолловинга»: кто у кого «в читателях» и кто на кого подписан. Первое, что бросается в глаза, – невысокий в общем уровень взаимного фолловинга, учитывая факт принадлежности 4 из этих 7 политических деятелей к «Батькивщине».

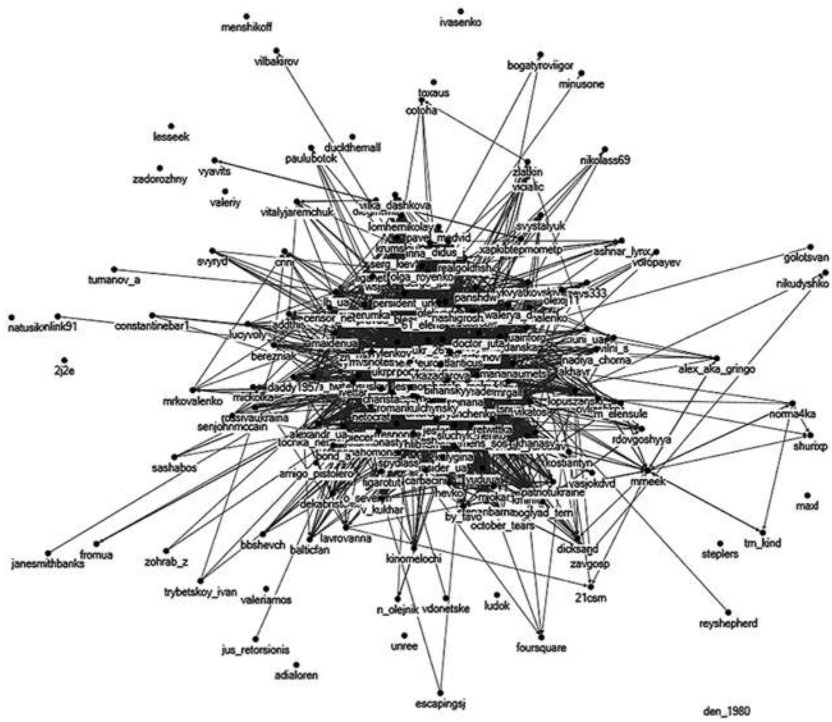


Более того, видна некоторая, если можно так выразиться, «гендерная» отстраненность министра социальной политики Н. Королевской (которую никто не «фолловит» и которая сама ни на кого не подписана) и народного депутата ВР А. Кужель (которая состоит во взаимном «фолловинге» с одним из лидеров Объединенной оппозиции «Батькивщина» З. Шкиряком). Сам же Шкиряк является своеобразным «лидером» подписанности: он «читатель» А. Аронца, А. Кужель и А. Доний, каждый из которых также «подписан» на него. Если же абстрагироваться от принципов взаимности, то на роль «лидера подписанности» более подходит нардеп А. Доний, подписанный на Шевченко, Шкиряка, Аронца и Яворского. При этом Шевченко и Яворский не «фолловят» Дония.

От этого скромного по своим масштабам эксперимента по выявлению социальных связей логично было бы перейти к более амбициозным задачам, как-то: установление картины социальных связей всех 189 аккаунтов, упоминаемых анализируемыми украинскими политиками. Графический результат этого изыскания представлен ниже.

Как видно из графика, в целом бóльшая часть упомянутых украинскими политиками аккаунтов также проявляют существенную вовлеченность с точки зрения «фолловинга». Разумеется, наиболее упоминаемые аккаунты и здесь находятся в центре пересечений. Так, *@ukrpravda_news* связан с 21 аккаунтом; @ *korrespondent* – с 29 аккаунтами; *@gazetaua_twit* – с 10 аккаунтами; *@serge_jpn* – с 28 аккаунтами; *@mefimus* – с 16 аккаунтами. Исключением из этого правила является лишь аккаунт *@YuliaTymoshenko*, который связан взаимным фолловингом только с *@chastime* – микроблогом украинской службы «Голоса Америки». Отдельно хочется упомянуть разветвленность связей некоторых политиков из нашего списка, среди которых Л. Оробец (40 связей), Е. Суслов (18 связей), А. Шевченко (12 связей), А. Кужель (11 связей), А. Турчинов (11 связей)

и др. Также график показывает наличие 15 аккаунтов, которые, будучи цитированными, не связаны ни с одной из прочих 188 учетных записей (*adialoren; den_1980; duckthemall; ivasenko; 2j2e; lesseek; ludok; maxl; natusik; steplers; toxaus; unree; valeriamos; valeriy; zadorozhny*).



Тем более интересным представляется тот факт, что эти аккаунты все-таки упомянуты политиками. Чтобы на конкретном примере получить представление о том, как такое может иметь место, возьмем аккаунт @*den_1980*, 3 раза упоминаемый министром социальной политики Н. Королевской (@*nkorolevska*). Ни один из них не является «читателем» другого, что не мешает Королевской в трех твитах отвечать на вопросы этого пользователя в следующем ключе:

|Sun Sep 23 11:59:55 +0000 2012|@Den__1980 Мы не даем обещаний «Выберите нас и мы сделаем вам пенсии по $500», мы предлагаем свою экономическую программу для Украины.

Упоминания: Молдова. К сожалению, здесь мы имеем дело с радикально иной ситуацией. Во-первых, *13 из 20 выбранных молдавских политиков не используют упоминания и ответы вовсе*. Те же из них, кто все-таки использует упоминания как прием, делают это, как правило, на уровне символического исключения из правил. Так, М. Лупу, М. Гимпу, В. Унтилэ и М. Годя, т.е. 4 политика из 7, представляющих подобное «исключение из правил», прибегают к упоми-

нанию всего 1 раз. Далее следуют И. Шупак (упоминание 4 аккаунтов), Р. Бушилэ (упоминание 3 аккаунтов), В. Бодю (упоминание 10 аккаунтов). Мы обнаруживаем ровно 20 упоминаемых аккаунтов, т.е. ок. 11% от цифры, которую мы наблюдали в случае Украины, по одному упоминанию на каждый анализируемый молдавский аккаунт. Кроме того, если копнуть глубже и указать на то, что В. Унтилэ цитирует свой собственный аккаунт, то цифра эта могла бы выглядеть еще скромнее. Однако мы не стали этого делать, так как в случае с украинскими политиками факты «самоцитирования» также не были исключением (так, А. Турчинов цитирует свой Твиттер-аккаунт 4 раза, О. Ляшко – 1 раз, В. Кириленко – 229 (!) раз, П. Мельник – 3 раза, А. Кужель – 21 раз, Н. Яворский – 2 раза).

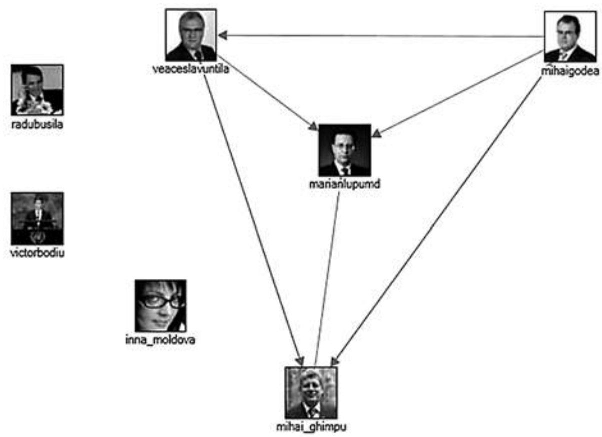
Как и в случае с Украиной (на этом, однако, любые параллели заканчиваются), на первое место по частоте упоминаемых аккаунтов выходит *@youtube.* Горькая ирония в случае Молдовы имеет две стороны: 1) это единственный аккаунт, на который ссылаются несколько молдавских политиков; 2) молдавские политики ссылаются на него 2 (!) раза. Отдельной вершиной в плане упоминаний *@youtube* выглядит Р. Бушилэ, лидер по такому важному параметру, как количество твитов. По состоянию на 27.03.2013, он ссылается на главный видеохостинг планеты 717 (!) раз, т.е. практически в каждом своем твите. При таком положении вещей весьма забавно взглянуть на «облако слов» его аккаунта, что мы и сделали. «Облако» получается максимально красноречивым, бросая огромную тень на качество «лидерства» Бушилэ в сфере количества сообщений:

Как видно, из главных слов Бушилэ в его Твиттере можно безошибочно составить автоматическое предложение «Видео добавлено/загружено мной на YouTube» и домыслить, что его Твиттер используется преимущественно для хранения ссылок на сам видеохостинг.

Самым «продвинутым» с точки зрения использования упоминаний является В. Бодю. Напомним, что его микроблог не обновлялся свежими записями с 18.05.2011, т.е. с того времени, когда Бодю являлся кандидатом ЛДПМ на пост градоначальника Кишинева. Тем не менее за недолгое время своего пребы-

вания в Твиттере (чуть более месяца) Бодю установил положительный рекорд по вовлеченности среди своих молдавских коллег: 10 аккаунтов упомянуто, всего 28 упоминаний. Разумеется, подобную интерактивность можно объяснить молодостью Бодю и его желанием во время предвыборной кампании показать себя открытым и продвинутым. Это было важно, так как его оппонент, Д. Киртоакэ, стал градоначальником благодаря протестному голосованию кишиневцев под брендом «молодости и незапятнанности». В то же время вскрывается эфемерность и утилитарность использования Твиттера: как только Бодю снял свою кандидатуру, его активности в сфере микроблоггинга пришел конец.

Попытаемся представить схему социальных связей 7 самых прогрессивных в области Твиттер-упоминаний молдавских политиков:



Как видно из графика, наибольшим уровнем «фолловинга» обладают лидеры Альянса «За Евроинтеграцию» – Гимпу и Лупу, что было вполне предсказуемо. Другой очевидный вывод: связанность по «фолловингу» обнаруживается как раз между теми политиками, которые использовали упоминания не более одного раза. «Лидеры» с этой точки зрения, В. Бодю, Р. Бушилэ и И. Шупак, являются очевидными аутсайдерами, не будучи вовлеченными в сеть связей.

Выводы. С точки зрения такого важного элемента Твиттер-интерактивности, как «упоминания», Украина показывает гораздо более значительные показатели. Это проявляется как минимум в трех аспектах: 1) общем количестве упоминаемых политиками аккаунтов; 2) связях между этими аккаунтами; 3) связях между политиками, наиболее часто упоминающими данные аккаунты. Именно с этих точек зрения показатели Молдовы выглядят совершенно минорно: весьма низкое количество учетных записей, на которые ссылаются политики; малое количество политиков, прибегающих к упоминаниям в принципе; низкий уровень связей между ними.

***

Следующим аспектом интерактивности, который мы попытаемся установить, станут *ответы*: твиты, начинающиеся с имени пользователя. В целом ответы – явление менее распространенное, нежели упоминания. Однако сам факт их присутствия в общем числе твитов способен дать ценное представление о вовлеченности политиков в обсуждение и обмен информацией.

Ответы: Украина. Нам удалось установить общее количество аккаунтов, удостоившихся «ответа», – 139. Далее мы установили важный факт – 103 из них совпадают с уже анализировавшимися «упоминаниями». Стало быть, мы обнаруживаем 36 аккаунтов, которые получают «ответ» от украинских политиков, не будучи «упомянутыми» в остальных твитах.

Политики, игнорировавшие упоминания, точно так же поступают с ответами: А. Гриценко, И. Куличенко, А. Парубий, Д. Корчинский, С. Надал снова идут против течения.

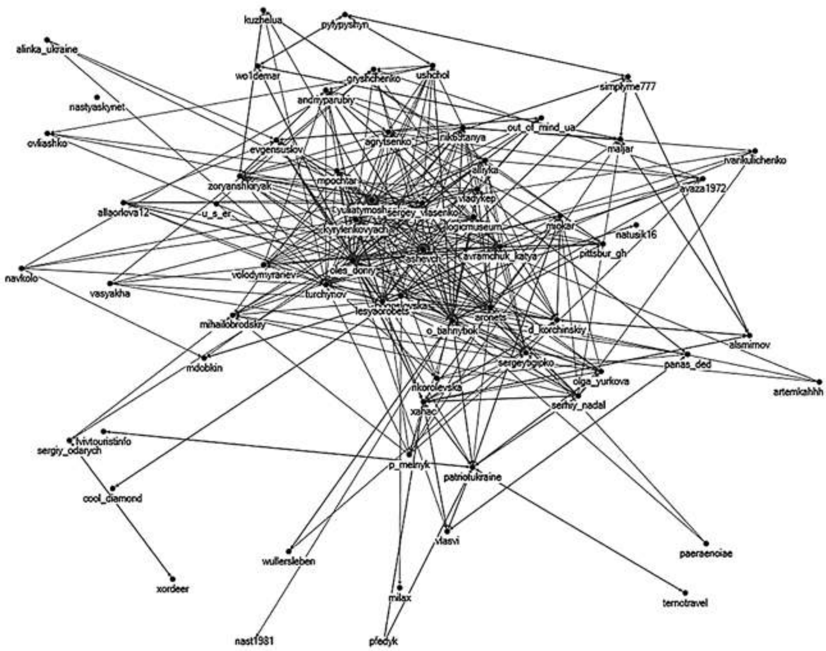
Опять-таки, как и в случае с упоминаниями, большинство аккаунтов-адресатов «ответов» (88) единичны. Максимальное количество повторений выпадает на уже встречавшийся нам аккаунт *@serge_jpn* (4 раза). Ему отвечают В. Кириленко (14 раз), А. Доний (9 раз), Е. Суслов (7 раз), Н. Королевская (3 раза). За ним в своеобразном «топе» следует уже встречавшийся нам журналист «Украинской правды» Мустафа Найем (*@mefimus*), которому отвечают А. Шевченко (31 твит), В. Кириленко (8 твитов), А. Аронец (4 твита). Также тремя политиками упоминается в ответах аккаунт Тернопольской городской общественной организации «Адаптационный мужской центр» (*@mens_sos*). Ему отвечали М. Окаринский (7 ответов), Е. Суслов (7 ответов), Н. Яворский (2 ответа). Иными словами, ответы Тернопольской организации пишут в основном политики из самого Тернополя.

Остальные 12 исключений из правила «1 аккаунт – 1 ответ» были процитированы в начале твита максимум 2 раза.

Далее было бы интересно проследить связи между выбранными украинскими политиками и 36 аккаунтами, которые удостаиваются ответа, не будучи упомянутыми в остальных твитах данных политиков.

Как видно из графика, бóльшая плотность связей наблюдается все-таки между аккаунтами самих политиков. Однако в самом плотном «клубке» связей можно видеть вкрапления наиболее активных пользователей из числа обозначенных 36: пользователь *@avramchuk_katya*, к примеру, читает микроблоги Шевченко, Оробец, Турчинова, Кириленко, Аронца, Тягнибока; пользователь *@nik69tanya* читает Твиттер Шкиряка, Власенко, Тимошенко, Турчинова, Гриценко, Шевченко, Кириленко, Доний, Тигипко, Оробец, Куличенко, Тягнибока, Арьева, Парубия, Аронца. И это, разумеется, лишь несколько примеров. Таким образом, адресатами «ответов» политиков становятся наиболее активные и про-

двинутые пользователи, тем более в тех случаях, когда их @*id имя пользователя* не используется в упоминаниях.



Это можно иллюстрировать конкретным примером. Возьмем уже упомянутый аккаунт *@avramchuk_katya*, который принадлежит Екатерине Аврамчук, журналистке «Украинской правды». Она 6 раз становится адресатом «ответов» со стороны народного депутата Вячеслава Кириленко. Оба состоят во взаимном «фолловинге». Проанализировав архив твитов обоих пользователей, можно «составить» следующий Твиттер-диалог, имевший место 25 февраля 2013 г.:

@avramchuk_katya: 10:31:27 |@KyrylenkoVyach А Ви можете поділитись секретом, як без попередньої публічної мобілізації можна зібрати 10 тисяч учасників?

@kyrylenkovyach: 10:44:56 |@avramchuk_katya Мали поширюватися листівки і запрошення на мітинг. Я думаю, це було зроблено.

@avramchuk_katya: 10:45:48 |@KyrylenkoVyach а до кого можна звернутися, щоб дізнатися точну інфу?

@kyrylenkovyach: 15:01:26 |@avramchuk_katya Думаю, до Київської «Батьківщини» – вони вели оргпитання.

Как видим, Аврамчук первой использует «ответы» вместо приватных сообщений (direct messages), которые она могла бы использовать, учитывая взаимный с Кириленко фолловинг. Разумеется, в этом случае само слово «ответ» обесценивается, весьма странно с точки зрения обыденной логики, обозначая

специфичный для Твиттера механизм прямого обращения. Зато твиты Кириленко действительно являются ответами как с точки зрения Твиттер-условностей, так и с точки зрения здравого смысла.

Ответы: Молдова. В этом разделе можно сказать только следующее: если в случае с «упоминаниями» ситуация была нелестной для молдавских политиков, то, говоря об «ответах», она становится просто-напросто катастрофичной и немыслимой с точки зрения хрестоматийного микроблоговедения публичными лицами. Достаточно будет сказать, что к ответам прибегают лишь И. Шупак (1 раз!) и В. Бодю, чьи «ответы» полностью совпадают с «упоминаниями», и потому мы не будем лишний раз их анализировать. Именно отсутствие «ответов», как ничто иное, бросает тень на интерактивность и жизненность молдавской политической твиттосферы. Ответы на напрашивающийся вопрос «почему так?» очевидны: фактическая «заброшенность» части аккаунтов, очевидная «ретрансляторская» функция других, малое количество вовлеченных читателей оставшихся, скорее всего, попросту не создают ситуации, при которой сами «ответы» могли бы возникнуть как явление. Иными словами, молдавским политикам в Твиттере не задают вопросов, чтобы получить на них ответ.

Выводы. В целом украинские политики снова показывают достойный уровень применения столь важного приема интерактивности, как «ответы». В целом, если абстрагироваться от тех, кто ими не пользуется, мы получаем цифру в 5.5 «ответа» на каждый аккаунт. Более того, тот факт, что мы обнаруживаем 36 аккаунтов, которые стали адресатами «ответов», не будучи при этом «упомянутыми» в остальных твитах, говорит о том, что некоторые из украинских политиков действительно весьма открыты: ведь они отвечают людям, которых сами не цитируют. В Молдове же ситуация с «ответами» поистине катастрофична. Учитывая факт неактивности микроблога Бодю, можно считать, что «ответы» отсутствуют как факт.

***

В этой, последней, части нашего исследования, посвященной интерактивности, мы проследим за третьим, не менее важным, типом твитов: ретвитами / «цитирующими твитами». Посредством ретвитов пользователь выступает своего рода «информационным фильтром», цитируя то, что кажется важным ему и его подписчикам. Кроме того, цитирование качественной информации указывает на открытость и осведомленность пользователя в своей конкретной нише и позволяет идентифицировать его взгляды и воззрения. Также ретвиты ведут к упрочению социальных связей и росту аудитории. И, наконец, они же позволяют указать на личную признательность тем, с кем пользователь состоит в онлайн- или оффлайн-отношениях (читателям, сторонникам и т.д.).

Ретвиты: Украина. Как и в предыдущих случаях, среди политиков есть те, которые вовсе не прибегают к подобному типу твитов: И. Богословская, С. Власенко, Д. Корчинский, О. Ляшко, А. Парубий, О. Тягнибок, З. Шкиряк. Важное примечание: за исключением А. Парубия, это уже не те политики, которых мы отмечали в симметричном списке деятелей, игнорирующих «упоминания» и «ответы».

Всего нам удалось установить 89 аккаунтов, твиты которых цитируются украинскими политиками. Из них 27 уже встречаются в сводном списке «упоминаний» и «ответов». Стало быть, мы имеем дело с 62 аккаунтами, которые цитируются, но не упоминаются через *@id имя пользователя*. Более того, 83 из всех «процитированных» аккаунтов встречаются единожды. Вот список аккаунтов, которые ретвитятся более одного раза: *@ashevch* (народный депутат Андрей Шевченко; 2 раза); *@mens_sos* («Адаптационный мужской центр» Тернополя; 2 раза); *@tviuaofficial* (телеканал ТВі; 2 раза); *@uainforg* (микроблог Организации свободного Интернета; 2 раза); *@zemant* (микроблог популярных сетевых афоризмов и фраз; 2 раза); *@mefimus* (блогер и журналист «Украинской правды» Мустафа Найем; 3 раза). Можно сразу провести параллель, что лидер по «ретвитингу», М. Найем, также входил в «топ» самых упоминаемых аккаунтов, где занимал шестое место.

Рассмотрим теперь, кем же цитируются эти аккаунты. Проще всего представить это в виде таблицы:

Аккаунт	Кто ретвитит/сколько раз
@mefimus	Аронец (2), Доний (1), Кириленко (8)
@zemant	Добкин (1), Окаринский (13)
@uainforg	Доний (2), Кужель (89)
@tviuaofficial	Доний (2), Кужель (4)
@mens_sos	Суслов (1), Яворский (19)

Очевиден факт, что А. Доний является самым приверженным «ретвитингу» украинским политиком (цитирует 3 аккаунта из 5; всего 5 ретвитов). За ним следует А. Кужель (цитирует 2 аккаунта из 5; всего 93 ретвита). Интересно проследить, что же именно ретвитит Доний, ввиду чего мы проанализировали архив его твитов. Вот, к примеру, твит Найема, который цитирует Доний:

***@oles_doniy**: Sat May 26 2012 19:00:42|RT @mefimus: В оппозиции тоже кидают. Доний и Парубий оказались вне списка и без округов. Они были героями боев за Харьк соглашения, а сегодня не нужны (*

А вот один из процитированных Донием твитов Организации свободного Интернета:

***@oles_doniy**: Thu Oct 13 2011 15:22:26|RT @uainforg: Донию запретили посещать Луценко http://bit.ly/qJu8mD.*

И, наконец, процитированный твит телеканала ТВі:

@oles_doniy*: Mon Jul 02 2012 14:32:38|RT @TViUaOfficial: Я завантажив(-ла) відео @YouTube http://youtu.be/AIZn6hW5Hsw?a Доній: В Україні при владі російські націоналісти.*

Этих примеров достаточно, чтобы сделать вывод о том, что Доний цитирует те твиты, в которых, в свою очередь, указано его имя. То есть для него это скорее способ самопродвижения, нежели возможность дополнительно информировать свою аудиторию.

То же самое можно сказать и про А. Кужель, которая является вторым политиком, цитирующим более одного аккаунта. Изучая архив ее твитов, мы сталкиваемся с такими цитированиями твитов телеканала ТВі:

@KuzhelUA*:* Fri Mar 22 2013 20:48:13|RT @TViUaOfficial: Олександра Кужель: Я живу на одну пенсію: Народний депутат заявила, що за час блокування ВРУ жоден депутат не ... http://bit.ly/11quKtA;

@KuzhelUA*:* Sat Jan 19 2013 19:27:04|RT @TViUaOfficial: Кужель: Нас просто схопили і викинули на сходи: http://youtu.be/CLy6sWWvczg?a via @YouTube;

@KuzhelUA*:* Sat Nov 10 2012 16:19:45|RT @TViUaOfficial: Я завантажив(-ла) відео @YouTube Кужель: Немає більш страшної кулі за бюллетень.

Однако нельзя сказать то же самое, например, про А. Аронца: процитированные им твиты М. Найема не содержат упоминания его имени. То же в случае В. Кириленко: большая часть процитированных им твитов Найема касается негативного отношения последнего к Виктору Януковичу и Партии регионов, как, например:

@KyrylenkoVyach: *Fri Oct 12 2012 12:50:19|RT @mefimus: Еще один маразм времен Виктора Федоровича. Конца края им нет, кажется. http://twitter.com/mefimus/status/256703329487441920/photo/1;*

@KyrylenkoVyach: *Mon Sep 03 2012 21:34:01|RT @mefimus: Пока Янукович рассказывал о свободе слова, охрана душила редактора «Українська правда» Алену Притулу. http://www.youtube.com/watch?v=Hwl0raDEN7k;*

@KyrylenkoVyach: *Thu Aug 02 2012 12:13:56|RT @mefimus: С 99% вероятностью нам удалось установить автомобиль, охранники которого напали на меня на съезде ПР.*

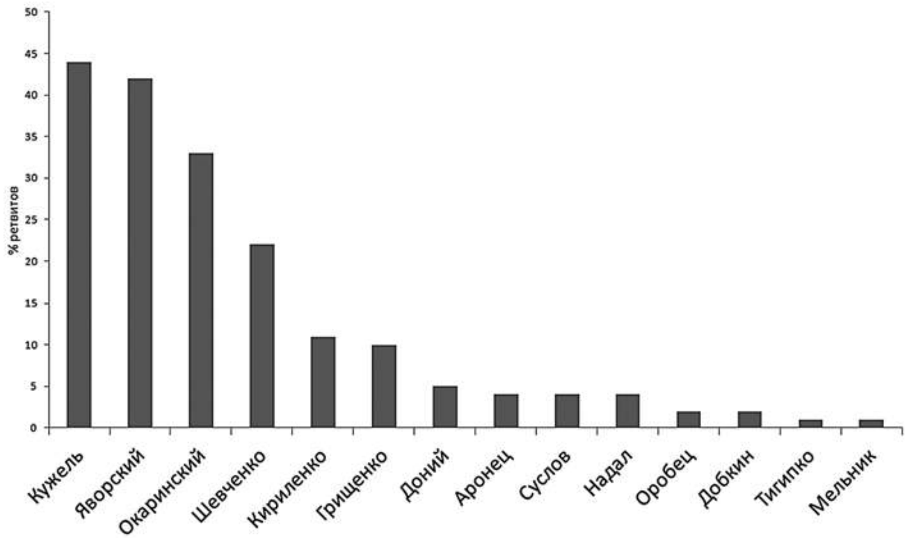
Учитывая особенность аккаунта *@zemant*, небезынтересно было бы проследить, какие же именно интернет-изречения считают достойными цитирования тернопольский депутат М. Окаринский и бывший мэр Харькова М. Добкин. Последнему, к примеру, понравилась шутка, связанная с непогодой, что обрушилась на Украину в конце марта 2013 г.:

@mdobkin: *Sun Mar 24 2013 07:07:29|RT @zemant: Судя по погоде, ЧУЧЕЛО МАСЛЕНИЦЫ ВЫЖИЛО И НАЧАЛО МСТИТЬ:*

Окаринский цитирует аж 13 шуток и изречений с аккаунта *@zemant,* из которых одна, скорее всего, может выступать аргументом его приверженности к Твиттеру:

***@miokar:** Tue Jan 17 21:52:22 +0000 2012|RT @zemant: – Кем приходитесь задержанному? – Фолловером.*

Снова переходя от содержания к цифрам, можно сказать следующее: средним процентом ретвитов на аккаунт политика были бы 13.2%. Напомним, 6 политиков среди выбранных не используют цитирование вовсе. Другие 10 ретвитят столь редко, что цитирования не составляют и 1% от общего количества их твитов. Итого остаются 14 политиков, чей процент ретвитов более 1% от общего количества сообщений. Ниже представлена диаграмма, подробно иллюстрирующая процент ретвитов в сообщениях этих 14 политиков:



Стало быть, у Кужель и Яворского ретвиты составляют почти половину всех сообщений. Учитывая довольно скромное количество твитов лидера по этому параметру, А. Кужель (521 на 31.03.2013), можно поставить под сомнение интерактивно-коммуникационную ценность ее микроблога, 44% от наполнения которого составляют ретвиты. Разумеется, никто не сомневается в их важности, однако в данном случае перебор налицо.

В достаточной степени вышесказанное относится к М. Окаринскому, который, напомним, находится на 3-м (!) месте в топе по количеству твитов. Учитывая, что из 2589 его сообщений 840 – это ретвиты, логично было бы предположить, что его нельзя ставить по этому параметру на одну доску с А. Шевченко, Л. Оробец или даже А. Аронцом. Конечно, здесь можно указать на то, что А. Шевченко (лидер по количеству твитов) и сам присутствует в топе ретвитов (22% от всех сообщений). Однако решающим аргументом в Твиттере всегда является одобрение аудитории, выразителем которого выступает такое значение, как число фолловеров. И если отталкиваться от этого параметра, то видно, что Шев-

ченко является одним из фаворитов украинских «твиттерян» среди политиков – он на 4-м месте в топе «самых читаемых». Значит, некоторое «злоупотребление» ретвитом вовсе не вредит его микроблогу.

Уместно было бы в этом контексте сравнить, насколько список политиков, использующих ретвиты, совпадает со списком самых топовых политиков по количеству твитов (вплоть до 14-й позиции, ведь именно столько политиков прибегает к цитированию). В результате этого опыта получаем следующий результат: 9 из 14 политиков, прибегающих к ретвиту, также фигурируют в первой половине списка политиков по критерию количества твитов. В алфавитном порядке речь идет об: Аронце, Грищенко, Доний, Кириленко, Окаринском, Оробец, Тигипко, Шевченко, Яворском. Если же добавить к этим фамилиям следующий «фильтр» в виде сравнения с «топ-10» по количеству читателей, то результат (в алфавитном порядке) будет таким: Доний, Кириленко, Оробец, Тигипко, Шевченко. Именно эти политики входят, таким образом, в сводный «топ» по ключевым показателям: «количество фолловеров» – «количество твитов» – «применение ретвитов».

Ретвиты: Молдова. К сожалению, приходится констатировать несостоятельность микроблогов молдавских политиков с очередной точки зрения. Однако в этот раз ситуация выглядит действительно удручающе: среди всех твитов выбранных нами молдавских политиков мы обнаруживаем 2 (!) ретвита: один приходится на М. Гимпу, второй – на В. Унтилэ. Но даже эти 2 ретвита способны дать некоторое представление о принципах, на которых они строятся. Дело в том, что председатель ЛПМ М. Гимпу ретвитит пост своего племянника, мэра Кишинева, Д. Киртоакэ (вице-председателя ЛПМ), о представлении последним доклада по деятельности в качестве градоначальника. Другой же вице-председатель ЛПМ В. Унтилэ ретвитит пост М. Гимпу следующего содержания (в переводе):

@VeaceslavUntila: Sun Apr 17 2011 14:39:37|RT @ Mihai_Ghimpu: Поздравляем Киртоакэ, кандидата ЛП на пост мэра. Республиканской совет ЛП единогласно проголосовал за кандидата Д. Киртоакэ.

Таким образом, единственные 2 твита молдавских политиков являются ювелирной проекцией оффлайн-отношений высшего руководства ЛПМ. Печально, что горизонты молдавских политических деятелей не раскрываются даже в такой благодатной информационной среде, как Твиттер.

Выводы. С точки зрения «цитирования» результаты Украины двусмысленны. С одной стороны, более половины всех политиков либо не прибегают к ним вовсе, либо делают это в не заслуживающих внимания пропорциях (в нашем случае – менее 1% от общего числа сообщений). С другой стороны, некоторые политики, более прочих использующие «цитаты», тоже привлекают ряд вопросов, связанных с некой непропорциональностью между общим количеством их сообщений и процентом ретвитов. В общем и целом можно сказать, что «золотой середины» удается достичь 5 политикам, которые по совместительству входят в «десятку лучших» по критерию фолловеров.

В Молдове ситуация обстоит, с одной стороны, убого, с другой – курьезно. Единственные два твита, использующиеся молдавскими политиками, настолько гармонично совпадают с их социальными связями, что становятся достойными упоминания.

Часть 4. Хэштеги в твитах украинских и молдавских политиков

Хэштегом называют слово, которое служит для объединения отдельных сообщений по теме или типу. «Хэштег… используется для включения события или ключевого слова в общую для всех пользователей ленту»[6].

Изначально хэштеги были исключительно твиттеровским явлением, однако затем перекочевали и в другие социальные сети. В середине марта 2013 г. в интернете появились сообщения о том, что даже крупнейшая соцсеть Facebook намерена ввести этот инструмент, что позволит «индексировать записи, посвященные одной теме, из-за чего пользователи будут больше времени проводить на сайте и увидят больше рекламы»[7]. О том, насколько важными хэштеги становятся для современного онлайн-присутствия, говорит то, что, по мнению специалистов Американского диалектологического общества, в рейтинге самых популярных слов, употреблявшихся в 2012 г., победу одержало как раз слово «хэштег»[8].

Исторически хэштег как инструмент сформировался в конце 2007 г. До того момента «темы» твитов (которые иногда не совсем удачно называли «мемами») просто выделялись ковычками, что делало поиск по темам практически обреченным. Наконец в конце 2007 г. Нейт Риттер (@nateritter) начал публиковать микросообщения о пожарах в Сан-Диего, которые и стали, как гласит Твиттер-легенда, первым хэштегом: #sandiegofire. Благодаря этому нововведению пользователи смогли быстрее находить необходимые сообщения, посвященные этим экстренным событиям. Существуют версии, что #sandiegofire вовсе не был первым хэштегом[9], однако он является наиболее документированным примером введения «решетки».

Из двух изучаемых нами стран в Молдове существует даже свой «легендарный» хэштег. Таковым является #pman, представляющий собой аббревиатуру от «Piața Marii Adunări Naționale» – название площади, где 7 апреля 2009 г. собрались протестующие против предполагаемых нечестных выборов. События эти стали в дальнейшем известны как «молдавская Твиттер-революция». Впоследствии ореол этого события был значительно подпорчен научными изысканиями, острие которых сходилось на том, что в Молдове на тот момент было не более 200 активных пользователей Твиттера, которые могли бы создавать тренд в этой соцсети. А само Твиттер-сообщество, использовавшее хэштег #pman, как выходит из исследования авторитетного аналитика Итана Цукермана (Центр

Беркмана по изучению интернета и общества, Гарвардский университет), насчитывало не более 1979 уникальных пользователей[10].

Переходя непосредственно к определению понятия, можно сказать, что хэштеги – это агрегаторы твитов, которые формируют из множества разрозненных постов единую тематическую ленту. Используя их, можно больше узнать от других и способствовать развитию дискуссии. Но важнее то, что при использовании хэштега, твиты политиков могут быть видны и доступны даже тем, кто не является их непосредственным читателем. Стало быть, *именно хэштег в Твиттере есть незаменимый способ самопродвижения*, игнорирование которого говорит о непонимании инструментов и способов достижения подлинной популярности и влиятельности в этой сети.

Чтобы напомнить о влиятельности некоторых Твиттер-хэштегов, достаточно вспомнить свежие и громкие примеры из России. Например, хэштег #Первыйраз, который вышел на второе место среди мировых трендов сети Twitter в конце февраля 2012 г.[11]. Хэштег был привязан к проекту «Путин. Первый раз – только по любви», который, по версии авторов кампании, должен был указать молодежи на тот важный факт, что подходить к первому акту участия в политической жизни страны нужно не менее ответственно, чем к первым актам более интимного свойства. Другой пример менее громкий, но все же значительный – хэштег #перевыборы, который взорвал российский Твиттер после принятия Госдумой в июне 2012 г. скандального законопроекта, ужесточающего правила проведения митингов. Оппозиционеры даже призывали интернет-общественность вывести законодательный конфликт, заключенный в хэштеге, в топ мировых трендов[12]. Наконец, сразу после подписания Путиным запрета на усыновление российских детей гражданами США («антимагнитский закон») хэштег #Путинестдетей (продвигаемый оппозицией) вышел в топ русского Твиттера и даже занимал верхнюю позицию[13]. Одновременно с «антимагнитским законом» Путин подписал указ «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». В результате хэштег #ПутинПоддержалСирот (продвигаемый сторонниками президента и, как утверждается, ботами, т.е. подставными аккаунтами) вытеснил #Путинестдетей из топа. Эти примеры (число их могло бы быть несравнимо большим) указывают на действительное осознание как оппозицией, так и властью важности хэштегов для продвижения собственного послания в Твиттере в частности и в сети вообще.

Хэштеги: Украина. Начать описание использования хэштегов украинскими политиками следует с одной существенной оговорки – не все из них пользуются ими. Из списка, от которого мы отталкиваемся в этом исследовании, экс-премьер-министр Юлия Тимошенко, ее адвокат Сергей Власенко, мэр Днепропетровска Иван Куличенко, нардеп ВР и глава Радикальной партии Олег Ляшко, нардеп ВР Инна Богословская, мэр Черкасс Сергей Одарич, бывший народный

депутат ВР Евгений Суслов, генсек политической партии «Братство» Дмитрий Корчинский и, наконец, самовыдвиженец по скандальному 223-му округу Киева Виктор Пилипишин попросту не используют это средство увязывания микросообщений в одну тематическую нить. Следующим важным замечанием является то, что из 9 упомянутых политиков-«твиттерян» (а это треть всех украинских политиков, нами изучаемых) лишь Иван Куличенко входит в «топ-10» списка по категории «количество твитов». И даже это нуждается в дополнительном комментарии: микроблог Куличенко – это типичный «ретранслятор», и ожидать от него использования хэштегов (что присуще более «продвинутому» уровню Твиттер-культуры), скорее всего, не стоило.

Всего нам удалось установить использование 82 хэштегов, что является вполне впечатляющей цифрой. Таким образом, на 21 политика приходится почти по 4 хэштега.

Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что всего несколько из них можно назвать популярными: #вибори2012 (7 упоминаний), #ua (5 упоминаний), #ukraine (4 упоминания), #рада2012 (4 упоминания), #ternopil (3 упоминания), #кличко (3 упоминания), #новости (3 упоминания). Нетрудно догадаться, что смысл некоторых из них дублируется: речь идет о хэштегах #вибори2012 и #рада2012 (выборы в Верховную Раду VII созыва 28 октября 2012 г.); также под эту ситуацию подпадают хэштеги #ua и #ukraine (общие хэштеги для агрегации микросообщений, посвященных Украине). Относительной популярностью пользуются хэштеги регионального свойства (речь идет о двух хэштегах, касающихся Тернополя: #ternopil, #te_ua; хэштегов #kharkov, #kyiv, содержание которых очевидно). А вот хэштеги, относящиеся к конкретным политическим формированиям, гораздо менее популярны, чем можно было бы ожидать, учитывая профиль владельцев рассматриваемых аккаунтов. На самом деле, лишь #svoboda замыкает «топ-10» наипопулярнейших хэштегов. Во всем остальном списке из 82 названий мы более не найдем ни одного хэштега, определяющего какое-либо политическое формирование. Возможно, вместо таковых в качестве альтернативы стоило бы упомянуть хэштеги вроде #янукович, #yanukovych_vf, #nash_yanyk. Однако упоминания их маргинальны, не более одного на аккаунт. Причем ни одно из них не приходится на тех, кто принадлежит к Партии регионов.

В дальнейшем мы уделим более пристальное внимание тем хэштегам, которые пользуются относительной популярностью. В нашем случае речь идет о тех хэштегах, которые упоминаются тремя и более аккаунтами. Таковых всего 7: *вибори2012, ua, ukraine, рада2012, ternopil, кличко, новости*.

Итак, наиболее популярный хэштег в микросообщениях рассматриваемых нами украинских политических деятелей – #вибори2012. Данный хэштег появился примерно за неделю до выборов в Верховную Раду. Непосредственно в день выборов частота микросообщений, содержащих хэштег, увеличилась в

десятки раз. По мнению некоторых экспертов, он стал самым используемым в Украине за все время, что в стране вообще использовался Твиттер. Здесь нужно сделать необходимое примечание, что и в 2012 г. Твиттер вовсе не был самой популярной социальной сетью украинских пользователей: наиболее значимые события происходили в Facebook. Тем не менее Корреспондент.net, к примеру, организовал Livestream – интерактивную ленту новостей от читателей и пользователей социальных сетей. Через Livestream можно было «делиться новостями, обмениваться мнениями о выборах в Верховную Раду, загружать фото или видео» с помощью социальных сетей Facebook, ВКонтакте и Twitter. Публикации через Twitter выводились с основным хэштегом #вибори2012 автоматически.

В следующей таблице представлено использование хэштега украинскими политическими деятелями:

Политический деятель	Число использований *#вибори2012*
Александр Аронец	549
Леся Оробец	29
Александра Кужель	10
Владимир Арьев	4
Андрей Парубий	3
Сергей Тигипко	1
Наталья Королевская	1

Как можно видеть, хэштег использовался преимущественно представителями Объединенной оппозиции «Батькивщина»: Оробец, Кужель, Арьевым, Парубием, Королевской. Однако абсолютным лидером по его использованию является 23-летний глава пресс-службы ВО «Свобода». Он на 520 раз больше использовал данный хэштег, нежели ближайший к нему в данном списке политик Леся Оробец.

В украинской твиттосфере в избирательный период существовал дополнительный агрегатор микросообщений – хэштег «elect_ua». Однако его популярность была существенно ниже. Среди рассматриваемых нами политических деятелей Украины его использует лишь депутат Тернопольского областного совета Назар Яворский. Зато схожий по тематике хэштег #Рада2012 используется Александром Аронцом (43 раза), Александрой Кужель (12 раз) и нардепом ВР VII созыва от «Батькивщины» Вячеславом Кириленко (1 раз).

На третьем месте среди популярных хэштегов – #овк223. За ним скрывается ситуация, имевшая место в окружной избирательной комиссии округа № 223 в Шевченковском районе Киева. В этом округе, за которым на некоторое время закрепилась репутация «самого скандального округа Украины», шла ожесточенная борьба за депутатский мандат между представителем ВО «Свобода» Юрием Левченко и самовыдвиженцем Виктором Пилипишиным (присутству-

ющим в списке анализируемых нами политиков). Это был один из пяти одномандатных округов, по которым ЦИК Украины приняла постановление о невозможности установления результатов голосования. В итоге с отрывом в 442 голоса победил Пилипишин, однако ЦИК приняла решение о перевыборах. Этот хэштег встречается в твитах беспартийного нардепа Владимира Арьева (1 раз) и молодого «свободца» Александра Аронца (148 раз).

Единственный твит Арьева выглядит так (рассматриваемый хэштег выделен):

«Sat Nov 03 2012 17:32:57 |#вибори2012 #ОВК223 Феєричні тітки прийшли від Пилипишина! Всі – студенти Університету третього віку. Їхня ректор – в ОВК».

Однако до этого Арьев еще два раза цитировал *de facto* ту же ситуацию, не добавляя хэштега к ключевым словам:

1. *Fri Nov 02 2012 16:28:41|У 223 ОВК замінили голову. Стала керувати Ольга Гагаріна – одна з небагатьох адекватних та притомних у цій... http://fb.me/B082jTcv.*

2. *Tue Oct 30 2012 23:49:48 |Протистояння на 223 окрузі триває. Спортивні хлопці Пилипишина підтягуються, але вдалося змусити міліцію... http://fb.me/22SJbHKw7.*

Невозможно объяснить, почему в первых двух случаях Арьев не использовал хэштег. Хронологически как инструмент он уже употреблял его ранее, впервые – в сентябре 2011 г. С другой стороны, Аронец между 1 и 9 ноября 2012 г. использовал хэштег «**ОВК223**» 148 раз. Как и в случае с твитом Арьева, Аронец, как правило, увязывает хэштег ОВК223 с другим, более широким тематическим хэштегом – #вибори2012. Разумеется, его партийная пристрастность в твитах (учитывая, что один из кандидатов – «свободовец» Левченко) очевидна. Например в таком микросообщении:

Thu Nov 08 2012 17:13:07|#вибори2012 #ОВК223 Журналіст: Пилипишин Виктор, он ваш сосед? Бабка: Шоб он здох! http://fb.me/2k66Xb2rY».

Из всего представленного можно сделать промежуточный вывод: молодые политически подкованные пользователи, к которым по долгу службы принадлежит Александр Аронец, лучше остальных понимают важность использования такого инструмента, как хэштег. Именно Аронец, самый молодой из рассматриваемых нами украинских политических деятелей, со значительным отрывом лидирует в использовании трех наиболее популярных «избирательных» хэштегов: #вибори2012, #Рада2012 и #ОВК223.

Не оказался сюрпризом тот факт, что некоторые из украинских политиков используют общий для украинской твиттосферы хэштег #ukraine: Петр Мельник – 85 раз, Леся Оробец – 54 раза, Сергей Тигипко – 1, Наталья Королевская – 1. В украинской твиттосфере у этого хэштега есть «конкурент» – хэштег «ua». Ниже представлена таблица использования хэштега:

Политический деятель	Число использований *#ua*
Александра Кужель	89
Леся Оробец	37
Петр Мельник	13
Александр Турчинов	2

В очередной раз трудно проигнорировать тот факт, что и в использовании этого хэштега коллективно лидируют выдвиженцы «Батькивщины». Единственное исключение здесь – «регионал» Петр Мельник, ректор Национального университета государственной налоговой службы. Однако в случае с Мельником не все идеально. Три его твита с хэштегом #ua являются бесславным примером уже обсуждавшейся нами «ретрансляции». Подобное качество этих микросообщений – не предмет для споров, коль скоро в них присутствует имя владельца аккаунта. Ниже можно ознакомиться с данными «постами» и сделать выводы:

Mon Nov 07 2011 12:49:23|#ua #novosti 4.11.2011 Ректор НУДПСУ Петро Мельник привітав працівників соціальної сфери з професійним святом;

Mon Mar 05 2012 15:39:42 |Білогородці зустрілись з народним депутатом України Петром Мельником. http://petromelnik.com.ua/news62.html #ua.

Далеко небезынтересно и то, что Мельник – абсолютный лидер по использованию «именного» хэштега: #Мельник используется им в 35 твитах. Забегая вперед, можно отметить, что всего в своем Твиттере Мельник (или, что вероятнее, тот, кто ведет за него аккаунт) 91 раз использует свою фамилию или производные от нее: «Мельник–Мельника–Мельником–Мельнічуків». Также в твитах Мельника 64 раза встречаются ссылки на фото в своем аккаунте. Ссылки на личный сайт «регионала» – petromelnik.com.ua – можно встретить 167 раз. Один раз встречается ссылка на странный (ныне не существующий) сайт – petromelnik.upsale-production.ru. Следующее «облако слов» иллюстрирует ключевые слова в Твиттере Мельника (размер слова тем больше, чем чаще оно упоминается).

Как видно, основным назначением учетной записи Мельника является продвижение вуза, который он возглавляет: об этом свидетельствует удельный вес слова НУДПСУ (аббревиатура от «Національний університет державної

податкової служби України»). Другая важная функция его микроблога – самопродвижение. Однако здесь Мельник недооценивает важность интерактивного общения – реплики пользователям (в данном случае мы говорим о трех пользователях) составляют лишь ок. 1% всех его твитов; то же самое касается ретвитов.

Кроме Мельника, «именные» хэштеги использует только один политик – видный «регионал» Сергей Тигипко (у него более изощренный хэштег – #tigipkoday; всего 3 твита, 2 из которых отсылают читателя на фотографии политика в Твиттере). Однако Тигипко в отличие от Мельника всего 8 раз использует свою фамилию в содержании твитов. Как правило, это ссылки на статьи в электронных масс-медиа. Немаловажно отметить и то, что Тигипко лишь 4 раза (а у него более 1100 твитов!) упомянул Партию регионов, не используя при этом специального хэштега.

Очевидно, использование подобных хэштегов – нечто вроде фирменного приема твиттерян-«регионалов».

Новостные хэштеги – #news, #newsua (основным пользователем обоих является Леся Оробец, суммарно по обоим – 68 твитов; также пользуется, хотя в гораздо меньшей степени, А. Турчинов: всего 2 твита с #news), #новости (пользуются О. Тягнибок, А. Доний и З. Шкиряк, однако максимальное число твитов – всего 3). Депутат Тернопольского областного совета Н. Яворский использует хэштег #elect_te, последние буквы которого указывают на региональную направленность.

Хэштеги, выделяющие партийную принадлежность, менее популярны, чем можно было бы ожидать. Ими пользуются лишь представитель ВО «Свобода» Н. Яворский и мэр Тернополя С. Надал. Речь идет, собственно, об одном лишь хэштеге – #svoboda.

Региональные хэштеги востребованы тернопольчанами: М. Окаринским (10 твитов), С. Надалом (27 твитов), Н. Яворским (28 твитов). Также в списке можно обнаружить хэштеги «городского значения» – #kharkov (им пользуется), #kyiv,

Хэштегами #оппозиция и #opozytsia пользуются, как и следовало ожидать, представители Объединенной оппозиции «Батькивщина» Кужель и Гриценко. Хэштег #Янукович популярен, что удивительно, не у твиттерян-«регионалов», а опять-таки у А. Аронца – 4 твита. То же относится и к хэштегам #yanukovych_vf, #nash_yanyk – ими пользуются представители «Батькивщины» Гриценко и, соответственно, Турчинов.

Анализ хэштегов показал, что украинские политики весьма ограниченно используют этот инструмент.

Хэштеги: Молдова. Анализ 1300 твитов, написанных молдавскими политиками, показывает то, во что не хотелось верить – хэштеги не применяются ими вовсе. Это не натянутая формулировка – нам не удалось обнаружить *ни одного* хэштега. На наш взгляд, это – пусть косвенно и ретроспективно, но убедительно – говорит о том, что скептики, которые в момент максимальной эй-

фории по поводу «молдавской Твиттер-революции» называли ее «мифом», были правы[14]. Их основным аргументом было, в частности, то, что Твиттер-сообщество Молдовы на тот момент не составляло более 200 (по другим меркам – 100) уникальных пользователей. Кроме того, невысокая распространенность смартфонов и отсутствие интернет-покрытия на самой площади сводят на нет довод о важности этой платформы в организации событий. Однако это не тот случай, когда неиспользование хэштегов можно списать на осознание политиками факта неблагодатного сообщества, ради которого стоит выкладываться. Здесь должен был бы работать обратный аргумент: использовать хэштеги в целях нетворкинга и развития сети своих читателей, повышения узнаваемости и влиятельности своего аккаунта в Твиттере. Однако изначально выявленная некачественность аккаунтов проявляется во всем, и уж тем более – в таком техничном аспекте, как создание тематических веток или присоединение к уже существующим. Обошлось без приятных сюрпризов.

Выводы

Главный вывод исследования – качество аккаунтов украинских политиков в Твиттере несравнимо выше, чем политиков Молдовы. Это проявляется во всех краеугольных аспектах, которыми можно измерять ценность учетных записей Твиттера: твиты, подписанность, фолловеры. Возможно, первостепенным аргументом в пользу такого неутешительного вывода могло бы стать то, что украинская выборка была действительно таковой, т.е. было из кого выбирать. А вот в случае с молдавскими политиками приходилось идти на компромисс уже самим фактом включения некоторых из них в список (который, при всех усилиях, на 10 аккаунтов короче). Действительно, среди молдавских политиков есть и такие, учетная запись которых содержит одно и даже (и это не абсурдное преувеличение!) менее сообщений. Более того, развитость Твиттера в Украине не измеряется единственно на основании списка представленных и изученных здесь аккаунтов политиков. Хотя это и осталось за кадром данного исследования, можно указать и на то, что в Украине гораздо более развитая Твиттер-культура даже на местном уровне. Негласной столицей украинской твиттосферы выступает Тернополь, где уже проходил всеукраинский съезд твиттерян в январе 2011 г. Более того, в Тернополе был открыт уникальный музей Твиттера. И, как если бы этого было недостаточно, в том же Тернополе депутат горсовета Михаил Окаринский (который есть в нашем списке исследуемых политиков) в феврале 2012 г. установил беспрецедентную практику приема граждан в сети Twitter.

Другой важный вывод сводится к следующему: украинские политики демонстрируют большую открытость при установлении подписки на своих коллег, причем под этим словом мы не имеем в виду однопартийцев; молдавские поли-

тики (или же те, кто ведет за них их Твиттер) руководствуются принципом тождественности политических взглядов в большей степени, чем это необходимо в сети, которая является символом открытости и обмена мнениями.

В то время как для обычных пользователей Твиттера ретвитинг и использование хэштегов (именно ими удобнее всего измерять открытость и коммуникативность) являются обычной и распространенной практикой, среди политиков эти приемы куда менее популярны. Как нам удалось показать, в Молдове, например, ретвиты и хэштеги отсутствуют фактически как явление. В Украине лишь половина из всех представленных политиков использует ретвиты в степени, заслуживающей аналитических усилий. С хэштегами дела обстоят лучше – они игнорируются лишь 9 политиками. Все это говорит о консервативности подхода большинства политиков к Твиттеру, о неком нежелании полностью включаться в процесс обмена сообщениями и идеями со своей аудиторией. Если пытаться найти в подобной ситуации нечто вроде оправдания, то можно, наверное, сослаться и на вероятное отсутствие необходимой «Твиттер-грамотности», что приводит к непониманию всех возможностей включения. Так или иначе, основной целью присутствия анализируемых нами политиков в Твиттере представляется распространение информации, а вовсе не общение. Количество ссылок на медийные ресурсы в твитах политиков обеих стран с избытком доказывает это предположение.

Таким образом, и в Украине, и в Молдове использование платформы политическим истеблишментом не дает права говорить о том, что надежды на демократический потенциал социальных медиа сбываются на глазах. В случае с Молдовой то, что нам удалось здесь показать, дает повод для горькой иронии по поводу прижившейся некогда синтагмы о «молдавской Твиттер-революции». Учитывая, в каком состоянии пребывают аккаунты местной политической элиты в начале 2013 г., трудно представить себе, что четыре года назад качественных аккаунтов любых пользователей было достаточно для того, чтобы организационное использование платформы имело смысл. Собственно, о надуманности синтагмы было немало написано и до этого.

Еще одним неприятно-неожиданным открытием стало то, что вопреки распространенной и хрестоматийной мировой практике молдавская оппозиция вовсе не пытается занять Твиттер в качестве альтернативной медийной площадки и коммуникационного плацдарма. Из 20 политиков, которых мы здесь анализируем, лишь один может считаться принадлежащим к молдавской оппозиции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. **Политическая принадлежность рассматриваемых украинских политических деятелей**

1	Юлия Тимошенко @YuliaTymoshenko	Лидер партии Всеукраинское объединение «Батькивщина»
2	Сергей Тигипко @SergeyTigipko	Народный депутат ВР VII созыва, заместитель председателя Партии регионов
3	Леся Оробец @LesyaOrobets	Народный депутат ВР VII созыва (ВО «Батькивщина»), секретарь Комитета Верховной Рады по иностранным делам
4	Андрей Шевченко @ashevch	Народный депутат ВР VII созыва от фракции «Батькивщина»
5	Александр Турчинов @Turchynov	Народный депутат ВР VII созыва («Батькивщина»), первый заместитель главы партии «Батькивщина», руководитель Центрального штаба БЮТ, друг и «правая рука» Юлии Тимошенко
6	Олег Тягнибок @o_tiahnybok	Народный депутат ВР VII созыва, лидер ВО «Свобода», глава фракции ВО «Свобода» в ВР
7	Олег Ляшко @OVLiashko	Народный депутат ВР VII созыва, глава Радикальной партии Олега Ляшко, выдвигался от округа № 208 (Черниговская область)
8	Анатолий Гриценко @agrytsenko	Народный депутат ВР VII созыва («Батькивщина»), экс-министр обороны
9	Александр Доний @oles_doniy	Народный депутат ВР VII созыва, самовыдвиженец по одномандатному округу № 88 в Ивано-Франковской области
10	Вячеслав Кириленко @KyrylenkoVyach	Народный депутат ВР VII созыва («Батькивщина»), лидер партии «За Украину!»
11	Инна Богословская @bogoslovska	Народный депутат ВР VII созыва (Партия регионов)
12	Константин Грищенко @Gryshchenko	Вице-премьер-министр Украины (Партия регионов)
13	Сергей Власенко @Sergey_Vlasenko	Народный депутат ВР VII созыва («Батькивщина»), член Комитета Верховной Рады по вопросам верховенства права и правосудия, адвокат Юлии Тимошенко
14	Александр Аронец @aronets	Глава пресс-службы ВО «Свобода», руководитель ВО «Свобода» в Печерском районе Киева, блогер
15	Михаил Бродский @mihailobrodskiy	Глава Госслужбы по вопросам регуляторной политики и развития предпринимательства
16	Иван Куличенко @IvanKulichenko	Мэр Днепропетровска
17	Михаил Добкин @mdobkin	Глава Харьковской облгосадминистрации, экс-мэр Харькова (Партия регионов)
18	Сергей Одарич @sergiy_odarych	Мэр Черкасс, почетный председатель партии «Вольных Демократов»

19	Андрей Парубий @AndriyParubiy	Народный депутат ВР VII созыва («Батькивщина»), глава подкомитета по вопросам законодательного обеспечения интеграции Украины в международное научное и образовательное пространство Верховной Рады по иностранным делам, беспартийный
20	Евгений Суслов @evgensuslov	Бывший народный депутат ВР V, VI созывов, член Украинской социал-демократической партии
21	Дмитрий Корчинский @D_Korchinskiy	Генсек политической партии «Братство», президент «Института проблем региональной политики и современной политологии»
22	Владимир Арьев @VolodymyrAriev	Народный депутат ВР VII созыва («Батькивщина»), член Комитета Верховной Рады по иностранным делам, беспартийный
23	Виктор Пилипишин @Pylypyshyn	Экс-глава администрации Шевченковского района Киева, член Народной партии
24	Петр Мельник @p_melnyk	Народный депутат Украины III, V, VI созывов, член «Партии регионов», ректор Национального университета государственной налоговой службы
25	Александра Кужель @KuzhelUA	Народный депутат ВР VII созыва («Батькивщина»), экс-глава Госкомпредпринимательства
26	Михаил Окаринский @miokar	Депутат (Тернополь)
27	Зорян Шкиряк @ZoryanShkiryak	Председатель Социально-Христианской партии, один из лидеров Объединенной оппозиции «Батькивщина»
28	Наталья Королевская @NKorolevska	Член политсовета партии «Батькивщина», министр социальной политики Украины
29	Сергей Надал @serhiy_nadal	Мэр Тернополя ВО «Свобода»
30	Назар Яворский @PatriotUkraine	Депутат Тернопольского областного совета

Таблица 2. **Политическая принадлежность рассматриваемых молдавских политических деятелей**

Дорин Киртоакэ @ Dorin_Chirtoaca	Мэр Кишинева, вице-председатель Либеральной партии Молдовы (ЛПМ)
Влад Филат @Vlad_Filat	Премьер-министр Молдовы, лидер Либерал-демократической партии Молдовы (ЛДПМ)
Мариан Лупу @MarianLupuMd	Председатель парламента Республики Молдова, лидер Демократической партии Молдовы (ДПМ)
Кирилл Лучинский @lucinschi	Председатель парламентской комиссии по вопросам культуры, образования, науки, молодежи, спорта и средств массовой информации (ЛДПМ)
Виктор Бодю @VictorBodiu	Бывший (до 05.03.2013) государственный министр, кандидат на должность мэра Кишинева от ЛДПМ в 2011 г.
Александру Тэнасе @TanaseAlexandru	Президент Конституционного суда
Михай Гимпу @Mihai_Ghimpu	Депутат, лидер ЛПМ
Игорь Додон @IgorDodon	Депутат парламента, председатель Партии социалистов Республики Молдова
Инна Шупак @inna_moldova	Депутат парламента от Партии коммунистов Республики Молдова
Николаэ Тимофти	Президент Республики Молдова
Ион Чебану @IonCebanu	Бывший (до 05.03.2013) министр молодежи и спорта, член ЛПМ
Михай Годя @MihaiGodea	Депутат парламента, председатель непарламентской Партии демократического действия
Корина Фусу @CorinaFusu	Депутат парламента, вице-председатель ЛПМ, руководитель Организации женщин-либералов
Вячеслав Унтилэ @VeaceslavUntila	Вице-председатель ЛПМ
Дорин Речян @receand	Бывший (до 05.03.2013) министр внутренних дел
Раду Бушилэ @RaduBusila	Вице-председатель Христианско-демократической народной партии, кандидат на пост мэра Кишинева в 2011 г.
Влад Плахотнюк @vplahotniuc	Депутат парламента от ДПМ, один из крупнейших бизнесменов страны
Вячеслав Ионицэ @ionitvea	Председатель парламентской комиссии по экономике, бюджету и финансам (ЛДПМ)
Валентина Булига @valentinabuliga	Бывший (до 05.03.2013) министр труда, социальной защиты и семьи (ДПМ)
Олег Ефрим @OlegEfrim	Бывший (до 05.03.2013) министр юстиции, член ЛДПМ

Таблица 3. **Список хэштегов, используемых украинскими политиками**

№ п/п	Хэштег	Упоминаний, по аккаунтам
1	вибори2012	7
2	ua	5
3	ukraine	4
4	рада2012	4
5	ternopil	3
6	кличко	3
7	новости	3
8	eu	2
9	news	2
10	svoboda	2
11	te_ua	2
12	twiterevent	2
13	вибори	2
14	овк223	2
15	тернопіль	2
16	1105kyiv	1
17	1september	1
18	2042ua	1
19	223овк	1
20	cnnelection	1
21	dnisterevent	1
22	dopomoga	1
23	elect_te	1
24	elect_ua	1
25	epam	1
26	euro2012	1
27	europe	1
28	eurozone	1
29	fb	1
30	green	1
31	helloween	1
32	idcee	1
33	iforum	1
34	irpin	1
35	kharkov	1
36	klitschko	1
37	kyiv	1
38	live	1

39	media	1
40	nash_yanyk	1
41	newmedia2012	1
42	news_te	1
43	newsua	1
44	novosti	1
45	obama2012	1
46	oblrada	1
47	opozytsia	1
48	osvita	1
49	podcast	1
50	politclub	1
51	president	1
52	rutwitter	1
53	sokil	1
54	suspilne	1
55	tenderna	1
56	theyarenotkillers	1
57	tigipkoday	1
58	tolerance	1
59	ukrrus	1
60	uzhtwevent	1
61	voprosi	1
62	vuboru	1
63	vybory2012	1
64	yalta2012	1
65	yanukovych_vf	1
66	zazno	1
67	zrada	1
68	боярка	1
69	выборы	1
70	выборы2012	1
71	депутат	1
72	мельник	1
73	новый	1
74	нудпсу	1
75	округ194	1
76	оппозиция	1
77	отобулапомаранчева	1
78	сесіятмр	1
79	табачник	1

80	твіприйом	1
81	янукович	1
82	ірпінь	1

Литература

Сорокина, Е. В социальных сетях. Twitter – 140 символов самовыражения. ИД «Питер», 2011.

«An Exhaustive Study of Twitter Users Across the World». Beevolve report. 10.10.2012. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.beevolve.com/twitter-statistics.

Boyd, D., Golder, S., Lotan, G. Tweet, Tweet, Retweet: Conversational Aspects of Retweeting on Twitter. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.danah.org/papers/TweetTweetRetweet.pdf.

Bruns, A. How Long Is a Tweet? Mapping Dynamic Conversation Networks on Twitter using Gawk and Gephi. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://eprints.qut.edu.au/47819/1/c47819.pdf.

Comm, J. 2010. «Twitter Power 2.0: How to Dominate Your Market One Tweet at a Time». John Wiley & Sons.

Cross, M. 2011. «Bloggerati, Twitterati: How Blogs and Twitter are Transforming Popular Culture: How Blogs and Twitter are Transforming Popular Culture». ABC-CLIO.

Hansen, D., Shneiderman, B., Smith, M.A. 2010. «Analyzing Social Media Networks with NodeXL: Insights from a Connected World». Morgan Kaufmann.

Kwak Haewoon [et al.]. 2010. «What is Twitter, a Social Network or a News Media?» [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://an.kaist.ac.kr/~haewoon/papers/2010-www-twitter.pdf.

Larsson, A., Moe, H. Who tweets? Tracking microblogging use in the 2010 Swedish election campaign. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://aisel.aisnet.org/ecis2011/251.

Lumezanu, C., Feamster, N., Klein, H. #bias: Measuring the Tweeting Behavior of Propagandists. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.cs.umd.edu/~lume/files/icwsm12.pdf.

Lysenko, V., Desouza, K. Moldova's internet revolution: Analyzing the role of technologies in various phases of the confrontation // Technological Forecasting and Social Change. 2012. Vol. 79. № 2. P. 341–361.

Morris, Tee. 2009. «All a Twitter: A Personal and Professional Guide to Social Networking with Twitter». Que Publishing.

O'Reilly, T., Milstein, S. 2011. «The Twitter Book». O'Reilly Media, Inc.

Panagiotopoulos, P., Steven, S. «An Overview Study of Twitter in the UK Local Government». May 8th–9th 2012, Brunel University. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.academia.edu/attachments/13044885/download_file.

Parmelee, J.H., Shannon, L., Bichard. 2012. «Politics and the Twitter Revolution: How Tweets Influence the Relationship Between Political Leaders and the Public». Lexington Books.

Этлинг, Брюс [и др.]. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете. Исследования Центра Беркмана. № 2010-11, 19 октября 2010.

Примечания

[1] Chris Snyder. Another Election Result: Twitter Comes Through. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.wired.com/business/2008/11/twitter-survive.

[2] См.: Panagiotis Panagiotopoulos, Steven Sams. An Overview Study of Twitter in the UK Local Government. May 8th–9th 2012, Brunel University. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.academia.edu/attachments/13044885/download_file.

[3] «An Exhaustive Study of Twitter Users Across the World». 10 октября 2012. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.beevolve.com/twitter-statistics.

[4] Haewoon Kwak [et al.]. What is Twitter, a Social Network or a News Media? 2010. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://an.kaist.ac.kr/~haewoon/papers/2010-www-twitter.pdf.

[5] Сорокина, Е. [и др.]. В социальных сетях. Twitter – 140 символов самовыражения. ИД «Питер», 2011. С. 23.

[6] Там же, с. 25.

[7] Facebook Working on Incorporating the Hashtag. 15 марта 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://online.wsj.com/article/SB10001424127887323393304578360651345373308.html.

[8] Hashtag Declared 2012's Most Popular Word. 07.01.2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.technology-digital.com/web20/hashtag-declared-2012s-most-popular-word.

[9] Tharon Howard. Design to Thrive: Creating Social Networks and Online Communities that Last. Morgan Kaufmann, 2009. С. 202.

[10] Ethan Zuckerman. Studying Twitter and the Moldovan protests. 13.04.2009. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.ethanzuckerman.com/blog/2009/04/13/studying-twitter-and-the-moldovan-protests.

[11] Twitter-хэштег с Путиным #Первыйраз вышел в мировые тренды. 22 февраля 2012. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://polit.ru/news/2012/02/22/twitter.

[12] Хэштег «перевыборы» второй день лидирует в российском Twitter. 6 июня 2012. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/06/06/2012/653885.shtml.

[13] Хэштег «Путин ест детей» вышел на первое место среди трендов в Twitter. 28 декабря 2013. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/main/2012/12/28/1077451.html.

[14] См.: Daniel Benett. «The myth of the Moldova Twitter revolution». 14.09.2009. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.frontlineclub.com/the_myth_of_the_moldova_twitter_revolution.

Елена Герман

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ: «МЯГКАЯ СИЛА» СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Abstract

The article represents dominating positive and negative values in the political communication in social nets in Ukraine and Belarus in 2013. The author exposes common values for both countries and concepts that reveal these values. The article provides axiological portrait and comperative analysis of political communication in socal nets of Ukraine and Belarus.

Keywords: axiology, value, concept, political communication, mass-communication.

Всякое слово есть действие, а всякое действие есть слово.
Интерпретируя Д. Остин

В современной коммуникативной реальности все процессы жизнедеятельности общества, в том числе социализация, аккумуляция интересов и тиражирование ценностей, протекают благодаря множественным актам передачи информации между индивидами, группами, институтами. Этот непрерывный обмен фактами, мнениями и настроениями вряд ли мог бы существовать без интернета и коммуникативных возможностей, которые он предлагает. Одним из наиболее востребованных коммуникативных ресурсов нашего времени являются социальные сети. В последнее время мы наблюдаем резкое увеличение влияния социальных сетей на политические и социальные события в мире, в том числе и на внутреннюю политическую жизнь стран. Социальные сети являются платформой для активных дискуссий, обсуждения политических событий. Они формируют общественное мнение и направление развития самого государства.

Примером проявления силы социальных сетей можно считать революции, прошедшие в Египте, Тунисе, Ливии, гражданские волнения в Англии и Сирии. Поскольку упомянутые политические события непосредственно связывают с влиянием информации, транслируемой социальными медиа, последние обозначают термином «мягкая сила». Этот термин, по сути, означает комплекс инструментов и методов достижения политических целей без применения оружия, за счет информационных и других рычагов воздействия, что характеризует социальные сети как метод массового влияния – ненасильственный, но могущественный.

Таким образом, все более очевидной становится необходимость исследования коммуникаций в социальных медиа и особенностей их влияния на текущие политические события. Эта тема, как известно, уже несколько лет представляет научный интерес для ведущих политологов, психологов, лингвистов мира. Сфера политических коммуникаций в соцсетях хорошо раскрыта в разрезе конкретной страны, будь то Россия, Украина, США. Тем не менее компаративный анализ политической коммуникации нескольких стран, как правило, отсутствует. С нашей точки зрения, исследования именно такого характера являются совершенно необходимыми для выведения общих и особенных методик политических коммуникаций на определенной территории, особенно пограничной, где менталитет и культура населения соседних регионов (соседних стран) достаточно близки. Предмет нашего исследования – сравнительный анализ политической коммуникации в социальных сетях двух смежных постсоветских стран: Украины и Беларуси.

В широком смысле слова *коммуникация* представляется как все виды деятельности, связанные с использованием знаков и символов. По определению Л. Володина и О. Карпухиной, массовая коммуникация – это процес передачи информации на численно большие, рассредоточенные аудитории. Социологи, лингвисты, философы характеризуют этот процесс с прагматической точки зрения, оценивая способность передаваемой информации влиять на установки и поведение людей. Так, исследователи утверждают, что процесс распространения и влияние информации, особенно политической, неразрывно связаны с передачей не только знаний, но и духовных ценностей, моральных ориентиров.

В этом плане интерес представляет позиция Л. Штрауса, который акцентирует внимание на ценностном подходе в изучении политической коммуникации. Исследователь считает, что изучение социальных феноменов, к которым, без сомнения, относится и политическая коммуникация, невозможно вне ценностного аспекта. «Человек, отказывающийся различать великих политиков, посредственностей и безумных обманщиков, может быть хорошим библиографом; но он не способен сказать что-либо уместное о политике и политической истории… В общем невозможно понять мысль или действие, не прибегая к их оценке. Если мы, как это часто с нами бывает, не в состоянии адекватно оценивать, то мы не будем адекватно понимать» (Штраус 2000: 19–20).

Ценность, а также характеристики, структуры и иерархии ценностного мира являются ключевыми понятиями аксиологии. Проблема взаимоотношения ценностей и средств массовой коммуникации (СМК) широко освещена в работах западных ученых С. Коэн, С. Холл, К. Тестера, Ю. Хабермаса, Н. Стивенсона, А. Капто. В российской коммуникативистике к аксиологическим вопросам обращаются И. Анненкова, В. Березин, И. Ерофеева, Ю. Мирошников, Т. Науменко, О. Поликарпова, Л. Свитыч, В. Сидоров, Г. Солганик, Е. Пронин, О. Пронина, О. Устимова, В. Ученова, Д. Ховалиг. Среди украинских исследователей массово-комуникативных процесов определенные аспекты аксиологии СМК изучают Н. Костенко, О. Гриценко, Т. Кузнецова, Б. Потятиник, В. Ризун, К. Серажим, В. Корнеев. Особое внимание также следует уделить исследователям политической аксиологии – учения об универсальных и идеологических политических ценностях, системах и типах ценностных ориентаций в политическом мире – К. Гаджиеву, В. Шилову, Т. Алексеевой, В. Макаренко, В. Пугачеву, А. Соловьеву.

Ценность – некий коммуникативный код, внутренне сложная, замкнутая система связей и отношений (Клягина, Шипунов 2013). Интерпретируя идеи Лотце, Т. Кузнецова дает такое определение ценности: то, что не существует, но имеет значительную силу, с помощью которой человек создает новый мир культуры (Кузнецова 2010: 15). Осознаваясь субъективно, ценности воспринимаются как некий идеал, норма, образец для подражания. Именно они лежат в основе жизненных целей и поведения человека, определяют смысл его жизни. Ценности традиционно разделяют на позитивные и негативные, которые часто имеют дуальный характер и разбиваются на антонимические пары. В политической аксиологии анализу подвергаются такие ценностные антонимии, как ПОРЯДОК и ХАОС (АНАРХИЯ); СВОБОДА и РАБСТВО; ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ и ПОДДАННИЧЕСТВО; ЛЕГИТИМНОСТЬ и ПРОИЗВОЛ; СПРАВЕДЛИВОСТЬ и НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ; РАВНОПРАВИЕ и НЕРАВЕНСТВО В ПРАВАХ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ; СОХРАНЕНИЕ (КОНСЕРВАЦИЯ) и ИЗМЕНЕНИЕ (РЕФОРМА, РЕВОЛЮЦИЯ); ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОСТЬ и НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ; ОТВЕТСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА и БЕЗОТВЕТСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА; и т.п. Политические ценности, как правило, переплетаются с морально-этическими ценнностями – ОБЩЕЕ БЛАГО, ПРАВДА, ЧЕСТНОСТЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО и др.

Поведение людей, будущее общества и страны напрямую зависят от ценностей, которые транслируются лидерами мнений, институтами государства, политиками. Поскольку политическая коммуникация формирует систему ценностей общества, определяет ценностные ориентиры общественного бытия, мы попытались сформировать аксиологический портрет коммуникации политиков в социальных сетях на примере Украины и Беларуси. Поскольку политическая иерархия обоих государств обновилась осенью 2012 г. (выборы в Беларуси со-

стоялись в сентябре 2012 г., в Украине – в октябре 2012 г.), мы провели анализ на материале постов за период январь – ноябрь 2013 г.

Исходя из определения понятия «политик», то есть лицо, профессионально занимающееся политической деятельностью в органах исполнительной (президент, премьер-министр, член кабинета министров) и законодательной власти (депутаты парламентов различных уровней, городских советов и др.), а также выступающее в качестве функционера политической партии, мы определили круг наиболее влиятельных политических деятелей для нашего исследования: президенты, премьер-министры, спикеры парламентов в Украине и Беларуси, а также представители фракций партий в парламенте, лидеры оппозиционных партий.

В соответствии с информацией на официальном сайте Верховной Рады Украины rada.gov.ua в настоящий момент в парламенте Украины 5 фракций: Партия регионов (207 депутатов), Всеукраинское объединение «Батькивщина» (90 депутатов), Партия «УДАР (Украинский Демократический Альянс за Реформы) Виталия Кличко» (42 депутата), Всеукраинское объединение «Свобода» (36 депутатов), Коммунистическая партия Украины (31 депутат). Большинство представляет собой Партия регионов в ситуативном сотрудничестве с Коммунистической партией Украины. Оппозиция в широком смысле этого слова – ВО «Батькивщина», Партия «УДАР Виталия Кличко», ВО «Свобода». Таким образом, для исследования мы отобрали страницы в социальных сетях Президента Украины Виктора Януковича (Партия регионов), премьер-министра Украины Николая Азарова (Партия регионов), спикера Верховной Рады Украины Владимира Рыбака (Партия регионов), Петра Симоненко (лидер Коммунистической партии Украины), Виталия Кличко («УДАР Виталия Кличко»), Олега Тягнибока (ВО «Свобода»), Арсения Яценюка (ВО «Батькивщина»). Все перечисленные политики, кроме Петра Симоненко, имеют аккаунты в социальных сетях, которые и были проанализированы (табл. 1).

Таблица 1. **Репрезентация украинских политиков в социальных сетях**

Политик / страницы в социальной сети	Ffacebook	Vkontakte	Twitter	Livejournal	Odnoklassniki
Виктор Янукович, Президент Украины (Партия регионов)	+	–	+	–	–
Николай Азаров, Премьер-министр Украины (Партия регионов)	+	+	–	–	–
Владимир Рыбак, спикер Верховной Рады Украины (Партия регионов)	+	–	–	–	–

Петр Симоненко (Коммунистическая партия Украины)	–	–	–	–	–
Виталий Кличко («УДАР Виталия Кличко»)	–	+	+	–	–
Олег Тягнибок (ВО «Свобода»)	+	+	+	–	–
Арсений Яценюк (ВО «Батькивщина»)	+	–	–	–	–

«+» – наличие страницы; «–» – отсутствие страницы или отсутствие обновлений в 2013 г.

По результатам выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь в сентябре 2012 г., в парламент Беларуси прошли 63 представителя РОО «Белая Русь», 5 представителей от Коммунистической партии, Аграрной партии и Республиканской партии труда и справедливости. Остальные 42 депутата – беспартийные. Оппозиционные партии бойкотировали выборы – Белорусский народный фронт (БНФ) и Объединенная гражданская партия (ОГП) сняли с выборов своих кандидатов в депутаты Палаты представителей Национального собрания Беларуси. Ни один из принявших участие независимых политиков избран не был. Таким образом, для исследования мы попытались найти в социальных сетях страницы Александра Лукашенко, Президента Республики Беларусь; Анатолия Рубинова, председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; Владимира Андрейченко, председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь; Михаила Мясниковича, премьер-министра Республики Беларусь; Александра Радькова, председателя РОО «Белая Русь»; Игоря Карпенко, лидера Коммунистической партии Беларуси; Михаила Шиманского, лидера Аграрной партии Беларуси; Василия Заднепряного, председателя Республиканской партии труда и справедливости. А также оппозиционных политиков: Анатолия Лебедько, лидера Объединенной гражданской партии (ОГП); Игоря Рынкевича, представителя Белорусской социал-демократической партии (Громада); Сергея Калякина, лидера Белорусской партии левых «Справедливый мир»; Виталия Рымашевского, лидера партии «Белорусская христианская демократия»; Юрася Губаревича, заместителя председателя Руха «За Свободу!»; Андрея Дмитриева, заместителя руководителя кампании «Говори правду», члена Объединенной гражданской партии в 2001–2012 гг.; Алексея Янукевича, лидера партии БНФ, а также Ярослава Романчука, заместителя председателя ОГП, которого мы также включили в список исследуемых.

К сожалению, в социальных сетях действующие аккаунты провластных политиков Беларуси обнаружены не были. Нам посчастливилось найти лишь страницы оппозиционеров (табл. 2).

Таблица 2. **Репрезентация белорусских политиков в социальных сетях**

Политик / страницы в социальной сети	Ffacebook	Vkontakte	Twitter	Livejournal	Odnoklassniki
Анатолий Лебедько, лидер Объединенной гражданской партии (ОГП)	+	–	+	–	–
Игорь Рынкевич, представитель Белорусской социал-демократической партии (Громада)	+	+	–	–	–
Виталий Рымашевский, лидер партии «Белорусская христианская демократия»	+	–	+	–	–
Юрась Губаревич, заместитель председателя Руха «За Свободу!»	+	–	+	–	–
Андрей Дмитриев, заместитель руководителя кампании «Говори правду», член Объединенной гражданской партии в 2001–2012 гг.	+	+	+	–	+
Алексей Янукевич, лидер партии БНФ	–	–	+	–	–
Ярослав Романчук, заместитель председателя ОГП	–	+	–	–	–

«+» – наличие страницы; «–» – отсутствие страницы или отсутствие обновлений в 2013 г.

Чтобы определить ценность текста, мы пользовались методом концептуального и контекстуального анализа.

Концептуальный анализ основывается на изучении концептов – смысловых доминант текста, которые организуют его смысловую структуру. Ориентация на концепт как на репрезентант смысла текста позволяет рассматривать его (концепт) как «резервуар» совокупности смыслов-ценностей, а значит, как ценностно-смысловую доминанту материала (Кузнецова 2010: 142).

Для нас интерес представляли лингвокультурные концепты, которые в отличие от когнитивных имеют акцентуацию ценностного элемента – кроме смыслового компонента содержат еще и оценку, отношение человека к тому или иному объекту (Маслова 2008: 62).

Большинство лингвистов приравнивают смысл текста к концепту, а точнее – к знаку (слову), который используется в тексте. Тем не менее Г. Слышкин считает, что лингвокультурный концепт может проявляться и с помощью совокупности единиц, которые не являются средствами его номинации (Слышкин

2004: 30). Этот эффект проявляется имплицитно благодаря ассоциативным связям. В таком случае мы использовали контекстуальный анализ – выделение ассоциативно связанных смысловых признаков концепта. Так, концепт НАЦИОНАЛИЗМ может актуализироваться с помощью упоминаний о национальных героях и духовных лидерах, патриотическом воспитании детей, национальной символике и т.п. Тот же концепт НАЦИОНАЛИЗМ проявляется через наличие ряда таких субконцептов, как ГЕРОЙ, ПАТРИОТ, СВОБОДА, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ и т.п.

Как и ценности, концепты подразделяются на позитивные и негативные. Кроме того, Т. Кузнецова выделяет еще и «амбивалентные концепты», которые в зависимости от контекста и социокультурной реальности приобретают и позитивные, и негативные признаки (Кузнецова 2010: 148). Показательным в этом плане является концепт ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ, который в зависимости от времени трансляции и личности транслятора приобретает то позитивный, то негативный оттенок в украинском информационном пространстве (табл. 3–6).

В связи с наличием амбивалентных концептов в течение исследования коммуникации политиков очевидной стала необходимость разграничить результаты анализа и представить отдельно картину аксиологического анализа для провластных и оппозиционных политиков Украины.

Таблица 3. **Позитивные ценности в постах провластных политиков Украины**

Ценности	Виктор Янукович, Президент Украины	Николай Азаров, премьер-министр Украины	Владимир Рыбак, спикер Верховной Рады Украины	Общее кол-во постов
Безопасность	36	3	0	**39**
Гуманизм	54	11	6	**71**
Доверие	0	0	1	**1**
Духовность	97	25	10	**132**
Евроинтеграция	92	5	23	**120**
Законность	59	7	47	**113**
Интеллектуальность	0	2	0	**2**
Качество высокое	0	1	0	**1**
Образование	5	0	7	**12**
Отдых	0	1	0	**1**
Развитие (рост экономики, международное сотрудничество)	162	32	9	**203**
Спорт	29	6	0	**35**
Стабильность	0	4	0	**4**

Трудолюбие / эффективная работа	14	11	5	**30**
Наука	1	0	1	**2**
			Всего	**766 (90.3%)**

Таблица 4. **Негативные ценности в постах провластных политиков Украины**

Ценности	Виктор Янукович, президент Украины	Николай Азаров, премьер-министр Украины	Владимир Рыбак, спикер Верховной Рады Украины	Общее кол-во постов
Болезнь	1	3	0	**4**
Бедствие	35	1	0	**36**
Безответственность	6	8	4	**18**
Безработица	1	0	0	**1**
Евроинтеграция	0	4	0	**4**
Заблуждение	1	0	0	**1**
Незащищенность	1	0	0	**1**
Несправедливость	4	0	0	**4**
Стагнация (экономическая)	5	8	0	**13**
			Всего	**82 (9.7%)**

Как видно из табл. 3, 4, всего было рассмотрено 848 постов провластных политиков. Из них 766 (90.7%) транслируют позитивные ценности, 82 поста (9.7%) – негативные.

Наиболее часто транслируемыми позитивными ценностями являются РАЗВИТИЕ (203 поста), ДУХОВНОСТЬ (132 поста), ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ (120 постов), ЗАКОННОСТЬ (113 постов). Причем ценностная доминанта РАЗВИТИЕ, как правило, является имплицитно выраженной и актуализируется через материалистические концепты РОСТ ЭКОНОМИКИ, ДЕНЬГИ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. Проявление ценности РАЗВИТИЕ можно четко отследить в посте Виктора Януковича (Facebook, 4 июня 2013 г.): «*"По поводу развития городов, территорий, регионов – мы уже во втором полугодии этого года постепенно запускаем по всей стране около 800 инвестиционных проектов, которые будут финансироваться на уровне 50 миллиардов гривен", – сказал Глава государства журналистам в Сумах…*».

Перечисленные выше ценности плотно переплетаются между собой в риторике всех провластных украинских политиков. Так, позитивные ценностные доминанты ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ, РАЗВИТИЕ и ЗАКОННОСТЬ присутствуют в посте Виктора Януковича (Facebook, 19 апреля 2013 г.): «Принятие нового Криминального процессуального кодекса стало важным шагом на пути развития

Украины как правового государства, подчеркнул Президент Украины Виктор Янукович… Виктор Янукович напомнил, что принятие нового КПК было одним из обязательств Украины перед Советом Европы». Тем не менее для чистоты эксперимента мы старались придерживаться правила: один пост – одна ценностная доминанта. Таким образом, в каждом текстовом фрагменте (посте) выделялась, на наш взгляд, наиболее выраженная ценность. В вышеприведенном фрагменте доминантной является ценность ЗАКОННОСТЬ, так как она соотносится с фактом (принятие КПК), а ценности ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ и РАЗВИТИЕ дополняют и поясняют ее.

Еще одна многочисленная ценностная доминанта ДУХОВНОСТЬ актуализируется через национальные и религиозные праздники, культурные события. Посты, которые транслируют эту ценностную доминанту, являются, по сути, поздравительными обращениями политиков. Подборка таких постов ограничена тематически и касается годовщины крещения Руси и других религиозных дат, годовщин известного украинского поэта Тараса Шевченко, Дня памяти жертв Голодомора и празднования победы во Второй мировой войне, Дня независимости Украины, новогодних поздравлений и т.п. К слову, поздравления – это фактически единственные записи от первого лица среди прочих постов политиков (исключение здесь представляет страница Николая Азарова).

Особого внимания также заслуживают такие ценности, как НАУКА, ОТДЫХ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ, ДОВЕРИЕ. Эти значимые нравственно-этические и культурные ценности практически полностью отсутствуют в постах провластных политиков. Общее количество постов, которые содержат эти доминанты, составляет 18 фрагментов, или 2.3%.

Наиболее частотными негативными доминантами являются БЕДСТВИЕ, БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ и СТАГНАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, которые актуализируются через эксплицитные концепты СМЕРТЬ, ЖЕРТВА, ШТРАФ, ПОЖАР и т.п. При этом чаще всего паттерн текстов с негативными ценностями таков: проблема (негатив) – решение (позитив). При этом проблема, как правило, описывается как такая, что была создана кем-то другим или возникла из-за внешних, не зависящих от политиков факторов. Они же (политики) проблему активно и успешно решают, при этом проявляя ответственность, решительность, твердость, силу и интеллект. Именно эти качества, которые одновременно являются позитивными ценностями, проявляются как фон практически во всех проблемных материалах: «*Вот сейчас ко мне на страницу написал Юрий Клейнос об ужасной истории, которая произошла в городе Борзна Черниговской области. Я хочу сказать, что я возмущен и потрясен этим событием, как и все нормальные люди. Безусловно, будет проведено в полном масштабе расследование, я такое поручение уже дал…*» (Николай Азаров, Facebook, 15 марта 2013 г.).

Второй используемый паттерн: проблема (санкции, штраф, пожар) надумана или несправделива: «*Владимир Рыбак: Никаких ультиматумов со стороны оппозиции быть не должно.*

Со стороны парламентской оппозиции не должно быть ультиматумов, ведь парламент – то место, где власть должна слышать оппозицию, а оппозиция – власть…» (Владимир Рыбак, Facebook, 8 ноября 2015 г.)

Интересно, что и к негативным, и к позитивным относится ценностная доминанта ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ. Она резко меняет свой вектор в ноябре 2013 г. и с этого времени концепт СОТРУДНИЧЕСТВО С ЕС как отрицательный противопоставляется концепту СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ, который является позитивным.

Внимание обращает на себя тот факт, что посты провластных политиков преимущественно не имеют прагматического эффекта – нет призывов, адресованных к людям, команд, руководства к действию. Вся коммуникация сводится к одной цели – успокоить народ, убедить в стабильном развитии, законности и правильности инициатив власти.

Как противовес к принципам провластных политиков, оппозиционеры с точностью до наоборот выстраивают свою коммуникацию (табл. 5, 6).

Таблица 5. **Позитивные ценности в постах оппозиционных политиков Украины**

Ценности	Олег Тягнибок, лидер ВО «Свобода»	Виталий Кличко, лидер ПП «УДАР»	Арсений Яценюк, ВО «Батькивщина»	Общее кол-во постов
Гуманизм	1	4	0	**5**
Доверие	1	0	0	**1**
Духовность	180	66	20	**266**
Евроинтеграция	40	58	0	**98**
Законность	134	50	0	**184**
Компромисс	3	9	0	**12**
Национализм	69	5	3	**77**
Открытость	129	46	1	**176**
Победа	3	3	1	**7**
Поддержка	20	0	0	**20**
Равенство	1	7	0	**8**
Развитие (международное сотрудничество)	36	9	1	**46**
Революция	334	93	19	**446**
Свобода	3	6	0	**9**
Сила	13	11	0	**24**
Спорт	3	14	2	**19**

Единство	14	7	1	**22**
Всего				**1420 (68.5%)**

Таблица 6. **Негативные ценности в постах оппозиционных политиков Украины**

Ценности	Олег Тягнибок, лидер ВО «Свобода»	Виталий Кличко, лидер ПП «УДАР»	Арсений Яценюк, ВО «Батькивщина»	Общее кол-во постов
Антинационализм	25	0	0	**25**
Бедствие	0	0	2	**2**
Бездеятельность (власти)	19	4	0	**23**
Беззаконие (власти)	121	62	1	**184**
Болезнь	0	0	1	**1**
Воровство	17	0	1	**18**
Жертва	25	0	2	**27**
Ложь	27	7	1	**35**
Манипуляция	21	12	0	**33**
Непрофессионализм (власти)	6	3	0	**9**
Наказание	26	13	0	**39**
Слабость (власти)	18	10	0	**28**
Стагнация (экономическая, в сфере образования)	57	7	0	**64**
Предательство	14	3	0	**17**
Репрессии	107	16	1	**124**
Уничтожение	1	0	0	**1**
Убийство	2	0	0	**2**
Утаивание	15	5	0	**20**
			Всего	**652 (31.5%)**

Всего анализу подверглись 2072 поста оппозиционных политиков. Из них 1420 (68.5%) транслируют позитивные ценности, 652 (32.5%) – негативные.

Наиболее частотной позитивной ценностной доминантой является РЕВОЛЮЦИЯ, которая проявляется в 466 фрагментах текста, что составляет 31.4% от общего количества постов с позитивными ценностными доминантами. Ценность РЕВОЛЮЦИЯ актуализируется через концепты РЕВОЛЮЦИЯ, ПРОТЕСТ, МИТИНГ, СВОБОДА, СИЛА и т.п. В течение года можно проследить как минимум 4 так называемые революционные волны в социальных сетях – массовые митинги и пикеты. Сюда можно отнести акции «Украина, вставай!» (апрель – май 2013 г.), протесты против нелегитимной власти в Киеве и митинг с требованием

назначить выборы в Киевский совет (лето 2013 г.), пикеты во Врадиевке Николаевской области против своеволия милиции (июнь 2013 г.), протест в поддержку евроинтеграции Украины (ноябрь – декабрь 2013 г.). Посты оппозиционных политиков, как правило, содержат не только призыв к восстанию, но и четкое указание места и времени, лозунги: *«Олег Тягнибок: "Нужно создать в стране предреволюционную ситуацию – только так добъемся успеха!".*

"Чтобы победить власть, нужен не один день. Ежедневно проводя акции протеста как в Киеве, так и в регионах страны, мы фактически расшатаем лодку этой бандитской власти. Нам удастся добиться победы только тогда, когда революционная ситуация будет не только на Площади, а в украинском обществе в целом. Сейчас не нужно думать, что мы за день сможем переломить ситуацию в пользу украинского общества – нужно продолжать целенаправленное давление на власть путем координированных протестных акций". Об этом 25 ноября 2013 года, отвечая на вопрос журналистов на Европейской площади в Киеве, заявил Глава ВО «Свобода» Олег Тягнибок» (Олег Тягнибок, Vkontakte, 25 ноября 2013 г.).

Следующая по частотности группа позитивных ценностных доминант состоит из ДУХОВНОСТИ, ЕВРОИНТЕГРАЦИИ, ЗАКОННОСТИ и ОТКРЫТОСТИ. Набор тем, которые актуализируют ценности ДУХОВНОСТЬ и ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ, практически полностью совпадает с теми, которые эксплуатируют провластные политики. ЗАКОННОСТЬ преимущественно охватывает законодательные инициативы и деятельность оппозиции, а вот ОТКРЫТОСТЬ проявляется через множественные посты о пресс-конференциях, брифингах оппозиционных политиков, их участии в разнообразных телевизионных передачах.

При этом ценности культурного, морального плана, как, к примеру, ДОВЕРИЕ, ГУМАНИЗМ, КОМПРОМИСС, РАВЕНСТВО, встречаются исключительно редко.

Что же касается негативных ценностей, чаще всего оппозиционные политики говорят о БЕЗЗАКОНИИ ВЛАСТИ (184 фрагмента) и РЕПРЕССИЯХ (124 фрагмента). Обе ценности проявляются через смежные концепты НАПАДЕНИЕ, АТАКА, ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ, СРЫВ и разграничиваются лишь степенью агрессивности действий власти и подчиненных ей структур. Так, первая ценностная доминанта (БЕЗЗАКОНИЕ ВЛАСТИ) проявляется в посте *«Олег Тягнибок: "Власть сознательно не назначает выборы в столице и еще четырех областных центрах, потому что понимает, что проиграет"»* (Олег Тягнибок, Twitter, 21 октября 2013 г.). А вот фрагмент *«В Одессе власть пыталась сорвать пресс-конференцию Кличко и прислала провокаторов (ПС)»* (Виталий Кличко, Twitter, 31 октября 2013 г.) говорит о более активных и решительных действиях с целью давления на оппозицию. Поэтому, с нашей точки зрения, второй фрагмент, а также ему подобные тиражируют антиценность РЕПРЕССИИ.

Менее частотные ценности ПРЕДАТЕЛЬСТВО, СТАГНАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, НАКАЗАНИЕ неразрывно связаны с двумя описанными наиболее частотными антиценностями с помощью причинно-следственных связей.

Следует также обратить внимание на четкие дуальные пары ценностей, которые ярко вырисовываются в политической оппозиционной коммуникации Украины: НАЦИОНАЛИЗМ – АНТИНАЦИОНАЛИЗМ, ЗАКОННОСТЬ – БЕЗЗАКОНИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ – РЕПРЕССИЯ, ДОВЕРИЕ – ПРЕДАТЕЛЬСТВО, ОТКРЫТОСТЬ – УТАИВАНИЕ и т.д. Причем, как и следовало ожидать, позитивные ценности оппозиционные политики «примеряют» на себя. А все без исключения негативные ценности проецируются на деятельность провластного большинства, категорически осуждаются, критикуются и противопоставляются действиям и идеям оппозиции.

В целом посты оппозиции отличаются резкостью и бескомпромиссностью. Большая палитра транслируемых ценностей, которые, на наш взгляд, несколько размывают общую картину и мешают целостному представлению, формирует картину революционно настроенного поля.

В Беларуси, как уже говорилось, в социальных сетях представлены лишь оппозиционные политики. Риторика белорусских оппозиционеров имеет множество существенных отличий от таковой в Украине (табл. 7, 8).

Таблица 7. **Позитивные ценности в постах оппозиционных политиков Беларуси**

Ценности	Юрась Губаревич, Рух «За Свободу!»	Андрей Дмитриев, кампания «Говори правду»	Алексей Янукевич, БНФ	Ярослав Романчук, ОГП	Игорь Рынкевич, БСДП (Громада)	Анатолий Лебедько, лидер ОГП	Виталий Рымашевский, лидер БХД	Общее кол-во постов
Борьба	0	34	16	0	0	8	0	**58**
Демократия	1	0	0	1	3	0	6	**11**
Дружба	0	2	0	0	4	1	0	**7**
Духовность	24	134	1	16	25	16	44	**260**
Единство	0	13	16	2	6	6	0	**43**
Законность	0	11	0	2	4	3	2	**22**
Защита прав человека	0	5	0	0	2	0	1	**8**
Интеллектуальность	0	8	0	14	0	1	0	**23**
Капитализм	0	1	0	23	0	0	0	**24**
Качество высокое	0	4	10	1	0	0	0	**15**

Контроль	0	4	0	0	0	0	0	**4**
Национализм	5	7	0	0	3	0	0	**15**
Независи-мость	0	6	0	0	0	0	2	**8**
Открытость	6	125	24	1	1	11	13	**181**
Отдых	1	0	1	0	0	0	0	**2**
Перемена	4	12	2	21	0	2	0	**41**
Победа	0	18	0	0	0	0	6	**24**
Поддержка	0	0	1	0	2	8	0	**11**
Помощь	0	10	0	0	2	0	0	**12**
Порядок	1	7	0	0	0	0	1	**9**
Последова-тельность	1	0	0	0	0	0	0	**1**
Правда	0	5	0	0	0	0	1	**6**
Развитие (обучение)	5	27	11	17	0	9	7	**76**
Равенство	0	2	0	0	0	1	0	**3**
Революция	0	0	0	6	11	0	0	**17**
Свобода	3	11	7	14	8	3	5	**51**
Сила	0	3	6	0	0	1	1	**11**
Спорт	0	1	0	3	1	1	0	**6**
Справедли-вость	0	1	0	0	0	0	0	**1**
Трудолюбие / эффективная работа	4	40	0	1	0	1	0	**46**
Человек	0	7	0	8	2	1	0	**18**
Успех	0	0	0	2	1	0	0	**3**
Экономность	0	0	0	1	0	0	0	**1**
						Всего	**1018 (52.6%)**	

Таблица 8. **Негативные ценности в постах оппозиционных политиков Беларуси**

Ценности	Юрась Губаревич, Рух «За Свободу!»	Андрей Дмитриев, кампания «Говори правду»	Алексей Янукевич, БНФ	Ярослав Романчук, ОГП	Игорь Рынкевич, БСДП (Громада)	Анатолий Лебедько, лидер ОГП	Виталий Рымашевский, лидер БХД	Общее кол-во постов
Безысходность	1	5	0	1	0	0	0	**7**
Беззаконие	1	21	0	5	1	5	11	**44**
Безразличие	0	5	1	0	0	0	0	**6**
Болезнь	0	0	0	0	0	1	1	**2**
Воровство	2	17	5	35	1	5	6	**71**
Давление	0	0	1	10	2	0	2	**15**
Долги	0	0	0	6	0	0	0	**6**
Жертва	0	0	0	0	0	0	6	**6**
Иммиграция	0	0	0	2	0	0	0	**2**
Конфликт	0	1	1	21	1	0	0	**24**
Колхозность	3	10	6	9	0	0	7	**35**
Коммунизм	0	0	0	0	0	0	5	**5**
Манипуляция	2	19	6	46	2	2	20	**97**
Наказание	0	0	0	0	0	2	1	**3**
Недоверие	0	1	1	2	0	0	0	**4**
Непрофессионализм	0	17	0	88	2	10	6	**123**
Неравенство	2	4	0	0	0	2	3	**11**
Несправедливость	0	2	0	0	0	0	0	**2**
Ограничение прав и свобод	1	18	13	9	9	4	5	**59**
Опасность	0	2	0	10	0	2	1	**15**
Предательство	0	3	0	0	0	0	2	**5**
Преступление	0	0	0	6	0	0	3	**9**
Провал	0	4	0	19	0	0	0	**23**
Разобщенность	1	2	4	2	0	0	0	**9**
Репрессии	1	35	5	0	0	6	29	**76**
Слабость	0	1	0	4	1	0	2	**8**
Смерть	1	12	0	0	7	3	7	**30**
Социализм	0	0	0	12	0	0	0	**12**

Стагнация (экономическая)	5	54	8	117	2	6	7	**199**
Убийство	0	2	0	0	0	0	6	**8**
Унификация	0	0	0	1	0	0	0	**1**
							Всего	**917 (47.4%)**

Как видно из табл. 7 и 8, всего было рассмотрено 1935 постов оппозиционных политиков Беларуси. Из них 1018 (52.6%) транслируют позитивные ценности, а 917 (47.4%) – негативные.

Наиболее частотными позитивными ценностными доминантами являются ДУХОВНОСТЬ (260 постов), ОТКРЫТОСТЬ (181 пост), РАЗВИТИЕ (76 постов), БОРЬБА (58 постов), СВОБОДА (51 пост), ТРУДОЛЮБИЕ / ЭФФЕКТИВНАЯ РАБОТА (46 постов), ЕДИНСТВО (43 поста), ПЕРЕМЕНА (41 пост).

Необходимо обратить внимание на взаимосвязь транслируемых морально-этических ценностей в постах белорусских политиков: ДУХОВНОСТЬ (поздравления, юмор, психологические размышления, лирические отступления, религиозные праздники и т.п.), ДРУЖБА, ЧЕЛОВЕК, ПОДДЕРЖКА, ПОМОЩЬ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ. Отзеркаливая культуру и дух народа, белорусские политики говорят о семейных традициях, отношениях между людьми, выражают благодарность за помощь и участие, искренне восхищаются Человеком интеллигентным и успешным, сочувствуют или шутят. К слову, оказалось, что белорусские оппозиционеры имеют исключительное чувство юмора и активно пользуются юмористическими и саркастическими приемами для отображения социально-политической действительности: «*С Днем шоколада! I love it! 10 причин, почему шоколад лучше государства: 1. Шоколад сладкий, даже если горький, а государство – горькое, даже если политики приторно-сладкие. 2. Шоколад сближает, а государство разъединяет. 3. Шоколаду все равно, какая разница в доходах между богатыми и бедными. Государство же активно занимается уравниловкой…*» (Ярослав Романчук, Facebook, 11 июля 2013 г.). Или вот: «*Прихватил грипп от коллег-правозащитников. Теперь особенно болею за Права Человека*» (Игорь Рынкевич, Vkontakte, 20 февраля 2013 г.); «*Лепшыя хвіліны раніцы – шлях да дзіцячага садка за руку з дачкой*» (Виталий Рымашевский, Facebook, 17 октября 2013 г.).

Как видно из табл. 7, ценность ОТКРЫТОСТЬ оказалась доминантной преимущественно благодаря Андрею Дмитриеву, который детально и искренне описывает встречи с людьми. Принимая активное участие в информационной кампании, оппозиционер охотно делится своими впечатлениями от встреч, анонсирует события, приглашает к обсуждению и диалогу: «*Формируем новый график поездок инициаторов референдума. Приглашайте нас в свой город на сайте – /referendumby.org Приедем!*» (Андрей Дмитриев, Twitter, 20 ноября 2013).

Нужно отметить, что данная ценность проявляется именно благодаря таким концептам, как ДИАЛОГ, ОБСУЖДЕНИЕ, РАЗГОВОР и т.п.

К группе морально-этических ценностей также можно отнести РАЗВИТИЕ, под которым, в отличие от украинских политиков, белорусы в основном подразумевают личностный рост человека, оборазование, получение знаний.

Ценности БОРЬБА, СВОБОДА, ЕДИНСТВО и ПЕРЕМЕНА являют собой особый блок. Они близки по значению в контексте политической ситуации в стране и отображают настрой белорусских оппозиционных политиков. Сравните: «*По мотивам задержаний за майку, мне кажется уже можно просто написать на майке “За! – Без!”, для непонятливых “За Беларусь! – Без!”*» (Андрей Дмитриев, Twitter, 11 ноября 2013 г.);

«*Дочкі гуляюцца з сям’ёй мядзьведзікаў і зайцаў. Старэйшая, звяртаючыся да мяне:*

– Вось у Івоны тата-мядзведзь працуе лекарам, а ў мяне Тата Жак (заяц), прэзідэнтам. Ці можаш падказаць якую іншую прафесію, каб была паважнай і патрэбнай людзям?

– Ну, прэзідэнт напэўна самая паважная прафесія, бо ён жа самы “галоўны”? – запытаў я. Малодшая Івона:

– Не, прэзідэнт – дрэнна. Трэба, каб людзі жылі свабодна. Без прэзідэнтаў» (Юрась Губаревич, Facebook, 10 января 2013 г.).

Ключевая для украинской оппозиционной политической коммуникации ценностная доминанта РЕВОЛЮЦИЯ также представлена в белорусском информационном пространстве – 17 постов. Она подкрепляет более лояльные ценности ПЕРЕМЕНА (реформы, изменения, развитие экономики) и БОРЬБА. Тем не менее контекст, в котором транслируется ценность РЕВОЛЮЦИЯ, кардинально отличается от украинского. Украинские политики резки и радикальны в своих призывах к перемене власти и политического строя. Белорусские же оппозиционеры высказываются достаточно осторожно. При этом речь преимущественно идет о протестах и митингах в Украине и России. Тем не менее поддержка белорусской оппозицией этих событий очевидна, учитывая подобные перепосты: «*Мэр Львова Андрей Садовой предупредил, что если в город прибудут подразделения спецназа из других регионов для разгона львовского Евромайдана, то: “перед ним станут не только несколько тысяч студентов, которые сейчас есть на львовском Евромайдане. Во Львове выйдет весь город!”*» (перепост на странице Игоря Рынкевича, Facebook, 30 ноября 2013 г.).

В контексте своей политической работы оппозиционеры транслируют ценность ТРУДОЛЮБИЕ / ЭФФЕКТИВНАЯ РАБОТА, говоря при этом о моральном удовлетворении от проделанных усилий.

Наряду с морально-этическими ценностями политики поднимают серьезные вопросы, касающиеся финансового благополучия и уровня жизни граждан страны, необходимости перемен. Так, с помощью концептов РЫ-

НОЧНАЯ ЭКОНОМИКА, ТОВАРЫ, ДЕНЬГИ, БОГАТСТВО, ПОТРЕБИТЕЛЬ актуализируется позитивная ценность КАПИТАЛИЗМ (24 поста). Например: «*An apple a day keeps the doctor away – гласит народная английская молва. Думаю, что речь идет не только о еде. Не менее важна эстетика и хорошее настроение. Яблоки в мамином саду прекрасны вдвойне. Они не такие идеальные, как можно найти на Комаровке, но польза и удовольствие от них ни с чем не сравнить.*

Мамины яблоки – не просто пища, не просто товар. Они – восхитительный комок эмоционального и психологического удовольствия.

Капитализм – это далеко не только товары, деньги, кредиты и расчеты. Это мораль и душа людей – производителей. Добрым словом потребители вспоминают не шарлатанов, маниловых или выскочек на один сезон. Предприниматели, которые делают товары на совесть, для людей, а не для галочки в госплане, в капитализме пользуются заслуженным доверием и восхищением. Как мамины яблоки в родительском саду. Производите товары и услуги с душой! Раскрывайте истинную природу самой моральной системы в истории человечества – капитализма. Пусть его у нас сегодня нет. Пусть доминирует ширпотреб. Но стремиться ведь нужно к идеалу. Яблоки с маминого сада во время гипермаркетов для многих ведь тоже уже далекий идеал» (Ярослав Романчук, Facebook, 20 октября 2013 г.).

Среди негативных ценностей доминируют СТАГНАЦИЯ (экономическая) (199 постов), НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ (правительства) (123 поста), МАНИПУЛЯЦИЯ (97 постов), РЕПРЕССИИ (76 постов), ВОРОВСТВО (71 пост). ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС является ключевым концептом для актуализации ценности СТАГНАЦИЯ. Причем тезис о несостоятельности экономики Беларуси подкрепляется фундаментальным анализом и цифрами, что является редкостью для украинской политической коммуникации в соцсетях. Например: «*Резкое сокращение золотовалютных резервов в октябре: минус $575 млн, до $6813 млн. Какова критическая черта ЗВР-ов, после пересечения которой власти вынуждены будут пойти на девальвацию. Правительство и Нацбанк собираются вбрасывать в экономику более Br10 трлн рублей. И это без учета кредитования промышленных программ. Кредитная экспансия как угроза денежной стабильности...*» (Ярослав Романчук, Vkontakte, 05 ноября 2013 г.). Вместе с тем достаточно часто встречается и художественно-публицистическое описание отстающих отраслей экономики: «*Белорусский АПК – это не локомотив экономики. Это корабль Армагеддона. Он набирает скорость и несет нашу страну к очередному кризису. У этого сектора нет хороших лет. В один год хороший урожай – проклятие, потому что его негде хранить, нет возможности довести до потребителя продукцию, не потеряв качество, нет желания и знаний, как превратить аграрный сектор в полноценный бизнес. Хороший урожай – это повод еще глубже залезть в бюджет*

страны. Предлагаю эксперимент. Его суть – в материале. http://bdg.by/news/economics/26769.html» (Ярослав Романчук, Vkontakte, 20 ноября 2013 г.).

СТАГНАЦИЮ, в свою очередь, усиливают многочисленные негативные ценностные доминанты НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ (правительства), МАНИПУЛЯЦИЯ (правительства) (концепты ОБМАН, ЛОЖЬ, ПОКАЗУХА), ПРОВАЛ (реформ и экономических планов), ВОРОВСТВО (концепты КОРРУПЦИЯ, ДЕРИБАН ИМУЩЕСТВА И РЕСУРСОВ, ПРИВАТИЗАЦИЯ). В этой связи также появляются такие характерные для постсоветского пространства антиценности, как СОЦИАЛИЗМ и КОЛХОЗНОСТЬ (совковость). Ярко негативное отношение авторов постов к постсоветскому наследию очевидно в таком комментарии: «*Есть ли доля вины "Белтелекома" в создании сложностей в электронной записи на подачу заявления на получение визы в посольстве Польши в Беларуси. Новый поезд Минск – Вильнюс: хотели, как лучше, а получилось, как в "лучших" традициях советских очередей…*» (Ярослав Романчук, Vkontakte, 29 мая 2013 г.). Кроме того, нужно отметить массовое негативное отношение белорусских оппозиционеров ко всему российскому – деятельность российских компаний на территории Беларуси, взаимоотношения с РФ, «гнев Москвы», конфликты с Россией и т.п.: «*Толькі тады народзе зажывеш шчасліва, калі маскаля над табой ужо ня будзе!*» (Виталий Рымашевский, Twitter, 19 марта 2013 г.).

Что же касается дуальных пар ценностей, то их выделить оказалось достаточно сложно, так как противопоставляются целые их группы. Так, скажем, позитивная ценность КАПИТАЛИЗМ противопоставляется сразу нескольким негативным ценностям: СТАГНАЦИЯ (экономическая), КОЛХОЗНОСТЬ, СОЦИАЛИЗМ, ВОРОВСТВО, ПРОВАЛ, ДОЛГИ; РЕВОЛЮЦИЯ, ПЕРЕМЕНА, СВОБОДА, БОРЬБА противопоставляются КОНФЛИКТУ, БЕЗРАЗЛИЧИЮ, ПРЕСТУПЛЕНИЮ.

Группируя ценности, мы попытались сформировать аксиологический портрет украинской и белорусской политической коммуникации в социальных сетях. Таким образом, мы распределили ценности в соответствии с классификацией А. Маслоу, который разделяет бытийные и дефициентные ценности.

Бытийные, или Б-ценности, исследователь ассоциирует с так называемыми высшими потребностями личности: истина (стремление проникнуть в сущность явлений и объектов); добро (сенсорная забота и опека); красота (стремление к установленным пропорциям форм и пространств); целостность (стремление к последовательности и непротиворечивости); единство противоположностей (стремление соединить противоречивые положения, примирить противоположные тенденции); жизненность (стремление к активности, непрерывному движению); уникальность (стремление быть единственным и незаменимым); совершенство (образцовость – стремление свои действия и результат труда привести к некоторому образцу); необходимость (стремление к некому

императивному идеалу); завершенность (имеется в виду процесс, связанный с теми или иными действиями); справедливость (честность, беспристрастность); порядок (стремление к структурированию окружающего пространства); простота (стремление к логической однозначности); богатство (стремление к разнообразию жизненных или сенсорных проявлений); легкость (непринужденность, непосредственность); игра (стремление строить гибкие взаимоотношения с окружающими); самодостаточность (независимость от других, автономность, самостоятельность).

Д-ценности (дефициентные ценности) – низшие ценности. В отличие от бытийных, где человек устремлен к высшей позитивной цели, с помощью дефициентных ценностей человек стремится уйти от неудовлетворенности на уровне физического выживания. Таким образом, к Д-ценностям относятся: ОТДЫХ, СОН, ЗАВИСИМОСТЬ (физическая), ЗАЩИТА, БЕЗОПАСНОСТЬ (СТАБИЛЬНОСТЬ, ПОРЯДОК), ВЫЖИВАНИЕ и т.п.

К Б-ценностям мы отнесли такие позитивные ценностные доминанты, выявленные в политической коммуникации, как БОРЬБА, ДЕМОКРАТИЯ, ДРУЖБА, ДОВЕРИЕ, ДУХОВНОСТЬ, ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ, ЕДИНСТВО, ЗАКОННОСТЬ, ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ, КАПИТАЛИЗМ, КАЧЕСТВО ВЫСОКОЕ, КОНТРОЛЬ, КОМПРОМИСС, НАЦИОНАЛИЗМ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ОТКРЫТОСТЬ, ПЕРЕМЕНА, ПОБЕДА, ПОДДЕРЖКА, ПОМОЩЬ, ПРАВДА, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ, РАВЕНСТВО, РАЗВИТИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ (трактуется как путь к более свободной, комфортной и богатой жизни), СВОБОДА, СИЛА, СОТРУДНИЧЕСТВО, СПОРТ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ / ЭФФЕКТИВНАЯ РАБОТА, НАУКА, ЧЕЛОВЕК, УСПЕХ, ЭКОНОМНОСТЬ.

К позитивным Д-ценностям относим БЕЗОПАСНОСТЬ, ГУМАНИЗМ (социальные гарантии детям, матерям, пенсионерам – в контексте звучит как уровень выживания), ПОРЯДОК, ОТДЫХ.

Что же касается негативных ценностей, мы попытались распределить их по тем же уровням – уровень бытия (АНТИНАЦИОНАЛИЗМ, БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, БЕЗЗАКОНИЕ, БЕЗЫСХОДНОСТЬ, БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ, БЕЗРАЗЛИЧИЕ, ВОРОВСТВО, ДОЛГИ, ИММИГРАЦИЯ, КОНФЛИКТ (экономический), КОЛХОЗНОСТЬ, КОММУНИЗМ, ЛОЖЬ, МАНИПУЛЯЦИЯ, ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ (в значении спада, торможения), ЗАБЛУЖДЕНИЕ, НАЦИОНАЛИЗМ, НЕДОВЕРИЕ, НЕРАВЕНСТВО, НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ, ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД, ПРЕДАТЕЛЬСТВО, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРОВАЛ, РАЗОБЩЕННОСТЬ, СЛАБОСТЬ (власти), СОЦИАЛИЗМ, СТАГНАЦИЯ, УТАИВАНИЕ, УНИФИКАЦИЯ) и уровень витальных потребностей (БОЛЕЗНЬ, БЕДСТВИЕ, БЕЗРАБОТИЦА, ДАВЛЕНИЕ, ЖЕРТВА, ЗАВИСИМОСТЬ, НАКАЗАНИЕ, НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ, ОПАСНОСТЬ, РЕПРЕССИИ, УБИЙСТВО, УНИЧТОЖЕНИЕ, СМЕРТЬ).

Соотношение негативных и позитивных бытийных и дефициентных ценностей в политкоммуникации в социальных сетях в Украине может быть представлено диаграммой 1.

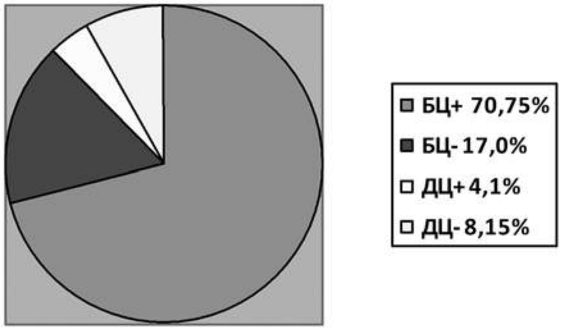


Диаграмма 1. Негативные/позитивные Б- и Д-ценности (Украина): БЦ+ – позитивные Б-ценности, БЦ- – негативные Б-ценности, ДЦ+ – позитивные Д-ценности, ДЦ- – негативные Д-ценности

Таким образом, становится очевидным, что большинство как позитивных, так и негативных ценностей, транслируемых политиками Украины, касается сферы бытия – самоактуализации, финансового состояния, культурного развития. Абсолютное преобладание позитивных Б-ценностей (70.75%) говорит об активном использовании мета-программы «к» – стеремление к цели, идеалу. Дефициентные ценности представлены значительно меньше, что в целом свидетельствует об уровне развития общества, где бытийные ценности являются доминантными и представляют собой цели, к которым стремятся индивидуумы.

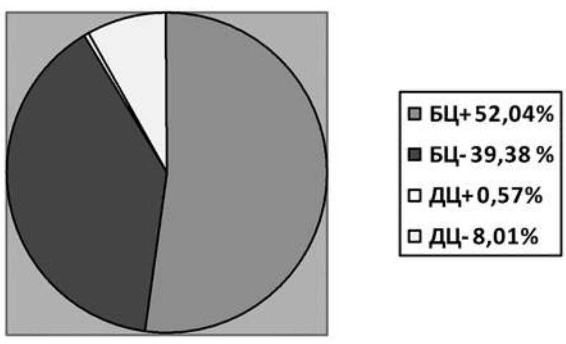


Диаграмма 2. Негативные/позитивные Б- и Д-ценности (Беларусь): БЦ+ – позитивные Б-ценности, БЦ- – негативные Б-ценности, ДЦ+ – позитивные Д-ценности, ДЦ- – негативные Д-ценности

Характерной чертой белорусской политкоммуникации в социальных сетях является очень незначительное количество позитивных Д-ценностей. При этом

все остальные группы ценностных доминант представлены более широко (см. диаграмму 2).

Как видно из диаграммы 2, в Беларуси также преобладают позитивные бытийные ценности (52.04%). Тем не менее наличие негативных Б-ценностей также существенное (39.38%). Это говорит о том, что белорусские политики наряду с программой «к» эксплуатируют и мета-программу «от» – избежать бедности, неприятностей, проблем. А вот дефициентные ценности малочисленны: позитивных практически нет, негативных всего 8.01%.

В последнее время широко используется также классификация ценностей на основе функционального принципа. Так, ценности делятся на материальные и духовные. К первым относятся БОГАТСТВО, ЗАКОННОСТЬ, КАПИТАЛИЗМ; антиценности – БЕДНОСТЬ, БЕЗЗАКОНИЕ, НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ и т.п. К духовным относят ценности высшего порядка, морально-эстетические идеалы и принципы: ДУХОВНОСТЬ, ДРУЖБА, ЧЕЛОВЕК, ОБРАЗОВАНИЕ; а также их противоположность – выход за пределы нормы, то, что считается аморальным и осуждается: антиценности НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, НЕДОВЕРИЕ.

Распределив ценности в соответствии с приведенной классификацией, мы выявили, что и в украинском, и в белорусском политическом коммуникационном пространстве преобладают позитивные духовные ценности – 47.6% и 46.87% соответственно. При этом наименее численной группой в Украине являются негативные духовные ценности, а в Беларуси – позитивные материальные (диаграммы 3, 4).

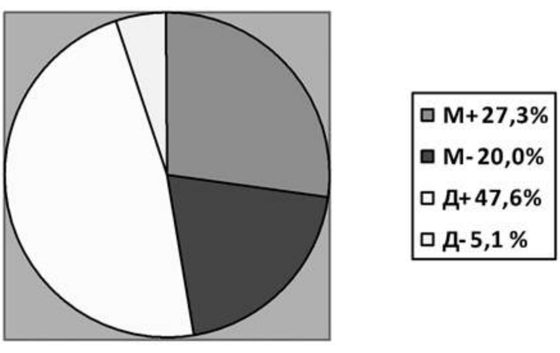


Диаграмма 3. Материальные/духовные ценности (Украина):
М+ – позитивные материальные ценности, М- – негативные материальные ценности,
Д+ – позитивные духовные ценности, Д- – негативные духовные ценности

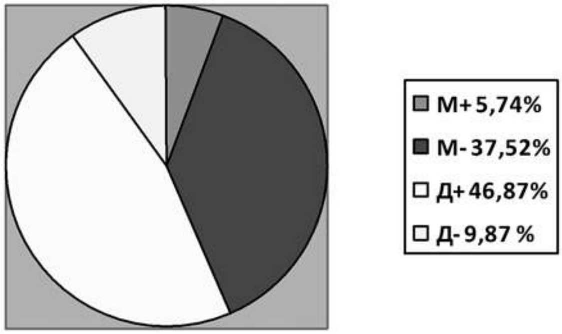


Диаграмма 4. Материальные/духовные ценности (Беларусь):
М+ – позитивные материальные ценности, М- – негативные материальные ценности,
Д+ – позитивные духовные ценности, Д- – негативные духовные ценности

Выводы

В Украине в социальных сетях представлены и провластные, и оппозиционные политики. В Беларуси провластных политиков в социальных сетях нет, а вот оппозиционеры представлены достаточно широко.

На страницах украинских политиков (исключая Николая Азарова и Арсения Яценюка) информация подается от третьего лица, что явно свидетельствует о том, что страницы ведут их пресс-службы. Это предположение подверждается также тем фактом, что практически каждый пост содержит ссылку на официальный сайт государственной институции, которую возглавляет данный политик, или политической партии.

Белорусские политики, напротив, ведут свои страницы самостоятельно. Посты в их аккаунтах преимущественно от первого лица, хотя также присутствуют линки на партийные сайты.

Провластные политики в Украине транслируют преимущественно позитивные ценности, доминантными среди которых являются РАЗВИТИЕ, ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ, ЗАКОННОСТЬ, ДУХОВНОСТЬ. Первые три ценности актуализируются через материалистические концепты; ДУХОВНОСТЬ – через ограниченный набор тем, единый для всех политиков. Негативные ценностные доминанты, тиражируемые провластными политиками, как правило, касаются проблем и бедствий, не зависящих от их деятельности (стихийные бедствия, проблемы, унаследованные от предшественников, и т.п.). Антиценность СТАГНАЦИЯ также ассоциируется с действиями «чужых». В целом складывается впечатление стабильного, развивающегося общества. Украинские оппозиционеры, напротив, максимально радикализируют политическое коммуникационное пространство, транслируя ценности РЕВОЛЮЦИЯ (позитивная доминанта)

и РЕПРЕССИИ (негативная доминанта). Их дополняют и усиливают ценности СВОБОДА, СИЛА и антиценности БЕЗЗАКОНИЕ ВЛАСТИ, ПРЕДАТЕЛЬСТВО, НАКАЗАНИЕ. Вместе с тем количество позитивных ценностей также значительно превалирует над негативными.

В белорусских социальных сетях атмосфера гораздо более спокойная. Как и в украинском, в белорусском информационном пространстве политики преимущественно транслируют позитивные ценности.

Ценностными доминантами являются позитивные ДУХОВНОСТЬ, ОТКРЫТОСТЬ, РАЗВИТИЕ; негативные СТАГНАЦИЯ, НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ. Нужно отметить эксклюзивные ценности, транслируемые белорусскими политиками. Многие из их постов антропоцентричны. ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ, ДЕТИ, ДРУЖБА, ПОДДЕРЖКА, ПОМОЩЬ – ключевые концепты многих комментариев политиков. При этом необходимо отметить юмор, а часто сарказм, что делает стиль политиков уникальным, запоминающимся.

Позитивными ценностными доминантами, едиными для информационного пространства Украины и Беларуси, являются ДУХОВНОСТЬ, ЗАКОННОСТЬ, РАЗВИТИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ/ПЕРЕМЕНА/БОРЬБА, ТРУДОЛЮБИЕ / ЭФФЕКТИВНАЯ РАБОТА. Тем не менее в большинстве своем актуализируются они разными концептами. К примеру, ДУХОВНОСТЬ в Украине проявляется через поздравительные обращения к народу, в том числе религиозного характера. В Беларуси же к этим темам добавляются концепты СЕМЬЯ, ДЕТИ, ДОБРО и т.п. ЗАКОННОСТЬ в Украине соотносится с законодательными инициативами политиков и их деятельностью в парламенте или госструктурах; в Беларуси подразумевает верховенство Закона при управлении страной, зависимость благополучия граждан и развития экономики от законов, которые должны неукоснительно соблюдаться. Ценность РАЗВИТИЕ в Украине используется, скорее, в материалистическом аспекте (развитие экономики, международное сотрудничество, развитие инфраструктуры внутри страны). В Беларуси же ценность РАЗВИТИЕ – морально-этический ориентир, означающий образование, повышение уровня знаний, личностный рост человека. Ценности РЕВОЛЮЦИЯ и ПЕРЕМЕНА в целом схожи по смыслу для обеих стран, но в Украине подаются в более радикальной решительной манере. Позиция белорусских политиков несколько сдержанней, толерантней. Ценность ТРУДОЛЮБИЕ / ЭФФЕКТИВНАЯ РАБОТА схожа для Украины и Беларуси.

Что же касается негативных ценностей, и украинский, и белорусский политикум транслирует БЕЗЗАКОНИЕ, МАНИПУЛЯЦИЮ, НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ, СТАГНАЦИЮ, РЕПРЕССИИ. Первые три ценности являются ядром риторики оппозиционных политиков обоих государств и характеризуют действия власти. Провластными политиками Украины они не транслируются. А вот антиценность СТАГНАЦИЯ (подразумевает экономичсекий спад, нищету, деградацию) прослеживается у всех без исключения исследуемых политиков и яв-

ляется доминантной для информационного пространства Украины и Беларуси. Более того, она актуализируется одними и теми же концептами, относящимися к экономическим трудностям и рискам.

Сравнивая группы ценностей в зависимости от уровня потребностей личности (бытийные и дефициентные ценности), мы выявили, что в украинской политкоммуникации преобладают позитивные бытийные ценности, то есть «ценности развития» – идеалы, моральные и культурные ориентиры. Такой эффект создается за счет «успокаивающей» коммуникации провластных политиков, пытающихся убедить людей в стабильности экономической ситуации и последовательном развитии страны, а также радикальных призывов оппозиции «к светлому будущему», что также осуществляется за счет описания целей, которых необходимо добиться. При этом эффект радикализации подкрепляется также менее численными антиценностями уровня самоактуализации личности (БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, БЕЗЗАКОНИЕ, ВОРОВСТВО) – проблем, от которых необходимо избавиться. Эта позиция характерна для украинских оппозиционных политиков. Белорусские оппозиционеры, как и украинские, также отдают предпочтение позитивным бытийным ценностям. Тем не менее вторую по численности группу (39.38%) составляют отрицательные бытийные ценности, которые соотносятся в основном с экономическим кризисом в стране. Следут заметить, что критика оппозиционеров основана на глубинном анализе экономических процессов в Беларуси – в постах подаются цифры, факты, прогнозы, в то время как украинская оппозиция делает скорее эмоциональные заявления, что свидетельствует об установках электората и культурных особенностях обоих народов. При этом и в Украине, и в Беларуси процент дефициентных ценностей в политической коммуникации ничтожно мал (для Украины – ДЦ+ 4.45%, ДЦ- 8.83%; для Беларуси – ДЦ+ 0.57%, ДЦ- 8.01%).

Тем не менее, что является интересным, и в Украине, и в Беларуси доминируют позитивные духовные ценности (47.6 и 46.87% соответственно). Нужно отметить, что спектр позитивных духовных ценностей в Украине значительно меньше, чем в политической коммуникации Баларуси. Еще одной отличительной чертой постов белорусских политиков является глубина мысли и переживания транслируемых концептов, что не оставляют реципиента равнодушным. В коммуникационном пространстве Беларуси также широко представлен материалистический подход (37.52% составляют материальные антиценности).

Исходя из изложенного выше, можно говорить о развитии общества и Украины, и Беларуси от материалистических к духовным ценностям. Транслируемые политиками и другими лидерами общественного мнения, именно они (духовные ценности) становятся жизненными ориентирами тысяч людей, определяют путь развития человека и человечества. Свидетельством силы этого может служить всенациональный митинг в поддержку евроинтеграции Украины, возникший в том числе и благодаря коммуникации в социальных сетях. В тех же

социальных сетях евроинтеграционные устремления украинского народа получили широкомасштабную мировую поддержку, а ценность ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ стала ключевым культурно значимым понятием для украинского (а в широком смысле – постсоветского) информационного пространства.

Литература

Володина, Л.В., Карпухина, О.К. Деловое общение и основы теории коммуникации: учеб. пособие. М., 2000.

Клягин, С.В., Шипунова, О.Д. Философия коммуникации: проблемы и перспективы: монография. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та., 2013.

Кузнецова, Т.В. Аксіологічні моделі мас-медійної інформації: монографія. Суми: Університетська книга, 2010.

Маслоу, А.Г. Дольние пределы человеческой психики / пер. с англ. СПб.: Евразия, 1999.

Маслоу, А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.

Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.

Штраус, Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, 2000.

НАШИ АВТОРЫ

Богачевская Ирина (Киев, Украина) – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Института философии образования и науки Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова. Научные публикации: 2 единоличные монографии, 1 в соавторстве, раздел коллективной монографии, раздел учебника, свыше 80 научных статей в украинских и заграничных изданиях. Сфера научных интересов: лингвистическое религиоведение, социология религии, философия языка, семиотика, нарратология.

Бон Томас М. (Гиссен, Германия) – исполнительный директор Института истории и продекан факультета истории Университета им. Юстуса Либиха в Гиссене (Германия). Сфера научных интересов: история историографии, история урбанизации, история суеверий и нонконформизма. Автор фундаментальной монографии «Минский феномен. Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны» (Москва, 2013).

Гафаров Игорь (Минск, Беларусь) – МА по социальной философии и политической теории, докторант ЕГУ. Сфера научных интересов: история западной философии, история раннего модерна, модернизация, эстетика, гендерная теория. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Герман Елена (Сумы, Украина) – аспирант кафедры философии, политологии и инновационных социальных технологий Сумского государственного университета. Сфера научных интересов: аксиология, политическая коммуникация, массовая коммуникация, PR. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Иващенко Ольга (Киев, Украина) – старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии Национальной академии наук Украины, кандидат философских наук. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Колер Гун-Бритт (Ольденбург, Германия) – профессор, директор Института славистики Ольденбургского университета.

Лаукконен Таисия (Вильнюс, Литва) – доктор PhD, исследователь-стажер (post doc) Литовского центра социальных исследований.

Матоните Ирмина (Вильнюс, Литва) – доктор PhD, профессор, старший научный сотрудник Литовского центра социальных исследований.

Михник Адам (Варшава, Польша) – польский общественный деятель, диссидент, журналист, один из наиболее активных представителей политической оппозиции 1968–1989 гг. Главный редактор «Газеты Выборчей». Член Союза польских писателей, Совета по международным отношениям (США). Почетный доктор Миннесотского и Мичиганского университетов, Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, почетный профессор Киево-Могилянской академии. Лауреат премии «За свободу» французского ПЕН-клуба (1988), премии Союза европейских журналистов (1995), международной премии Эразмус (Нидерланды, 2001), Кавалер французского Ордена Почетного легиона, офицер венгерского ордена Заслуг, командор ордена «За заслуги перед ФРГ», чилийского ордена Бернардо О`Хиггинса и многих других наград в разных странах. По списку британской газеты «Financial Times» (май 2006 г.), один из 20 наиболее влиятельных журналистов мира. Автор Собрания сочинений в 7 томах (A. Michnik. Dwie dekadu wolności, 2009).

Осин Вадим (Днепропетровск, Украина) – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин Академии таможенной службы Украины. Сфера интересов: когнитивные основания социальных наук, социология и политика научного знания, методология со-

циальных наук. Наиболее важные публикации: монография «Процессы конституирования и воспроизводства в науке: исследование вариаций контент-анализа» (Днепропетровск: Лира, ЛТД, 2007); статьи: «Политическая наука как призвание vs. политическая наука как идеология: к постановке вопроса о мотивации (выдающихся) политологов» (Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. К.: ВІР УАН, 2011. Вип. 55 (№ 12). С. 458–463), «“Слепое пятно” историописания: рост посредственных ученых в политической науке» (Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Харьков, 2010. Вып. 7. С. 20–42), «Імплікації “легітимаційного проекту” політичної науки: випадок історіописання» (Вісник Харківського національного університету. 2010. № 885. С. 11–21), «Легитимизация политологического знания: возможности сетевого подхода» (Грані: науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. 2010. № 3 (71). С. 116–120), «Научные сообщества в эпоху большой науки: рационализация центробежных сил в социальных науках» (Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2009. Вип. 4. С. 89–124). Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Панич Олена (Киев, Украина) – кандидат исторических наук, доцент Национального педагогического университета им. Драгоманова, докторант.

Рошка Александр (Кишинев, Молдова) – Институт энциклопедических исследований, Академия наук Молдовы. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Рубл Блэр (Вашингтон, США) – руководитель Проекта сравнительных урбанистических исследований при Международном центре имени Вудро Вильсона.

Научные интересы: российская внутренняя политика; развитие городов и организация городского управления в постсоветской России; городское управление и развитие регионов. Награды: премия вице-президента Соединенных Штатов (Хаммеровская премия) за вклад в обновление государственного устройства (Reinventing Government) (1999); медаль Президента Российской Федерации за вклад в развитие города Санкт-Петербурга (2004). Получил степень магистра гуманитарных наук, а затем степень кандидата наук в Университете Торонто (1973 и 1977 гг.), степень AB с отличием в области политических наук в Университете Северной Каролины в Чапел Хилл (1971 г.). Работал в Научном совете по социальным исследованиям в Нью-Йорке и в Национальном совете по советским и восточноевропейским исследованиям. Редактор многочисленных изданий, а также автор научных монографий по урбанистике, в том

числе посвященных Ленинграду, Ярославлю, Москве и Киеву на разных этапах их исторического развития: «Leningrad. Shaping a Soviet City»; «Money Sings! The Changing Politics of Urban Space in Post-Soviet Yaroslavl»; «Second Metropolis: Pragmatic Pluralism in Gilded Age Chicago, Silver Age Moscow, and Meiji Osaka», а также «Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington, and Kyiv». Книга «Second Metropolis» переведена на русский и украинский языки. В украинском переводе появилась также книга «Creating Diversity Capital». Монография «Washington's UStreet: A Biography» издана в 2010 г.

Саган Галина (Киев, Украина) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Киевского университета имени Бориса Гринченко. Научные публикации: 2 монографии, свыше 50 научных статей и учебно-методических работ в украинских и заграничных изданиях. Сфера научных интересов: история и культура славянских стран, международные отношения в сфере культуры, украинская диаспора на Балканах, украинистика в южнославянских странах.

Семенова Лидия (Челябинск, Россия) – профессор кафедры «Маркетинговые коммуникации» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), доктор педагогических наук, Действительный член Академии имиджелогии (академик). Область научных и профессиональных интересов: корпоративный, персональный, профессиональный имидж; проблемы подготовки специалистов в области связей с общественностью.

Степико Екатерина (Киев, Украина) – аспирантка Национального института стратегических исследований, отдел гуманитарной политики Национального института стратегических исследований, Украина.

Терешкович Павел (Минск, Беларусь; Вильнюс, Литва) – Ph.D., историк и культурный антрополог, профессор Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва). Сфера нучных интересов: исследует проблемы теории и истории национализма в Беларуси и Центрально-Восточной Европе.

Информация для авторов

К рассмотрению принимаются оригинальные статьи (до 80 тыс. знаков), рецензии (до 20 тыс. знаков) и переводы (при наличии авторских прав). Материалы необходимо представлять на русском языке и присылать их по адресу: perekrestki@ehu.lt

Статьи должны сопровождаться:

1) краткой (до 250 слов) аннотацией на английском языке с указанием (на англ.) имени и фамилии автора, названия статьи и 5–7 ключевых слов;

2) сведениями об авторе на русском языке. В сведениях об авторе просим указать: город/страну, ученую степень и звание (если имеется), институциональную принадлежность (если имеется), сферу научных интересов.

Материалы необходимо присылать в формате «doc» или «rtf». Литература и сноски оформляются в конце статьи в разделах: «Литература» и «Примечания». При цитировании и ссылках на авторов в тексте необходимо указывать в скобках автора, год издания книги, если необходимо – страницу, например: (Дюркгейм 1912: 23) или (Geerz 1996). Полная информация о книге должна находиться в разделе «Литература», в котором необходимо указывать только те источники, на которые есть ссылки в тексте.

Guidelines for Authors

"Perekrestki" invites qualified researches and reviewers to publish the articles, reviews and translations contribute to the journal's issues.All materials must be submitted in Russian, electronic form, format Microsoft Word (doc. or rtf.): articles are normally 80000–90000 symbols, reviews – up to 20000 symbols. Texts should be e-mailed to perekrestki@ehu.lt.

All article submissions must be accompanied by:

1) a 250-word abstract (in English) with the author's full name (first the given name, then the last name of the author in English), the title of the article and 5–7 keywords;

2) information about author in Russian (city/country, scientific degree and rank (if available), institutional affiliation (if available), research interests).

References and footnotes should be presented at the end of the article in the sections: "Works cited" and "Notes". Citations and references to authors are referred to in the text by giving the author's surname, the year of publication and the page numbers if necessary, for example, (Durkheim, 1912:23) or (Geerz, 1996). Full information on the book should be presented in the section "Works Cited" in which it is necessary to specify only the sources which are referred to in the text.

Примеры оформления литературы, сносок (Examples of Citations and Footnotes)

Книга (A book)

1. Инишев, И.Н. 2007. *Чтение и дискурс: трансформации герменевтики.* Вильнюс: ЕГУ. С. 28.

2. Ершов, П.М. *Искусство толкования.* В 2 ч. Дубна: Феникс, 1997. Ч. 1: Режиссура как практическая психология. Ч. 2: Режиссура как художественная критика.

3. Купала, Я. 1997. *Поўны збор твораў.* Мінск: Маст.

Глава в книге (A chapter from the book)

1. Петрушонис, В. 2006. Средства оперирования контекстом в процессе культурной идентификации. В: *Американские исследования*: Ежегодник, 2004–2005. Под ред. Ю.В. Стулова. Минск: Пропилеи. С. 394–404.

Перевод (Translation)

1. Макинтайр, А. 2000. После добродетели. Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.

2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 145.

Статья (Article)

1. Michele Lamont, Virag Molnar. The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. № 28. 2002. P. 167–195.

2. Белякова, Н. Эволюция церковно-государственных отношений в западных республиках СССР в период Перестройки // Вестник РУДН. М. Серия «История России». 2009. № 2.С. 111–120.

3. Pavardenis, V.; Pavardenyté, V. 1995. “Philosophy in Lithuania”, Journal of Identity 33(2): 231–245.

Электронный ресурс (Electronic Resource)

1. Бурдьё, П. Начала. Choses dites. М., 1994 // Социальное пространство и символическая власть. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/burde.htm

2. Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З // Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.pravo.by/WEBNPA/text.asp?RN=H10000361

3. Аузан, А. Публичная лекция «Экономические основания гражданских институтов», 19 мая 2004. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.polit.ru/lectures/2004/05/19/auzan.html

ЦЕНТР ПЕРЕДОВЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр передовых научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

- интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;
- организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;

- создание сети партнерских образовательных и исследовательских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;
- создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
- содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

- проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
- осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
- проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
- издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
- издание сборника работ стипендиатов CASE;
- издание монографий по проблематике CASE;
- создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
- создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

- теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
- исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
- политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
- Пограничье и проблемы европейской безопасности;
- национальная идентичность в условиях Пограничья;
- социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
- регионы Пограничья в условиях глобализации.